
THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

БРАТЧИНА.

БРАТЧИНА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 10 декабря 1859 года.

Цензоръ *К. Обертъ.*

Бывшіе студенты Императорскаго Казанскаго Университета на обѣдѣ 5-го ноября 1857 положили издать въ пользу недостаточныхъ студентовъ этого заведенія учено-литературный сборникъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Помѣстить въ немъ статьи, написанныя лицами, получившими образованіе въ Казанскомъ Университетѣ.

2) Издержки по изданію покрыть сборомъ денегъ по подпискѣ, къ которой приглашены всѣ бывшіе студенты Казанскаго Университета.

3) Вырученныя отъ продажи деньги немедленно отправить по назначенію.

4) Просить *перваго студента* Казанскаго Университета Сергѣя Тимофеевича Аксакова дать названіе сборнику.

5) Редакцію сборника поручить П. Мельникову.

Покойный Сергѣй Тимофеевичъ Аксаковъ предложилъ назвать сборникъ «Братчиной» и доставилъ для него статью «Собираніе бабочекъ» — одно изъ послѣднихъ произведеній извѣстнаго нашего писателя.

Съ 5-го ноября 1857 года до сего времени на изданіе «Братчины» поступили деньги отъ слѣдующихъ лицъ: отъ А. М. Кня-

жевича 100 руб., П. А. Булгакова 50 р., А. С. Киндякова 25 р., П. А. Шестакова (изъ Вологды) 20 р., отъ И. Х. Нордстрема и Х. Х. Нордстрема по 15 р., отъ Ѳ. М. Отсолига, г. Эйлера, г. Веретенникова, А. П. Безобразова, А. В Попова и П. И. Мельникова по 10 р., отъ г. Маршалова, А. И. Артемьева, В. П. Перцова, Е. К. Огородникова, Н. И. Второва, М. Н. Ахматова, Н. П. Безобразова (изъ Орла), М. Я. Китарры (изъ Москвы) по 5 р., отъ г. Уржумцова 3 р., отъ И. В. Базилева (изъ Уфы) доставлено пожертвованныхъ бывшими казанскими студентами, находящимися въ Оренбургской губерніи, 144 р. Всего 472 рублей.

Расходы по изданію книги, напечатанной въ числѣ 1500 экземпляровъ были слѣдующіе: за наборъ и печать 258 р., за корректуру 18 р., за бумагу 166 р. за брошюровку 30 р. Всего 472 р.

Всѣ экземпляры «Братчины» сданы книгопродавцу А. И. Давыдову (*) на коммиссію съ обыкновенною уступкою 20% и съ условіемъ, чтобы по мѣрѣ выручки денегъ за продажу экземпляровъ онъ отправлялъ ихъ прямо отъ себя въ Казанскій Университетъ.

Этотъ отчетъ прилагается здѣсь для свѣдѣнія лицъ, принимавшихъ участіе въ изданіи» Братчины».

Вторая часть «Братчины» будетъ напечатана, когда соберется достаточная для того сумма.

(*) С.-Петербургъ. Невскій проспектъ. Домъ Завѣтнова противъ Арсенала Аничкова Дворца.

П. МЕЛЬНИКОВЪ.

5 ноября 1859 г.

СОБИРАНІЕ БАБОЧЕКЪ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ СТУДЕНТСКОЙ ЖИЗНИ.

С. Т. АКСАКОВА.

СОБИРАНІЕ БАБОЧЕКЪ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ СТУДЕНТСКОЙ ЖИЗНИ.

Собираніе бабочекъ было однимъ изъ тѣхъ увлеченій моей ранней молодости, которое, хотя не долго, но за то со всею силою страсти владѣло мною и оставило въ моей памяти глубокое, свѣжее до сихъ поръ впечатлѣніе. Я любилъ натуральную исторію съ дѣтскихъ лѣтъ; книжка на русскомъ языкѣ (которой названія не помню), съ лубочными изображеньями звѣрей, птицъ, рыбъ, попавшаяся мнѣ въ руки еще въ гимназіи, съ благоговѣньемъ, отъ доски до доски, была выучена мною наизусть. Увидѣвъ, что въ книжкѣ нѣтъ того, что̀ при первомъ взглядѣ было замѣчаемо моимъ дѣтскимъ пытливымъ вниманіемъ, я самъ пробовалъ описывать звѣрковъ, птичекъ и рыбокъ, съ которыми мнѣ довелось покороче познакомиться. Это были ребячьи попытки мальчика, которому каждое пріобрѣтенное имъ самимъ знаніе казалось новостью, никому неизвѣстною, драгоцѣннымъ и важнымъ открытіемъ, которое надобно записать и сообщить другимъ. Съ умиленіемъ смотрю я теперь на эти двѣ тетрадки въ четверку, изъ толстой синей бумаги, какой въ настоящее время и отыскать нельзя. На страничкахъ этихъ тетрадокъ дѣтскимъ почеркомъ и слогомъ описаны: зайчикъ, бѣлка, болотный куликъ, куличекъ-

*

зуекъ, *неизвѣстный* куличекъ, плотичка, пескарь и лошокъ; очевидно, что мальчикъ-наблюдатель познакомился съ ними первыми. Вскорѣ я развлекся множествомъ другихъ, новыхъ и еще болѣе важныхъ интересовъ, которыми такъ богата молодая жизнь; развлекся, и пересталъ описывать своихъ звѣрковъ, птичекъ и рыбокъ. Но горячая любовь къ природѣ и живымъ твореніямъ, населяющимъ Божій міръ, не остывала въ душѣ моей, и черезъ пятьдесятъ лѣтъ, обогащенный опытами охотничьей жизни страстнаго стрѣлка и рыбака, я оглянулся съ любовью на свое дѣтство—и попытки мальчика осуществилъ шестидесятилѣтній старикъ: вышли въ свѣтъ «Записки объ уженьѣ рыбы» и «Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи».

Еще въ ребячествѣ моемъ, я получилъ изъ «Дѣтскаго Чтенія» понятіе о червячкахъ, которые превращаются въ куколокъ или хризалидъ и наконецъ въ бабочекъ. Это, конечно, придавало бабочкамъ новый интересъ въ моихъ глазахъ; но и безъ того я очень любилъ ихъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ насѣкомыхъ, населяющихъ Божій міръ, изъ всѣхъ мелкихъ тварей, ползающихъ, прыгающихъ и летающихъ — бабочка лучше, изящнѣе всѣхъ. Это, по истинѣ, «порхающій цвѣтокъ», или расписанный чудными яркими красками, блестящими золотомъ, серебромъ и перламутромъ, или испещренный неопредѣленными цвѣтами и узорами, не менѣе прекрасными и привлекательными; это милое, чистое созданіе, никому не дѣлающее вреда, питающееся сокомъ цвѣтовъ, который сосетъ оно своимъ хоботкомъ, у иныхъ коротенькимъ и толстымъ, а у иныхъ длиннымъ и тоненькимъ, какъ волосъ, свивающимся въ нѣсколько колечекъ, когда нѣтъ надобности въ его употребленіи. Какъ радостно первое появленіе бабочекъ весною! Обыкновенно это бываютъ бабочки крапивныя, бѣлыя, а потомъ и желтыя. Какое одушевленіе придаютъ онѣ природѣ, только что просыпающейся къ жизни, послѣ жестокой, продолжительной зимы, когда почти нѣтъ еще ни зеленой травы, ни листьевъ, когда видъ голыхъ деревьевъ и увядшей прошлогодней осенней растительности былъ бы очень печаленъ, еслибъ благодатное тепло и мысль, что скоро все зазеленѣетъ, зацвѣтетъ,

что жизненные соки уже текутъ изъ корней, вверхъ по стволамъ и вѣтвямъ древеснымъ, что ростки молодыхъ травъ и растеній уже пробиваются изъ согрѣтой, влажной земли,—не успокоивала, не веселила сердца человѣческаго.

Въ 1805 году, какъ извѣстно, былъ утвержденъ уставъ Казанскаго университета, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣдовало его открытіе; между немногими преподавателями, начавшими чтеніе университетскихъ лекцій, находился ординарный профессоръ натуральной исторіи Карлъ Ѳедоровичъ Фуксъ, читавшій свой предметъ на французскомъ языкѣ. Это было уже въ началѣ 1806 года. Хотя я свободно читалъ и понималъ французскія книги, даже отвлеченнаго содержанія, но разговорный языкъ и вообще изустная рѣчь профессора сначала затрудняли меня; скоро, однако, я привыкъ къ нимъ и съ жадностью слушалъ лекціи Фукса. Много способствовало къ ясному пониманію то обстоятельство, что Фуксъ читалъ по Блуменбаху, печатные экземпляры котораго, на русскомъ языкѣ, находились у насъ въ рукахъ. Книга эта, въ трехъ частяхъ, называется «Руководство къ Естественной Исторіи Д. Іон. Фридр. Блуменбаха, Геттингенскаго Университета Профессора и Великобританскаго Надворнаго Совѣтника, съ нѣмецкаго на россійскій языкъ переведенное исторіи естественной и гражданской и географіи учителями: Петромъ Наумовымъ и Андреемъ Теряевымъ, печатано въ привилегированной типографіи у Вильковскаго. Въ Санкпетербургѣ 1797 года».

Между слушателями Фукса былъ одинъ студентъ Василій Тимьянскій, который и прежде охотнѣе всѣхъ насъ занимался языками, не только французскимъ и нѣмецкимъ, но и латинскимъ, за что и былъ онъ всегда любимцемъ бывшаго у насъ въ высшихъ классахъ въ гимназіи преподавателя этихъ языковъ учителя Эриха. Эрихъ былъ сдѣланъ адъюнктъ-профессоромъ и читалъ въ университетѣ латинскую и греческую литературу. Личность адъюнкта Эриха, который, какъ всѣ говорили, имѣлъ глубокія познанія въ древнихъ и новыхъ языкахъ, была въ высшей степени каррикатурна и забавна, а русской языкъ онъ такъ коверкалъ, что безъ смѣха нельзя было его слушать. Впрочемъ, къ

русскому языку онъ обращался только въ крайности, видя иногда, что ученикъ не понимаетъ его, хотя онъ для лучшаго уразуменія прибѣгалъ уже ко всѣмъ ему извѣстнымъ языкамъ. Эрихъ даже и фамиліи наши переиначивалъ по своему: Студента Безобразова, наприм., звалъ «геръ Абразанцовъ», а меня то «геръ Аксаевъ», то «геръ Ачаковъ» и никогда Аксаковъ, хотя очень меня зналъ, потому что не рѣдко бывалъ у адъюнкта Г. И. Кар., у котораго я прежде жилъ. Тимьянскій передразнивалъ Эриха въ совершенствѣ. Я также умѣлъ нѣсколько передразнивать своего наставника, и мы съ Тимьянскимъ нерѣдко потѣшали студентовъ, представляя встрѣчу на улицѣ и взаимныя привѣтствія нашихъ адъюнктъ-профессоровъ. Но виноватъ! воспоминанія юношества увлекли меня въ сторону, возвращаюсь къ предмету моего разсказа. Этотъ студентъ Тимьянскій, считавшійся у насъ первымъ латинистомъ и, вѣроятно, знавшій тогда не очень много по латини, скоро обратилъ на себя вниманіе Фукса, понравился ему за свою латинь и сталъ ѣздить къ нему на квартиру: Фуксъ нанималъ прекрасный домъ Жмакина на Арскомъ полѣ. Однажды Тимьянскій при мнѣ разсказывалъ, что видѣлъ у профессора большое собраніе многихъ насѣкомыхъ и въ томъ числѣ бабочекъ, и что Фуксъ обѣщалъ выучить его, какъ ихъ ловить, раскладывать и сушить. Въ эту самую минуту я только что воротился въ университетъ съ кулачнаго боя, который видѣлъ первый разъ въ моей жизни. Это было въ январѣ или февралѣ 1806 года. Я самъ въ свою очередь горячо разсказывалъ товарищамъ о видѣнномъ мною и пропустилъ мимо ушей слова Тимьянскаго.

Тогда въ Казани происходили по зимамъ, на льду большаго озера Кабана, знаменитые кулачные бои между Татарскими слободами и Русскими суконными слободами, состоявшими изъ крѣпостныхъ крестьянъ помѣщика Осокина; и Татарскія и Русскія слободы были поселены по противоположнымъ берегамъ озера Кабана (*). Бои эти доходили иногда до ожесточе-

(*) Татарскія и Суконныя Слободы существуютъ и понынѣ; но крѣпостные крестьяне уже откупились и записались въ мѣщане. *С. А.*

нія, и, конечно, къ обыкновенной горячности бойцевъ примѣшивалось чувство національности. Бой, который видѣлъ я, происходилъ однако въ должныхъ границахъ и по правиламъ, которыя нарушались только тогда, когда случалось одолѣвать Татарамъ. Бойцы, выстроившись въ двѣ стѣны, одна противъ другой, на порядочномъ разстояніи, долго стояли въ бездѣйствіи и только одни мальчишки выскакивали съ обѣихъ сторонъ на нейтральную середину и бились между собою, подстрекаемые насмѣшками или похвалами взрослыхъ; наконецъ вышелъ впередъ извѣстный боецъ Абдулка, и сейчасъ явился передъ нимъ также извѣстный боецъ Никита; Татаринъ полетѣлъ съ ногъ и вмѣсто него выросъ другой. Между тѣмъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ начали биться по-парно разные бойцы. Удача была сначала равная: падали Татары, падали и Русскіе. Вставая, кто держался за бокъ, кто за скулу, а иныхъ и уносили. Вдругъ съ страшнымъ крикомъ Татары бросились стѣной на стѣну — и завязалась ужасная, вполнѣ рукопашная драка; но Татары держались не долго. Скоро попятили ихъ назадъ и они побѣжали. Русскіе преслѣдовали ихъ до береговъ Кабана и съ торжествомъ воротились. Мнѣ сказывали, что когда случалось одолѣвать Татарамъ, то они преслѣдовали Русскихъ даже въ ихъ избахъ и что тутъ-то вновь возстановлялся ожесточенный бой, въ которомъ принимали участіе и старики и женщины и дѣти: дрались уже чѣмъ ни попало. Такая схватка всегда оканчивалась бѣгствомъ Татаръ.

Весною 1806 года я узналъ, что Тимьянскій, вмѣстѣ съ студентомъ Кайсаровымъ, уже начинаютъ собирать насѣкомыхъ, и что способъ собиранія, то есть, ловли бабочекъ, и доски для раскладыванія ихъ, держутъ они въ секретѣ. Тогда только вспомнилъ я, что уже слышалъ объ этомъ. Вдругъ загорѣлось во мнѣ сильное желаніе самому собирать бабочекъ. Я сообщилъ объ этомъ другу моему, студенту А. И. Панаеву, и возбудилъ въ немъ такую же охоту. Сначала я обратился къ Тимьянскому съ просьбой научить меня производству этого дѣла; но онъ не согласился открыть мнѣ секрета, говоря, что тогда откроетъ его, когда сдѣлаетъ значительное собраніе, а только показалъ мнѣ нѣсколько

экземпляровъ высушенныхъ бабочекъ и насѣкомыхъ. Это воспламенило меня еще больше, и я рѣшился сейчасъ ѣхать къ профессору Фуксу, который былъ въ тоже время докторъ медицины и начиналъ практиковать. Я пріѣхалъ къ нему подъ предлогомъ какого-то выдуманнаго нездоровья. Въ кабинетѣ у профессора я увидѣлъ висящіе по стѣнамъ ящики, въ которыхъ за стеклами торчали воткнутыя на булавкахъ, превосходно сохраненныя и высушенныя, такія прелестныя бабочки, какихъ я и не видывалъ. Я пришелъ въ совершенный восторгъ и поспѣшилъ объяснить кое-какъ Фуксу мою страстную любовь къ естественной исторіи и горячее желаніе собирать бабочекъ, прося его въ тоже время научить меня, какъ приступить къ этому дѣлу. Профессоръ былъ очень доволенъ и охотно разсказалъ мнѣ всѣ подробности этого искусства, не мудренаго, но требующаго осторожности, терпѣнія и ловкости. Онъ тутъ же показалъ мнѣ всѣ нужные инструменты, какъ для ловли бабочекъ, такъ и для раскладыванія ихъ. Я зналъ, что Панаевъ на все это будетъ гораздо искуснѣе меня: онъ былъ великій мастеръ на всѣ механическія, мелкія ручныя работы, — и потому выпросилъ позволеніе у Фукса привести къ нему на другой же день Панаева съ нѣсколькими живыми бабочками, которыхъ профессоръ обѣщалъ при насъ же разложить для сушки. А какъ я хотѣлъ не только ловить бабочекъ, но и собирать гусеницъ, для того, чтобы бабочки выводились у меня дома, то Фуксъ объяснилъ мнѣ и снабдилъ меня наставленіями, какъ различать червяковъ, изъ которыхъ должны выводиться бабочки, отъ тѣхъ червей, изъ которыхъ выводятся другія разныя насѣкомыя, какъ ихъ содержать, чѣмъ кормить и вообще какъ съ ними обращаться. Мы съ Панаевымъ также рѣшились хранить въ тайнѣ наше предпріятіе не только отъ Тимьянскаго, но и отъ всѣхъ другихъ студентовъ. На другой день, наловивъ кое-какихъ бабочекъ въ саду, отправились мы къ Фуксу, который при насъ же разложилъ двухъ бабочекъ, а третью далъ разложить Панаеву, желая, чтобы онъ первый опытъ сдѣлалъ у него на глазахъ. Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: взявъ бабочку снизу осторожно за грудь большимъ и указательнымъ пальцами, Фуксъ сжалъ ее довольно крѣпко; это

нужно для того, чтобы бабочка лишилась чувствъ, не билась крылушками и не сбивала съ нихъ цвѣтную пыль. Для этого сжатія имѣлись особые стальные щипчики; но Фуксъ сказалъ и показалъ намъ, что мы можемъ обойтись и безъ нихъ. Потомъ онъ взялъ булавку, величина которой должна быть соразмѣрна величинѣ бабочки, и прокололъ ей спинку сверху внизъ, выпустивъ конецъ булавки на столько, на сколько было нужно для втыканья его въ дерево. Пропустивъ кончикъ булавки сквозь карточку, онъ слегка нагрѣлъ его на свѣчкѣ: предосторожность необходимая для того, чтобы тѣло насѣкомаго присохло и не вертѣлось на булавкѣ. Потомъ взялъ гладкую липовую дощечку (липовая мягче другихъ), съ вынутыми во всю ея длину ложбинками (*): пошире для бабочекъ, у которыхъ брюшко потолще, и поуже для тѣхъ, у которыхъ туловище тоньше. Въ одну изъ такихъ ложбинокъ, Фуксъ опустилъ туловище бабочки и воткнулъ конецъ булавки на столько, чтобы крылушки пришлись какъ разъ къ поверхности дощечки. Наконецъ онъ взялъ узенькія полоски почтовой бумаги, нарочно для того нарѣзанныя, наложилъ одну изъ нихъ на верхнее и нижнее крылья бабочки, прикрѣпилъ вверху булавкой, и особымъ инструментомъ, похожимъ на длинную иглу или шило (большая длинная булавка можетъ всегда замѣнить его), расправилъ имъ крылья бабочки, сначало одно, а потомъ другое, ровно и гладко, такъ, чтобы верхнее не закрывало нижняго, а только его касалось; въ заключеніе прикрѣпилъ, то есть, воткнулъ булавку въ нижній конецъ бумажки и въ дерево. Очевидно, что все умѣнье и ловкость заключались въ расправленіи крыльевъ бабочки: надобно было ихъ не прорвать, не измять и не стереть съ нихъ пыль. Черезъ нѣсколько дней бабочка высохнетъ; тогда бережно снимаются съ нее бумажки и бабочка перемѣщается въ ящикъ или шкапъ, въ которомъ она должна храниться. Третью бабочку разложилъ Панаевъ и съ перваго раза такъ искусно, что Фуксъ, повторяя безпрестанно: «*Bien, très bien, parfaitement bien*», провозгласилъ наконецъ торжественно: «*Optime!*»

(*) Теперь это дѣлается иначе: дощечки прорѣзываются насквозь и вмѣсто дна вставляется пробка. *С. А.*

И вотъ закипѣла у насъ съ Панаевымъ молодая, пылкая дѣятельность! Липовыя сухія доски и дощечки гладко выструганы подъ личнымъ присмотромъ моего товарища, а ложбинки искусно и ловко вынуты имъ самимъ; отысканы толстыя, такъ называемыя, *фунтовыя* булавки для раскладки и прикрѣпленія бабочкиныхъ крыльевъ; нашли и плотную почтовую бумагу, которая не прорывалась, какъ это случалось у Фукса. Рампетки для ловли бабочекъ сдѣлали двухъ сортовъ: однѣ съ длинными флеровыми или кисейными мѣшочками, другія натянутыя, какъ рампетки, которыми играютъ въ воланъ. Рампеткой перваго вида надобно было подхватывать бабочку на лету и завертывать ее въ мѣшечкѣ, а рампеткой втораго вида надобно было сбивать бабочку на землю, въ траву, или накрывать ее, сидящую на какомъ нибудь цвѣткѣ или растеніи. Первый способъ очевидно лучше: пыль съ бабочки стирается меньше; но дѣйствовать рампеткою съ мѣшечкомъ требовалось больше ловкости и проворства. Въ два дня все было готово и, благодаря неусыпнымъ, горячимъ хлопотамъ моимъ, а также стараньямъ и умѣнью моего товарища, все было придумано и устроено гораздо лучше, чѣмъ у профессора Фукса.

Раскладываніе бабочекъ Панаевъ рѣшительно взялъ на себя: разложивъ ихъ еще нѣсколько экземпляровъ, онъ сталъ совершеннымъ мастеромъ въ этомъ дѣлѣ. Ловлю бабочекъ за городомъ мы положили производить вмѣстѣ, кромѣ какихъ нибудь особенныхъ случаевъ; а воспитаніе червей, до превращенія ихъ въ хризалиды, отыскиваніе готовыхъ куколокъ, и храненіе и тѣхъ и другихъ, до превращенія ихъ въ бабочки, я принялъ уже на свое попеченіе. Кромѣ того, что я имѣлъ особенную охоту къ наблюденію за жизнью и нравами всего живущаго въ природѣ, меня подстрекнули слова Фукса, который сказалъ, что бабочки, выводящіяся дома, будутъ самыми лучшими экземплярами, потому что сохранятъ всю первородную яркость и свѣжесть своихъ красокъ; что бабочки, начавъ летать по полямъ, подвергаясь дождямъ и вѣтрамъ, уже теряютъ нѣсколько, то есть стираютъ или стряхиваютъ съ себя цвѣтную пыль, которою, въ видѣ крошечныхъ чешуекъ, бываютъ покрыты ихъ крылья, когда онѣ только что выползутъ

изъ скорлупы хризалиды, или куколки, и расправятъ свои сжатые члены и сморщенныя крылушки.

Оставивъ адъюнктъ-профессора Л. С. Левицкаго, у котораго я не въ силахъ былъ прожить болѣе двухъ мѣсяцевъ, о чемъ сказано подробнѣе въ моихъ «Воспоминаніяхъ», я жилъ тогда, въ первый разъ въ моей жизни, самъ по себѣ, полнымъ хозяиномъ, на собственной квартирѣ. Я нанималъ флигель у какого-то обрусѣлаго нѣмца Ег. Ив. Германа, сынъ котораго, Александръ, былъ нѣкогда моимъ гимназическимъ товарищемъ, а теперь служилъ въ Казанскомъ Почтамтѣ; онъ жилъ у меня во флигелѣ и часто бывалъ моимъ спутникомъ, даже руководителемъ, на всѣхъ общественныхъ и народныхъ гуляньяхъ, до которыхъ былъ большой охотникъ. Въ настоящее время, то есть весною, въ Казани происходило обыкновенное ежегодное и оригинальное гулянье, и вотъ по какому поводу: какъ только выступитъ изъ береговъ Волга и затопитъ на нѣсколько верстъ (иногда болѣе десяти) свою луговую сторону, она сливается съ озеромъ Кабаномъ, лежащимъ отъ нея, кажется, верстахъ въ трехъ, и пополнивъ его неподвижныя воды, устремитъ ихъ въ каналъ, или протокъ, называемый Булакъ (мелкій, тинистый и вонючій лѣтомъ), который, проходя сквозь всю нижнюю часть Казани, соединяется съ рѣкой Казанкой (*). Цѣлыя стаи большихъ лодокъ, нагруженныхъ разнымъ мелкимъ товаромъ, пользуясь водопольемъ, приходятъ съ Волги черезъ озеро Кабанъ и буквально покрываютъ Булакъ. Казанскіе жители всегда съ нетерпѣньемъ ожидаютъ этого времени, какъ единственной своей ярмарки, и вѣсть: «лодки пришли», мгновенно оживляетъ весь городъ (**). По берегамъ Булака устроивается

(*) Водополье озера Кабана, по особенному положенію его мѣстности, очень замѣчательно. Кабанъ, въ который стекается множество весеннихъ ручьевъ со всего города и сосѣднихъ окрестностей, очень рано оттаиваетъ отъ береговъ и спускаетъ излишнюю воду по Булаку въ рѣку Казанку, а потомъ, когда, вышедъ изъ береговъ, разливается Казанка и становится выше его уровня, Булакъ принимаетъ обратно мутныя и быстрыя волны этой рѣки; Волга же, разливаясь всегда позднѣе всѣхъ меньшихъ рѣкъ, снова заставляетъ переполненныя воды Кабана, опять по Булаку, устремляться въ Казанку.

Этимъ любопытнымъ наблюденіемъ и вообще свѣдѣніями о настоящемъ состояніи Казани, а также новѣйшими свѣдѣніями по натуральной исторіи, обязанъ я молодому ученому, недавно оставившему Казанскій Университетъ, Н. П. Вагнеру. *С. А.*

(**) Эта весенняя ярмарка продолжается и теперь, даже въ большихъ размѣрахъ, какъ мнѣ сказывали; вся же мѣстность торга на водахъ и берегахъ Булака получила общее названіе «Биржи». *С. А.*

шумное гулянье; публика и народъ толпятся по его грязнымъ и гадкимъ набережнымъ, точно какъ въ Москвѣ подъ Новинскимъ, на Святой Недѣлѣ. Между множествомъ разнаго товара, между апельсинами и лимонами, привозится огромное количество посуды фарфоровой, стеклянной и глиняной муравленой, то есть покрытой внутри и снаружи, или только внутри, зеленымъ лакомъ. Въ числѣ посуды привозятъ много глиняныхъ и стеклянныхъ ребячихъ игрушекъ, какъ-то: уточекъ, гуськовъ, дудочекъ и брызгалокъ. Въ это время по всѣмъ казанскимъ улицамъ и особенно около Булака, толпы мальчишекъ и дѣвчонокъ, всѣ вооруженные новыми игрушками, купленными на лодкахъ, съ радостными лицами и какимъ-то бѣшенымъ азартомъ, бѣгаютъ, свистятъ, пищатъ или пускаютъ фонтанчики изъ брызгалокъ, обливая водою другъ друга и даже гуляющихъ, и это продолжается съ мѣсяцъ. Видъ такого, чисто-народнаго торга и гулянья, куда аристократія Казани пріѣзжаетъ только полюбоваться на толпу, смѣсь одеждъ татарскихъ и русскихъ, городскихъ и деревенскихъ, — очень живописны. Мы съ Германомъ часто посѣщали Булакъ, и Германъ очень былъ огорченъ, когда я вдругъ объявилъ ему, что не намѣренъ болѣе шататься по Булаку, что у меня другое на умѣ, что все свободное время я буду посвящать собиранію бабочекъ, воспитанію гусеницъ и отыскиванію хризалидъ и что буду очень радъ, если онъ станетъ помогать мнѣ. Герману ненравилось мое намѣреніе, ему пріятнѣе и выгоднѣе было имѣть меня своимъ товарищемъ на гуляньяхъ, но дѣлать было нечего, и онъ волею-неволею согласился быть моимъ помощникомъ въ новыхъ моихъ занятіяхъ. Комнатъ было у меня довольно и я назначилъ одну изъ нихъ, совершенно отдѣльную, исключительно для помѣщенья, на особыхъ столахъ, стеклянныхъ ящичковъ съ картонными крышками, картонныхъ коробокъ и даже большихъ стеклянныхъ банокъ, въ которыхъ должны были сидѣть разные черви или гусеницы, достаточно снабженные тѣми травами и растеньями, которыя служили имъ обыкновенной пищей. Для того, чтобы воздухъ могъ проходить въ ящики и коробочки, крышки ихъ были всѣ исколоты толстой булавкой. То же сдѣлалъ я съ бумагою, которою обвязыва-

лись стеклянныя банки. Въ этихъ мелкихъ и скучныхъ хлопотливыхъ приготовленіяхъ, Германъ былъ точно моимъ помощникомъ. Впослѣдствіи, когда собраніе гусеницъ сдѣлалось довольно многочисленно, въ комнатѣ, гдѣ жили червяки, распространился сильный и противный запахъ, такъ что безъ раствореннаго окна въ ней нельзя было долго оставаться, а я любилъ по долгу наблюдать за моими питомцами; Германъ же пересталъ и ходить туда; увѣрялъ даже, что во всемъ флигелѣ воняетъ червями, что было совершенно несправедливо. Для денныхъ, сумеречныхъ и ночныхъ хризалидъ были назначены особые ящики. Квартира моя имѣла еще то удобство, что находилась на какомъ-то пустырѣ, окруженномъ съ двухъ сторонъ оврагами, идущими къ рѣкѣ Казанкѣ и заросшими травою. Я немедленно осмотрѣлъ ихъ съ большимъ вниманіемъ и, къ удовольствію моему, увидѣлъ, что тамъ летаютъ разныя бабочки. У Панаева, который жилъ на Черномъ озерѣ, вмѣстѣ съ четырьмя братьями, въ собственномъ домѣ, былъ подъ руками тоже довольно большой садъ, превращенный частью въ огородъ, совершенно запущенный, что, однако, не мѣшало залетать туда бабочкамъ. Благодаря такимъ благопріятнымъ для насъ обстоятельствамъ, мы съ Панаевымъ, въ первые два дня, не выходя еще за-городъ, поймали съ десятокъ такихъ бабочекъ, которыя, хотя были довольно обыкновенны, но могли уже съ честью занять свое мѣсто въ нашемъ собраніи. Я сказалъ, что мы рѣшились было вести наше дѣло по секрету отъ всѣхъ товарищей. Но, увы! какія тайны сохраняются строго! На другой же день знали въ университетѣ о нашемъ предпріятіи. (Вѣроятно, разболтали меньшіе братья Панаева, Владиміръ и Петръ, которые были тогда своекоштными гимназистами). Мы рѣшились болѣе не скрываться, да и Тимьянскій съ Кайсаровымъ послѣдовали нашему примѣру; но тѣмъ неменѣе между нами установилось открытое соперничество. Собраніе Тимьянскаго имѣло уже то преимущество, что было старѣе нашего и успѣло собрать до 30-ти экземпляровъ, тогда, когда у насъ не было еще ни одного; но мы имѣли болѣе свободнаго времени, болѣе средствъ и скоро потомъ сравнялись съ своими соперниками. Впослѣдствіи

студенты раздѣлились на двѣ стороны, изъ которыхъ одна болѣе хвалила собраніе бабочекъ у казенныхъ студентовъ, а другая у своекоштныхъ, то есть у меня и Панаева. — Какъ нарочно, нѣсколько дней не удалось намъ попасть за-городъ, въ рощи и сады за Арскимъ полемъ. Мое нетерпѣніе возрастало съ каждымъ часомъ. Я, даже не испытавъ еще настоящимъ образомъ удовольствіе ловить бабочекъ особенно рѣдкихъ, или почему нибудь замѣчательныхъ,—я уже всею душою, страстно, предался новому увлеченію, и въ это время, кромѣ отыскиванія червяковъ, хризалидъ и ловли бабочекъ, ничего не было у меня въ головѣ: Панаевъ раздѣлялъ мою новую охоту, но всегда въ границахъ спокойнаго благоразумія. Наконецъ, въ одинъ воскресный или праздничный день, рано по утру, для чего Панаевъ ночевалъ у меня, потому что я жилъ гораздо ближе къ Арскому полю, вышли мы на свою охоту, каждый съ двумя рампетками: одна крѣпко вставленная въ деревянную палочку была у каждаго въ рукахъ, а другая, запасная, безъ ручки, висѣла на снуркѣ черезъ плечо. У каждаго также висѣлъ картонный ящикъ, въ который можно было класть пойманныхъ бабочекъ. Едва ли когда нибудь, сдѣлавшись уже страстнымъ ружейнымъ охотникомъ, послѣ продолжительнаго ненастья, продержавшаго меня нѣсколько дней дома, выходилъ я въ такомъ упоительномъ восторгѣ, съ ружьемъ и легавой собакой, въ изобильное первокласною, благородною дичью, болото!... Да и какой весенній день сіялъ надъ нашими молодыми головами! Солнце изъ-за рощи выходило къ намъ на встрѣчу и потоками пылающаго свѣта обливало всю окрестность. Какъ будто земля горѣла подъ нашими ногами, такъ быстро пробѣжали мы Новую Горшечную улицу и Арское поле.... (*) И вотъ онъ наконецъ передъ нами, старый, заглохшій садъ, съ темными, вѣковыми липовыми аллеями, съ своими ветхими заборами, съ своими цвѣтистыми полянами, садъ, называв-

(*) Арское поле теперь почти не существуетъ: оно все застроено улицами и домами; даже бывшее на немъ стародавнее, трехдневное гулянье, начинавшееся съ Троицына дня и продолжавшееся всегда дней пять, перенесено на другое мѣсто. *С. А.*

шійся тогда Болховскимъ (*). Хоръ птичьихъ голосовъ, заглушаемый соловьиными пѣснями, поразилъ сначала мой слухъ, но я скоро забылъ о немъ. Мы остановились съ Панаевымъ, чтобы перевести духъ и условиться въ нашихъ поискахъ. Мы рѣшились пройти первую представившуюся намъ, широкую поляну, вмѣстѣ, то есть на разстояніи шаговъ ста одинъ отъ другаго. Только тронулся я съ мѣста по росистому лугу, въ одну минуту промочившему мои ноги, какъ увидѣлъ, что Панаевъ побѣжалъ и началъ что-то ловить своей рампеткой. Я забылъ наше условіе, чтобы не сходиться другъ съ другомъ, если другой не будетъ звать, и чтобы никогда обоимъ не гоняться за одной добычей. Я опрометью прибѣжалъ къ Панаеву и увидѣлъ, что онъ точно ловитъ какую-то красивую бабочку, никогда мною не виданную. Я бросился ему помогать, не смотря на его крикъ, чтобы я ушелъ прочь, чтобы я не мѣшалъ ему. Но увы, это было уже поздно. Бабочка, испуганная нашимъ преслѣдованьемъ, особенно потому, что я забѣжалъ ей встрѣчу, поднялась вверхъ столбомъ и, перепорхнувъ черезъ аллею, скрылась отъ нашихъ глазъ. Панаевъ очень сердился и очень журилъ меня и положительно сказалъ, что если я въ другой разъ такъ поступлю, то онъ никогда вмѣстѣ со мной ходить не будетъ. — Онъ увѣрялъ, что бабочка была необыкновенно красива и что едва ли это не была Приса или Глазчатая Нимфа. Я очень огорчился, очень раскаивался, очень досадовалъ на себя и далъ искреннее обѣщаніе, даже побожился, что впередъ этого никогда не будетъ. Я въ точности сдержалъ обѣщаніе. — Мы разошлись опять, каждый на свою черту въ назначенномъ разстояніи, и я скоро увидѣлъ, что Панаевъ опять побѣжалъ. Въ самое то время, какъ товарищъ мой, что-то поймавъ, остановился и сталъ вынимать изъ мѣшечка рампетки, когда мнѣ стоило большаго труда, чтобы не прибѣжать къ нему, не узнать, не посмотрѣть, что̀ онъ поймалъ, — мелькнула передъ моими глазами, бросая отъ себя по травѣ и цвѣтамъ дрожащую и порхающую тѣнь,

(*) Сады Болховской и рядомъ съ нимъ Нееловскій существуютъ и теперь, но прежнихъ ихъ именъ никто уже не знаетъ: они составляютъ садъ Родіоновскаго Института Благородныхъ Дѣвицъ. *С. А.*

большая бабочка, темная, но блестящая на солнцѣ, какъ эмаль. Я бросился ее преслѣдовать и очень счастливо, очень скоро поймалъ; руки у меня дрожали отъ радости и я не вдругъ могъ подавить слегка грудку моей плѣнницы, чтобы привесть ее въ обморочное состояніе: безъ этой печальной, необходимой предосторожности, она стала бы биться въ ящикѣ и испортила бы свои бархатныя крылушки. Эту денную бабочку я сейчасъ узналъ: она находилась уже въ собраніи у Тимьянскаго и была въ точности опредѣлена по Блуменбаху и утверждена Фуксомъ; она называлась Антіопа. Но какимъ жалкимъ образомъ описываетъ ее Блуменбахъ: «Антіопа, бабочка Нимфа, полосатая, у коей крылья угольчатыя, черныя, съ бѣлесоватымъ краемъ.» Вотъ и все. Ну какое понятіе можно получить изъ этого описанія? Ктому же и полосъ на ней никакихъ нѣтъ. Тогда какъ Антіопа, не смотря на скромныя свои краски, уже по величинѣ своей принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ русскихъ бабочекъ; темно-кофейныя, блестящія, лаковыя ея крылья, по изобилію цвѣтной пыли, кажутся бархатными, а къ самому брюшку или туловищу покрыты какъ будто мохомъ или тоненькими волосками рыжеватаго цвѣта; края крыльевъ, и верхняго и нижняго, оторочены блѣдно-желтою, палевою, довольно широкою зубчатою коемкою, вырѣзанною фестончиками; такого же цвѣта двѣ коротенькихъ полоски находятся на верхнемъ краѣ верхнихъ крыльевъ, а вдоль палевой коймы, по обоимъ крыльямъ, размѣщены яркія, синія пятнушки; глаза Антіопы и булавообразные усы, сравнительно съ другими бабочками, очень велики; все тѣло покрыто темнымъ пухомъ; исподъ крыльевъ не замѣчателенъ: по темному основанію онъ исчерченъ бѣлыми тонкими жилочками (*). Я былъ очень доволенъ, что у насъ есть Антіопа. Поймавъ

(*) Всѣ описанія бабочекъ составлены мною или съ натуры, или съ рисунковъ, или по Блуменбаху, поправленному и дополненпому нами тогда же. Въ описаніяхъ моихъ можетъ встрѣтиться разница съ описаніями натуралистовъ. Она происходитъ оттого, что многія денныя бабочки имѣютъ два вылета: весенній и осенній, чего мы тогда не знали. Краски весеннихъ бабочекъ блѣднѣе (ибо онѣ перезимовали), а осеннихъ гораздо ярче. Вообще, я не поправляю нашихъ тогдашнихъ ошибочныхъ понятій и взглядовъ на науку. Въ 50 лѣтъ она ушла далеко. *С. А.*

еще нѣсколько бабочекъ, неизвѣстныхъ мнѣ по имени, которыхъ я или вовсе не видывалъ, или видѣлъ издалека, сошелся я наконецъ съ Панаевымъ. Онъ также поймалъ Антіопу и такихъ же яркоголубыхъ и краснозолотистыхъ маленькихъ бабочекъ, какія были и у меня въ ящичкѣ; я сверхъ того нашелъ нѣсколько червей, изъ которыхъ одинъ, очень мохнатый, извѣстный подъ именемъ Поповой Собаки, обѣщалъ очень красивую сумеречную бабочку. Гусеницъ бабочки я узнавалъ по тому, что онѣ имѣютъ обыкновенно восемь паръ ногъ. Очень довольные такимъ началомъ, мы сѣли отдохнуть подъ непроницаемой тѣнью старыхъ липъ и даже позавтракали, потому что имѣли предусмотрительность запастись хлѣбомъ и сыромъ. Позавтракавъ, мы разошлись въ разныя стороны, назначивъ мѣсто, гдѣ мы должны сойтись. Болховской садъ былъ намъ хорошо извѣстенъ; мы хаживали въ него гулять, а также и въ другой, кажется, рядомъ съ нимъ лежащій, Нееловскій садъ.

Я не видалъ этихъ садовъ пятьдесятъ-два года. Они представляются мнѣ теперь огромными и таинственными, и нѣкоторыя мѣста совершенно глухими и непроходимыми. Легко быть можетъ, что они совсѣмъ не таковы и даже не велики. Мнѣ не разъ случалось увидать въ совершенныхъ лѣтахъ, послѣ долгаго промежутка, то мѣсто, гдѣ въ ранней молодости часто гулялъ, или тотъ домъ, въ которомъ я долго жилъ; всегда я бывалъ пораженъ тѣмъ, что находилъ ихъ миніатюрными въ сравненіи съ тѣми образами, которые жили въ моей памяти. Я боюсь, чтобы того же не случилось съ садами Болховскимъ и Нееловскимъ, и потому предупреждаю моихъ читателей, что я пишу обо всѣхъ предметахъ такъ, какъ они казались мнѣ за пятьдесятъ лѣтъ.

Побродивъ довольно долго по полянамъ и луговинамъ, и поймавъ довольно бабочекъ, нѣкоторыхъ вовсе мнѣ неизвѣстныхъ, и предполагая, что иныя изъ нихъ, по оригинальности цвѣтовъ и формъ, должны быть замѣчательными, я занялся отыскиваніемъ червяковъ, хризалидъ и ночныхъ бабочекъ, которыя привлекали меня къ себѣ больше, чѣмъ денныя. Находя червяка, я всегда срывалъ растеніе или вѣтку того куста или дерева, на которомъ

находилъ его, для того, чтобы знать, чѣмъ кормить. Червяковъ или гусеницъ я могъ бы набрать много; но сажать ихъ было некуда, ящичекъ былъ уже довольно полонъ и я пустился отыскивать хризалидъ и ночныхъ бабочекъ: я осматривалъ для этого исподъ листьевъ всякой высокой и широколиственной травы, осматривалъ старыя деревья, ихъ дупла и всякія трещины и углубленія въ корѣ; наконецъ осматривалъ полусгнившіе мѣстами заборы, ихъ щели и продолбленные столбы. Успѣхъ превзошелъ мои ожиданія, и я долженъ былъ прекратить мои поиски, за неимѣніемъ мѣста, куда класть добычу. Я поспѣшилъ на условленное мѣсто и нашелъ тамъ Панаева, который уже давно меня дожидался. По его веселому лицу я угадалъ, что его ловля была удачна. Панаевъ ничего не хотѣлъ мнѣ разсказать, да и меня не сталъ слушать, говоря: «если мы еще промѣшкаемъ, то многія бабочки, у которыхъ грудки слишкомъ сильно сжаты, высохнутъ и раскладывать ихъ будетъ невозможно.» Хотя мнѣ очень хотѣлось отдохнуть, но причины были такъ важны и убѣдительны, что я сейчасъ согласился, и мы отправились домой, т. е. прямо къ Панаеву, на Черное Озеро, чтобы немедленно воспользоваться плодами нашей ловли, и можетъ быть съ перваго раза затмить нашихъ соперниковъ. Эта мысль подкрѣпила наши силы и мы шли бодро, разсказывая другъ другу свои подвиги, удачи и неудачи, и закусывая все это на ходу оставшимся у насъ хлѣбомъ. Боже мой, какъ весело было наше возвращеніе! Братья Панаева, двое старшихъ и двое младшихъ (старшіе были также студенты), съ нетерпѣніемъ насъ ожидали. Они всѣ принимали живое участіе въ собираніи бабочекъ. Напоивъ насъ квасомъ, потому что мы умирали отъ жажды, посадили насъ сейчасъ за работу. Панаевъ долженъ былъ раскладывать самыхъ лучшихъ бабочекъ, или такихъ, какихъ у насъ еще не было, а мнѣ предоставлялись дубликаты, также бабочки обыкновенныя и оборотныя: оборотными у насъ назывались тѣ, которыя раскладывались и сушились обороченныя вверхъ исподомъ своихъ крыльевъ. Въ полныхъ учебныхъ собраніяхъ всегда такъ дѣлалось по словамъ Фукса; но у насъ это было исключеніе для тѣхъ бабочекъ, у ко-

торыхъ исподъ довольно красивъ; есть такія, у которыхъ нижняя сторона даже лучше верхней (*).

При разборѣ наловленныхъ бабочекъ, оказалось, что мы оба съ Панаевымъ, особенно я, по моей торопливости и горячности невсегда въ надлежащей мѣрѣ сдавливали имъ грудки: нѣкоторыя совершенно отдохнули, вѣроятно бились и, по тѣснотѣ помѣщенія, потерлись, то есть, сбили пыль со своихъ крылушекъ; по счастію, лучшія бабочки сохранились хорошо. Собраніе наше увеличилось двадцатью новыми экземплярами, изъ которыхъ половина была тогда же опредѣлена нами по Блуменбаху, выученному почти наизусть; остальныхъ же мы никакъ отыскать не могли, потому что Блуменбахъ очень кратокъ въ своихъ описаніяхъ и неточенъ, да къ тому же многихъ родовъ бабочекъ въ немъ вовсе не находится. Напримѣръ, у него ни слова не сказано о маленькихъ голубыхъ и о ранжево-золотистыхъ бабочкахъ, блестящихъ, совершенно какъ эмаль, серебристымъ и золотистымъ блескомъ. Бабочки эти положительно денныя и появляются иногда во множествѣ. Точно такую голубую бабочку я видѣлъ одинъ разъ большую; но къ сожалѣнію поймать ее не могъ.

Вотъ тѣ бабочки, которыхъ можно было опредѣлить съ достовѣрностью. Денныя: *Капустная бабочка* (*Brassicae*) (**), съ черными кончиками и такими же двумя черными пятнушками; исподъ крыльевъ желтоватый; ее не надобно смѣшивать съ обыкновенной капустной бабочкой, которая имѣетъ нѣсколько видовъ. ***Бабочка Іо или Глазчатая Нимфа***, довольно большая, очень красивая и рѣдкая; крылушки у ней угловато-зубчатыя, цвѣтомъ темновишневыя; на каждомъ крылѣ находится по большому глазку голубовато-лиловаго цвѣта, по которому съ боку идутъ по пяти маленькихъ бѣлыхъ пятнушекъ. Глазки на верхнихъ крыльяхъ имѣютъ не полный, желтый ободочекъ, а глазки на

(*) Теперь это дѣлается иначе, какъ я узналъ отъ Н. П. В.: ящикъ имѣетъ стеклянное дно и, обернувъ его, можно видѣть исподъ бабочкиныхъ крыльевъ. Такъ устроены собранія насѣкомыхъ, принадлежащія казанскимъ ученымъ Эверсману и Бутлерову. *С. А.*

(**) Эти бабочки теперь не попадаются въ Казани.

нижнихъ крыльяхъ — темный. Исподъ крыльевъ темный. Оторочка крыльевъ черная. На верхнихъ крыльяхъ, возлѣ глазковъ, послѣ темнаго промежутка, ближе къ туловищу, находится по желтоватому пятну или короткой полоскѣ. ***Бабочка Галатея*** (*Galathea*), имѣющая крылушки зубчатыя, испещренная по блѣдно-палевому цвѣту черными пятнушками. На переднихъ крыльяхъ, съ-испода, находится по одному, а на нижнихъ по пяти или болѣе безцвѣтныхъ очковъ или кружечковъ. Она также теперь въ Казани не попадается. ***Бабочка С.*** (*C. Album*); ее поймалъ Панаевъ. Этой бабочкѣ мы очень обрадовались, потому что, читая ея описаніе, намъ казалось очень страннымъ, даже невѣроятнымъ: какъ это у бабочки на крыльяхъ изображена бѣлой краской буква *С.*, да еще и съ точкой? Эта бабочка средней величины, крылушки у ней по краямъ вырѣзаны уголками или городками; цвѣтомъ желтовато-красная, съ черными клѣтками и пятнушками, а на нижнихъ крыльяхъ, по темному полю, съ-испода, очень ярко означена бѣлымъ цвѣтомъ буква *С.*, и возлѣ нее бѣлая же точка. ***Бабочка Аглая*** (*Aglaia*), какъ называетъ ее Блуменбахъ, называлась у насъ со словъ профессора Фукса *перламутровою.* Крылья у ней кругловатыя, жолто-бурыя, съ черными пятнушками, правильно расположенными, какъ будто въ графахъ; исподъ же крыльевъ, по Блуменбаху, «имѣетъ на каждой сторонѣ по 21-му пятну серебрянному», но въ дѣйствительности цвѣтъ ихъ похожъ не на серебро, а на перламутръ. Ихъ даже нельзя назвать пятнами, а гораздо будетъ точнѣе, если сказать, что исподъ крыльевъ этой бабочки весь перламутровый, расчерченный темными полосками на клѣточки разной величины и фигуры, изъ коихъ нѣкоторыя кругловаты. ***Бабочка Проскурняковая (Malvæ),*** названная такъ по тому, что водится на полевыхъ рожахъ или проскурнякѣ; она имѣетъ темныя крылья съ бѣлыми пятнами, зубчатыя по краешкамъ. Сумеречныхъ находилось три бабочки и одна ночная. Первая изъ нихъ называется *Олеандровая сумеречная бабочка* (*Nerii*), и хотя сказано у Блуменбаха, что она водится на олеандрѣ, слѣдовательно не должна жить въ Россіи, но ея, зеленаго цвѣта, угловатыя крылья, съ разными, то блѣд-

ными, то темными, то желтоватыми повязками, описанныя вѣрно у Блуменбаха, не оставляютъ сомнѣнія, что это она, и что она живетъ въ Казанской губерніи (*). *Молочайная сумеречная бабочка (Euphorbiæ)* имѣетъ довольно большія бурыя крылья; на переднихъ лежитъ поперекъ блѣднорозовая, а на заднихъ красная струя или повязка: очень красива. *Бабочка барашекъ (Filipendulæ),* въ двухъ видахъ. У Блуменбаха описанъ только первый видъ, большей величины, и она названа *не настоящею сумеречною бабочкою,* вѣроятно потому, что хотя у нее крылушки длинны и она складываетъ ихъ, какъ сумеречная бабочка, въ треугольникъ, но усы толстые, булавообразные (**) и летаетъ она хотя мало, но днемъ, а въ сумерки мнѣ не случалось ее видѣть. Она очень красива, и я, завидя ее перелетывающую перелетомъ изумрудныхъ букашекъ, не счелъ бабочкой; когда же она сѣла на траву, то я разглядѣлъ ее и пришелъ въ восхищенье! Верхнія крылушки у ней точно бархатъ, зеленоватыя, отливаютъ голубымъ глянцомъ, и каждое крыло имѣетъ шесть ярко-пунцовыхъ точекъ или пятнушекъ, а нижнія крылушки гораздо меньше верхнихъ, чисто пунцовыя, съ узкой черной каемкой; все тѣло зеленовато-голубое съ отливомъ. Второй видъ *Барашка* былъ пойманъ Панаевымъ; онъ нѣсколько поменьше, верхнія крылушки коричнево-зеленоватыя, съ такими же красивыми пятнушками, а нижнія блѣдно-розовыя или желтовато-розовыя. Этими бабочками мы долго гордились, потому что наши соперники не могли долго достать ихъ. Но я всего болѣе радовался *Хмѣлевой ночной бабочкѣ (Humuli),* которую нашелъ въ дуплѣ старой липы. У нее была совершенно совиная головка, тѣло красно-желтое, а крылья бѣлыя, какъ снѣгъ, съ верхней стороны, а съ испода темно-бурыя; въ добавокъ она

(*) Родъ Сфинкса. Около Казани ее уже нѣтъ и она встрѣчается не ближе Сарепты. *С. А.*

(**) Вѣроятно, память обманываетъ меня: булавообразныхъ усовъ у Барашка, по всѣмъ рисункамъ, нѣтъ, а есть обыкновенные усики сумеречныхъ бабочекъ: широкіе въ срединѣ и узенькіе къ концамъ. *С. А.*

была такъ свѣжа, какъ будто сейчасъ вывелась. По Блуменбаху это былъ самецъ; самка же красновато-желтаго цвѣта.

Разложивши бабочекъ, досыта налюбовавшись ими и пообѣдавъ на скорую руку съ другомъ моимъ Панаевымъ (братья его давно уже отобѣдали, зная напередъ, что мы вернемся поздо), я поспѣшилъ домой: мнѣ нужно было размѣстить моихъ червячковъ и куколокъ; и тѣхъ и другихъ нашлось до тридцати штукъ. Хризалидъ денныхъ бабочекъ я старался развѣсить на (*) стѣнкахъ или приклеить къ верхней крышкѣ ящика, который нарочно открывался съ боку; но это было очень трудно сдѣлать, потому что клейкая матерія, похожая на шолкъ-сырецъ, которою червячки приклеиваютъ свой задъ къ исподу травяныхъ и древесныхъ листьевъ, а въ дуплахъ и щеляхъ—къ дереву, уже высохла, и хотя я снималъ хризалидъ очень бережно, отдѣляя ножечкомъ приклейку, но будучи намочена, она уже теряла клейкость, не приставала и не держалась даже и на стѣнкахъ ящичка, не только на верхней крышкѣ. Въ послѣдствіи Панаевъ придумалъ приклеивать ихъ вишневымъ клеемъ, чѝ вышло очень удобно. Куколокъ же сумеречныхъ бабочекъ, закутанныхъ въ какомъ-то пухѣ или гнѣздѣ, и куколокъ ночныхъ бабочекъ, которыхъ было у меня всего двѣ и которыя лежали въ кругловатыхъ яичкахъ, оболочка которыхъ была очень крѣпка, — я положилъ въ особый ящичекъ, прикрылъ ихъ расщипанной хлопчатой бумагой и защитилъ отъ вліянія свѣта, потому что ночныхъ хризалидъ всегда находишь въ густой тѣни.

На другой день поутру явились мы съ Панаевымъ въ университетъ, за полчаса до начала лекцій, чтобы успѣть разсказать о своихъ пріобрѣтеніяхъ и чтобы узнать, удачна ли была ловля нашихъ соперниковъ: мы знали, что они также собирались идти за городъ. Признаться, мы думали похвастаться своей добычей и предполагали, что преимущество останется на нашей сторонѣ. Но только мы вошли въ дортуары, какъ нѣсколько человѣкъ сту-

---

(*) Потому что они сами всегда устроиваютъ себя въ висячемъ положеніи. *С. А.*

дентовъ, принимавшихъ болѣе живое участіе въ предпріятіи Тимьянскаго и Кайсарова, встрѣтили насъ громкими восклицаніями: «ну, господа, какихъ бабочекъ поймалъ Тимьянскій съ Кайсаровымъ, такъ это чудо! Вамъ ужь эдакихъ не достать; и какую пропасть наловили всякихъ рѣдкихъ насѣкомыхъ! Они и теперь возятся съ ними на верху, въ аудиторіи Фукса; даже Кавалера Подалиріуса достали!» (*) Мы съ Панаевымъ были очень озадачены и смущены такимъ извѣстіемъ. Особенно Кавалеръ, какъ громомъ поразилъ насъ. Тутъ узнали мы отъ своихъ словоохотливыхъ товарищей, что вчера Тимьянскій и Кайсаровъ, вмѣстѣ еще съ тремя студентами Поповымъ, Петровымъ и Кинтеромъ, уходили на цѣлый день за городъ къ Хижицамъ и Зилантову Монастырю (извѣстное мѣсто, верстахъ въ 4 или 5 отъ Казани), что они брали съ собой особый большой ящикъ, въ которомъ помѣщались доски для раскладыванія бабочекъ и сушки другихъ насѣкомыхъ, что всего они набрали штукъ 70. Мы поспѣшили на верхъ и тамъ своими глазами убѣдились, что торжество было на сторонѣ нашихъ противниковъ. Они поймали по нѣскольку экземпляровъ всѣхъ бабочекъ, пойманныхъ вчера мною и Панаевымъ, кромѣ Барашковъ и Хмѣлевой ночной бабочки; да сверхъ того болѣе десяти неизвѣстныхъ намъ видовъ, въ томъ числѣ двухъ Кардамонныхъ бабочекъ, бывающихъ не каждый годъ въ окрестностяхъ Казани; но что всего важнѣе: они поймали Кавалера Подаліріуса. Когда я взглянулъ на него, во всей красѣ и величинѣ разложеннаго на доскѣ, со шпорами на заднихъ крыльяхъ, сердце у меня забилось отъ удовольствія и зависти! Надобно сказать, что во всемъ многочисленномъ царствѣ бабочекъ, находится по Блуменбаху только четыре Кавалера; первый изъ нихъ называется: «Пріамъ, бабочка Кавалеръ Троянскій (такъ говоритъ Блуменбахъ), у коего крылья зубчатыя, пушистыя, сверху зеленыя, съ черными полосками, а заднія съ шестью черными пятнами. Водится въ Амбоинѣ. Онъ, такъ какъ и слѣдую-

(*) У Блуменбаха, въ русскомъ переводѣ, онъ названъ *Подалирій*, но мы всегда произносили по латини: *Podalirius*. *С. А.*

щая порода, есть самое большое великолѣпное насѣкомое». Второй: «Улисъ, бабочка Кавалеръ Ахивскій, у коего крылья бурыя съ хвостиками (то есть со шпорами), а верхняя ихъ сторона синяя, блестящая и съ зубчиками. Заднія крылья имѣютъ по семи глазковъ. Водится также въ Амбоинѣ.» Уже изъ этого краткаго и скуднаго описанія можно себѣ вообразить, что за красивыя, прелестныя созданія эти два Кавалера. Фуксъ видѣлъ ихъ и говорилъ, что они величиною съ летучую мышь, и такъ хороши, что трудно описать (*). «Третій Кавалеръ, Махаонъ, и четвертый, Подалиріусъ, водятся въ Европѣ» — и одного то изъ нихъ удалось поймать нашимъ соперникамъ! Незная тогда, что послѣдніе два вида Кавалеровъ водятся вездѣ въ Россіи и что они не слишкомъ рѣдки, мы съ Панаевымъ не могли не завидовать счастію Тимьянскаго, поймавшаго чуднаго Подаліріуса.

Тимьянскій видѣлъ наше смущеніе и съ торжествующей улыбкой сказалъ: «Вотъ, господа, я вамъ показываю всѣхъ нашихъ бабочекъ, покажите же и вы намъ своихъ». Панаевъ отвѣчалъ, что экземпляровъ у насъ мало, слѣдовательно показывать нечего, но что пожалуй мы привеземъ завтра или послѣ завтра, когда бабочки всѣ высохнутъ, особенно одна очень толстая Хмѣлевая бабочка. «Развѣ у васъ есть Ночная Хмѣлевая? спросилъ Тимьянскій съ удивленіемъ; вѣдь это рѣдкость!» Я отвѣчалъ, что есть, что я нашелъ ее въ дуплѣ и совершенно свѣжею, то есть не потертою. Замѣтно было, что Тимьянскій въ свою очередь позавидовалъ Хмѣлевой бабочкѣ; это насъ утѣшило. Когда же мы вышли, то Панаевъ весело сказалъ мнѣ: «А видѣлъ ли ты, какъ нечисто, неопрятно разложены у нихъ всѣ бабочки? Вѣдь онѣ нашимъ въ слуги не годятся!» Хотя я не обращалъ на это обстоятельство особеннаго вниманія, но тутъ припомнилъ, что Панаевъ совершенно правъ, — и мы оба, успокоенные, бодро отправились слушать профессорскія лекціи.

(*) Теперь считается до десяти видовъ кавалеровъ, водящихся въ Европѣ; китайскія же бабочки (*Aglia* и *Strex*) превосходятъ ихъ величиною въ четверо. *С. А.*

На другой же день намъ удалось умножить наше собраніе еще тремя сумеречными необыкновенно-красивыми бабочками, которыхъ и воткнуть иначе было нельзя, какъ на самыя тоненькія кружевныя булавочки, по миніатюрности ихъ тѣла. При раскладкѣ ихъ, Панаевъ вполнѣ выказалъ свою ловкость и умѣнье. Я поймалъ ихъ въ оврагахъ около моей квартиры, куда заглянулъ случайно. Солнце было еще высоко, а въ оврагахъ была уже тѣнь и сумеречныя бабочки начали летать.

Черезъ два дня повезли мы нашъ ящикъ, съ тридцатью пятью экземплярами бабочекъ, въ университетъ, на показъ своимъ товарищамъ. Въ одну минуту всѣ сошлись смотрѣть ихъ, и конечно всякій видѣлъ превосходство нашего собранія относительно цѣлости, свѣжести и правильности раскладки нашихъ бабочекъ; особенно нельзя было не удивляться маленькимъ, прелестнымъ ночнымъ бабочкамъ, казавшимся совершенно живыми, потому что крошечныхъ булавочекъ, на которыхъ онѣ торчали, совсѣмъ было незамѣтно. Къ этому надо прибавить, что ящикъ, внутренняя его оклейка, стекло, петли и замокъ—все было прекрасно, благодаря попеченіямъ Панаева. Разумѣется, наружность бросилась въ глаза всѣмъ; но Тимьянскій очень хорошо видѣлъ, понималъ и цѣнилъ, такъ сказать, внутреннее достоинство нашего собранія. Не безъ досады и, можетъ быть, зависти, онъ холодно хвалилъ нашихъ бабочекъ, особенно Ночную Хмѣлевую и Барашковъ, но сдѣлалъ замѣчаніе, что бабочки слишкомъ вычурно разложены, какъ-то на показъ, и что имъ дано неестественное положеніе. Если въ послѣднемъ обвиненіи была своя доля правды, то это не наша вина: этотъ способъ былъ принятъ всѣми натуралистами. Я поспѣшилъ сказать о томъ въ наше оправданіе и прибавилъ въ оправданіе натуралистовъ, что денныя бабочки часто принимаютъ точно такое положеніе, въ какомъ раскладываются; что, конечно, сумеречныя и особенно ночныя бабочки, когда сидятъ, не расширяютъ своихъ крыльевъ, а складываютъ ихъ повислымъ треугольникомъ, такъ что нижнихъ крыльевъ подъ верхними не видно; но если ихъ такъ и высушивать, то онѣ потеряютъ половину своей красоты, потому что

нижнія крылья бываютъ часто красивѣе верхнихъ, и что, глядя на такой экземпляръ, не получишь настоящаго понятія о бабочкѣ. «Да ты развѣ не также раскладываешь?» сказалъ Панаевъ. «Верхнія крылушки у тебя также приподняты, а только нижнія висятъ. Это развѣ естественное положеніе?» Но Тимьянскій несоглашался и доказывалъ, что его способъ раскладыванія гораздо натуральнѣе; многіе приняли его сторону, многіе нашу, изъ этого вышелъ споръ и мы разстались съ своими соперниками, хотя безъ явнаго неудовольствія, но съ холодностію. Въ послѣдствіи они прозвали насъ «богачами-щеголями» и называли такъ даже въ глаза, что, признаюсь, было мнѣ очень досадно, особенно потому, что было совершенно несправедливо; ящикъ нашъ, пожалуй, можно было назвать щеголеватымъ, но нисколько не богатымъ; все достоинство заключалось въ чистотѣ отдѣлки, до чего Панаевъ былъ большой охотникъ и за чѣмъ самъ заботливо смотрѣлъ. Одинъ изъ студентовъ, принадлежавшій къ противной партіи, Михайло Пестяковъ, прозвалъ наше собраніе бабочекъ «Дворянскимъ». Это прозвище также было въ ходу, потому что, какъ нарочно, всѣ наши противники были разночинцы, отъ которыхъ мы съ Панаевыми отличались въ гимназіи красными воротниками; это было очень прискорбно, потому что прежде у насъ никогда не было слышно ни одного слова и даже намека на различіе сословій. Благодаря Бога, всѣ эти, нѣсколько-непріятныя отношенія въ послѣдствіи исчезли, и мы уже соперничали дружески въ общемъ дѣлѣ, не завидуя другъ другу. Кромѣ бабочекъ, которыхъ у Тимьянскаго было болѣе 50-ти, онъ набралъ уже около сотни разныхъ насѣкомыхъ; нѣкоторыя блистали яркими радужными красками, особенно изъ породы жуковъ, Божьихъ коровокъ, Шпанскихъ мухъ, и также изъ породы Коромысловъ; а нѣкоторыя отличались особенностью и странностью своего наружнаго вида; но всѣ онѣ мнѣ не нравились и даже были противны. Бабочки, бабочки! — вотъ къ чему я привязывался съ каждымъ днемъ болѣе.

При первой возможности, мы съ Панаевымъ отправлялись за городъ; посѣтили садъ Нееловскій, Госпитальный и даже садъ

Чемесова, который былъ, впрочемъ, не за городомъ, а на краю города: бабочекъ въ послѣднемъ мы нашли мало, но за то долго любовались на сотни кроликовъ, которымъ былъ отведенъ во владѣніе довольно высокій пригорокъ или холмъ (не умѣю сказать, натуральный или искусственный), обнесенный кругомъ крѣпкимъ заборомъ. Кроликовъ развелось тамъ невѣроятное множество; вся гора была изрыта ихъ норами; они бѣгали цѣлыми стаями и очень забавно играли между собой; но при первомъ шумѣ или стукѣ, который мы отъ времени до времени нарочно производили, эти трусливые звѣрки пу́гались и прятались въ свои норы (*).

Мы ходили съ Панаевымъ также на пасѣку или посѣку и находящіяся по обѣимъ ея сторонамъ гористыя мѣста, или, лучше сказать, глубокіе овраги, оброставшіе тогда молодымъ лѣскомъ, за которыми въ послѣдствіи утвердилось названіе Казанской Швейцаріи, данное нами, т. е. казанскими студентами. До сихъ поръ эти мѣста служатъ любимымъ гуляньемъ для жителей Казани. Я слышалъ даже, что это мѣсто раздѣляется на двѣ половины: одна называется Нѣмецкою, другая Русскою Швейцаріею; послѣдняя ближе къ городу. Поиски наши были болѣе или менѣе удачны, и мы, мало по малу, пріобрѣли всѣхъ тѣхъ бабочекъ, которыя находились въ собраніи Тимьянскаго, и которыхъ намъ не доставало, кромѣ, однако, Кавалера Подалиріуса. Мы даже не имѣли надежды достать его, потому что появленіе Кавалера въ окрестностяхъ Казани считалось тогда рѣдкостью. Кавалеръ Подалиріусъ торчалъ какъ заноза въ нашемъ сердцѣ! Не скоро достали мы и Кардамонную бабочку, которая, не бу́дучи особенно ярка, пестра и красива, какъ то очень мила. Ея кругловатыя, молочной бѣлизны крылушки, покрыты какимъ то особеннымъ, нѣжнымъ пухомъ; на каждомъ верхнемъ углѣ верхняго крыла, у ней находится по одному пятну яркаго оранжеваго́ цвѣта, а исподъ нижнихъ крыльевъ — зеленовато-пестрый. Но самыми красивыми бабочками можно было назвать, во-первыхъ, бабочку *Ирису*; крылья у ней нѣсколько зуб-

(*) Чемесовъ садъ существуетъ и теперь, но находится въ большомъ запущеніи, и кроликовъ уже давно нѣтъ. *С. А.*

чатыя, блестящаго темно-бураго цвѣта, съ яркимъ синимъ яхонтовымъ отливомъ; верхнія до половины перерѣзаны бѣлою повязкою, а на нижнихъ у верхняго края находится по бѣлому очку; особенно замѣчательно, что исподъ ея крыльевъ есть совершенный отпечатокъ лицевой стороны, только нѣсколько блѣднѣе. Еще красивѣе бабочка *Аталанта* или *Адмиралъ* (*Atalanta*). У ней крылья также зубчатыя, черныя съ лоскомъ, испещренныя бѣлыми пятнушками; во всю длину верхнихъ крыльевъ лежитъ повязка ярко пурпуроваго цвѣта, а на нижнихъ крылушкахъ, такая же повязка, только съ черными пятнушками, огибаетъ ихъ боковые края. Надобно признаться, что у насъ и у Тимьянскаго было много бабочекъ безъимянныхъ, которыхъ нельзя было опредѣлить по Блуменбаху и которыхъ профессоръ Фуксъ не умѣлъ назвать по русски.

Питомники мои были давно уже наполнены червяками или гусеницами, такъ что и сажать болѣе было некуда. Многіе превращались въ куколокъ, а многіе умирали, вѣроятно отъ недостатка свѣжаго воздуха или пищи. Трудно было доставать именно то растеніе, которымъ они предпочтительно питались; по большей части мы не знали, какое это растеніе, потому что незнали названія гусеницы. Я обыкновенно набиралъ всякихъ травъ и старался только чаще ихъ перемѣнять. Каждый день, по нѣскольку разъ, наблюдалъ я за моими питомцами, и это доставляло мнѣ большое наслажденіе. Тѣ червяки, которые попадались мнѣ въ періодѣ близкаго превращенія въ куколокъ, почти никогда у меня не умирали; принадлежавшіе къ породамъ бабочекъ денныхъ, всегда имѣвшіе гладкую кожу, прикрѣпляли свой задъ, выпускаемою изо рта клейкой матеріей, къ стѣнѣ или крышкѣ ящика и казались умершими, чтò сначала меня очень огорчало; но по большей части въ продолженіе сутокъ спадала съ нихъ сухая съежившаяся кожица гусеницы и висѣла уже хризалида съ рожками, съ очертаніемъ будущихъ крылушекъ и съ шипообразною грудкою и брюшкомъ; многія изъ нихъ были золотистаго цвѣта. Можно себѣ представить мою радость, когда, вмѣсто мнимо умиравшаго жалкаго червяка, вдругъ находилъ я миловидную куколку. Гусеницы

сумеречныхъ бабочекъ, болѣе или менѣе волосистыя, гдѣ нибудь въ верхнемъ уголку ящика, или подъ листомъ растенія, положеннаго для ихъ пищи, заматывали себя вокругъ тонкими нитями той же клейкой матеріи, съ примѣсью волосковъ, покрывавшихъ туловище: нитями, иногда пушистыми, какъ хлопчатая бумага, иногда покрытыми сверху бѣлымъ, нѣсколько блестящимъ лакомъ, что давало имъ видъ тонкой и прозрачной, но некрѣпкой пелены. Гусеницы ночныхъ бабочекъ, почти всегда очень мохнатыя, кромѣ немногихъ исключеній, устроивали себѣ скорлупообразныя яички или коконы, ложились въ нихъ, закрывались на-глухо и превращались въ куколокъ: у обѣихъ послѣднихъ породъ, свалившаяся сухая кожица червяка всегда лежала вмѣстѣ съ хризалидой внутри гнѣзда. Сумеречныя и ночныя куколки имѣли гладкую, овальную наружность безъ всякихъ угловатостей и выпуклостей, но также съ очертаніемъ головы, крыльевъ, усиковъ, ножекъ и брюшныхъ колецъ. Цвѣтомъ онѣ бываютъ всегда темныя, а нѣкоторыя породы ночныхъ совершенно черныя. Червяки молодые, которымъ должно было прожить до превращенія въ хризалиду опредѣленный, весьма различный срокъ времени, если не погибали отъ голода и духоты, то раза два или три перемѣняли на себѣ кожу и всякій разъ, передъ такой перемѣной, впадали въ сонъ или обморочное состояніе, не прикрѣпляя, однако, своего тѣла ни къ какому предмету. Вѣроятно, сначала я выкидывалъ нѣкоторыхъ, считая ихъ уже умершими. Обновленный червякъ, казавшійся сначала слабымъ или больнымъ, выходилъ всегда цвѣтнѣе, пушистѣе прежняго, съ невѣроятною жадностью накидывался на пищу и скоро поправлялся. Изъ числа тѣхъ хризалидъ, которыя превращались изъ червяковъ не у меня, а на волѣ, выводились иногда какіе-то летучіе тараканы, отвратительные по своей наружности. Изъ этого должно заключить, что куколки ихъ похожи на бабочкины, потому что я не могъ различить ихъ (*). Выводились также иногда бабочки уродцы:

(*) Вотъ какъ тотъ же почтенный молодой ученый, о которомъ я уже говорилъ, Н. П. В., объясняетъ это странное явленіе: «Существуетъ четырекрылое насѣкомое, называемое *Наѣздникъ;* оно кладетъ свои яица въ гусе-

съ однимъ маленькимъ крыломъ, или совсѣмъ безъ одного крыла, или съ такимъ, которое не расправлялось и оставалосъ навсегда свернутымъ въ трубочку. Фуксъ не могъ удовлетворительно объяснить мнѣ причины такихъ явленій. Я предполагаю, что хризалиды бабочекъ-уродцевъ были какъ нибудь помяты или зашибены, и что отъ того крылушко на больной сторонѣ не достигало полнаго своего развитія. Весьма часто случалось, что пойманная бабочка, по большей части, въ ту мину́ту, когда ее раскладывали почти умирающую, выпускала изъ себя множество яичекъ, изъ которыхъ впослѣдствіи образовывались крошечные червячки; это и неудивительно, потому что бабочка могла быть прежде оплодотворена; но вотъ что достойно замѣчанія, что выведшаяся у меня ночная свѣчная бабочка, черезъ нѣсколько часовъ разложенная, также при этой операціи выпустила изъ себя яички, изъ которыхъ впослѣдствіи вылупились червячки (*). Недавно открыто подобное изумительное явленіе не только въ пчелиныхъ маткахъ, но и въ рабочихъ пчелахъ (**), доказывающее глубокую экономическую предусмотрительность природы.

Когда наше собраніе бабочекъ ни въ чемъ уже не уступало собранію Кайсарова и Тимьянскаго (кромѣ, однако, Кавалера), а напротивъ въ свѣжести красокъ и въ изяществѣ раскладки имѣло большое преимущество, повезли мы съ Панаевымъ уже два ящика бабочекъ на показъ Фуксу. Профессоръ разсыпался въ похвалахъ нашему искусству и особенно удивлялся

ницы бабочекъ; вышедшіе изъ этихъ яицъ червячки живутъ въ гусеницѣ и питаются ея внутренностями, что не мѣшаетъ ей превратиться въ куколку. Въ ней совершается превращеніе червячковъ Наѣздника, которые потомъ и выходятъ изъ нее; такъ что, вмѣсто ожиданной бабочки, является отвратительная оса, или Наѣздникъ». *С. А.*

(*) Несеніе неоплодотворенныхъ яицъ, изъ которыхъ развивались гусеницы, было давно извѣстно и въ-первые подмѣчено у *Тли* и очень маленькой породы бабочекъ *Psyché*. Но мы тогда ничего этого не знали. Одновременно съ открытіемъ подобнаго явленія, о которомъ сейчасъ будетъ сказано, оно было замѣчено у Шелковичной бабочки. *С. А.*

(**) Брошюра: «Три открытія въ Естественной Исторіи пчелы», написанная незабвеннымъ, такъ рано погибшимъ, даровитымъ профессоромъ Московскаго университета, К. Ф. Рулье, напечатанная въ Москвѣ 1857 года. *С. А.*

маленькимъ сумеречнымъ бабочкамъ, которыя были также хорошо разложены, какъ и большія. Онъ очень жалѣлъ, что мы не собирали и другихъ насѣкомыхъ.

Между тѣмъ лѣто вступало въ права свои. Прошла весна. Соловей допѣлъ свои послѣднія пѣсни, да и другія пѣвчія птички почти всѣ перестали пѣть. Только воракушка еще передразнивала и перевирала голоса и крики всякихъ птицъ, да и та скоро должна была умолкнуть. Одни жаворонки, вися гдѣ-то въ небѣ, невидимые для глазъ человѣческихъ, разсыпали съ высоты свои мелодическія трели, оживляя сонную тишину знойнаго, молчаливаго лѣта. Да, прошла голосистая весна, пора беззаботнаго веселья, пѣсенъ, любви! Прошли «лѣтніе повороты», то-есть 12-ое іюня; поворотило солнышко на зиму, а лѣто на жары, какъ говоритъ русскій народъ; наступила и для птицъ пора дѣловая, пора неусыпныхъ заботъ, безпрестанныхъ опасеній, инстинктивнаго самозабвенія, самопожертвованія, пора родительской любви. Вывелись дѣти у пѣвчихъ птичекъ, надобно ихъ кормить, потомъ учить летать и ежеминутно беречь отъ опасныхъ враговъ, отъ хищныхъ птицъ и звѣрей. Пѣсенъ уже нѣтъ, а есть крикъ; это не пѣсня, а рѣчь: отецъ и мать безпрестанно окликаютъ, зовутъ, манятъ своихъ глупыхъ дѣтенышей, которые отвѣчаютъ имъ жалобнымъ, однообразнымъ пискомъ, разѣвая голодные рты. Такая перемѣна, совершившаяся въ какія-нибудь двѣ недѣли, въ продолженіе которыхъ я не выходилъ за-городъ, сильно поразила и даже опечалила меня, когда я, во второй половинѣ іюня, вмѣстѣ съ неразлучнымъ моимъ спутникомъ Панаевымъ, рано утромъ вошелъ въ тѣнистый Нееловскій садъ. — Въ прежніе годы я не замѣчалъ такой перемѣны.

На сей разъ добыча наша была незначительна. Вообще это посѣщеніе Нееловскаго сада осталось памятно для насъ неудачами и обманутыми надеждами: Панаевъ видѣлъ Кавалера, но немогъ поймать; а я совершенно испортилъ превосходную розовую ночную бабочку, названія которой незнаю, но которую очень помню, особенно потому, что въ послѣдствіи имѣлъ ее въ рукахъ. Нееловская розовая бабочка была замѣчательной величи-

ны, втрое больше розовой свѣчной, тоже ночной бабочки, которая очень обыкновенна, и часто налетаетъ на горящую свѣчку и обжигаетъ свои крылушки; а испорченная мною была рѣдкая бабочка: яркаго алаго цвѣта, бархатная пыль покрывала всѣ ея крылья, головку и туловище, но яркость эта уменьшалась тѣмъ, что вся бабочка была исчерчена тоненькими желтыми жилками. Я взялъ ее очень бережно, подавилъ грудку и какъ то уронилъ въ траву; отыскивая, я наступилъ на нее ногой—и уничтожилъ прелестное созданіе. Смѣшно вспомнить, какъ я былъ огорченъ этой потерей и какъ долго я немогъ утѣшиться. Въ 1810 году, гуляя въ Петербургѣ, въ Лѣтнемъ саду, я увидѣлъ точно такую бабочку, сидящую подъ широкимъ листомъ вѣковаго клена. По старой охотѣ, я поймалъ, разложилъ, высушилъ и подарилъ одному любителю натуральной исторіи.

Время лечитъ всякія язвы, и мы съ Панаевымъ примирились съ мыслію, что у насъ нѣтъ Кавалера, а можетъ быть и небудетъ. Тимьянскій также примирился съ общимъ мнѣніемъ, что наши бабочки лучше, и утѣшился тѣмъ, что онъ собираетъ всѣхъ насѣкомыхъ, а мы только часть ихъ, что цѣлое гораздо важнѣе части.

У насъ въ университетѣ шли экзамены, которые не имѣли и не могли имѣть формы и условій настоящихъ университетскихъ экзаменовъ. Это были семейныя, дружескія испытанія, или, лучше сказать, это было обозрѣніе всего того, что профессора успѣли прочесть, а студенты — усвоить себѣ изъ выслушаннаго ими. Раздѣленія предметовъ на факультеты не было, а слѣдовательно, не было ни курсовъ, ни переходовъ на нихъ. Конечно, это было дѣтство возникающаго университета, но тѣмъ не менѣе, тутъ было много добрыхъ, благотворныхъ началъ, прочно подвигавшихъ на пути образованности искренно желавшихъ учиться; немного было пріобрѣтено свѣденій научныхъ, на за то они вошли въ плоть и кровь учащихся, вполнѣ были усвоены ими и способствовали самобытному развитію молодыхъ умственныхъ силъ. Предметы преподаванія до того были перепутаны и совѣтъ испытателей смотрѣлъ на это такъ не строго, что, напри-

мѣръ, адъюнктъ-профессоръ И. И. Запольскій, читавшій опытную физику (по Бриссону), показывалъ на экзаменѣ наши сочиненія и заставилъ читать вслухъ, о предметахъ философскихъ, а иногда чисто литературныхъ, и это никому не казалось страннымъ. И. И. Запольскій любилъ пофилософствовать, онъ былъ послѣдователь и поклонникъ Канта; на каждой лекціи о физикѣ, онъ какъ нибудь припутывалъ «критику чистаго разума». Одинъ разъ разговорился онъ о дѣйствующей и конечной причинѣ и потомъ предложилъ намъ, чтобы каждый изъ насъ, кто понялъ его слова и кому предметъ нравится, написалъ о немъ хоть что нибудь и показалъ ему. Написали человѣкъ десять, въ томъ числѣ и я; и каково же было мое удивленіе, когда въ числѣ студентскихъ сочиненій, читанныхъ на экзаменѣ, попались и мои три странички о дѣйствующей и конечной причинѣ! Вѣроятно это было самое ребячье и поверхностное пониманіе предмета. Адъюнктъ россійскаго краснорѣчія, Л. С. Левицкій, читавшій по программѣ философію и логику, уже давно незанимавшійся своими лекціями и почти переставшій ѣздить въ университетъ, притащился однако кое какъ на экзаменъ и перепугалъ насъ своимъ болѣзненнымъ видомъ. Вмѣсто россійской словесности, онъ произвелъ экзаменъ въ логикѣ, которую прежде проходилъ съ нами по рукописной тетрадкѣ, въ самомъ сокращенномъ объемѣ: разумѣется, онъ предувѣдомилъ насъ, чтобы мы приготовились къ экзамену изъ логики. Фуксъ торжествовалъ съ своей натуральной исторіей, и наши бабочки и гусеницы и другія насѣкомыя всѣ пошли въ дѣло. Тимьянскій отличился обширностью своихъ знаній и латинскимъ языкомъ; но и мнѣ досталось разсказать о моихъ наблюденіяхъ надъ воспитаніемъ червей, превращеніемъ ихъ въ хризалиды и бабочки. Всѣ меня похвалили, даже и тѣ профессора, которые незнали ни одного русскаго слова, а я говорилъ, разумѣется, по русски. Лучшимъ экзаменомъ, безъ сомнѣнія, былъ математическій, у Г. И. Карташевскаго, но я не повиненъ былъ въ этомъ блескѣ и даже не являлся на экзаменъ. Этотъ предметъ у насъ шелъ блистательно.

По случаю экзаменовъ, заботы о собираніи бабочекъ были оставлены, да къ тому же случилось и другое обстоятельство: я сильно поссорился съ старшими братьями Панаева, съ которыми прежде всегда былъ очень друженъ; одинъ изъ нихъ, именно старшій, такъ меня обидѣлъ какимъ то грубымъ и дерзкимъ словомъ, что я вспылилъ, и въ горячноси далъ торжественное обѣщаніе не быть у нихъ въ домѣ до тѣхъ поръ, покуда виноватый предо мною товарищъ не попроситъ у меня прощенія. Панаевъ (Николай) и не думалъ просить у меня прощенія, и я цѣлую недѣлю къ нимъ не ѣздилъ. Другъ мой, Александръ Панаевъ. бывалъ у меня почти каждый день, и своими извѣстіями о старшихъ братьяхъ только усиливалъ мое оскорбленіе. Мнѣ было особенно досадно на Ивана Панаева, нашего перваго лирика; онъ былъ прекрасный товарищъ, добрый и правдивый, очень меня любилъ, въ семьѣ своей онъ считался главнымъ — и онъ не заступился за меня, не заставилъ брата извиниться передо мною, а еще его оправдывалъ. Но великія событія именно совершаются тогда, когда всего менѣе можно ожидать ихъ, и мгновенно разрубаютъ крѣпко затянутые узлы, которые безъ того не скоро, а можетъ быть и никогда, не были бы распутаны.

Въ самыхъ послѣднихъ числахъ іюня, когда наши экзамены приходили къ окончанію, воротился я изъ университета на свою квартир , и по какому-то странному побужденію, еще не пообѣдавъ, взялъ рампетку, и, не смотря на палящій зной, пошелъ въ овраги, находившіеся неподалеку отъ моего флигеля. Мнѣ захотѣлось обойти ихъ передъ обѣдомъ; почему? для чего? — и теперь не понимаю. Лишь только дошелъ я до половины ближайшаго лѣваго оврага, задыхаясь отъ жару и духоты, потому что вѣтерокъ не попадалъ въ это ущелье, какъ увидѣлъ въ двухъ шагахъ отъ себя пересѣвшаго съ одного цвѣтка на другой великолѣпнаго Кавалера.... Я такъ былъ пораженъ неожиданностью, что не вдругъ повѣрилъ своимъ глазамъ, но опомнившись, съ судорожнымъ напряженіемъ, смахнулъ рампеткой бабочку съ вершины еще цвѣтущаго рѣпейника.... Кавалеръ исчезъ; смотрю завернувшійся мѣшечекъ рампетки — и ничего въ немъ не нахожу:

онъ пустъ! Мысль, что я брежу на яву, что я видѣлъ сонъ, мелькнула у меня въ головѣ—и вдругъ вижу, въ самомъ сгибѣ флероваго мѣшка, безцѣнную свою добычу, желаннаго, прошеннаго и моленнаго Кавалера, лежащаго со сложенными крыльями, въ самомъ удобномъ положенiи, чтобы взять его и пожать ему грудку. Я торопливо это исполнилъ и, не помня себя отъ восторга, не вынимая бабочки изъ рампетки, побѣжалъ домой. Какъ исступленный закричалъ я, еще издали, своему дядькѣ Евсеичу, который ожидалъ меня у крыльца: «дрожки, дрожки!» Добрый мой Евсеичъ, испуганный моимъ голосомъ и страннымъ видомъ, побѣжалъ ко мнѣ на встрѣчу. Но я поспѣшилъ объяснить ему, въ чемъ состояло дѣло, и просилъ, умолялъ, чтобы онъ велѣлъ поскорѣе заложить мнѣ лошадь. Евсеичъ, успокоенный, покачалъ головой, улыбнулся, но пошелъ исполнить мое приказанiе. Я вошелъ въ комнату, положилъ рампетку на столъ, поглядѣлъ внимательно на свою добычу, и кажется тутъ только повѣрилъ, что это не мечта, не призракъ, что вотъ онъ, дѣйствительный Кавалеръ, пойманъ и лежитъ передо мною. Изъ предосторожности, я въ другой разъ пожалъ грудку моему Подалирiусу, бережно опустилъ его въ картонный ящичекъ, накрылъ бумажкой, а остальное пространство заложилъ хлопчатой бумагой, чтобы отъ ѣзды бабочка не могла двигаться. Евсеичъ вернулся со словами: сейчасъ заложатъ, и съ прежней улыбкой. Тутъ-то высказалъ я свою радость моему доброму дядькѣ, обнявъ и разцѣловавъ его предварительно. Хотя Евсеичъ зналъ меня вдоль и поперекъ, какъ говорится, но безумный мой восторгъ смутилъ его. Всѣ мои увѣренiя и доказательства въ важности прiобрѣтенiя Кавалера, въ необычайности событiя, что онъ залетѣлъ въ середину большаго города, что я пошелъ безъ всякой причины гулять по жару въ овраги, — дядька мой выслушалъ съ совершеннымъ равнодушiемъ. Онъ уже не улыбался, а все качалъ головой и наконецъ сказалъ: «нѣтъ, соколикъ, больно молодо, больно зелено, — надо долго еще учиться; ну, куда тебѣ на службу!» Стукъ подкатившихся дрожекъ перервалъ поучительную рѣчь Евсеича и черезъ минуту я уже скакалъ на Черное Озеро, прямо къ Панаеву. Я

живо представилъ себѣ его удивленіе и радость, особенно потому, что мы съ полчаса, какъ расстались. Долгимъ днемъ показалась мнѣ четверть часа ѣзды до Панаева. Вотъ онъ, наконецъ, бѣлый, засалённый, хорошо знакомый домъ. Взбѣгаю на крыльцо, на лѣстницу, отворяю дверь въ залу, и вижу друга моего Александра Панаева, выбѣгающаго изъ гостиной, съ окровавленнымъ лицомъ, зажавшаго одинъ глазъ рукою.... «Что съ тобой?» закричалъ я. — «Я пропалъ, съ отчаяніемъ отвѣчалъ Панаевъ: — братъ Петя нечаянно попалъ мнѣ въ самый зрачокъ глаза фарфоровымъ верешкомъ. Если я окривѣю — я застрѣлюсь. Я бѣгу къ колодцу, чтобы обмыть мой глазъ холодной водой». Мы побѣжали вмѣстѣ. Панаевъ такъ боялся увѣриться, что глазъ у него испорченъ, что красота его погибла (онъ дѣйствительно былъ красавецъ), что не вдругъ рѣшился отнять руку и промыть раненный глазъ; я упросилъ его это сдѣлать, и къ великой моей, и еще большей его, радости, я увидѣлъ, что разсѣчена только нижняя вѣка, и слегка оцарапанъ глазной бѣлокъ. Въ самую ту минуту, какъ я обнималъ и поздравлялъ моего друга съ благополучнымъ окончаніемъ такой бѣды, прибѣжали его испуганные братья, кромѣ виноватаго; я поспѣшилъ ихъ успокоить, что никакой важности нѣтъ, да они и сами въ томъ сейчасъ убѣдились. Радость была общая; мы всѣ обнялись дружески и послали за Петей, который съ испугу и съ горя залѣзъ въ какой-то чуланъ. Вдругъ Александръ Панаевъ меня спросилъ: «какъ это случилось, мой другъ, что ты пріѣхалъ въ самую ту минуту, когда разразилась было надо мной эта страшная гроза? Вѣрно сердце тебѣ сказало, и ты, забывъ все, прискакалъ на помощь къ своему отчаянному другу.» Тутъ только я вспомнилъ, что я въ ссорѣ съ братьями Панаева, что яересталъ къ нимъ ѣздить и что я поймалъ Кавалера. — «Нѣтъ, мой другъ, отвѣчалъ я: — на этотъ разъ сердце мнѣ ничего не сказало; но случилось другое обстоятельство, которое заставило меня позабыть всѣ неудовольствія: съ полчаса какъ я поймалъ у себя въ оврагѣ чудеснѣйшаго Кавалера. Вотъ онъ».... И я побѣжалъ въ залу, гдѣ оставилъ свой картонный ящичекъ на столѣ. Всѣ Панаевы съ радостными вос-

клицаніями послѣдовали за мной и когда я, открывши ящичекъ, показалъ имъ, лежащаго въ томъ же положеніи, въ самомъ дѣлѣ необыкновенно большаго и великолѣпнаго Подаліріуса, раздался новый залпъ радостныхъ восклицаній. Само собою разумѣется, что я не одинъ разъ разсказалъ, какъ совершилось это счастливое событіе. Другъ мой Александръ, примочивъ глазъ розовой водой и завязавъ его весьма щеголевато батистовымъ платочкомъ, сейчасъ сѣлъ раскладывать кавалера, который оказался совершенно цѣлымъ и нигдѣ не потертымъ. «Ну, теперь наше собраніе бабочекъ несравненно выше Тимьянскаго», сказалъ онъ съ торжествующей улыбкой. Онъ аккуратно и внимательно принялся за свою работу, а мы всѣ пятеро, тѣсно окруживъ его, не сводя глазъ и не смѣя свободно дышать, слѣдили за каждымъ движеніемъ его искусныхъ рукъ. Напрасно Панаевъ кричалъ, что мы ему мѣшаемъ, что ему отъ насъ тѣсно, жарко, чтобъ мы отошли прочь,— никто не трогался съ мѣста. Наконецъ раскладка совершилась благополучно, и я вспомнилъ, что еще не обѣдалъ. Панаевы уже успѣли пообѣдать. Не было и тѣни неудовольствія между нами, они упрашивали меня не ѣздить домой, желая угостить оставшимися блюдами; но я не могъ исполнить ихъ желанія: я не видѣлъ сегодня еще своихъ червячковъ и хризалидъ! Можетъ быть тамъ, что нибудь во что нибудь превратилось или что нибудь вывелось. Я помнилъ также, что для завтрашняго экзамена мнѣ надобно прочесть одну тетрадку. Мнѣ самому не хотѣлось разстаться въ эту минуту съ Панаевыми и (надобно признаться) съ пойманнымъ мною Кавалеромъ. Я примирилъ всѣ обстоятельства тѣмъ, что обѣщалъ въ полчаса осмотрѣть своихъ червячковъ и хризалидъ, пообѣдать и, захвативъ тетрадку съ собою, воротиться къ нимъ. Не одинъ разъ дружескіе голоса товарищей заставляли меня повторить обѣщаніе, что черезъ часъ я буду съ ними. Какъ весело сѣлъ я на дрожки и поѣхалъ въ свой уединенный флигелекъ.

Пословица говоритъ: «пришла бѣда — отворяй ворота», что̀, къ сожалѣнію, нерѣдко и случается; но за то часто бываетъ и наоборотъ: въ слѣдъ за одной радостью скоро наступаетъ другая.

Воротясь домой, только что я раскрылъ ящикъ съ хризалидами, какъ представилась мнѣ прелестная сумеречная бабочка, самой крупной породы, выведшаяся, вѣроятно, еще ночью, потому что крылушки ея были совершенно расправлены. По Блуменбаху, я могъ признать ее Крушинною (*ligustri*) сумеречною бабочкою, названною имъ такъ потому, что водится на растеніи крушинѣ, испанскомъ бузнякѣ, но я ее не опредѣляю и не называю положительно; верхнія ея крылушки у Блуменбаха вовсе не описаны. Въ послѣдствіи я убѣдился, что очень красивая гусеница этой прекрасной бабочки живетъ преимущественно на крыжовникѣ и барбарисѣ. Крылья у ней верхнія темно-сѣраго цвѣта, съ бѣлыми пятнами, или матово-бѣлыя съ темными пятнами: я потому говорю *или*, что обоихъ цвѣтовъ находится по ровну, и я не знаю, который изъ нихъ признать основнымъ; нижнія крылья красныя, какъ будто кровяныя, съ тремя черными перевязками; туловище также красное, съ черными ободочками по всему брюшку, — это довольно вѣрно описано и у Блуменбаха. Послѣ мы всегда звали эту очень красивую сумеречную бабочку Барбарисовою. Она довольно обыкновенна; но я до тѣхъ поръ ее не видывалъ и она показалась мнѣ чудомъ красоты. Да и какъ было не обрадоваться первой сумеречной бабочкѣ, выведшейся у меня изъ найденныхъ мною хризалидъ! По величинѣ и темному цвѣту куколки, я считалъ ее ночною. Поздно, но весело сѣлъ я обѣдать. Евсеичъ прислуживалъ мнѣ по обыкновенію. Я замѣтилъ, что давишняя, не совсѣмъ обыкновенная улыбка не сходила съ его губъ. Онъ отъ времени до времени подтруниваль надъ моей охотой ловить бабочекъ и возиться съ червями, отъ которыхъ гадко воняетъ, и я отъ души забавлялся его тонкими намеками и сарказмами. Пообѣдавъ, я повезъ свою новорожденную сумеречную красавицу, со всѣми предосторожностями, чтобы не помрачить первороднаго блеска чудныхъ ея красокъ, къ другу моему Панаеву. Онъ прнялъ ее почти съ такой же радостью, какъ и знаменитаго Кавалера, и немедленно разложилъ. Она должна была придать новый блескъ нашему собранію.

На другой же день поутру, весь университетъ зналъ о нашихъ новыхъ необыкновенныхъ пріобрѣтеніяхъ, и хотя всѣ были, болѣе

или менѣе, заняты и озабочены продолжающимися экзаменами, но приняли живое участіе въ нашихъ новыхъ бабочкахъ. Тимьянскій былъ даже озадаченъ и смущенъ, особенно когда увидѣлъ ихъ. «Ну ужь счастливцы! говорилъ онъ намъ. — Для васъ Кавалеръ и въ Казань прилетѣлъ. Вотъ, смѣялись надъ тобой, Аксаковъ, что ты возишься по пустякамъ съ червями, а пойди-ко, достань такую сумеречную Крушинную бабочку совершенно свѣжую и не потертую!... такъ нигдѣ не достанешь!»

Университетскіе экзамены кончились, а гимназическіе еще оканчивались. Семеро студентовъ, въ томъ числѣ и я, продолжали ходить въ высшій русскій классъ къ Ибрагимову (прежде въ гимназіи у него былъ средній, а высшій занималъ Л. С. Левицкій) и должны были явиться на гимназическій экзаменъ, назначенный послѣднимъ, заключительнымъ. Товарищи мои обижались этимъ, а я напротивъ былъ очень доволенъ. Гимназическіе экзамены вообще шли полнѣе, стройнѣе, и соотвѣтственнѣе своему назначенію. У Ибрагимова же, русскій экзаменъ былъ его блестящимъ торжествомъ: мы читали свои сочиненія, говорили о старой и новой литературѣ и критически оцѣнивали лучшихъ нашихъ писателей. Мое декламатарство также было употреблено въ дѣло. Всѣ, волею или неволею, осыпали похвалами Ибрагимова, обиженнаго тѣмъ, что его не сдѣлали адъюнктомъ, и поздравляли съ блестящими успѣхами его учениковъ. Никогда не забуду свѣтящихся удовольствіемъ татарскихъ глазъ и раздвинутаго улыбкою до ушей большаго рта, незабвеннаго для меня Николая Мисаиловича Ибрагимова, воспоминаніе о которомъ всегда сливается въ моей памяти съ самыми отрадными и чистыми воспоминаніями юношескихъ учебныхъ годовъ. «Благодарствуйте, Аксаковъ! говорилъ онъ: — мнѣ всегда было пріятно заниматься съ вами, вы отблагодарили меня достойнымъ образомъ.» Я обнималъ его, увѣряя, что очень чувствую и никогда не забуду, какъ много ему обязанъ.

Наконецъ всѣ экзамены кончились. Надобно было ѣхать на лѣтнюю вакацію: мнѣ въ Симбирскую губернію, въ Старое Аксаково, гдѣ жило этотъ годъ мое семейство, а Панаевымъ въ Тетюшскій уѣздъ Казанской губерніи, гдѣ жила ихъ мать и сестры. Въ

первый разъ случилось, что радостное время поѣздки на вакацію въ деревню, къ семейству, было смущено въ душѣ моей посторонней заботой. По совѣту Фукса, бабочекъ мы оставляли въ гимназической библіотекѣ, подъ надзоромъ ея смотрителя. Но что же было дѣлать съ моими гусеницами и хризалидами? Семь ящиковъ и три стеклянныя банки нельзя было везти съ собою въ простой ямской кибиткѣ: въ одни сутки червяковъ бы затрясло, а хризалидъ оторвало съ мѣста и вообще все бы разстроилось (*), да и просто некуда было помѣстить эти громоздкія вещи; оставить же безъ призора мое воспитательное заведеніе — также было невозможно. Да и на кого же могъ я положиться? Въ Казани оставался только мой кучеръ съ лошадью. Кто могъ замѣнить меня? Признаюсь также, что жаль мнѣ было оторваться отъ этого постояннаго наблюденія, попеченія, заботъ и ожиданій, которыя я уже привыкъ устремлять на жизнь моихъ питомцевъ, безпрестанно ожидая новыхъ превращеній и наконецъ послѣдняго полнаго превращенія въ какую нибудь неизвѣстную мнѣ чудную бабочку. Но дѣлать было нечего, и съ этою мыслію я уже примирился. Оставалось только рѣшить, кому поручить ихъ. Я готовъ уже былъ избрать въ попечители о моихъ гусеницахъ и хризалидахъ остававшагося жить въ моемъ флигелѣ Александра Германа, который невольнымъ образомъ уже присмотрѣлся къ этому дѣлу и не отказывался отъ него; но онъ былъ очень вѣтренъ и неблагонадеженъ. Вдругъ пришолъ мнѣ въ голову Тимьянскій: ему не къ кому, не куда было ѣхать и онъ оставался вакацію въ университетѣ, какъ и многіе другіе. Почему не попросить его? По моему мнѣнію, наше соперничество не мѣшало ему заняться моими гусеницами и хризалидами, къ которымъ онъ, какъ натуралистъ, не могъ быть совершенно равнодушенъ. Я не ошибся. Лишь только я заговорилъ о моемъ затруднительномъ положеніи, Тимьянскій сейчасъ, искренно и добродушно, вызвался самъ присмотрѣть за моими питомцами. Я сказалъ Тимьянскому, что хотѣлъ просить его объ этомъ и былъ заранѣе увѣренъ, что онъ не откажется одолжить и успокоить то-

(*) Такъ мы думали тогда, но ошибались: червяковъ въ травѣ и листьяхъ, и особенно хризалидъ въ хлопчатой бумагѣ, можно везти безопасно. *С. А.*

варища, и что я сердечно ему благодаренъ. Точно гора свалилась у меня съ плечъ! Я зналъ, что цѣлая комната, возлѣ нашего физическаго кабинета, то есть кабинета съ физическими инструментами, находилась въ его распоряженіи для сушки бабочекъ и насѣкомыхъ и даже аудиторія, въ которой читалъ Фуксъ, и отъ которой онъ имѣлъ ключъ: слѣдовательно, ему было гдѣ размѣститься; свѣжихъ же листьевъ и травъ для корма червей, онъ могъ ежедневно доставать въ саду, который находился при сосѣдственномъ домѣ, купленномъ въ казну для университета. И такъ, поблагодаривъ еще разъ отъ всей души добраго товарища, за его радушную готовность принять на себя мои хлопоты и заботы, я сейчасъ же отправился къ Панаеву, чтобы сообщить ему это пріятное извѣстіе. Другъ мой принялъ его не такъ, какъ я ожидалъ. Онъ былъ немножко недовѣрчивъ и даже подозрителенъ. И хотя не предполагалъ никакого дурнаго намѣренія у Тимьянскаго, но не ожидалъ слишкомъ усерднаго попеченія объ умноженіи и украшеніи нашего собранія бабочекъ. Впрочемъ, онъ соглашался, что въ настоящемъ нашемъ положеніи — это самое лучшее, чего можно было желать. Въ тотъ же день, мы съ Панаевымъ, бережно перевезли бабочекъ въ библіотеку, а моихъ гусеницъ и хризалидъ въ особую комнату возлѣ физическаго кабинета, назначенную для кабинета натуральной исторіи, гдѣ и сдали ихъ съ рукъ на руки Тимьянскому и Кайсарову. Я убѣдительно просилъ и Кайсарова присматривать за моими питомниками, и онъ обѣщалъ, но, по своему обыкновенію и нраву, обѣщалъ очень холодно, такъ, что я не полагалъ на него никакой надежды, въ чемъ, однако, къ большому моему удовольствію, совершенно ошибся. Кайсаровъ былъ какъ-то сухъ и необщителенъ. Я не знаю, былъ ли у него въ цѣломъ университетѣ, не только другъ, но короткой пріятель; съ Тимьянскимъ тоже у него не было никакой близости; я удивился, когда онъ сдѣлался его помощникомъ въ собираніи бабочекъ и насѣкомыхъ. При прощаніи, Тимьянскій сказалъ намъ: «Послушайте, господа! я стану усердно смотрѣть за вашими червями и хризалидами; но вѣдь я за успѣхъ не ручаюсь. Легко быть можетъ, что гусеницы и хризалиды покалѣютъ до своего превращенія,

такъ чуръ, за это на меня не сердиться. Всѣхъ бабочекъ, которыя выведутся, я разложу, какъ умѣю, высушу и сохраню.... Да кстати: сухія бабочки часто пропадаютъ отъ моли,—это сказалъ мнѣ Фуксъ, и совѣтовалъ напоить ихъ туловище камфарою, то есть помазать и покапать на нихъ съ кисточки камфарнымъ спиртомъ. Не худо вамъ сдѣлать это сейчасъ съ вашими бабочками, которыхъ вы оставляете въ библіотекѣ. Вотъ вамъ и кисточка, и камфарный спиртъ.» Такая заботливость убѣдила и друга моего Панаева въ совершенномъ доброжелательствѣ Тимьянскаго. Мы съ благодарностью воспользовались его предложеніемъ и сейчасъ побѣжали въ библіотеку. Еще разъ взглянули и простились съ нашими чудесными бабочками, помазали камфарнымъ спиртомъ, заперли ящики, и ключики отдали, на всякой случай, Тимьянскому. Мы простились съ нимъ дружески, искренно увѣряя, что во всемъ на него полагаемся, и что бы ни случилось, за все будемъ благодарны. Простились также со всѣми товарищами, остававшимися въ университетѣ, и, напутствуемые ихъ добрыми желаніями, отправились домой сначала къ Панаевымъ, гдѣ я простился съ другомъ моимъ Александромъ и съ его братьями. Лошади у нихъ были давно запряжены; ждали только возвращенія Александра и ужь побранивали насъ, особенно меня, за возню съ червями и хризалидами, — такъ нетерпѣливо хотѣлось имъ ѣхать въ деревню! Да и какъ не хотѣть, какъ не рваться послѣ десятимѣсячной школьной жизни, лѣтомъ, изъ города пыльнаго, душнаго и всегда чѣмъ нибудь вонючаго, въ чистое, душистое поле, въ тѣнистые лѣса, въ прохладу, къ семейству, на родину, или по крайней мѣрѣ туда, гдѣ прошли дѣтскіе, незабвенные года. Панаевы при мнѣ же уѣхали, помѣстившись всѣ пятеро въ старинной линейкѣ, на присланныхъ за ними своихъ лошадяхъ. Александръ сѣлъ съ порядочнымъ ящикомъ въ рукахъ, въ которомъ находилось десятка два бабочекъ, собранныхъ имъ изъ дубликатовъ: онъ везъ ихъ подарить сестрамъ, но двое меншихъ братьевъ, сидѣвшихъ съ нимъ рядомъ, громко возопіяли на него, утверждая, что отъ ящика имъ будетъ тѣсно.... стукъ и дребежжанье старой линейки, тронувшейся съ мѣста, заглушили ихъ дѣтскіе голоса. Панаевы собирались

и кормить и ночевать въ полѣ; съ ними были и удочки и даже ружье — мнѣ стало грустно и завидно. На этотъ разъ приказано мнѣ было пріѣхать на почтовыхъ, въ простой, ямской повозкѣ; а главное, я долженъ былъ ѣхать не въ милое и дорогое мнѣ, богатое водами, лугами, болотами и отдѣльными рощами Оренбургское Аксаково, а въ скучное, безводное, кругомъ лѣсное, старое Симбирское Аксаково, гдѣ и дома порядочнаго не было.

Воротясь въ свою квартиру, я нашелъ также все готовымъ къ отъѣзду. Ямскія лошади были запряжены, слабо подвязанный колокольчикъ позвякивалъ отъ каждаго движенія коренной, люди одѣтые по дорожному, съ картузами въ рукахъ, ждали меня на крыльцѣ.... Покуда я переодѣвался также въ дорожное легкое платье, мысль о близкомъ свиданіи съ семействомъ, особенно съ другомъ моимъ сестрицей, которая ждала меня съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ, мелькнула въ моей головѣ и радостно взволновала мое сердце; а запахъ дегтя и рогожи, которымъ пахнуло на меня отъ кибитки, мгновенно перенесъ меня въ деревню, и стало легко и весело у меня на душѣ. Евсеичъ сѣлъ со мной въ повозку, Иванъ Малышъ вскочилъ на козлы, ямщикъ тряхнулъ вожжами, свиснулъ и тройка полетѣла.

Когда мы выбрались изъ Казани и длинной городской слободы, которая называлась Мокрою, было уже не жарко и великолѣпный лѣтній вечеръ повѣялъ прохладой на раскаленную землю. Стояла засуха, давно не было дождя. Я еще не испытывалъ настоящимъ образомъ удовольствія скорой, почтовой ѣзды, и когда ямщикъ, чтобъ потѣшить молодаго барина и заслужить на водку, пустилъ во весь опоръ, во весь духъ свою лихую тройку, я почувствовалъ неизъяснимое и неизвѣстное мнѣ, какое-то раздражающее наслажденіе.... Евсеичъ мой тоже очень былъ доволенъ. — «Что, соколикъ, каково закатываетъ? говорилъ онъ улыбаясь. А вѣдь лошадки-то, поглядѣть — дрянь! Да ты не боишься ли?» продолжалъ онъ, видя, что я тяжело дышу и ничего не отвѣчаю. Мнѣ ужасно стало досадно; но я переломилъ себя и ласково старался увѣрить моего дядьку, что напротивъ мнѣ очень весело, что у меня сердце бьется отъ радости и, какъ будто, духъ замираетъ. Это было со-

вершенно справедливо, я говорилъ прерывающимся отъ волненія голосомъ. Я чувствовалъ такое нервное, невыразимо сладкое раздраженіе, такое внутреннее стремленіе впередъ, что желалъ бы самъ полетѣть, какъ птица! Между тѣмъ опускался вечеръ. Длиннѣе и длиннѣе становились тѣни отъ скачущей повозки, лошадей, кучера и Ивана Малыша, который заливался русскою пѣснею. Тѣни блѣднѣли постепенно и наконецъ смѣшались съ потемнѣвшей землей. Все это вмѣстѣ сильно подѣйствовало на меня, я чувствовалъ какое-то волненіе и не умѣлъ понять, что со мною дѣлается. Мнѣ незахотѣлось пить чаю на станціи, хотя Евсеичъ проворно разложилъ погребецъ, а Иванъ Малышъ наложилъ дорожный самоварчикъ. Мой отказъ отъ чаю очень смутилъ добраго дядьку. Прежде этого никогда не случалось, а здѣсь была особенная приманка: на столѣ стоялъ горшокъ густыхъ, сморщившихся, холодныхъ сливокъ, которыя я очень любилъ. Евсеичъ подумалъ, что я нездоровъ, сталъ приставать съ распросами, и для его успокоенія, я съѣлъ цѣлую тарелку сливокъ съ казанскими кренделями. Лошади были готовы и мы опять поскакали. Обидная для меня мысль, что я напугался отъ скорой ѣзды, не выходила изъ головы Евсеича; онъ не велѣлъ шибко ѣхать, чтобъ ночью какъ нибудь не опрокинуться и ужасно надоѣлъ мнѣ своими докучными распросами и разсужденіями. Я закрылъ глаза, хотя этого было и не нужно, потому что становилось темно, притворился спящимъ, даже всхрапывалъ, покуда не заснулъ самъ, наблюдавшій меня, мой попечительный дядька. Я напротивъ не спалъ долго и послѣ восхожденія солнца, и много новыхъ ощущеній и наслажденій доставила мнѣ эта безсонная ночь съ своей вечерней и утренней зарею. Не скоро, и какъ-то нечаянно, сонъ овладѣлъ мною; но за то я заснулъ уже такъ крѣпко, что не слыхалъ какъ перемѣнили лошадей на станціи и проснулся часовъ въ девять утра, разбуженный громовымъ ударомъ. Опомнившись и оглядѣвшись, я увидѣлъ, что надъ нашими головами быстро неслось небольшое грозовое облако, прямо къ тучѣ, которая синѣла, чернѣла, росла ежеминутно и заволокла уже полнеба съ правой стороны и у которой одинъ край былъ бѣлесоватъ.

Тамъ уже рубилъ дождевой ливень; глухой, какой-то зловѣщій шумъ и свѣжая влажность неслась оттуда.—«Никакъ, градъ? сказалъ Евсеичъ. Господи спаси и помилуй! Послѣдній хлѣбецъ выбьетъ у мужичковъ.»—Казалось, туча шла стороною; но вдругъ поворотила и стала нагибать прямо на насъ; крупныя капли дождя зашлепали по пыльной дорогѣ и по моей рогожной, также пыльной, кибиткѣ. Люди засуетились, чтобы прикрыть меня и самимъ прикрыться. Евсеичъ велѣлъ ѣхать шагомъ, говоря, что въ грозу скакать опасно. Скоро накрыла насъ туча. Засверкали змѣистыя, ослѣпительныя молніи и мгновенно вслѣдъ за ними раздавались оглушительные, громовые удары. Всякій разъ, казалось, что громъ ударилъ возлѣ нашей повозки. Сначала Евсеичъ, Иванъ Малышъ и ямщикъ снимали шапки и крестились при блескѣ каждой молніи, но когда она сдѣлалась почти безпрерывною, то и креститься перестали.... вдругъ налетѣла буря съ крупнымъ частымъ градомъ и проливнымъ дождемъ, и воздухъ превратился въ бѣлую водяную пыль. Должно признаться, что я не безъ страха смотрѣлъ на эту величественную, но грозную картину. Гнѣвъ стихіи ужасенъ. Въ ту минуту онъ такъ могущественно проявлялъ свои разрушительныя силы, и ничтожность, беззащитность человѣческой природы такъ явно изобличалась и чувствовалась мною, что я не могъ оставаться спокойнымъ; притомъ я въ дѣтствѣ былъ напуганъ громомъ и тогда еще не освободился отъ этого тяжелаго впечатлѣнія. Признаюсь, чувство невыразимо отраднаго спокойствія и радости разлилось въ душѣ моей, когда удары грома начали становиться рѣже и отдаленнѣе. Туча провалила съ полудня на западъ и уже голубое небо засверкало съ правой стороны. Мы съ Евсеичемъ уцѣлѣли, а Иванъ Малышъ и ямщикъ были до костей промочены дождемъ. Но яркое, лѣтнее солнце уже спѣшило выкатиться на очищеннное отъ тучъ небо и принялось сушить мокраго ямщика и Малыша, которые весело подсмѣивались другъ надъ другомъ. Намъ показалось, что туча самой серединой прошла надъ нашими головами; но подвигаясь, уже рысью, впередъ, мы увидѣли, что тамъ и дождь и градъ были гораздо сильнѣе, а громовые удары ближе и разрушительнѣе: лужи воды стояли на

дорогѣ, скошенныя луговины были затоплены, какъ весною; крупный градъ еще не растаялъ и во многихъ мѣстахъ, особенно по долочкамъ, лежалъ бѣлыми полосами. Мы проѣзжали мимо хлѣбовъ, которые всѣ были болѣе или менѣе побиты градомъ; а нѣкоторыя десятины такъ вытолочены, какъ будто бы долго пасли на нихъ стадо мелкаго скота; не только колосья—солома, казалось, была втоптана въ грязь. Въ добавокъ ко всему, въ одной окольной деревнѣ виднѣлись два столба дыма, означавшіе безъ сомнѣнія пожары отъ молніи, а въ ближнемъ лѣсу дымилось нѣсколько расколотыхъ деревьевъ, зажженныхъ тоже молніей. Этотъ ужасный слѣдъ быстро промчавшейся грозы, былъ особенно поразителенъ при ясномъ небѣ, тишинѣ освѣженнаго воздуха и яркомъ солнечномъ освѣщеніи. — «Ну вотъ гдѣ была настоящая-то гроза, говорилъ Евсеичъ:—а насъ видно туча только крылышкомъ задѣла.» Выбитыя десятины хлѣба возбуждали особенное участіе въ моихъ спутникахъ; ямщикъ самъ былъ изъ той деревни, куда мы ѣхали, и зналъ даже кому принадлежали эти десятины; какъ нарочно хозяева ихъ были бѣдные люди, и такая потеря окончательно раззоряла ихъ. Нѣсколько времени всѣ трое толковали о печальномъ событіи, и въ словахъ моего дядьки слышалась его искренняя, неподдѣльная доброта. «Ахъ, Господи! говорилъ онъ:—кабы я былъ богатый, вотъ и пособилъ бы имъ; а то что? убытку тутъ на сотни, на тысячи рублевъ, такъ копѣйками не поможешь.» Мы скоро пріѣхали на станцію и привезли печальное извѣстіе о хлѣбныхъ поляхъ. Никто не чаялъ такой бѣды: въ деревнѣ и граду не было, а слышали только шумъ. Между старухами и бабами поднялся вой и плачъ, и нѣкоторыя сейчасъ пошли въ поля, чтобы собственными глазами удостовѣриться въ своемъ несчастьѣ. Евсеичъ признался мнѣ потомъ, что отдалъ свои копѣйки одному самобѣднѣйшему семейству.

На слѣдующей станціи мы перемѣнили лошадей въ такомъ селеніи, которое своими жителями произвело на меня необыкновенное впечатлѣніе: это были Татары, перекрещенные въ православное вѣроисповѣданіе, какъ мнѣ сказали, еще при царѣ Иванѣ Васильевичѣ; и мужчины и женщины одѣвались и говорили по

русски; но на всей ихъ наружности лежалъ отпечатокъ чего-то печальнаго и суроваго, чего-то потеряннаго, безпріютнаго и безпорядочнаго; и платье на нихъ сидѣло какъ-то не такъ и какая-то робость была видна во всѣхъ движеніяхъ; они жили очень бѣдно, тогда, какъ вокругъ и татарскія, и русскія, и мордовскія, и чувашскія деревни жили зажиточно. Мой дядька Евсеичъ зналъ прежде эту деревню и зналъ такихъ же перекрещенцевъ въ другихъ деревняхъ. Онъ говорилъ мнѣ, что они всѣ на одинъ ладъ и всѣ бѣдны: отъ своего отстали, а къ нашему не пристали; «такъ и маятся, какъ какіе-то Каины», прибавилъ онъ въ заключеніе. Слова его заставили меня очень задуматься. Я промѣшкалъ на станціи лишнихъ полчаса, стараясь внимательно вглядѣться и разговориться съ хозяевами. Я говорилъ также и съ сосѣдями ихъ, со стариками и старухами, а также съ мальчиками. Впрочемъ, въ дѣтяхъ менѣе было замѣтно той грустной и непріятной особенности, которая лежала на всѣхъ взрослыхъ: дѣти были живѣе и веселѣе. Типъ татарской физіономіи еще не истребился, но уже повыродился: никто не брилъ головы, но и длинныхъ волосъ никто не носилъ; всѣ казались какими-то сейчасъ остриженными, взятыми изъ крестьянъ въ рекруты или на господскій дворъ. Они отчасти понимали свое положеніе и считали невозможностью изъ него выйдти. Между ними ходило преданіе, что праотцы ихъ, за какую-то вину, должны были подвергнуться наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ Сибирь въ каторжную работу, что ихъ простили за то, что они приняли русскую вѣру, и переселили на другія мѣста, что Магометъ ихъ проклялъ и что потому они живутъ бѣдно. Все это произвело на меня тогда живое впечатлѣніе; но потомъ мнѣ уже никогда не случалось бывать въ деревнѣ, населенной перекрещенцами, и я мало по малу совершенно забылъ объ этихъ бѣдныхъ и жалкихъ людяхъ; а любопытно было бы узнать: продолжается ли эта ужасная казнь надъ потомками за вѣроотступничество предковъ, совершенное безъ всякаго убѣжденія, а изъ цѣли корыстной? или наконецъ, смѣшавшись съ Русскими, съ которыми вмѣстѣ были поселены, эти невинные бѣдняки смягчили строгость нравственнаго правосудія своимъ долготерпѣніемъ?

Далѣе по дорогѣ, не было и слуху о дождѣ и градѣ. Мы ѣхали очень скоро, и ночь застала насъ уже въ тридцати пяти верстахъ отъ Стараго Аксакова. Я крѣпко заснулъ, не слыхалъ какъ мы пріѣхали и вѣроятно проспалъ бы очень долго, еслибы не разбудили меня ласки и поцалуи моей милой сестры. Проснувшись часовъ въ шесть утра и узнавъ, что я пріѣхалъ на зарѣ и сплю въ кибиткѣ, она прибѣжала и разбудила меня. Въ домѣ почти всѣ еще спали; я пошелъ въ комнату моей сестрицы, которая немедленно сообщила мнѣ, что наловила и собрала для меня много бабочекъ и червячковъ. Она знала изъ писемъ моихъ всѣ подробности моего новаго увлеченія. Въ самомъ дѣлѣ, червяки (многіе даже не гусеницы) жили у ней въ ящикахъ, въ стеклянныхъ банкахъ и подъ опрокинутыми стаканами. Бабочки помѣщались на окнѣ, которое не растворялось и съ внутренней стороны было обтянуто кисеей. Эта выдумка была не дурна, хотя имѣла ту невыгоду, что бабочки бились на стеклахъ и теряли свою цвѣтную пыль; но другая выдумка была не такъ удачна: сестрица моя подняла фортепьянную доску и подъ ней тоже были насажены разныя бабочки; большая часть изъ нихъ отъ духоты перемерли. Груды свѣжихъ травъ, цвѣтовъ и листьевъ у червей показывали заботу, съ которою ухаживала за ними моя милая сестрица, хотя червяковъ она терпѣть не могла и никогда не брала въ руки. Осмотрѣвъ внимательно неожиданное мною пріобрѣтеніе, я нашелъ нѣсколько видовъ бабочекъ и гусеницъ мнѣ неизвѣстныхъ; много было мертвыхъ и даже высохшихъ, много было потертыхъ бабочекъ, но довольно нашлось и такихъ, которыхъ я сейчасъ принялся раскладывать, потому что дощечки, булавки и бумажки привезъ съ собой. Я просилъ мою добрую сестру не смотрѣть на раскладку, говоря, что ей будетъ жалко; но она не хотѣла со мной разстаться, да и любопытно ей было поглядѣть, какъ это дѣлается; прижиганье на свѣчкѣ заставило ее убѣжать и она долго не могла равнодушно смотрѣть и на высушенныхъ бабочекъ.

Между тѣмъ въ домѣ всѣ проснулись. Я не стану говорить объ общей семейной радости и объ особенной радости моей мате-

ри, которая видѣла во мнѣ теперь настоящаго студента, уже не мальчика, а молодаго человѣка, живущаго самобытною жизнію. Видѣла въ тоже время мою полную искренность и прежнюю чистоту нравовъ. Добрый мой отецъ также былъ очень мною доволенъ и хотя онъ мнѣ ничего такого не говорилъ, но я видѣлъ, съ какимъ удовольствіемъ онъ смотрѣлъ на меня, когда я съ жаромъ описывалъ свою университетскую жизнь. Первые дни были посвящены разговорамъ и взаимнымъ разсказамъ. Я услыхалъ много новаго и, въ житейскомъ, существенномъ отношеніи, очень много важнаго и пріятнаго. Съ своей стороны, я разсказалъ о своихъ новыхъ и старыхъ профессорахъ, о новыхъ предметахъ ученія, о нашихъ студентскихъ спектакляхъ, о литературныхъ занятіяхъ и затѣяхъ на будущее время и наконецъ о моей страсти къ собиранію бабочекъ и о пользѣ, которая можетъ произойти для науки отъ подобныхъ собираній. Потомъ съѣздили мы къ друзьямъ нашимъ Миницкимъ, къ двоюродной сестрѣ моей А. И. Веригиной, бывшей воспитанницѣ Н. П. Куроѣдовой, жившей теперь уже своимъ домомъ, въ своей деревенькѣ; съѣздили и къ другимъ сосѣдямъ.

Когда всѣ разъѣзды были кончены, деревенская жизнь, съ возможными, по тамошней мѣстности, удовольствіями, пошла по своей обыкновенной колеѣ. Что̀ и говорить—не было никакаго сравненія между Старымъ и Новымъ Аксаковымъ! Тамъ была рѣка, огромный прудъ, купанье, уженье и самая разнообразная стрѣльба, а здѣсь воды совсѣмъ почти не было, даже воду для питья привозили за двѣ версты изъ родниковъ; охота съ ружьемъ, правда, была чудесная, но лѣсная, для меня еще недоступная, да и легавой собаки не было. Впрочемъ, отецъ возилъ меня нѣсколько разъ на охоту за выводками глухихъ тетеревовъ, которыхъ тамошній охотникъ, крестьянинъ Егоръ Филатовъ, умѣлъ находить и поднимать безъ собаки; но все это было въ лѣсу, и я не успѣвалъ поднять ружья, какъ всѣ тетеревята разлетались въ разныя стороны, а отецъ мой и охотникъ Егоръ всякій разъ однако умудрялись какъто убивать по нѣскольку штукъ; я же только одинъ разъ убилъ глу-

хаго тетеревенка, имѣвшаго глупость сѣсть на дерево. Валдшнеповъ было великое множество, но для нихъ еще не наступила пора. Впрочемъ, Егоръ приносилъ иногда старыхъ и молодыхъ валдшнеповъ: молодыхъ онъ ловилъ руками, съ помощью своей звѣровой собаки, а какъ онъ ухитрялся убивать старыхъ—я и теперь не знаю, потому что онъ въ-лётъ стрѣлять не умѣлъ. Около моховыхъ болотъ, окруженныхъ лѣсомъ, жило множество бекасовъ старыхъ и молодыхъ; но я рѣшительно не умѣлъ ихъ стрѣлять, да и болотные берега озеръ подъ ногами такъ тряслись и опускались, «ходенемъ ходили», какъ говорили крестьяне, что я, по непривычкѣ, и ходить тамъ боялся. Ѣзжали мы иногда въ лѣсъ, цѣлой семьей, за ягодами, за грибами, за орѣхами; но эти поѣздки мало меня привлекали. И такъ, по неволѣ, единственнымъ моимъ наслажденіемъ было — собираніе бабочекъ; на него-то устремилъ я все свое вниманіе и дѣятельность. Бабочекъ, по счастію, въ Старомъ Аксаковѣ оказалось очень много и самыхъ разнообразныхъ породъ; особенно же было много бабочекъ ночныхъ и сумеречныхъ. Гусеницъ попадалось уже мало, да я и не занимался ими, потому что выводиться было имъ уже некогда или поздно: наступалъ августъ мѣсяцъ. При первыхъ моихъ поискахъ, и въ старомъ плодовитомъ саду, и на поникшей рѣчкѣ Майнѣ, и около маленькихъ родничковъ, которые кое-гдѣ просачивались по старому руслу рѣки, и на полянахъ между лѣсами, я встрѣтилъ не только бабочекъ, водившихся въ окрестностяхъ Казани, но много такихъ, о которыхъ я не имѣлъ понятія. Сумеречныхъ бабочекъ я караулилъ всегда въ сумерки или отыскивалъ въ лѣсномъ сумракѣ, даже середи дня, гдѣ онѣ, не чувствуя яркаго солнечнаго свѣта, перепархивали съ мѣста на мѣсто. Ночныхъ же бабочекъ, кромѣ отыскиванія ихъ днемъ въ дуплахъ деревъ или въ расщелинахъ заборовъ и старыхъ строеній, я добывалъ ночью, приманивая ихъ на огонь. Я сдѣлалъ себѣ маленькій фонарь и привязывалъ его на вершину смородиннаго или барбарисоваго куста или на синель или невысокую яблонь. Привлеченныя свѣтомъ, бабочки прилетали и кружились около моего фонаря, а я, стоя неподвижно возлѣ него съ готовой

рампеткой, подхватывалъ ихъ на лету. Въ непродолжительномъ времени, я поймалъ около двадцати новыхъ экземпляровъ; трудно было опредѣлить ихъ названія по Блуменбаху, какъ мы ни хлопотали надъ нимъ вмѣстѣ съ сестрой. Не ручаюсь даже за точность именъ, принятыхъ мною по нѣкоторымъ признакамъ и сходству въ описаніи. Я заимствовалъ ихъ изъ нашего нѣмецкаго руководителя и они казались мнѣ тогда вѣрными. Разскажу о самыхъ замѣчательныхъ бабочкахъ по порядку, какъ онѣ мнѣ доставались. Первая бабочка, пойманная мною, должна принадлежать къ породѣ не настоящихъ сумеречныхъ бабочекъ, потому что признаки въ ней были смѣшанные. Мнѣ казалось, что ее можно отнести къ одному изъ многочисленныхъ видовъ моли, принадлежащихъ къ породѣ ночныхъ бабочекъ; но въ описанныхъ у Блуменбаха ее нѣтъ, да она и крупна для породъ моли. Это была бабочка нѣсколько менѣе среднихъ, но и не маленькая; крылушки у ней круглыя, какъ снѣгъ бѣлыя, покрытыя длиннымъ пухомъ, который на головѣ, спинкѣ и брюшкѣ еще длиннѣе; на этомъ бѣломъ пуху ярко выдаются черные, какъ уголь, глазки, такого же цвѣта длинный волосяной хоботокъ, толстые усики и ножки (*). Когда я увидѣлъ ее въ первый разъ, тихо вьющуяся около какого-то дерева въ лѣсу, то опускающуюся, то поднимающуюся, я подумалъ, что это летаетъ пухъ въ душномъ, недоступномъ продольному вѣтерку, лѣсномъ воздухѣ. Но когда въ другой разъ увидѣлъ я эту точно косматую пушинку, прильнувшую къ древесному листку, тогда, подойдя поближе, къ великой моей радости, я разглядѣлъ, что это бабочка. Много предстояло мнѣ хлопотъ. Много надо было ловкости, чтобы ее поймать и разложить, не помявши и не потерши ея пушистыхъ крылушекъ. Вторую бабочку поймалъ я и назвалъ по Блуменбаху Иперандъ (*Hyperanthus*). Она принадлежала по величинѣ къ породѣ среднихъ бабочекъ; на всѣхъ ея четырехъ темносизыхъ, вырѣзныхъ, угольчатыхъ крыльяхъ, находятся бѣленькія точки,

---

(*) Н. П. В. полагаетъ вѣроятнымъ, что это была Ивовая сумеречная бабочка (*Liparis Salicis*). С. А.

а на изнанкѣ нижнихъ крыльевъ по три свѣтлыхъ очка или кружечка: она была довольно красива, или, правильнѣе сказать, необыкновенна. Потомъ поймалъ я Атропу или Мертвую Голову; въ ея названіи ошибиться нельзя — признакъ слишкомъ очевиденъ: возлѣ самой ея головки, на спинкѣ, находится нѣчто похожее на человѣческій черепъ и двѣ кости, сложенныя подъ нимъ крестообразно. Верхнія крылья у нея свѣтло-бурыя, а заднія желтыя, съ двумя черными поперечными полосами; брюшко желтое съ черными перевязками. Хотя она показана у Блуменбаха въ числѣ сумеречныхъ бабочекъ, но мы признавали ее за ночную, по величинѣ ея крыльевъ и толщинѣ туловища (*). Очень была красива узоромъ и замѣчательна относительной величиной своей *Настоящая сумеречная бабочка,* у которой крылушки верхнія и нижнія были совершенно клѣтчатыя: кофейныя клѣточки лежали по бѣлому полю. Маленькія въ этомъ родѣ бабочки попадались часто; но такой величины, я никогда уже не встрѣчалъ. Она ночью залетѣла въ комнату моей сестры и усѣлась очень низко въ углу. Я замѣтилъ ее поутру и подумалъ, что это лоскуточекъ клѣтчатаго ситца или кисеи присталъ какъ нибудь къ стѣнѣ — и Боже мой, какъ обрадовался, когда разглядѣлъ, что это бабочка. У Блуменбаха ее вовсе нѣтъ. Была также у меня очень большая ночная бабочка, вся свѣтло-бурая, у которой на крыльяхъ лежала діагональная полоса бѣловато-розоваго цвѣта, такъ что когда я разложилъ ее и поднялъ вверхъ длинноватыя и угловатыя ея крылья, то конецъ перевязки на верхнемъ сошелся съ началомъ перевязки на нижнемъ крылѣ, и они составили бы треугольникъ, еслибы продолжить ихъ сходящіеся концы. У Блуменбаха есть нѣкоторое сходство съ нею въ описаніи *Огородной ночной бабочки.* Впрочемъ, сходство это ограничивается только перевязкою, похожею на треугольникъ. Но самыми драгоцѣнными пріобрѣтеніями, изъ которыхъ каждое въ свою очередь привело

(*) Очевидно, что мы ошибались: въ числѣ ночныхъ бабочекъ находятся самыя мелкія породы моли. *С. А.*

меня въ восторгъ, были двѣ бабочки Кавалеръ *Махаонъ* и Большой Павлинъ. Вотъ какимъ образомъ достались мнѣ эти сокровища. Шелъ я однажды по изсохшему руслу рѣчки Майны и увидѣлъ въ небольшомъ углубленіи, вѣроятно, высохшаго отъ жаровъ родничка, дно котораго было еще мокровато, цѣлую кучу бѣлыхъ простыхъ капустныхъ бабочекъ. Многія изъ нихъ лежали уже мертвыя или умирали, другія сидѣли въ кучкѣ, сложивъ свои крылья, ползали, но уже не летали, остальныя вились надъ ними. Подобныя явленія для меня были не новость. Я видѣлъ, какъ нѣкоторыя породы бабочекъ, какъ напримѣръ бѣлыя маленькія, голубыя и маленькія же свѣтло-коричневыя, съ точками на заднихъ крыльяхъ, собираются въ кучи, чтобы вмѣстѣ умирать (*). Я подошелъ однако изъ любопытства, потому что подобныя необъяснимыя явленія всегда любопытны. Вдругъ вижу, что въ числѣ сидящихъ и ползающихъ, сидитъ одна большая желтая бабочка. Я наклонился ее разсмотрѣть и пришелъ въ такой восторгъ, который трудно передать моимъ читателямъ. Эта бабочка была Кавалеръ, и не Подаліріусъ, потому что широкія сверху и узенькія внизу поперечныя черныя полосы, ясно изображались и на исподней сторонѣ ея верхнихъ крыльевъ, чего совсѣмъ нѣтъ у Подаліріуса, да и концы шпоръ были совершенно другіе. Итакъ, это Кавалеръ Махаонъ!.... Необычайность такого счастія отуманила меня.... Какъ бы для полнаго моего удостовѣренія, бабочка раскрыла свои крылья, проползла вершка два и опять плотно сложила ихъ. По рисункамъ и по одному экземпляру у Фукса, я зналъ хорошо отличительныя особенности Махаона, и

(*) Такая необъяснимая особенность замѣчается и въ другихъ породахъ животныхъ: я читалъ, что слоны имѣютъ общее кладбище. Во время же мора на зайцевъ, я самъ нахаживалъ до десятка заячьихъ труповъ, иногда на одной небольшой полянкѣ. Вотъ какъ объясняетъ это явленіе г. Вагнеръ. «Бабочки собираются около лужицъ, сырыхъ мѣстъ по дорогамъ и пьютъ воду. Многія изъ нихъ прилетаютъ послѣ акта оплодотворенія, за которымъ у самцевъ непосредственно слѣдуетъ смерть. Эти-то самцы (а иногда и самки, уже положившія яица), мучимые жаждою, слетаются къ лужамъ и оканчиваютъ здѣсь свою жизнь.» *С. А.*

у меня не осталось сомнѣнія, что это онъ. Я накрылъ его поспѣшно рампеткой, и, успокоившись отъ волненія, вздохнувъ свободнѣе, сталъ думать, какъ бы взять бережнѣе мою драгоцѣнную добычу. Сначала я старался спугнуть бабочку, чтобъ она взлетѣла и чтобъ я могъ завернуть ее въ мѣшечкѣ рампетки; но она не двигалась съ мѣста. Тутъ я догадался, что она находится въ такомъ же полусонномъ или болѣзненномъ предсмертномъ состояніи, какъ и окружавшія ее бѣлыя бабочки; я подпустилъ правую руку подъ рампетку, преспокойно взялъ двумя пальцами Кавалера за грудку, сжалъ и, не выпуская изъ рукъ, поспѣшилъ домой. Раскладывая Махаона, я къ моему огорченію увидѣлъ, что верхняя сторона лѣваго нижняго крыла была потерта. Вообще, при внимательномъ разсмотрѣніи можно было замѣтить, что бабочка уже много жила и много потеряла цвѣтной своей пыли, слѣдовательно потеряла яркость и свѣжесть своихъ красокъ, точно полиняла. Но не смотря на эти недостатки, Кавалеръ Махаонъ могъ назваться драгоцѣнной добычей.

Здѣсь я считаю кстати объяснить недоразумѣніе, въ которомъ мы находились тогда относительно обоихъ Кавалеровъ, то есть Подаліріуса и Махаона.

Имѣя въ рукахъ Блуменбаха, Озерецковскаго и Раффа (двое послѣднихъ тогда были извѣстны мнѣ и другимъ студентамъ, охотникамъ до натуральной исторіи), имѣя въ настоящую минуту передъ глазами высушенныхъ, нарисованныхъ Кавалеровъ, разсмотрѣвъ все это съ особеннымъ вниманіемъ, я увидѣлъ странную ошибку: Махаона мы называли Подаліріусомъ, а Подаліріуса — Махаономъ. Правда, что съ перваго взгляда, они нѣсколько похожи другъ на друга; но не сходство этихъ бабочекъ, а профессоръ Фуксъ ввелъ насъ въ это заблужденіе. Онъ назвалъ Махаона Подаліріусомъ, а мы, положась на его слова, уже невнимательно прочли описаніе Блуменбаха, Озерецковскаго и Раффа. И такъ, первые Кавалеры, пойманные Тимьянскимъ и мною, были Махаоны. Вотъ описаніе послѣдняго съ натуры, по возможности подробное и точное. Махаонъ принадлежитъ къ числу круп-

ныхъ нашихъ бабочекъ; крылья имѣетъ не круглыя, а довольно длинныя и остроконечныя, по желтому основанію испещренныя черными пятнами, жилками и клѣтками; переднія крылья перевиты по верхнему краю, тремя черными, короткими перевязками, а по краю боковому, на черной широкой киймѣ, лежатъ отдѣльно въ видѣ оторочки желтые полукружечки, числомъ восемь; къ туловищу, въ корняхъ крыльевъ, примыкаютъ черные углы въ полпальца шириною; вездѣ по желтому полю разсыпаны черныя жилки, а всѣ черныя мѣста какъ будто посыпаны слегка желтоватою пылью. Нижнія крылья овально-кругловаты, по краямъ вырѣзаны городками или фестончиками, оторочениыми черною коймою, съ шестью желтыми полукружечками, болѣе крупными, чѣмъ на верхнихъ крыльяхъ; непосредственно за ними слѣдуютъ черныя, широкія, дугообразныя полосы, также съ шестью, но уже синими кружками, не ясно отдѣляющимися; седьмой кружокъ, самый нижній, красно-бураго цвѣта, съ бѣлымъ оттѣнкомъ къ верху; послѣ втораго желтаго полукружечка снизу, или какъ будто изъ него, идутъ длинные, черные хвостики, называемые шпорами, на которыя они очень похожи. Подаліріусъ же, цвѣтомъ также желтый, но гораздо блѣднѣе, съ черными пестринами, на верхнихъ своихъ крыльяхъ имѣетъ широкія, сначала черныя, перевязки, идущія съ верхняго края до нижняго, но внизу оканчивающія я уже узенькой ниточкой; на нижнихъ крыльяхъ у Подаліріуса лежатъ кровавые, небольшіе ободочки, съ синей середкой, синею же коймою оторочены нижнія крылья съ наружнаго края; шпоры имѣетъ такія же длинныя и черныя съ желтыми оконечностями. Вообще Подаліріусъ въ объемѣ уже Махаона. Для меня онъ даже красивѣе.

Ночная бабочка Павлинъ, рѣдкой величины и красоты, залетѣла ко мнѣ сама. Недѣли за двѣ до моего отъѣзда, были у насъ гости. Часовъ въ девять вечера, всѣ сидѣли въ гостинной около самовара и пили чай: моя мать сама его разливала. Вечера становились уже прохладны, но окны были открыты; четыре свѣчи горѣли въ комнатѣ. Взглянувъ нечаянно вверхъ, я увидѣлъ на са-

момъ потолкѣ мелькающую тѣнь отъ чего-то летающаго. Я сейчасъ подумалъ, что это летучая мышь: ихъ водилось тамъ очень много и онѣ часто по вечерамъ влетали на огонь въ горницы. Мать моя имѣла къ нимъ непреодолимое отвращенiе, и я хотѣлъ уже сказать, чтобы она вышла, покуда мы выгонимъ незванную гостью. Но вглядѣвшись попристальнѣе, я замѣтилъ, что это была не летучая мышь, а бабочка: бабочка огромная и непремѣнно ночная. Я поднялъ страшный крикъ и бросился затворять двери и окна. Всѣ были испуганы, мать осердилась и начала бранить меня; но когда я, задыхаясь отъ волненiя, указывая вверхъ рукою, умоляющимъ голосомъ выговорилъ: «бабочка, огромнѣйшая, чудеснѣйшая бабочка! позвольте мнѣ ее поймать».... всѣ расхохотались и мать, знавшая мою безумную страсть, не могла не улыбнуться; она позволила мнѣ поймать залетѣвшую къ намъ бабочку, *огромнѣйшую и чудеснѣйшую*, по моимъ словамъ. Но это было не такъ легко сдѣлать. Она летала подъ самымъ потолкомъ и садилась иногда отдыхать на карнизѣ. Я сбѣгалъ за самой длинной рампеткой, поставилъ на столъ стулъ и вкарабкался на него. Мать ушла съ гостями въ залу, чтобы я могъ возиться на просторѣ, а сестра и отецъ остались помогать мнѣ. Отецъ придерживалъ стулъ, на которомъ я стоялъ, а сестрица влезла на столъ и, держа въ рукахъ двѣ горящiя свѣчи (остальныя двѣ мы потушили), вытянувъ руки вверхъ и стоя на цыпочкахъ, свѣтила мнѣ и приманивала бабочку на огонь. Распоряженiя мои увѣнчались успѣхомъ: бабочка стала кружиться около меня и я скоро поймалъ ее. Это была бабочка Большой Павлинъ, немного поменьше летучей мыши. Не берусь описывать, до какой степени я ей обрадовался и какъ я былъ счастливъ тогда! Объ огромномъ Павлинѣ, какъ о великой рѣдкости, наслышался я отъ Фукса; безъ всякаго сомнѣнiя, это была та самая бабочка. У Блуменбаха, описанiе ея совершенно недостаточно, а въ отношенiи къ образованiю крыльевъ вовсе не вѣрно. Вотъ его описанiе: «Ночная бабочка Павлинъ (*Pavonia*) съ гребенчатыми усиками, безъязычная, у коей крылья округленныя, сѣровато-мутныя, съ нѣкоторыми (?) повязками, а на нихъ

нѣсколько прозрачный глазокъ». Пойманная же мною бабочка, признанная въ послѣдствіи за настоящаго Большаго Павлина (*) и профессоромъ Фуксомъ, имѣла крылья не округленныя, а нѣсколько продолговатыя и по краямъ съ меленькими, чуть замѣтными вырѣзками. Пожалуй, можно ихъ назвать сѣровато-мутными, но это не даетъ настоящаго понятія о цвѣтѣ ея крыльевъ; они были прекраснаго пепельнаго цвѣта, съ темноватыми и бѣловатыми по краямъ полосками или струями, съ оттѣнками и переливами такого красиваго узора, что можно было на нихъ заглядѣться. Нижнія крылья были также хороши; но какого-то мутнаго, пепельнаго цвѣта; на всѣхъ четырехъ крыльяхъ находилось по большому кружку или глазку, блиставшему цвѣтомъ павлиныхъ перьевъ, то есть глазковъ, находящихся на длинныхъ перьяхъ въ хвостѣ самца павлина, отчего, вѣроятно, и бабочка названа павлиномъ. Исподъ крыльевъ просто сѣрый, съ бѣлыми жилками, но глазки обозначились и тамъ очень красиво, хотя не такъ ярко, съ примѣсью блѣдно-пунцоваго цвѣта, котораго на верхней сторонѣ совсѣмъ не видно. Хотя лучше было разложить прелестную бабочку при дневномъ свѣтѣ; но я побоялся отложить эту операцію по двумъ причинамъ: если Павлинъ умретъ отъ сжатія грудки, то можетъ высохнуть къ утру (**); если же отдохнетъ, то станетъ биться и можетъ стереть цвѣтную пыль съ своихъ крыльевъ. И такъ, я рѣшился разложить ее сейчасъ, зажегъ нѣсколько свѣчъ и въ присутствіи всѣхъ гостей и моего отца, смотрѣвшихъ съ любопытствомъ на мою работу, благополучно разложилъ чудеснаго павлина.

Само собою разумѣется, что у меня давно уже былъ сдѣланъ прекрасный ящикъ со стекломъ, оклеенный внутри бѣлою бумагою, съ мягкимъ липовымъ дномъ для удобнаго втыканія булавокъ съ бабочками. Мало по малу ящикъ наполнился, по истинѣ, пре-

(*) Бабочекъ Павлиновъ находится три рода: большой, средній и малый. *С. А.*

(**) Мы тогда не знали, что можно раскладывать и сухихъ бабочекъ, размачивая ихъ надъ сырымъ пескомъ въ закрытомъ сосудѣ. *С. А.*

красными и даже рѣдкими экземплярами бабочекъ; но теперь предстоялъ вопросъ: какъ его довезти до Казани на почтовыхъ, въ ямской кибиткѣ? Булавки могутъ повыскакать отъ тряски и тогда одинъ вывалившійся экземпляръ перепортитъ множество другихъ. Оставалось одно средство: во всю дорогу держать ящикъ въ рукахъ; ѣзды было всего сутки, можно ночку и не поспать!

13 августа, утромъ, я уже скакалъ по казанской дорогѣ, именно съ ящикомъ въ рукахъ. На каждой станціи я пробовалъ, крѣпко ли держатся булавки. Бодро не спалъ всю ночь, и только на другой день поутру уступилъ просьбамъ моего Евсеича, который, вызвавшись подержать моихъ бабочекъ, уговорилъ меня «соснуть часокъ-другой.» Къ обѣду пріѣхалъ я благополучно въ Казань, на свою квартиру. Панаевы еще не пріѣзжали. Я немедленно отправился въ университетъ, разумѣется, съ ящикомъ бабочекъ. Я нашелъ Тимьянскаго выздоравливающимъ отъ болѣзни. Онъ, бѣдный, прохворалъ почти все лѣто лихорадкой. Наши бабочки, хранившіяся въ библіотекѣ, и хризалиды и гусеницы находились въ совершенномъ порядкѣ: во все это время неусыпно смотрѣлъ за ними Кайсаровъ,—я не зналъ, какъ и благодарить его! Почти всѣ червяки превратились въ хризалиды, а остальные померли; многіе изъ прежнихъ хризалидъ превратились въ бабочекъ; замѣчательныхъ не оказалось; но всѣ до одной были разложены. Мое деревенское собраніе бабочекъ привело въ восхищеніе Тимьянскаго, Кайсарова и другихъ студентовъ, принимавшихъ болѣе или менѣе участія въ этомъ дѣлѣ. Почти всѣ студенты, уѣзжавшіе на вакацію, воротились къ 15 августа, потому что 16 начинались лекціи. Собраніе насѣкомыхъ Тимьянскаго мало пріобрѣло новаго со времени моего отъѣзда: сколько отъ его болѣзни, столько и отъ того, что ближайшія окрестности Казани не представляли особенныхъ удобствъ къ добыванію новыхъ разнообразныхъ и рѣдкихъ насѣкомыхъ. Что же касается бабочекъ, то не оставалось никакого сомнѣнія, что наше съ Панаевымъ собраніе, не принимая въ разсчетъ того, что̀ привезетъ мой товарищъ, было несравненно лучше собранія Тимьянскаго. Съ мучительнымъ

нетерпѣніемъ ожидалъ я возвращенія друга моего Александра. Что-то удалось поймать ему? И что̀ скажетъ онъ, взглянувъ на моихъ бабочекъ? Я безпрестанно посылалъ узнавать, не пріѣхали ли Панаевы, и самъ нѣсколько разъ ѣздилъ освѣдомляться о томъ же. Наконецъ 15 августа вечеромъ прислали сказать мнѣ изъ дому Панаевыхъ, что «молодые господа сейчасъ пріѣхали» — и черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже на Черномъ Озерѣ. Ящикъ съ бабочками, конечно, былъ со мною; но я завязалъ его платкомъ, чтобъ показать вдругъ съ большимъ эффектомъ тогда уже, когда общее вниманіе будетъ устремлено безъ помѣхи на мои драгоцѣнныя пріобрѣтенія. Послѣ первыхъ радостныхъ объятій и восклицаній, мы оба съ Александромъ въ одинъ голосъ спросили другъ друга: «ну, что̀ же ты привезъ?» Я отвѣчалъ многозначительно, что «привезъ кое-что, чѣмъ онъ будетъ доволенъ.» Панаевъ отвѣчалъ въ такомъ же родѣ съ самодовольною улыбкой; но братья его не вытерпѣли и всѣ четверо вдругъ начали разсказывать и хвалиться своими бабочками, прибавляя, что у меня, «конечно, ничего подобнаго нѣтъ.» — «Ну такъ показывайте», сказалъ я. — «Нѣтъ, покажи напередъ ты!» возразилъ Панаевъ. Въ такихъ перекорахъ прошло нѣсколько минутъ. Наконецъ я уступилъ и открылъ свой ящикъ. Панаевы были поражены, уничтожены; Александръ въ радости бросился меня обнимать. Махаона, то есть Подалиріуса, и Павлина никто не ожидалъ. «Ну, сказалъ Александръ Панаевъ, разсмотрѣвъ внимательнѣе моихъ бабочекъ: — послѣ этого нашихъ нѐчего и показывать! Да и какъ ты сталъ хорошо раскладывать, не хуже меня!» прибавилъ онъ. Но это было несправедливо. Я сталъ лучше прежняго раскладывать — это правда; до Панаева же мнѣ было далеко. Послѣ онъ разглядѣлъ, да я и самъ указалъ ему, многіе мои грѣхи, происшедшіе отъ неловкости и нетерпѣнія. Наконецъ Александръ принесъ свой ящикъ. Цѣльность экземпляровъ, красота и чистота раскладки по истинѣ были изумительны; но, конечно, такихъ рѣдкихъ бабочекъ, какъ Махаонъ и Павлинъ, у него не было. Онъ привезъ около двухъ десятковъ новыхъ экземпляровъ и нѣсколько дубли-

катовъ прежнимъ нашимъ бабочкамъ въ превосходнѣйшемъ видѣ. Лучшія бабочки его были слѣдующія: денная бабочка, которую мы признали за Полихлора *(Polichloros)* по Блуменбаху, значительной величины; она имѣла крылья угловатыя, желто-красныя, съ черными пятнами; на верхнихъ крыльяхъ сверху находились четыре черныя, крупныя точки, идущія отъ конца крылушка къ туловищу. Она имѣла нѣкоторое сходство съ крапивной бабочкой. Другая денная бабочка, которую съ грѣхомъ по-поламъ мы назвали Пафія, тоже по Блуменбаху, была средней величины, крылья имѣла зубчатыя, оранжево-желтыя, съ темно-синими блестящими пятнами. Это была бабочка необыкновенной красоты, но «съ-исподи на крыльяхъ серебряныхъ поперекъ чертъ», какъ пишетъ Блуменбахъ, никакихъ не оказалось. Впрочемъ, это могло происходить отъ случайной причины. Изъ ночныхъ, замѣчательными можно было назвать двухъ бабочекъ: одна изъ нихъ Антиква, довольно большая, имѣвшая крылья очень плоскія, *хорошаго*, то есть, яркаго темно-краснаго цвѣта; на переднихъ или верхнихъ ея крыльяхъ, у задняго угла, находилось по бѣлой лункѣ или пятну. Другая ночная бабочка, признанная всѣми за Смородинную Геометру (*Grossulariata*), имѣла крылья бѣлесоватыя, испещренныя кругловатыми черными пятнышками; на переднихъ крыльяхъ были замѣтны желтыя черточки или желтыя оторочки черныхъ крапинокъ. Особенно были хороши у Панаева средней величины сумеречныя бабочки. Первую изъ нихъ признали мы по Блуменбаху за Сфинкса (*Celerio*), у ней были верхнія сѣрыя или дымчатыя крылья съ продольною чертою, или лучше сказать, двумя чертами, вмѣстѣ соединенными: одна половина черты была черная, а другая бѣлая, заднія крылушки къ корню или туловищу были красныя, каждое съ шестью точками или пятнышками. Про нее сказано у Блуменбаха, что она водится на виноградѣ; но тамъ, гдѣ его нѣтъ, вѣроятно она водится по другимъ кустарникамъ или растеніямъ (*).

(*) Бабочка эта, то есть Сфинксъ, *Celerio*, не водится въ Россіи, по словамъ г. Вагнера. И такъ, надобно предположить, что мы приняли за нее какого нибудь другаго Сфинкса. *С. А.*

Вторую же сумеречную бабочку можно назвать Собачья Голова (*Stellatarum*), по необыкновенно бородастой груди, мохнатому брюшку и заднимъ красновато-желтымъ крылышкамъ; верхнія же крылья несходны съ описаніемъ Блуменбаха: онѣ не бѣлыя и черныя, какъ онъ говоритъ, а самаго простаго сѣраго цвѣта, какъ у всѣхъ обыкновенныхъ свѣчныхъ, ночныхъ бабочекъ. Остальныхъ сумеречныхъ, тоже очень красивыхъ, не часто попадающихся бабочекъ, пойманныхъ Панаевымъ, мы опредѣлить и назвать не могли.

Когда мы соединили наши четыре ящика и привели ихъ въ надлежащій порядокъ, то есть, расположили бабочекъ по родамъ, выставили нумера, составили регистръ съ названіями и описаніями, то по истинѣ наше собраніе можно было назвать превосходнымъ во многихъ отношеніяхъ, хотя конечно не полнымъ. Всѣ студенты соглашались безпрекословно, и уже не было никакого спора, чье собраніе лучше: наше или Тимьянскаго. Можно сказать, что мы съ Панаевымъ торжествовали.

Между тѣмъ начались лекціи и я, чувствуя себя нѣсколько отставшимъ, потому что съ самой весны слишкомъ много занимался бабочками, принялся съ жаромъ догонять моихъ товарищей. Панаевъ тоже. Черезъ недѣлю однако мы рѣшились съ нимъ, по старой привычкѣ и не остывшей еще охотѣ, выдти за городъ, чтобы посмотрѣть, не попадется ли намъ какая-нибудь новая, неизвѣстная порода бабочекъ. Но не только не попалось намъ новой, даже извѣстныхъ бабочекъ встрѣтилось мало, потому что наступилъ уже конецъ Августа и погода очень похолодѣла. Съ этого дня прекратились наши походы за бабочками, и прекратились навсегда! Пришла суровая осень, и все свободное время отъ учебныхъ занятій мы посвятили литературѣ, съ великимъ жаромъ издавая письменной журналъ, подъ названіемъ: «Журналъ нашихъ занятій». Я же сверхъ того сильно увлекся театромъ. У насъ въ университетѣ составились спектакли, которые упрочили мою актерскую славу. Бабочки отошли сначала на второй планъ, но мы съ Панаевымъ еще каждый день смотрѣли ихъ, любова-

лись ими, вспоминали съ удовольствіемъ, какъ доставались намъ лучшія изъ нихъ, и какъ мы были тогда счастливы. Потомъ эти воспоминанія день ото дня становились рѣже и блѣднѣе. Бабочки забывались по немногу и страсть ловить и собирать ихъ начала казаться намъ слишкомъ молодымъ или дѣтскимъ увлеченіемъ. Такъ казалось особенно мнѣ, который былъ привязанъ къ этой охотѣ несравненно горячѣе и страстнѣе Панаева.

Въ непродолжительномъ времени судьба моя была рѣшена моимъ отцомъ и матерью: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ началѣ 1807 года, я долженъ былъ выдти изъ университета для поступленія въ статскую службу въ Петербургѣ.

Въ университетѣ въ это время царствовалъ воинственный духъ. Большая часть казенныхъ студентовъ желала, хотя безнадежно, вступить въ военную службу, чтобъ принять личное и дѣятельное участіе въ войнѣ съ Наполеономъ. Другъ мой Александръ Панаевъ съ братомъ своимъ Иваномъ, нашимъ университетскимъ лирикомъ, также воспламенились браннымъ жаромъ и рѣшились выдти немедленно изъ университета и опредѣлиться въ кавалерію. Они ожидали согласія матери. Воинственному настроенію въ Казанскомъ университетѣ была особенная причина, кромѣ любви къ отчизнѣ и любви къ народной славѣ. Между казенными студентами была одна необыкновенная личность, Петръ Семенычъ Балясниковъ. Онъ былъ отличный студентъ по математикѣ; пылкій, неустрашимый, предпріимчивый и въ тоже время человѣкъ съ желѣзной волей — онъ бы надѣлалъ много славнаго, если бы смерть не пресѣкла рановременно его жизни. При переправѣ Наполеона черезъ Березину, Балясниковъ былъ уже полковникомъ и командовалъ батареей конной артиллеріи; онъ простудился и умеръ горячкой. Этотъ-то Балясниковъ, всегда имѣвшій сильное вліяніе на своихъ товарищей, воспламенялъ теперь всѣхъ воинскимъ жаромъ. Онъ увлекъ даже и тѣхъ, которые, повидимому, не имѣли и, по своему слабому здоровью и мирному настроенію духа, не могли имѣть никакого расположенія къ военной службѣ. Никто, конечно, не думалъ, чтобы маленькій, щедушный Михайло

Ѳоминъ, студентъ необыкновенно умный, дѣльный, тихій, преимущественно занимавшійся литературою, или дорогой мой товарищъ по театру, необыкновенный комическій талантъ, тоже худощавый и кроткой по своимъ наклонностямъ, Петръ Зыковъ — пошли въ военную службу! Но именно такъ случилось на дѣлѣ. Тимьянскій и Кайсаровъ остались однако вѣрными своему ученому назначенію.

Прежде поступленія на службу въ Петербургѣ, мнѣ предстояло еще встрѣтить весну въ деревнѣ, въ моемъ любимомъ Аксаковѣ. Прилетъ птицы приводилъ меня въ восторгъ при одномъ воспоминаніи о той веснѣ, которую я провелъ тамъ, будучи еще восьмилѣтнимъ мальчикомъ; но теперь, когда я могъ встрѣтить весну съ ружьемъ въ рукахъ, прилетъ птицы казался мнѣ такимъ желаннымъ и блаженнымъ временемъ, что дай только Богъ терпѣнья дожить до него и силъ — пережить его. При такомъ настроеніи, не было уже мѣста бабочкамъ въ мечтахъ и желаніяхъ, кипѣвшихъ въ то время въ моей головѣ и душѣ. Сначала я подарилъ свою половину бабочекъ Панаеву, Панаевъ же подарилъ мнѣ прекрасные рисунки лучшихъ изъ нихъ, снятые имъ съ натуры съ большимъ искусствомъ и точностью; а какъ потомъ Панаевъ задумалъ въ военную службу, то мы отдали бабочекъ въ вѣчное и потомственное владѣніе Тимьянскому. Остались ли онѣ его собственностью или онъ пожертвовалъ ихъ въ университетскій кабинетъ натуральной исторіи?—ничего не знаю.

Быстро, но горячо прошла по душѣ моей страсть — иначе я не могу назвать ее — ловить и собирать бабочекъ. Она доходила до излишествъ, до крайностей, до смѣшнаго; можетъ быть, на нѣсколько мѣсяцевъ она помѣшала мнѣ внимательно слушать лекціи.... но нужды нѣтъ! Я не жалѣю объ этомъ. Всякое безкорыстное стремленіе, напряженіе силъ душевныхъ, нравственно полезно человѣку. На всю жизнь осталось у меня отрадное воспоминаніе этого времени, многихъ счастливыхъ, блаженныхъ часовъ. Ловля бабочекъ происходила подъ открытымъ небомъ, она была обстановлена разнообразными явленіями, красотами, чуде-

сами природы. Горы, лѣса и луга, по которымъ бродилъ я съ рамкеткою, вечера, когда я подкарауливалъ сумеречныхъ бабочекъ, и ночи, когда на огонь приманивалъ я бабочекъ ночныхъ, какъ будто не замѣчались мною; все вниманіе казалось было устремлено на драгоцѣнную добычу; но природа, незамѣтно для меня самого, отражалась на душѣ моей вѣчными красотами своими, а такія впечатлѣнія, ярко и стройно возникающія впослѣдствіи, — благодатны, и воспоминаніе о нихъ вызываетъ отрадное чувство изъ глубины души человѣческой.

Москва. Петровскій Паркъ.
1858 годъ, 21 іюля.

О СОЧИНЕНІЯХЪ ПОЭНСО
(POINSOT).

О СОЧИНЕНІЯХЪ ПОЭНСО
(POINSOT).

> Les verités, les inventions les plus utiles ne parvinrent jamais à occuper la place qui leur appartenait legitimemment que de vive force et grâce à l'intervention persévérante de quelques esprits d'elite.
>
> *Араго.*

Разсматривая новѣйшія сочиненія по механикѣ тѣлъ твердыхъ, нельзя не замѣтить съ удивленіемъ, что *теорія паръ,* искусно предложенная къ классической книгѣ Поэнсо: *Elémens de statique,* не обращаетъ на себя того полнаго вниманія геометровъ, которое заслуживаетъ она по ея изящной простотѣ и по ея великой пользѣ въ рѣшеніи механическихъ вопросовъ. Нельзя не удивляться, что геометры остаются почти глухими къ слѣдующимъ убѣдительнымъ замѣчаніямъ Поэнсо:

«Трудно имѣть совершенно ясную идею о движеніи тѣла около точки. Посредствомъ *способа координатъ* составлены такъ называемыя *дифференціальныя уравненія* вращенія тѣлъ, интегрируемыя только для простѣйшаго случая, когда вращеніе происходитъ безъ участія силъ постороннихъ. Эйлеръ и Даламберъ, почти въ одно время, различными способами, рѣшили этотъ важный и трудный вопросъ механики; потомъ столько же знаменитый геометръ, Лагранжъ, снова занимался имъ, глубже проникъ въ него, употребляя также алгебраическія формулы и ихъ преобразованія

*

съ отличнымъ порядкомъ и симетріею. Но *должно согласиться*, что во всѣхъ этихъ рѣшеніяхъ видимъ одни только вычисленія; не видимъ самаго обращенія тѣлъ; посредствомъ болѣе или менѣе продолжительныхъ и сложныхъ вычисленій можно опредѣлить положеніе вращающагося тѣла по истеченіи даннаго времени, но совсѣмъ не видимъ, какимъ образомъ оно доходитъ до этого положенія и какимъ образомъ соединяются между собою силы, обращающія его по тому или другому направленію, съ тою или другою скоростью; словомъ: *формулы закрываютъ явленіе*. Напротивъ, нашъ способъ удовлетворяетъ этому справедливому требованію; въ нашемъ способѣ *все выражается непосредственно самыми данными вопроса, безъ употребленія чуждыхъ ему угловъ или координатъ, вводимыхъ только потому, что рѣшеніе не производится прямымъ путемъ*. Во всякихъ математическихъ изслѣдованіяхъ упомянутыя вспомогательныя количества и происходящія отъ нихъ вычисленія, трудныя, продолжительныя и закрывающія цѣль вопросовъ, доказываютъ, что съ самаго начала разсматриваемъ вопросъ не съ настоящей точки зрѣнія: когда попадемъ на нее, все сдѣлается яснымъ и увидимъ истинный и кратчайшій путь къ рѣшенію.»

Такъ Поэнсо начинаетъ свою «Новую теорію вращенія тѣлъ». Потомъ, кончивъ ея главную часть, онъ прибавляетъ:

«Такимъ образомъ однимъ разсужденіемъ мы достигли до такого яснаго понятія о вопросѣ, котораго геометры не могли извлечь изъ своихъ алгебраическихъ формулъ. Вотъ новый примѣръ, показывающій, какъ полезно разсматривать математическіе вопросы въ нихъ самихъ и не терять изъ вида ихъ цѣли въ продолженіе всего изслѣдованія. Геометры, выразивъ вопросъ уравненіями, обыкновенно приступаютъ къ ихъ преобразованіямъ для окончательнаго рѣшенія; но тогда смыслъ рѣшенія часто скрывается подъ алгебраическими символами, не свойственными вопросу. Искусство дѣлать открытія таится не въ вычисленіяхъ, но въ томъ внимательномъ разсматриваніи предметовъ, посредствомъ котораго пріобрѣтается ясное о нихъ понятіе, сложное *анализируется*, разлагается на части, открывается ихъ взаимная связь, и по-

томъ, обратно, синтетически составляется изъ нихъ цѣлое, такъ что истинный способъ рѣшенія вопросовъ состоитъ въ искусномъ соединеніи анализиса съ синтезисомъ, при чемъ вычисленіе служитъ только орудіемъ, — орудіемъ, безъ сомнѣнія, необходимымъ, но не имѣющимъ никакой собственной силы. *Умъ долженъ не повиноваться, но управлять вычисленіемъ, какъ всякій художникъ управляетъ своими инструментами.*

«Нѣкоторые геометры обольщаютъ себя мечтой о силѣ алгебраическихъ формулъ, потому что довольно легко извлекаютъ изъ нихъ давно уже извѣстныя истины; они думаютъ, что эти истины сами собою входятъ въ формулы, и алгебра даетъ то, чего истинный анализисъ не можетъ дать на другомъ языкѣ. Всякую теорему можно выразить посредствомъ уравненій; справедливая теорема даетъ и безошибочныя уравненія, и безошибочныя ихъ преобразованія, приводящія къ какой нибудь окончательной формулѣ. Отсюда начинаютъ обратный путь и посредствомъ вычисленія возвращаются къ теоремѣ, принятой въ основаніе уравненій Не видна ли здѣсь логическая ошибка? Этого мало: нашъ способъ ясно открываетъ, что въ формулахъ Эйлера или Лагранжа дѣйствительно содержатся наши коренныя понятія о вращеніи тѣлъ; но до сихъ поръ ни одинъ геометръ не открылъ въ нихъ нашихъ идей, даже, не смотря на различныя преобразованія этихъ формулъ, ни одинъ геометръ не думалъ, чтобъ эти формулы были непосредственными слѣдствіями предварительнаго разсмотрѣнія смысла вопроса, до чего мы достигли совсѣмъ другимъ путемъ; поэтому надобно согласиться, что формулы, *какъ составляемыя безъ сознанія истиннаго смысла вопроса*, не могли быть очевидными, ощутительными выраженіями свойствъ вращательнаго движенія и не приводили къ прямому и легкому ихъ приложенію къ явленіямъ въ природѣ.

«Такъ называемый *аналитическій способъ* разрѣшать вопросы механики немного подвинулъ науку впередъ; онъ не открылъ почти ни одной новой истины и едва ли облегчилъ самыя вычисленія. Примѣромъ тому служитъ формула *умозрительныхъ скоростей*. Никто еще не вывелъ изъ нея ни одной новой теоремы;

даже для полученія изъ нея основныхъ истинъ механики надобно предварительно знать и самую науку и пріобрѣсть большой навыкъ въ алгебраическихъ вычисленіяхъ. Извлекать изъ этой формулы упомянутыя истины гораздо труднѣе изученія всей механики. Знаменитый авторъ «Аналитической Механики» захотѣлъ въ одну формулу заключить всю науку и вполнѣ достигъ своей цѣли; но мысли его не поняли, вообразивъ, что его формула есть начало, основаніе механики, а не слѣдствіе полнаго и глубокаго ея знанія; не поняли, что не въ приложеніяхъ этой формулы къ рѣшенію механическихъ вопросовъ, сдѣланныхъ авторомъ какъ бы для ея повѣрки, заключается истинный анализисъ, но въ его краткихъ разборахъ различныхъ методъ и въ разсмотрѣніи началъ, на которыхъ въ разныя времена и разные геометры основывали механику. Эти разборы надобно считать образцовою исторіею успѣховъ человѣческаго ума, обыкновенно съ великимъ трудомъ попадающаго на истинную дорогу. Итакъ, не будемъ думать, что для образованія науки стоитъ только превратить ее въ алгебраическія формулы. Нѣтъ, наука составляется посредствомъ изученія самыхъ ея предметовъ и посредствомъ отчетливаго соображенія пріобрѣтенныхъ знаній. При томъ, не забудемъ, что выводы изъ нашихъ вычисленій всегда требуютъ повѣрки или опытомъ, или сличеніемъ ихъ съ основными истинами. Если иногда вычисленіе какой нибудь формулы приводитъ къ новой истинѣ, то не надобно полагать, что только эта формула можетъ содержать открытую истину, и умъ нашъ не долженъ тутъ останавливаться; онъ долженъ вспомнить, что истины не зависятъ отъ методы вычисленія, и поискать простѣйшихъ средствъ, способныхъ дѣлать истины очевидными. Вотъ главная и великая цѣль математическихъ изслѣдованій.»

Оставляя въ сторонѣ изслѣдованіе причинъ, для которыхъ геометры невнимательны къ этимъ глубокомысленнымъ наставленіямъ—оставляя потому, что мы далеко уклонились бы отъ главной нашей цѣли и, можетъ быть, оскорбили бы самолюбіе тѣхъ геометровъ, на которыхъ прямо падаютъ обличенія Поэнсо — приступаемъ къ объясненію, какимъ образомъ мы понимаемъ

путь, по которому этотъ мыслящій геометръ достигъ до простѣйшихъ способовъ рѣшенія вопросовъ механики и потомъ доказалъ ихъ великую пользу въ приложеніи къ двумъ важнѣйшимъ вопросамъ физической астрономіи.

Архимеда, родившагося за 287 лѣтъ до Р. Х., должно считать основателемъ статики и гидростатики, т. е. наукъ о равновѣсіи твердыхъ и жидкихъ тѣлъ, потому что онъ первый доказалъ теорему о равновѣсіи грузовъ на простѣйшей машинѣ, на рычагѣ, и первый открылъ законъ равновѣсія твердыхъ тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость. Поэнсо начинаетъ статику также теоремою о равновѣсіи на рычагѣ, основаніемъ соединенія и разложенія силъ параллельныхъ. Разсматривая всѣ случаи направленія данныхъ параллельныхъ силъ, тотчасъ встрѣчаемся съ тѣмъ изъ нихъ, въ которомъ двѣ параллельныя силы не имѣютъ составной; слѣдственно, такія силы не можно приводить въ равновѣсіе одною силою. Эта теорема была извѣстна всѣмъ геометрамъ; но никто не обращалъ на нее особеннаго вниманія, и, кажется, по той причинѣ, что никто не замѣчалъ особеннаго дѣйствія двухъ упомянутыхъ силъ: это дѣйствіе состоитъ въ томъ, что онѣ обращаютъ рычагъ, къ концамъ котораго приложены, и такое обращеніе можетъ быть остановлено только дѣйствіемъ такихъ же двухъ новыхъ силъ, имѣющихъ прямо-противное направленіе съ первыми. Это замѣчаніе чрезвычаіно просто, но обильно важными слѣдствіями, посредствомъ которыхъ Поэнсо исключилъ изъ статики все темное и затруднительное. До сихъ поръ многіе геометры уклоняются отъ способа Поэнсо, но современемъ непремѣнно всѣ пойдутъ за нимъ: такова участь всѣхъ великихъ и полезныхъ истинъ, всегда осужденныхъ на борьбу съ учеными и личными предразсудками и предубѣжденіями.

Вотъ главное слѣдствіе изъ упомянутаго замѣчанія: если твердое тѣло въ одно время движется *поступательно* и обращается около какой нибудь оси или точки, то силы, произведшія эти дав одновременныя движенія, должны непремѣнно соединяться въ одну силу и въ такія двѣ параллельныя, которыя на рычагѣ не имѣютъ силы составной и которыя Поэнсо назвалъ *парою,* потому

что только первая можетъ произвести движеніе поступательное, а двѣ послѣднія — вращеніе тѣла. Это прямое и естественное заключеніе, содержащее въ себѣ всю науку о равновѣсіи, до Поэнсо никому не приходило на умъ. Правда, можно полагать, что Вариньйонъ видѣлъ необходимость въ основной теоремѣ для объясненія вращенія тѣлъ, искалъ ее и открылъ теорему о такъ называемыхъ *моментахъ* на параллелограммѣ силъ,—теорему остроумную, но искусственную, потому что она извлечена не изъ явленій, но изъ геометрическаго строенія; даже трудно объяснить, какою послѣдовательностью идей достигъ до нея знаменитый геометръ. Лагранжъ думаетъ, что Вариньйонъ могъ открыть свою теорему, стараясь найдти связь между правиломъ равновѣсія на рычагѣ и параллелограмомъ силъ; но, кажется, эту связь усмотрѣлъ самъ Лагранжъ, а не Вариньйонъ, который въ своей теоремѣ признавалъ только ту пользу, что составленіе и разложеніе силъ посредствомъ ихъ параллелограма можетъ быть превращено въ простое ихъ сложеніе и вычитаніе; слѣдами же вращательнаго движенія, видимыми въ его теоремѣ, онъ не воспользовался, потому что хотя произведеніе силы на перпендикулярную къ ней линію изъ какой нибудь точки назвалъ онъ *моментомъ*, однако, не объяснилъ, что это произведеніе можетъ быть мѣрою дѣйствія или *энергіи* вращающей силы.

Напротивъ того, Поэнсо, понявъ всю пользу дѣйствія паръ, тотчасъ приступилъ къ развитію ихъ теоріи и прежде всего показалъ, какимъ образомъ должно измѣрять ихъ дѣйствіе, и объяснилъ, что *моментъ* не есть простое произведеніе, но именно выражаетъ *энергію* пары, потому что отъ равенства или неравенства моментовъ параллельныхъ силъ, приложенныхъ къ рычагу, зависитъ равновѣсіе или неравновѣсіе на этой простѣйшей машинѣ, и что слово *моментъ* не есть условное названіе, но употребленіе его въ смыслѣ *энергіи* силы имѣетъ законное основаніе, потому что оно заимствовано отъ латинскаго слова *momentum*, означающаго *вѣсъ, силу*. Но какъ дѣйствіе силы на рычагѣ зависитъ отъ соотвѣтствующаго его плеча, то уже само собою слѣдуетъ, что произведеніе этого плеча на силу можно и *должно* называть *моментомъ*.

Такимъ образомъ, Поэнсо, въ самомъ началѣ своей удивительной статики, на основаніи глубокой идеи, содержащейся въ выше-предложенномъ заключеніи, освѣщаетъ свою науку яркимъ и навсегда неугасаемымъ свѣтомъ, потому что только изъ этой книги можно получить ясное понятіе о составленіи и разложеніи силъ и объ ихъ равновѣсіи. Этому мнѣнію о высокомъ достоинствѣ сочиненія Поэнсо не будетъ удивляться ни одинъ читатель, который безпристрастно и безъ предубѣжденія изучитъ его и сравнитъ съ другими многими учебниками механики. Изъ нихъ только одинъ, изданный Навье, нѣсколько приближается къ сочиненію Поэнсо въ тѣхъ статьяхъ, въ которыхъ Навье неуклонно слѣдуетъ за Поэнсо и которыя можно считать хорошими комментаріями на идеи Поэнсо.

У Поэнсо собственно статика вся содержится въ первой главѣ его книги, оканчивающейся двумя слѣдующими теоремами: 1) Всякія силы и всякое ихъ число всегда соединяются въ одну силу, проходящую чрезъ произвольную точку, и въ одну пару, которой плоскость вообще бываетъ наклонена къ направленію силы. 2) Всякія силы и всякое ихъ число произведутъ равновѣсіе, когда, по перенесеніи силъ параллельно ихъ направленіямъ въ какую нибудь точку, уничтожается и составная изъ нихъ пара. Прочія главы статики Поэнсо содержатъ приложенія этихъ теоремъ къ различнымъ случаямъ, выраженіе ихъ алгебраическими и тригонометрическими знаками и основныя теоремы о центрахъ тяжести тѣлъ и условія равновѣсія на простыхъ машинахъ. Весь трудъ Поэнсо отличается необыкновенною ясностію и простотою; его *математическое изящество* доведено до крайняго совершенства, и единственно помощью перенесенія данныхъ силъ въ произвольную точку параллельно ихъ направленіямъ.

Если по содержанію сочиненія позволительно догадываться о побудительной его причинѣ, то, по нашему мнѣнію, разсужденіе Поэнсо подъ названіемъ: *О составленіи моментовъ и площадей,* помѣщенное въ VI томѣ «Журнала Политехнической Школы» (1806 г.), заставляетъ подозрѣвать, что французскіе ученые не нашли статики Поэнсо удовлетворительною, и, вѣроятно, они замѣтили въ ней

недостатокъ полной теоріи моментовъ относительно осей, хотя въ концѣ главы II и помѣщена основная теорема о величинѣ момента составной пары относительно произвольной оси, выраженной посредствомъ моментовъ той же пары относительно осей координатъ. Такъ думаемъ потому, что Поэнсо, напомнивъ всѣ главныя теоремы о парахъ, помѣщенныя въ статикѣ, тотчасъ прибавляетъ: «Эти теоремы, какъ сейчасъ увидимъ, содержатъ не только теорію моментовъ во всей ея общности, но и теорію площадей, которыя суть тоже въ движеніи, что̀ моменты въ равновѣсіи. Сверхъ того, теоремы обѣихъ теорій доказываются такъ же просто, какъ параллелограммъ силъ; слѣдственно, *пары* позволяютъ высшіе вопросы механики помѣщать въ ея *элементахъ*.» Это замѣчаніе оправдалъ Поэнсо такимъ блистательнымъ образомъ, какого, думаемъ, геометры не ожидали; но, къ сожалѣнію, и этотъ урокъ не побѣдилъ ихъ пристрастія къ способу координатъ, посредствомъ котораго тѣ же теоремы доказываются съ большимъ трудомъ, особенно теорема о наименьшемъ моментѣ изъ наибольшихъ *(minimum maximorum)*.

Дополнивъ, такимъ образомъ, все предложенное въ его статикѣ относительно равновѣсія силъ въ свободныхъ твердыхъ тѣлахъ, или, какъ говорятъ геометры, въ свободныхъ и неизмѣняемыхъ системахъ вещественныхъ точекъ, Поэнсо, во второмъ разсужденіи, помѣщенномъ въ томъ же томѣ «Политехническаго Журнала», предложилъ и общее правило равновѣсія во всякихъ системахъ. Разсмотримъ это разсужденіе съ нѣкоторою подробностію, по второй его редакціи, постоянно помѣщаемой нынѣ при статикѣ Поэнсо.

«Введеніе» къ своему разсужденію Поэнсо назначилъ для объясненія истиннаго значенія и цѣли «Аналитической Механики» Лагранжа, которую до сихъ поръ многіе ошибочно считаютъ за *дѣйствительную механику*, и не видятъ въ ней «академическаго разсужденія» великаго геометра, показавшаго, что всѣ механическіе вопросы можно если не разрѣшать, то, по крайней мѣрѣ, выражать алгебраическими уравненіями, выводимыми изъ одного общаго, составленнаго по частнымъ наблюденіямъ надъ отношеніями

между силами и скоростями въ простыхъ машинахъ. Вотъ что пишетъ объ этомъ предметѣ самъ Поэнсо:

«Правило *умозрительныхъ скоростей* и другія общія основанія механики извѣстны съ давняго времени. *Галилей* первый замѣтилъ въ машинахъ отношеніе между силами и скоростями тѣхъ точекъ, къ которымъ приложены силы, когда равновѣсіе въ машинѣ нарушится безконечно-мало. Иванъ Бернулли понялъ всю обширность этого замѣчанія и выразилъ его въ той общности, съ которою оно употребляется нынѣ новѣйшими геометрами. Вариньйонъ и другіе геометры до Лагранжа повѣрили правило Галилея почти всѣми вопросами статики и хотя не доказали его *à priori,* однако, убѣдились въ томъ, что оно можетъ считаться общимъ закономъ равновѣсія системъ.

«Послѣ этого Лагранжу пришла счастливая мысль принять правило умозрительныхъ скоростей за *аксіому* и, не останавливаясь на немъ самомъ, извлечь изъ него единообразный алгебраическій пріемъ для составленія уравненій равновѣсія и движенія всѣхъ возможныхъ системъ. Такимъ образомъ, Лагранжъ перешагнулъ чрезъ всѣ трудности механики и написалъ сочиненіе, въ которомъ вся наука превращена въ *алгебраическій вопросъ* и которое представляетъ поразительный примѣръ силы анализиса.

«Но этотъ смѣлый шагъ великаго аналиста ввелъ многихъ въ заблужденіе: видя, что изъ одной формулы разрѣшены многіе вопросы механики, они вообразили себѣ, что Лагранжъ *сотворилъ, а не обошелъ* науку, и рѣшили, что остается только *доказать* правила умозрительныхъ скоростей. Тутъ-то вышли наружу всѣ затрудненія, отъ которыхъ уклонился Лагранжъ, *принявъ слѣдствіе законовъ равновѣсія за ихъ начало и за аксіому*. Тутъ-то увидѣли, что эта аксіома, содержащая въ себѣ смутныя понятія о безконечно-малыхъ движеніяхъ и о нарушеніи равновѣсія, тѣмъ болѣе теряетъ свою очевидность, тѣмъ болѣе затемняется, чѣмъ болѣе и прилежнѣе разсматриваютъ ее. Тутъ-то наконецъ поняли, что въ книгѣ Лагранжа ясно и удивительно одно только вычисленіе, и то потому, что все темное собрано въ одно мѣсто— въ начало его труда.

«Доказать правило умозрительныхъ скоростей значитъ основать механику на новомъ *началѣ*, потому что для доказателества *явленія*, замѣченнаго во всѣхъ машинахъ, надобно найдти законъ общій, очевидный или, по крайней мѣрѣ, простѣйшій самаго *явленія*, которое послѣ того останется уже безполезнымъ для науки. Счастливое приложеніе правила умозрительныхъ скоростей заставило геометровъ искать для него прямаго доказательства; но при этомъ они забыли, что, достигнувъ своей цѣли, т. е. нашедши новый, простѣйшій законъ, лишатъ правило Галилея важнѣйшаго его достоинства — полезнаго употребленія въ сложныхъ вопросахъ механики, которое, впрочемъ, обнаруживаетъ въ одно время и искусство въ алгебраическихъ вычисленіяхъ и недостатокъ прямаго ихъ рѣшенія.

«Итакъ, при томъ состояніи, въ которое Лагранжъ привелъ механику въ своей книгѣ, не надобно искать доказательства принятой имъ аксіомы: его «Аналитическую Механику» должно оставить неприкосновенною, какъ твореніе *особеннаго рода* и вмѣстѣ съ тѣмъ обладающее всѣмъ возможнымъ для него совершенствомъ. Если найдете и присоедините къ ней доказательство умозрительныхъ скоростей, въ полномъ его развитіи, то одно и то же сочиненіе повторите два раза, потому что искомое доказательство непремѣнно будетъ содержать въ себѣ всю механику, что̀ можно понять изъ самаго лагранжева разбора различныхъ теоремъ, принимаемыхъ геометрами для основанія науки. Итакъ, повторяю, надобно искать не доказательства для темнаго правила умозрительныхъ скоростей, но основанія новаго, яснаго, извлеченнаго изъ самаго понятія о равновѣсіи силъ.»

Послѣ этихъ глубокомысленныхъ замѣчаній, особенно полезныхъ для преподавателей механики, которые въ своихъ урокахъ должны излагать основанія науки, а не «академическія разсужденія», если въ нихъ нѣтъ чего нибудь такого, что̀ можно причислить къ ея основаніямъ, посмотримъ, какимъ образомъ Поэнсо разрѣшилъ свою важную задачу.

Поэнсо начинаетъ свое рѣшеніе аксіомою, изъ которой слѣдуетъ, что условія равновѣсія силъ на тѣлахъ твердыхъ или на

неизмѣняемой системѣ вещественныхъ точекъ должны входить и въ условія равновѣсія, на всякихъ системахъ измѣняемыхъ; самая же аксіома состоитъ въ томъ, что когда данныя силы находятся въ равновѣсіи на какой нибудь системѣ измѣняемой, т. е., когда силы уничтожаютъ движеніе и во всей системѣ и въ ея частяхъ, тогда она превращается въ систему неизмѣняемую, и потому очевидно, что равновѣсіе не нарушится, когда всѣ или, нѣкоторыя части системы вдругъ сдѣлаются неизмѣняемыми, или, такъ сказать, система *отвердѣетъ*. Итакъ, *общее правило*, или начало *равновѣсія* должно искать въ условіяхъ равновѣсія системы неизмѣняемой. Эти условія выражаются различнымъ образомъ; но, разсматривая ихъ, найдемъ, что во всякомъ случаѣ для равновѣсія необходимо, чтобы силы, приложенныя къ различнымъ точкамъ системы, разлагались на двѣ силы равныя и прямопротивныя, дѣйствующія по прямымъ линіямъ, соединяющимъ точки приложенія силъ, такъ что искомое *начало равновѣсія* есть не иное что, какъ простая и для всѣхъ ясная аксіома: *двѣ равныя прямопротивныя силы взаимно уничтожаются.* На основаніи этой аксіомы, Поэнсо сперва доказалъ, что въ неизмѣняемой системѣ разложеніе силъ на двѣ равныя и прямопротивныя приводитъ къ шести извѣстнымъ уравненіямъ, просто и очевидно получаемымъ изъ переноса силъ въ одну какую нибудь точку параллельно ихъ направленіямъ. Потомъ онъ замѣчаетъ, что въ неизмѣняемой системѣ отношеніе линій, соединяющихъ ея точки, не имѣетъ никакого вліянія на величины разложенныхъ силъ; но въ системѣ измѣняемой, въ которой перемѣняются разстоянія между ея точками, одного разложенія на двѣ равныя и прямопротивныя силы недостаточно для равновѣсія: надобно, чтобъ между величинами этихъ силъ были отношенія, зависящія отъ функцій, составленныхъ изъ перемѣняющихся разстояній между точками системы, т. е. отъ функцій, выражающихъ свойства и обстоятельства измѣняющейся системы. Такимъ образомъ, задача превращается въ опредѣленіе упомянутыхъ отношеній, т. е. въ задачу, которая уже весьма просто разрѣшается геометріею, съ помощью выше объясненной законности предполагать неподвижность какихъ угодно точекъ системы.

Вотъ доказательство *общаго правила равновѣсія системъ*, простое, ясное и основанное на первоначальномъ понятіи о равновѣсіи силъ. Знаменитая *теорема о воображаемыхъ скоростяхъ* проистекаетъ изъ него непосредственно и становится понятною только въ томъ случаѣ, когда будемъ смотрѣть на нее, какъ на слѣдствіе общаго правила равновѣсія (*); слѣдственно «Аналитическая Механика» Лагранжа должна быть изучаема единственно послѣ *дѣйствительной механики*, и потому великую услугу наукѣ окажетъ тотъ изъ геометровъ, который приметъ на себя не блестящій, но полезнѣйшій трудъ составить статику по разсужденіямъ Поэнсо, расположеннымъ въ систематическомъ и естественномъ порядкѣ содержащихся въ нихъ изслѣдованій. Такая книга много бы сократила, облегчила преподаваніе механики, уничтожила бы въ немъ разногласіе и была бы надежнымъ *фундаментомъ* для уразумѣнія высшихъ вопросовъ этой науки. Вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожилась бы необходимость перечитывать множество книгъ, безпрестанно издаваемыхъ, и по большей части съ неосновательными претензіями на усовершенствованіе науки. Къ числу подобныхъ книгъ относимъ механику Делонэ, съ громкимъ эпитетомъ: *раціональная*.

Поэнсо не ограничился усовершенствованіемъ одной статики: онъ показалъ, что его теорія паръ способна объяснить труднѣйшіе вопросы динамики и физической астрономіи. Изложеніе этихъ трудовъ Поэнсо составляетъ главную цѣль нашей записки.

III отдѣленіе вышеупомянутаго разсужденія «о составленіи моментовъ и площадей» содержитъ приложеніе теоріи паръ къ динамикѣ, въ которой *сохраненіе движенія центра тяжести* и *сохраненіе площадей* принадлежитъ къ основнымъ теоремамъ.

Вообразимъ систему тѣлъ, совершенно свободную и не подлежащую дѣйствію силъ внѣшнихъ, но въ которой тѣла движутся и какимъ нибудь образомъ дѣйствуютъ другъ на друга: если изъ

(*) Коши также понималъ высокое достоинство теоріи Поэнсо и *своимъ маneромъ* изложилъ ее во второмъ году (1828) своихъ «Математическихъ упражненій».

произвольной точки, или *фокуса*, проведемъ прямыя линіи, или *радіусы-векторы* ко всѣмъ равнымъ частицамъ этой системы и описываемыя ими площади проложимъ на одну плоскость, то сумма этихъ проложеній всегда постоянна, т. е. ея величина всегда бываетъ пропорціональна времени, не смотря на перемѣны каждаго изъ проложеній, производимыя взаимнымъ дѣйствіемъ тѣлъ. Эта теорема называется *сохраненіемъ площадей*. Она открыта не вдругъ и не *à priori*.

Кеплеръ первый вздумалъ обратить вниманіе на вырѣзки, описываемыя радіусами-векторами планеты, обращающейся около солнца. Трудно сказать, какая причина побудила его вычислять эти вырѣзки; но позволительно догадываться, что трудное для того времени вычисленіе онъ началъ не случайно, потому что въ природѣ умъ нашъ всегда старается открывать законы постоянные, изъ которыхъ можно было бы объяснять всѣ однородныя явленія и опредѣлять отношенія между ихъ измѣненіями. Древніе астрономы, судя по видимымъ движеніямъ небесныхъ тѣлъ, учили, что планеты описываютъ круги движеніемъ равномѣрнымъ, и замѣчаемыя въ ихъ обращеніяхъ неправильности приписывали тому, что земля находится не въ самомъ центрѣ этихъ обращеній; но сравненіе многочисленныхъ наблюденій показало Кеплеру, что пути планетъ не круги, а эллипсисы, которыхъ одинъ фокусъ соотвѣтствуетъ не землѣ, а солнцу. Въ эллипсисахъ радіусы-векторы и описываемые ими углы не имѣютъ постоянныхъ величинъ, и потому можно предположить, что, увѣрившись въ несуществованіи постояннаго закона своихъ предшественниковъ, Кеплеръ вздумалъ искать его въ отношеніяхъ между радіусами-векторами и ихъ углами или даже площадями планетныхъ орбитъ и нашелъ, что эти площади пропорціональны временамъ. Послѣ Кеплера, законъ его, выведенный изъ наблюденій, законъ *эмпирическій*, доказанъ былъ Ньютономъ изъ теоремы, относящейся къ движенію всякаго тѣла, привлекаемаго какою нибудь силою къ постоянному центру. Наконецъ, въ половинѣ прошедшаго столѣтія, Дарси, Даніилъ Бернулли и Эйлеръ, почти въ одно время, открыли болѣе общую теорему, которую, впрочемъ, должно считать только распростра-

неніемъ теоремы Ньютона на многія тѣла, связанныя взаимнымъ дѣйствіемъ и подлежащія силамъ, направляющимся къ одной и той же постоянной точкѣ. Въ такой системѣ тѣлъ, обращающейся около постоянной точки, площади, описываемыя каждымъ изъ нихъ, не имѣютъ постоянной величины: онѣ измѣняются взаимнымъ ихъ дѣйствіемъ; но, будучи проложены на одну неподвижную плоскость и помножены на соотвѣтствующія массы тѣлъ, даютъ постоянную сумму проложеній, которая сохраняетъ свою величину, какъ въ движеніи одного тѣла, согласно вычисленіямъ Кеплера.

Сохраненіе центра тяжести состоитъ въ томъ, что свободная система тѣлъ, связанныхъ взаимнымъ дѣйствіемъ, движется независимо отъ этого дѣйствія и такъ, какъ бы всѣ массы тѣлъ соединены въ центрѣ тяжести системы и всѣ внѣшнія силы приложены къ тому же центру тяжести. Сверхъ того, если система тѣлъ не подлежитъ дѣйствію внѣшнихъ силъ, а движется съ *первоначальною скоростью*, то ея центръ тяжести движется прямолинейно. Это второе правило о движеніи центра тяжести системы совершенно соотвѣтствуетъ *закону косности*, общему для всѣхъ тѣлъ и для всякихъ обстоятельствъ ихъ движенія.

Въ доказательствахъ Поэнсо этихъ главныхъ теоремъ динамики, предложенныхъ въ вышеупомянутомъ разсужденіи, по нашему мнѣнію, ни одинъ мыслящій читатель не найдетъ той простоты и ясности или той полной удовлетворительности, которыми отличается его статика; поэтому обращаемся къ концу разсужденія «объ общемъ правилѣ равновѣсія и движенія», гдѣ находимъ драгоцѣнныя замѣчанія, указывающія на вѣрный путь къ рѣшенію всѣхъ вопросовъ механики, а слѣдственно и двухъ объясненныхъ теоремъ. Эти замѣчанія необширны, и потому выписываемъ ихъ вполнѣ:

«По объясненіи теоремъ о равновѣсіи и движеніи свободной точки, представляется вопросъ: если многія точки бываютъ соединены между собою какими нибудь условіями, то по какимъ правиламъ системы ихъ приводятся въ равновѣсіе и движеніе? Естественный отвѣтъ на этотъ вопросъ, содержащій въ себѣ всю механику, извлекается изъ простѣйшаго разсужденія: когда вся си-

стема находится въ равновѣсіи, тогда остается неподвижною каждая ея точка подъ дѣйствіемъ силъ, непосредственно къ ней приложенныхъ, и препятствій, происходящихъ отъ взаимной связи точекъ. Также, если система въ движеніи, то каждая ея точка движется, какъ точка свободная, повинующаяся силамъ внѣшнимъ и силамъ, производимымъ упомянутыми препятствіями. Итакъ, умѣя опредѣлять взаимныя препятствія точекъ и соединяя ихъ съ внѣшними силами, нетрудно уже, при всякомъ данномъ вопросѣ, составлять условія равновѣсія и движенія, такъ что *все ученіе механики состоитъ въ опредѣленіи взаимныхъ препятствій, производимыхъ условіями соединенія частей системы.*

«Но *общее* правило для этого опредѣленія требуетъ *общаго воззрѣнія*, или выраженія въ *общей формѣ* условій соединенія частей системы. Эта форма выраженія зключается въ самомъ понятіи *системы,* которое состоитъ въ томъ, что, при всякой перемѣнѣ въ мѣстахъ ея частей, всегда существуютъ какія нибудь функціи координатъ этихъ частей, равныя *нулю* или вообще количеству постоянному, и какъ отъ каждой такой функціи частямъ системы сообщаются силы пропорціональныя *первымъ производнымъ функціямъ* отъ упомянутой условной функціи, то эти-то силы должно соединять съ силами посторонними и послѣ того каждую часть системы считать свободною.»

На основаніи этого яснаго умозрѣнія, Поэнсо выводитъ общія формулы равновѣсія и движенія и сопровождаетъ ихъ замѣчаніемъ, что онѣ дѣлаютъ ненужными и теорему о воображаемыхъ скоростяхъ и знаменитую теорему Даламбера, соединяющую статику съ динамикою. Этого замѣчанія нельзя принять безусловно, потому что та и другая теорема могутъ служить полезными вспомогательными средствами для выраженія уравненіями механическихъ вопросовъ, особенно вторая, съ которою теорія паръ соединяется самымъ очевиднымъ и естественнымъ образомъ и которая обнаруживаетъ неосновательность попытокъ начинать механику динамикою, а не статикою.

Это краткое обозрѣніе сочиненій Поэнсо, относящихся къ статикѣ и къ общимъ основаніямъ динамики, кажется, можетъ

уже оправдать наше сожалѣніе о томъ, что геометры, особенно преподаватели механики, не обращаютъ на нихъ всего достойнаго ихъ уважительнаго вниманія; но рѣшительное оправданіе нашего мнѣнія читатели найдутъ въ слѣдующемъ разсмотрѣніи двухъ новыхъ сочиненій того же глубокомысленнаго геометра, вышедшихъ въ свѣтъ въ 1851 и 1852 годахъ.

Эти два разсужденія, изъ которыхъ первое называется «Новая теорія вращенія тѣлъ», второе же—«Предвареніе равноденствій», представляютъ торжество теоріи паръ и высокаго искусства въ ихъ приложеніи къ рѣшенію труднѣйшихъ вопросовъ механики. Здѣсь-то Поэнсо во всей очевидности показываетъ, что до сихъ поръ употребляемые въ ихъ рѣшеніхъ способы дѣйствительно закрывали ихъ смыслъ; цѣль продолжительныхъ вычисленій была не видна; совсѣмъ нельзя было понимать, какимъ образомъ притяженія сонца и луны производили вращеніе оси эклиптики около оси экватора и заставляли первую періодически то удаляться отъ второй, то приближаться къ ней, и наконецъ Поэнсо отрылъ нѣсколько новыхъ замѣчательныхъ истинъ и, что всего важнѣе, опредѣлилъ теоретически величину средняго предваренія равноденствій, безъ помощи наблюденій, изъ которыхъ получались всегда различные результаты.

Эскизъ, или программа перваго разсужденія была издана еще въ 1834 г. Авторъ, изложивъ въ ней основанія своихъ изслѣдованій, показалъ, что обращеніе тѣлъ около осей и точекъ не можно понимать безъ теоріи паръ, которая вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшаетъ вопросы безъ помощи трудныхъ и продолжительныхъ вычисленій, и наконецъ объяснилъ, что обращеніе тѣла около точки можно представить обращеніемъ одного конуса по другому неподвижному, при чемъ конецъ мгновенной оси, или *полюсъ* вращенія, въ одно время описываетъ двѣ кривыя линіи, одну въ пространствѣ, а другую на тѣлѣ, изображающія всѣ перемѣны движенія. Но къ этой программѣ геометры оставались равнодушными: ни одинъ изъ нихъ не вздумалъ составить по ней *полнаго* разсужденія со всѣми вычисленіями, на которыя указывалъ Поэнсо.

Въ «Математическомъ Журналѣ» Ліувилля (сентябрь 1836 г.)

помѣщено небольшое разсужденіе инженера Гилема *(Guilhem)*, въ которомъ авторъ изъ соединенія и разложенія вращательныхъ движеній около данныхъ осей вывелъ только эйлеровы уравненія этихъ движеній; но главный недостатокъ его записки состоитъ въ томъ, что въ ней опущено основаніе законности и внутренняго смысла геометрическаго строенія. Потомъ Навье ввелъ въ свою механику (1841г.) *центральный эллипсоидъ*, котораго прямоугольныя оси совпадаютъ съ *главными осями* вращающагося тѣла и радіусы-векторы обратно пропорціональны квадратному корню изъ *моментовъ косности* относительно этихъ радіусовъ. Наконецъ въ сборникѣ «механическихъ задачъ» Жюльена находимъ уже рѣшенія многихъ задачъ по способамъ Поэнсо, и даже вычислены среднее предвареніе равноденствій и величина колебанія земной оси; но эти рѣшенія и вычисленія сдѣланы уже послѣ изданія двухъ вышеупомянутыхъ полныхъ разсужденій Поэнсо, къ которымъ теперь обращаемся.

Первая глава «Новой теоріи вращенія тѣлъ» содержитъ разсмотрѣніе вращательнаго движенія въ немъ самомъ, не обращая внимая на производящія его силы. Простѣйшій видъ этого движенія состоитъ въ обращеніи тѣла около неподвижной оси. Съ него начинаетъ Поэнсо и, давъ понятіе объ *угловой скорости*, приступаетъ къ составленію и разложенію обращенія тѣлъ около осей. Это составленіе и разложеніе обращенія тѣлъ, подобное составленію и разложенію силъ, производящихъ движеніе поступательное, законно потому, что тѣло можетъ обращаться только парою; слѣдственно, составленіе и разложеніе вращательныхъ движеній есть собственно составленіе и разложеніе паръ, дѣйствующихъ въ плоскостяхъ, перпендикулярныхъ къ осямъ. Вотъ это простое замѣчаніе пропустилъ Гилемъ, и оттого небольшая его записка для многихъ можетъ казаться загадкою; но Поэнсо, желающій научать, а не щеголять свою ученостію, не пренебрегъ такимъ замѣчаніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ на теорему Вариньйона, для уразумѣнія которой — упоминаемъ мимоходомъ — надобно вспомнить, что въ *параллелограммѣ силъ* проложеніе составной на какую нибудь ось равняется суммѣ проложеній силъ союзныхъ.

*

Изслѣдованія свои о составленіи и разложеніи вращательныхъ движеній около осей Поэнсо ведетъ совершенно *параллельно* съ теоріею паръ и приходитъ къ весьма замѣчательной и неожидаемой теоремѣ: *если тѣло побуждаемо обращаться около двухъ параллельныхъ осей съ равными скоростями, но по направленіямъ противоположнымъ, то его вращательное движеніе превращается въ поступательное.* Съ перваго раза эта теорема покажется парадоксомъ; но, подумавъ немного, совершенно поймемъ и ея *физическій смыслъ* и ея приложеніе къ объясненію многихъ механическихъ явленій: на примѣръ, желая откупорить бутылку, наклоняемъ пробку въ разныя стороны и усиливаемся сообщить ей противоположныя движенія около ея оси.

Эта новая теорема въ теоріи вращательнаго движенія соотвѣтствуетъ образованію паръ въ составленіи силъ; а потому Поэнсо равныя и противоположныя обращенія около параллельныхъ осей называетъ *парою вращенія,* которая, подобно парѣ силъ, тотчасъ употребляетъ для составленія вращенія около всякихъ осей въ пространствѣ, и выводитъ заключеніе, что *всякое движеніе тѣла, понуждаемаго обращаться различнымъ образомъ и около различныхъ осей, приводится къ обращенію около одной прямой линіи и къ поступательному движенію по той же самой линіи.* Всякій пойметъ, что отъ этого заключенія нетрудно перейти къ общей истинѣ: *въ абсолютномъ пространствѣ и тѣло и система тѣлъ могутъ двигаться только или поступательно, или обращаться на какихъ нибудь осяхъ.* Но, какъ геометръ строгій, Поэнсо долженъ былъ прежде разсмотрѣть и объяснить труднѣйшій случай вращательнаго движенія — обращеніе тѣла около точки.

Въ геометріи и въ общей наукѣ вычисленій рѣшеніе всякаго новаго вопроса всегда должно приводить къ однородному съ нимъ и уже рѣшенному вопросу. Такъ и здѣсь, для составленія яснаго понятія о вращеніи тѣла около точки, надобно прежде всего показать, что оно можетъ быть замѣнено обращеніемъ около оси. Такимъ образомъ, геометры перемѣнное поступательное движеніе приводятъ къ равномѣрному. Великій Эйлеръ свою «теорію обра-

щенія твердыхъ тѣлъ около перемѣняющихся осей» (*) также начинаетъ замѣчаніемъ, что когда центръ тяжести тѣла находится въ покоѣ, тогда, при всякомъ движеніи тѣла, можно найдти прямую линію, проходящую чрезъ этотъ центръ и которая въ продолженіе мгновенія остается неподвижною, а самое тѣло принимаетъ около нея вращательное движеніе. Но Эйлеръ не объяснилъ этой возможности, считая ее очевидною, что не совсѣмъ справедливо, и потому Поэнсо счелъ необходимымъ доказать эту основную истину обращенія тѣла около точки и далъ точное понятіе *о мгновенной оси.*

Изъ понятія о мгновенныхъ осяхъ слѣдуетъ, что онѣ бываютъ различныя въ каждое мгновеніе, или положеніе одной мгновенной оси перемѣняется въ одно время и въ пространствѣ и въ обращающемся тѣлѣ, т. е. въ одно время она имѣетъ два движенія—условіе, объясненія котораго не находимъ ни въ изслѣдованіяхъ Эйлера, ни въ изслѣдованіяхъ новѣйшихъ геометровъ: всѣ они обходятъ это затрудненіе, довольствуются только вычисленіями, посредствомъ которыхъ опредѣляются въ данное время положеніе мгновенной оси и скорость вращенія, и совсѣмъ не заботятся о томъ, чтобъ показать, какимъ образомъ происходитъ явленіе и какъ возможно двойное движеніе мгновенной оси. Вотъ поучительный примѣръ, доказывающій, что вычисленія не объясняютъ явленій и что прежде надобно понять ихъ, а потомъ уже вычислять, и только на этой дорогѣ можемъ встрѣтиться съ самымъ приличнымъ и прямымъ вычисленіемъ. Эйлеръ также не совсѣмъ вполнѣ полагался на одни алгебраическіе знаки и почти всегда *иллюстрировалъ* ихъ чертежами и, безъ сомнѣнія, предупредилъ бы Поэнсо, если бы усмотрѣлъ, что вращательное движеніе можетъ быть производимо только парами. Дѣйствительно, присоединивъ сюда, что тѣло, повинуясь дѣйствію пары, должно еще обращаться около одной и той же точки, тотчасъ заключимъ, что различныя мгновенныя оси всегда проходятъ чрезъ эту точку и, перемѣняя ежемгновенно свои направленія въ пространствѣ и въ тѣлѣ, дол-

(*) См. XIV т. «Записокъ Берлинской Академіи Наукъ» на MCCLVIII годъ.

жны образовать двѣ коническія поверхности, и какъ онѣ дѣлаютъ это въ одно время, то уже само собою очевидно, что имъ надобно быть образующими линіями, общими обѣимъ поверхностямъ, или— что одно и то же—одна поверхность должна катиться по другой, такъ что *движеніе одного конуса по другому есть истинное изображеніе обращенія тѣла около точки*. Это изображеніе можетъ показывать всѣ измѣненія вращательнаго движенія, при различныхъ условіяхъ, что любопытные читатели могутъ найдти въ особомъ разсужденіи Поэнсо, напечатанномъ въ «*Connaissance des temps*» на 1855 г., подъ заглавіемъ: «Теорія катящихся круглыхъ конусовъ».

Послѣ этихъ предварительныхъ и необходимыхъ изслѣдованій обоихъ видовъ вращательнаго движенія, объясняющихъ причину и самый, такъ сказать, *процесъ* явленія, Поэнсо приступаетъ къ вычисленіямъ, которыя, къ сожалѣнію, не можемъ здѣсь изложить и удовольствуемся только обозрѣніемъ ихъ хода и полученныхъ результатовъ.

Если тѣло движется только поступательно и равномѣрно, то всѣ его частицы описываютъ паралельныя линіи съ одною и тою же скоростію, и каждая изъ нихъ побуждается къ движенію силою, которой величина выражается произведеніемъ скорости на элементъ массы тѣла. Въ статикѣ доказано, что такія элементарныя силы соединяются въ одну, проходящую чрезъ центръ тяжести, равную ихъ суммѣ и паралельную съ ними. Также въ статикѣ доказано, что всякая сила можетъ быть разложена на силы, ей паралельныя; слѣдственно, если сила приложится къ центру тяжести тѣла, то каждая его частица будетъ двигаться со скоростію, равною этой силѣ, раздѣленной на массу тѣла. При томъ, когда сила, постоянно проходящая чрезъ центръ тяжести, въ каждое мгновеніе будетъ измѣняться и въ направленіи и въ скорости, то въ поступательномъ движеніи уничтожится его равномѣрность, и сверхъ того тѣло будетъ описывать уже кривую линію, но вращательнаго движенія не получитъ, потому что силы, приложенныя къ центру тяжести, соединяясь въ одну, не даютъ пары.

Если тѣло движется поступательно и обращается около какой нибудь оси или около точки, то частицы его повинуются элементарнымъ силамъ, которыя, соединяясь въ одну, должны давать еще пару. Сила будетъ способна стремиться производить движенiе поступательное, а пара—вращательное.

Всѣ эти основныя правила динамики очевидны сами собою и прямо указываютъ на способы вычисленiй; но прежде производства ихъ надобно обратить вниманiе на одно важное обстоятельство: всѣ элементарныя силы, которыхъ число равняется числу частицъ, или элементовъ тѣла, могутъ быть превращены въ систему немногихъ силъ, способныхъ произвести то же движенiе, въ которомъ уже тѣло находится; но это тождество дѣйствiя не абсолютно, потому что элементарныя силы воображаемъ приложенными отдѣльно къ каждой частицѣ тѣла, и потому понятно, что, при началѣ движенiя, онѣ не могутъ производить никакой перемѣны въ связи частицъ. Даже можно предполагать, что въ первое мгновенiе движенiя эта связь не существуетъ, и только въ продолженiе вращенiя тѣла она обнаруживается, какъ сопротивленiе силамъ *средобѣжнымъ*, происходящимъ при всякомъ криволинейномъ движенiи частицъ. Такое движенiе отъ дѣйствiя элементарныхъ частицъ Поэнсо называетъ *самобытнымъ (spontané)*. Но совсѣмъ другое происходитъ при началѣ движенiя отъ системы силъ, въ которую превращаются силы элементарныя: система начинаетъ свое дѣйствiе только на нѣкоторыя частицы, соединенныя опредѣленными связями съ прочими частицами тѣла; слѣдственно, ея дѣйствiе встрѣтитъ сопротивленiе, и силы должны разложиться на двѣ системы, изъ которыхъ одна уничтожится упомянутымъ сопротивленiемъ, а другая произведетъ движенiе самобытное, и только послѣ этого внутренняго процеса дѣйствiе системы сдѣлается вполнѣ тожественнымъ съ дѣйствiемъ силъ элементарныхъ. Итакъ, разсматривая одно только данное движенiе и превращая элементарныя силы въ систему силъ опредѣленнаго числа и направленiя, или въ одну силу и въ одну пару, надобно помнить, что эти равнодѣйствующiя силы, или одна сила и пара, суть тѣ, которыя обнаруживаются уже по уничто-

женіи внутренняго сопротивленія, и послѣ того на связь между частицами тѣла будутъ дѣйствовать только силы средобѣжныя. То же самое, безъ всякаго измѣненія, не должно упускать изъ вниманія и въ томъ случаѣ, когда разрѣшается вопросъ обратный, то есть, когда требуется опредѣлить дѣйствіе данныхъ силъ на тѣло, находящееся въ покоѣ, или на систему тѣлъ, соединенныхъ какими нибудь связями. Столь ясныя и опредѣленныя понятія о всякомъ движеніи тѣла и о производящихъ его силахъ составляютъ истинныя основанія динамики, и развитіе ихъ въ подробностяхъ различныхъ вопросовъ требуетъ уже только умѣнья и опытности въ принаровленіи геометріи и науки вычисленій къ соображеніямъ данныхъ условій. Поэтому-то «Новая теорія вращенія силъ» вышла изъ рукъ Поэнсо съ высочайшею художественною простотою, истинно твореніемъ классическимъ.

Вторая статья второй главы въ этой теоріи имѣетъ предметомъ вычисленіе силъ, способныхъ произвести самобытное вращеніе тѣла около данной оси, совершающееся съ постоянною угловою скоростію. Переносъ элементарныхъ силъ въ какую нибудь точку данной оси тотчасъ приводитъ къ алгебраическимъ выраженіямъ одной силы и одной пары. Изъ этихъ выраженій слѣдуетъ: 1) *если данная ось проходитъ чрезъ центръ тяжести, то элементарныя силы превращаются въ одну пару*, и 2) *если данная ось есть одна изъ трехъ главныхъ осей, то пара бываетъ уже перпендикулярна къ этой оси*, то есть тогда тѣло обращается около самой оси пары; во всякомъ другомъ случаѣ ось пары и ось вращенія составляютъ опредѣленный уголъ. Сверхъ того, 3) *пара, перпендикулярная къ одной изъ главныхъ осей, обращаетъ тѣло съ угловою скоростію, равною моменту пары, раздѣленному на моментъ косности тѣла относительно главной оси или на главный моментъ косности.*

Изъ третьей теоремы выходитъ простѣйшее рѣшеніе общаго вопроса: опредѣлить дѣйствіе всякой пары, приложенной къ тѣлу въ какой нибудь плоскости? потому что всякую пару можно разложить на три, перпендикулярныя къ тремъ главнымъ осямъ, и

отсюда вывести скорости вращенія около этихъ осей, скорость составную и положеніе оси вращенія.

Всѣ эти вопросы разрѣшаются съ крайнею простотою, и, по приведеніи элементарныхъ силъ въ одну силу и въ одну пару, три теоремы, выводимыя изъ ихъ алгебраическихъ выраженій, не представляютъ никакихъ затрудненій, если читатель знаетъ теорію такъ называемыхъ *главныхъ осей* и *моментовъ косности*, то есть, если онъ знаетъ важнѣйшее открытіе Эйлера, изложенное въ его разсужденіи: «*Изслѣдованія о механическомъ знаніи тѣлъ*».

Эта теорія соединенія элементарныхъ силъ показываетъ, что вращательное движеніе около оси сопровождается поступательнымъ, которое уничтожается двумя упомянутыми условіями положенія оси и какимъ нибудь препятствіемъ или со стороны оси, или постороннею силою, такъ что оба движенія всегда можно разсматривать отдѣльно одно отъ другаго. Обративъ вниманіе на одно движеніе вращательное, видимъ, что въ немъ каждая частица тѣла повинуется силѣ, дѣйствующей по касательной къ описываемой ею окружности и, слѣдственно, стремящейся удалить точку отъ центра вращенія. Если точка не удаляется отъ центра, то должна быть сила, которая удерживаетъ ее на окружности или которая безпрестанно привлекаетъ ее къ центру, такъ что сила эта, называемая *средостремительною*, принадлежитъ къ роду силъ, извѣстныхъ въ динамикѣ подъ именемъ *ускорительныхъ*, сообщающихъ движущимся точкамъ скорости, пропорціональныя временамъ, или понуждающихъ проходить пространства, пропорціональныя квадрату временъ. На этомъ основаніи нетрудно вычислить, что величина средостремительной силы выражается квадратомъ скорости, раздѣленнымъ на радіусъ окружности. Вычисленная такимъ образомъ средостремительная сила уничтожаетъ ежемгновенное усиліе точки удалиться отъ центра вращенія, и потому это усиліе, производимое силою касательною, какъ равное и прямопротивное силѣ средостремительной, выражается также квадратомъ скорости, раздѣленнымъ на радіусъ окружности, и, будучи взято съ противнымъ знакомъ, на-

зывается уже силою *средобѣжною.* Все сказанное относится къ средобѣжнымъ силамъ каждой частицы или каждаго элемента вращающагося тѣла. Всѣ эти элементарныя средобѣжныя силы дѣйствуютъ по радіусамъ соотвѣтствующихъ окружностей и, подобно элементарнымъ силамъ вращающимъ, приводятся къ одной ускорительной силѣ и къ одной ускорительной парѣ, и по самому положенію тѣхъ и другихъ элементарныхъ силъ тотчасъ видно, что составная изъ ускорительныхъ силъ средобѣжныхъ перпендикулярна къ составной изъ элементарныхъ силъ вращающихъ. Также нужно небольшое вниманіе, чтобы понять положеніе оси ускорительной пары, перпендикулярной къ оси вращенія и къ оси вращающей пары. Наконецъ, алгебраическія выраженія ускорительной силы и ускорительной пары научаютъ, что первая уничтожается, когда ось вращенія проходитъ чрезъ центръ тяжести тѣла, и что уничтожаются та и другая, когда ось вращенія есть одна изъ главныхъ.

Если твердое тѣло, подлежащее дѣйствію какихъ нибудь силъ, можетъ обращаться только около данной оси неподвижной, то всѣ силы надобно соединить въ одну, проходящую чрезъ какую нибудь точку этой оси, и въ одну пару. Составная сила, уничтожаясь неподвижностію оси, произведетъ въ ней потрясеніе вдоль оси и на потрясеніе, перпендикулярное къ ней. Пару также можно разложить на двѣ, изъ которыхъ одна, перпендикулярная къ оси, сообщитъ тѣлу вращательное движеніе, другая же пройдетъ чрезъ ось и, уничтожаясь, произведетъ въ ней еще потрясеніе.

Наконецъ, когда ось удерживается въ неподвижномъ положеніи двумя точками, тогда нетрудно вычислить давленія, выдерживаемыя каждою изъ этихъ точекъ и происходящія отъ составной силы и отъ уничтожающейся пары.

Въ этой теоріи встрѣчаются названія *моментъ косности* тѣла и *главныя оси.* Оба названія введены Эйлеромъ, предложившимъ способы опредѣлять величину моментовъ косности во всякомъ тѣлѣ и доказавшимъ, что во всякомъ тѣлѣ находятся три главныя оси. Въ третьей главѣ своего сочиненія Поэнсо предлагаетъ

теорію моментовъ косности. Въ ней читатели найдутъ много новыхъ и полезныхъ замѣчаній; но ее надобно дополнить способами опредѣлять величины моментовъ косности въ различныхъ тѣлахъ, что авторъ предполагалъ извѣстнымъ каждому читателю его разсужденія.

Переходимъ ко второй части «Новой теоріи вращенія тѣлъ», которую авторъ начинаетъ изложеніемъ рѣшенія общей задачи, то есть общей теоремы вращенія тѣла свободнаго. Его теорія отличается полною оригинальностію и по всей справедливости имѣетъ право называться «новою». Можно насчитать много примѣровъ, доказывающихъ, что новость способовъ рѣшенія старыхъ вопросовъ не всегда должно считать достоинствомъ. По нашему мнѣнію, вопросъ о вращеніи тѣлъ около точки разрѣшенъ Лагранжемъ хуже, нежели Эйлеромъ, потому что у Эйлера нетрудно понять смыслъ задачи, ходъ рѣшенія и необходимость употребленныхъ имъ вычисленій; у Лагранжа же общность алгебраическихъ формулъ все скрываетъ, ходъ вычисленій кажется произвольнымъ и многія величины, существенныя части вопроса, представляются одними алгебраическими знаками, употребляемыми для сокращенія. Напротивъ, рѣшеніе Поэнсо очевиднѣе даже рѣшенія Эйлера и почти не требуетъ никакихъ вычисленій: всѣ выводы получаются однимъ разсужденіемъ, однимъ соображеніемъ связи и отношеній между *данными* и требованіями задачи.

Когда твердое тѣло совершенно свободно и обращается безъ участія силъ постороннихъ, тогда надобно знать только центръ обращенія, положеніе трехъ главныхъ осей и относительно ихъ моменты косности; совсѣмъ не нужно обращать вниманія на фигуру тѣла, потому что тѣла, имѣющія одинаковые моменты косности, обращаются одинаково. Отсюда слѣдуетъ, что вмѣсто всякаго вращающагося тѣла можно воображать тѣло *геометрическое*, съ правильнымъ расположеніемъ частей, удобнымъ для вычисленія. На этомъ основаніи, алгебраическое выраженіе момента косности Поэнсо перемѣняетъ на произведеніе массы тѣла, помножаемой на квадратъ линіи, равной квадратному корню изъ вычисленнаго момента косности, раздѣленнаго на массу тѣла, то

есть Поэнсо предполагаетъ массу тѣла сосредоточенною въ одной точкѣ, находящейся въ опредѣленномъ разстояніи отъ оси момента. Назвавъ это разстояніе *плечемъ момента косности,* выраженіе самаго момента Поэнсо превращаетъ въ выраженіе эллипсоида, котораго центръ находится въ центрѣ вращенія тѣла и котораго главныя оси и всѣ діаметры обратно пропорціональны плечамъ главныхъ моментовъ и плечамъ моментовъ относительно діаметровъ. Этотъ-то *центральный эллипсоидъ* замѣняетъ вращающееся тѣло; въ немъ ясно видны всѣ моменты косности и всѣ положенія мгновенныхъ осей.

Теперь положимъ, что тѣло приведено въ движеніе какими нибудь силами и оставлено самому себѣ. По закону косности и по общему правилу соединенія силъ, оно будетъ продолжать сообщенное ему движеніе, какъ бы отъ дѣйствія одной силы и одной пары. Если, сверхъ того, тѣло удерживается неподвижною точкою, то сила уничтожается, а пара будетъ обращать его около этой точки. Если же тѣло совершенно свободно, то сила, проходя чрезъ его центръ тяжести, сообщитъ ему поступательное движеніе, котораго вычисленіе не представляетъ никакихъ затрудненій, и вся задача превратится въ изслѣдованіе вращенія тѣла около центра тяжести. Поэнсо слѣдитъ за этимъ вращеніемъ съ перваго его мгновенія. Прямая линія, проводимая чрезъ центръ вращенія, перпендикулярная къ плоскости вращающей пары и пропорціональная моменту пары, *геометрически* выражаетъ дѣйствіе пары. Проложивъ ее на главныя оси тѣла, тотчасъ находимъ величины угловыхъ скоростей вращенія тѣла около этихъ осей, потому что онѣ будутъ прямо пропорціональны упомянутымъ проложеніямъ и обратно пропорціональны главнымъ моментамъ косности, которые сами обратно пропорціональны квадратамъ главныхъ осей центральнаго эллипсоида. Изъ этихъ союзныхъ скоростей составляется общая угловая скорость вращенія около оси, которой положеніе также опредѣляется посредствомъ косинусовъ угловъ, составляемыхъ ею съ главными осями. Такимъ образомъ, вращеніе тѣла для перваго мгновенія совершенно опредѣлено почти безъ вычисленія, при чемъ этотъ способъ рѣшенія не вво-

дитъ никакихъ количествъ, чуждыхъ вопроса, и союзныя скорости вращенія представляются какъ необходимые его элементы, а не въ видѣ произвольныхъ алгебраическихъ сократительныхъ знаковъ Съ такою же изящною простотою разрѣшается и обратная задача, въ которой по данной скорости вращенія около данной оси при самомъ его началѣ опредѣляется величина и ось вращающей пары. Наконецъ, разсматривая величины угловой скорости, вращающей пары и угловъ, составляемыхъ осью вращенія въ первый его моментъ или *осью мгновенною* съ главными осями, тотчасъ выводимъ заключеніе, что эта ось совпадаетъ съ осью пары только въ двухъ случаяхъ: 1) когда моменты косности бываютъ равны между собою и 2) когда вращеніе начинается дѣйствіемъ такой пары, которой плоскость перпендикулярна къ одной изъ главныхъ осей; во всѣхъ же прочихъ случаяхъ ось пары и мгновенная ось составляютъ уголъ, котораго косинусъ выражается суммою произведеній союзныхъ паръ, помножаемыхъ на соотвѣтствующія скорости вращенія, раздѣленною на произведеніе пары, помноженной на общую угловую скорость вращенія.

Какъ ни просто, какъ ни очевидно это рѣшеніе, однако, положеніе первоначальной мгновенной оси можетъ быть выражено еще очевиднѣе геометрическимъ строеніемъ въ центральномъ эллипсоидѣ. Мгновення ось встрѣчается съ эллипсоидомъ въ точкѣ, которую Поэнсо называетъ *мгновеннымъ полюсомъ вращенія*. Геометрія научаетъ опредѣлять положеніе или уравненіе плоскости, касательной къ эллипсоиду въ полюсѣ вращенія, и уравненіе параллельной ей плоскости діаметральной. Второе изъ этихъ уравненій выражаетъ также положеніе плоскости вращающей пары; слѣдственно, первоначальная мгновенная ось есть сопряженный діаметръ центральнаго эллипсоида относительно плоскости пары. Но какъ всякую пару можно переносить съ одной плоскости на всякую параллельную ей плоскость, не измѣняя дѣйствія пары, то всегда можно воображать, что пара, вращающая тѣло около точки, находится въ плоскости, касательной къ центральному эллипсоиду въ полюсѣ вращенія, и полюсъ этотъ есть такая точка, чрезъ которую про-

ходитъ нормальная къ поверхности эллипсоида, параллельная къ оси вращающей пары.

Не можемъ не остановиться здѣсь и не выразить впечатлѣнія, производимаго въ насъ новою «раціональною» механикою Делонэ: авторъ вполнѣ чувствовалъ высокое достоинство способовъ Поэнсо, но всячески старался искать другаго пути для нахожденія его теоремъ, и потому невольно, какъ бы *сквозь зубы* пропускаетъ признаніе, что эти теоремы давно уже найдены его товарищемъ Поэнсо. Покойный Навье поступилъ иначе: онъ не думалъ, что его ученая слава потерпитъ нѣкоторый ущербъ, когда въ своемъ учебникѣ онъ предложитъ теорію Поэнсо во всей ея цѣлости, безъ всякихъ уклоненій, искажающихъ художественное произведеніе оригинальнаго мыслителя.

Въ предъидущемъ предложено рѣшеніе задачи о вращеніи тѣлъ около точки въ первоначальное мгновеніе этого движенія; но въ продолженіе его обнаруживаются средобѣжныя силы, пропорціональныя радіусамъ окружностей, описываемыхъ каждою частицею тѣла. Силы эти, будучи перенесены въ центръ вращенія, даютъ ускорительную силу и ускорительную пару; сила уничтожается, если центръ вращенія есть центръ тяжести тѣла, или если центръ вращенія бываетъ неподвиженъ; пара же въ обоихъ случаяхъ не уничтожается. Слѣдственно, къ скорости первоначальнаго вращенія ежемгновенно присоединяется безконечно малая угловая скорость, перемѣняющая и общую угловую скорость вращенія и положеніе мгновенной оси. Выше объяснено, что ось ускорительной пары перпендикулярна и къ первоначальной оси вращенія и къ произведшей его оси пары; самая же величина ускорительной пары равняется произведенію момента пары, произведшей вращеніе, помноженному на угловую скорость вращенія и на синусъ угла между осью вращающей пары и мгновенною осью. Отсюда выходитъ простѣйшая и обильная слѣдствіями теорема: *плоскость и величина ускорительной пары, происходящей отъ средобѣжныхъ силъ, выражается параллелограммомъ, составленнымъ изъ прямыхъ линій, пропорціональныхъ величинамъ обращающей пары и скорости первоначальнаго мгно-*

веннаго вращенія и взятымъ на осяхъ пары и на оси мгновенной.

Посредствомъ весьма простаго геометрическаго строенія и этой теоремы получаются слѣдствія, вполнѣ оканчивающія рѣшеніе задачи о вращеніи тѣла около точки:

1) Проложеніе первоначальной угловой скорости на ось вращающей пары имѣетъ величину постоянную.

2) Сумма *живыхъ силъ* или сумма произведеній массъ элементовъ тѣла на квадраты ихъ скоростей удерживаетъ постоянную величину во все продолженіе вращенія.

3) Въ продолженіе вращенія угловая скорость пропорціональна діаметру центральнаго эллипсоида, проводимому изъ центра къ полюсу вращенія.

4) Въ продолженіе вращенія плоскость, касающаяся центральнаго эллипсоида въ полюсѣ мгновеннаго вращенія, не перемѣняетъ своего мѣста въ пространствѣ.

Итакъ, вся теорія вращенія около точки приводится къ слѣдующему общему правилу: *около центра вращенія и на трехъ главныхъ осяхъ надобно построить эллипсоидъ, котораго оси были бы обратно пропорціональны плечамъ главныхъ моментовъ, и послѣ того можно уже не обращать вниманія на фигуру тѣла. Этотъ центральный эллипсоидъ, обращаясь и всегда прикасаясь, не скользя, къ постоянной плоскости вращающей пары, представитъ геометрическое изображеніе вращенія, въ продолженіе котораго угловая скорость остается пропорціональною діаметрамъ, означающимъ положенія мгновенныхъ осей.*

Въ этомъ изображеніи вращенія тѣла около точки видны всѣ обстоятельства и всѣ измѣненія въ его движеніи. Видимъ, что точки, въ которыхъ центральный эллипсоидъ прикасается къ постоянной плоскости вращающей пары, на его поверхности означаютъ движеніе мгновеннаго полюса въ самомъ тѣлѣ, а на плоскости—его движеніе въ пространствѣ. Описываемыя такимъ образомъ двѣ кривыя линіи служатъ основаніями двумъ коническимъ поверхностямъ, имѣющимъ одну вершину. Изъ нихъ одна, обращающаяся

вмѣстѣ съ тѣломъ, катится по другой, неподвижной въ пространствѣ.

Кривая линія, изображающая движеніе мгновеннаго полюса внутри тѣла, есть линія сомкнутая, двоякой кривизны и имѣетъ четыре главныя вершины, въ которыхъ ея радіусъ-векторъ получаетъ наибольшія и наименьшія величины. Соотвѣтствующая ей коническая поверхность есть прямой конусъ втораго порядка.

Другая кривая линія, изображающая движеніе мгновеннаго полюса на неподвижной плоскости пары, есть линія плоская, и соотвѣтствующая ей коническая поверхность есть трансцендентная съ различными изгибами.

Первую изъ этихъ линій Поэнсо называетъ *полодіею,* вторую же, извивающуюся—*герполодіею.*

Разсмотрѣніе свойствъ и измѣненій полодіи и герполодіи при различныхъ условіяхъ составляетъ обширную главу въ «Новой теоріи вращенія тѣлъ». Извлекаемъ изъ него только важнѣйшіе выводы.

Если въ тѣлѣ вращающемся два главныхъ момента косности равны между собою или если соотвѣтствующій ему центральный эллипсоидъ есть *эллипсоидъ вращенія,* то полодія и герполодія превращаются въ окружности около его оси и около постоянной оси пары; слѣдственно, движеніе такого тѣла изображается равномѣрнымъ движеніемъ прямаго круглаго конуса по другому постоянному, также прямому и также съ кругомъ въ основаніи.

Если въ тѣлѣ вращающемся всѣ три главныхъ момента косности равны между собою, то центральный эллипсоидъ будетъ шаръ; ось вращенія совпадетъ съ осью пары, и мгновенный полюсъ останется неподвижнымъ и въ тѣлѣ и въ пространствѣ.

Наконецъ, если пара сообщаетъ тѣлу такое движеніе, что мгновенный полюсъ упадетъ на одну изъ главныхъ вершинъ центральнаго эллипсоида, то онъ не будетъ уже перемѣнять своего положенія, то есть ось мгновенная, ось тѣла и ось пары будутъ постоянно соединены на одной неподвижной прямой линіи, и когда

посторонняя пара отклонитъ мгновенную ось отъ оси тѣла на весьма малый уголъ, то онъ не будетъ увеличиваться во все продолженіе вращенія тѣла.

Такимъ образомъ, во всѣхъ подробностяхъ разрѣшенъ вопросъ о вращеніи тѣла около точки, когда на него не дѣйствуютъ силы постороннія, а только одна пара сообщаетъ ему движеніе и оставляетъ собственной его косности. Теперь, для дополненія теоріи, слѣдовало разсмотрѣть и упомянутое обстоятельство. Чтобъ удовлетворить справедливому требованію науки, Поэнсо сперва доказываетъ тожество своихъ теоремъ съ уравненіями вращательнаго движенія, въ первый разъ составленными Эйлеромъ, и чрезъ то объясняетъ смыслъ этихъ уравненій. Отсюда искомыя уравненія обращенія тѣла около точки при дѣйствіи силъ постороннихъ выходятъ уже сами собою.

Важнѣйшее приложеніе теоріи вращенія тѣлъ состоитъ въ объясненіи астрономическихъ явленій, называемыхъ ***предвареніемъ равноденствій и колебаніемъ земной оси.*** Въ изслѣдованіи этихъ явленій Поэнсо доказалъ все превосходство своихъ способовъ противъ способовъ предшествующихъ ему геометровъ. Изслѣдованіе свое начинаетъ онъ тремя предварительными ***леммами,*** въ которыхъ объясняетъ, какимъ образомъ обращающая пара измѣняется и въ ея положеніи и въ ея величинѣ дѣйствіемъ посторонней пары ускорительной, принимающей различныя положенія относительно пары вращающей. Предлагаемъ здѣсь содержаніе только третьей общей леммы, изъ которой ясно открывается возможность и необходимость двухъ вышеупомянутыхъ астрономическихъ явленій.

Вообразимъ неподвижную плоскость, къ ней прямую линію перпендикулярную или вертикальную и на ней пересѣченіе ея съ плоскостью обращающей пары. Это пересѣченіе назовемъ ***линіею узловъ*** и ускорительную пару разложимъ на три союзныя и взаимно перпендикулярныя, такъ что оси ихъ упадутъ на ось вращающей пары, на линію узловъ и на линію, перпендикулярную къ оси вращающей и къ линіи узловъ. Изъ теоремы о параллелограммѣ паръ тотчасъ выводимъ заключенія: 1) вторая союзная

пара не перемѣняетъ ни величины, ни наклоненія вращающей пары, но только заставляетъ ось ея обращаться около линіи вертикальной, то есть заставляетъ линію узловъ обращаться къ неподвижной плоскости со скоростью, которая можетъ быть постоянная или измѣняющаяся со временемъ, смотря по свойству пары ускорительной. 2) Третья союзная пара перемѣняетъ наклоненіе оси вращающей пары къ неподвижной плоскости и также со скоростью или постоянною, или измѣняющеюся съ временемъ. 3) Наконецъ, первая союзная пара перемѣняетъ величину пары обращающей, не сообщая ея оси ни движенія около линіи вертикальной, и не наклоняя ея къ плоскости неподвижной.

Всякій пойметъ (и не безъ удивленія), что въ этой леммѣ, доказываемой почти совсѣмъ безъ вычисленія и очевидной при первомъ взглядѣ на чертежъ, содержится вся теорія предваренія равноденствій и колебанія земной оси, то есть теорія перемѣнъ въ парѣ, дѣйствующей на твердый эллипсоидъ земли. Но этого мало: въ ней содержится и теорія перемѣнъ всякой пары, дѣйствующей во всякой системѣ тѣлъ, что очевидно изъ слѣдующаго примѣра: вообразимъ три пары, дѣйствующія въ системѣ, составленной изъ земли и луны. Одна пара дѣйствуетъ на землю, другая на луну, и третья состоитъ изъ двухъ силъ параллельныхъ, равныхъ, противоположныхъ по своимъ направленіямъ и сообщающихъ движенія центрамъ тяжести земли и луны, обращающихся около ихъ общаго центра тяжести. По теоремѣ о параллелограммѣ паръ, эти три пары соединяются въ одну, которой положеніе и величина перемѣняются постороннимъ дѣйствіемъ солнца. Итакъ, теорія паръ прилагается не къ однимъ твердымъ тѣламъ, но и ко всякой ихъ системѣ, и можетъ служить къ объясненію движенія узловъ планетныхъ орбитъ, измѣненій въ наклоненіяхъ ихъ плоскостей и измѣненій въ площадяхъ, описываемыхъ ихъ радіусами-векторами.

Чтобъ доказанную общую лемму приложить къ объясненію предваренія равноденствія и колебанія земной оси, надобно сперва понять, въ чемъ состоятъ эти явленія. Наблюденія показали:

1) Суточное движеніе состоитъ въ обращеніи земли около нѣкоторой оси со скоростью постоянною. По крайней мѣрѣ, точнѣйшіе снаряды и точнѣйшія наблюденія до сихъ поръ не открыли въ ней никакихъ перемѣнъ.

2) Полюсъ вращенія неподвиженъ на земной поверхности, и если онъ перемѣщается на ней, то столь мало, что опять точнѣйшія наблюденія не открыли перемѣнъ въ его разстояніяхъ отъ разныхъ точекъ земной поверхности или въ географическихъ широтахъ.

3) Но, наблюдая положеніе полюса вращенія между звѣздами на небесной сферѣ, нашли, что около полюса эклиптики онъ описываетъ окружность по направленію, противоположному суточному обращенію, и оттого пересѣченіе экватора съ эклиптикою, или *линія узловъ*, или весенняя точка равноденствія безпрестанно *отступаетъ* или движется противоположно тому направленію, по которому считаются долготы звѣздъ. Это-то отступленіе, простирающееся въ годъ до 50″, называютъ астрономы *предвареніемъ равноденствій*.

Итакъ, по наблюденіямъ, земля обращается около нѣкоторой оси, неподвижной внутри земли, но движущейся на сферѣ небесной или въ абсолютномъ пространствѣ и описывающей конусъ около оси эклиптики. Такое явленіе противорѣчитъ теоріи вращательнаго движенія, въ которой доказано, что полюсъ мгновенной оси и на поверхности эллипсоида описываетъ кривую линію двоякой кривизны. Чтобъ уничтожить это противорѣчіе, надобно допустить, что упомянутая кривая занимаетъ на землѣ столь малое пространство, что величину его или величину отверстія соотвѣтствующаго ей конуса нельзя опредѣлить наблюденіями. И дѣйствительно, изъ простаго вычисленія видно, что отверстіе этого конуса *содержитъ около сотой доли секунды*. Отсюда выходитъ, что для геометрическаго изображенія вращенія земли должно предположить, что когда полюсъ вращенія описываетъ въ пространствѣ конусъ, имѣющій въ основаніи окружность, которой діаметръ равняется почти 47°, тогда конусъ весьма малаго отверстія, прикрѣпленный къ землѣ, увлекаетъ ее за собою,

*

катаясь по внутренней поверхности перваго неподвижнаго конуса.

4) Наконецъ наблюденія дополняютъ эту теорію тѣмъ, что полюсъ вращенія, обращаясь около полюса эклиптики, то удаляется отъ него, то приближается къ нему почти на 9″ въ продолженіе $18^1/_2$ лѣтъ, такъ что въ основаніи неподвижнаго конуса находится не окружность, но сомкнутая кривая, которой радіусы увеличиваются и уменьшаются періодически, и только *средній* радіусъ можемъ считать постояннымъ, принадлежащимъ окружности, по которой полюсъ вращенія движется медленно и равномѣрно. Такое періодическое измѣненіе радіусовъ *средней окружности* называется ***колебаніемъ земной оси.***

Въ этихъ наблюденіяхъ, дополняемыхъ теоріею, и въ геометрическомъ изображеніи обращенія земли не видимъ еще положенія оси ея фигуры, принимаемой за эллипсоидъ вращенія около меньшей оси, или не видимъ положенія конца этой оси относительно полюса вращенія и относительно конца оси вращающей пары—вопросъ, который можно разрѣшить опять только одною теоріею,—и эта теорія, съ помощію простѣйшихъ вычисленій, открываетъ, что ось вращающей пары находится между осью фигуры и осью вращенія, гораздо ближе къ послѣдней, нежели къ первой, и всѣ три оси упадаютъ на одну и ту же плоскость, такъ что если положимъ, что вращающая пара, сообщивъ движеніе земному эллипсоиду, оставитъ его самому себѣ или его косности, то его вращеніе представится движеніемъ прямаго, круглаго конуса, имѣющаго осью ось фигуры, по поверхности также прямаго круглаго конуса, имѣющаго осью ось вращающей пары; но такое движеніе противно наблюденіямъ, показывающимъ, что полюсъ вращенія по направленію отступательному описываетъ на небесной сферѣ окружность, которой радіусъ равняется синусу угла, составляемаго осью вращенія съ осью эклиптики, вмѣсто весьма малой окружности, описываемой по направленію прямому и которой радіусъ равняется синусу угла, составляемаго тою же осью вращенія съ осью вращающей пары. Отсюда надобно заключить, что на обращеніе земли, кромѣ ускорительной пары,

происходящей отъ силъ средобѣжныхъ, дѣйствуетъ еще посторонняя ускорительная пара, которой ежемгновенныя дѣйствія измѣняютъ положеніе оси и величину вращающей пары. Такая ускорительная пара можетъ происходить отъ притяженія тѣлъ, окружающихъ землю. Но теорія притяженія научаетъ, что эти тѣла дѣйствуютъ такъ, какъ бы ихъ массы были сосредоточены въ ихъ центрахъ; слѣдственно, изъ одной симетріи видно, что притяженія каждаго тѣла на всѣ элементы земнаго сфероида соединяются въ одну силу, упадающую на плоскость меридіана, проходящаго чрезъ центръ притягивающаго тѣла, и которая, будучи перенесена въ центръ тяжести земли, можетъ дать только одну пару, возмущающую ея вращеніе и находящуюся въ плоскости, перпендикулярной къ экватору, т. е. осью этой пары будетъ одинъ изъ радіусовъ экватора, или одна изъ главныхъ осей земнаго сфероида, а какъ моментъ косности относительно этой оси извѣстенъ, то будетъ извѣстна и скорость вращенія, сообщаемая землѣ возмущающею парою въ каждое мгновеніе. Эта скорость ежемгновенно присоединяется къ первоначальной скорости вращенія и производитъ скорость составную, которой проложеніе на ось фигуры эллипсоида равняется проложенію первоначальной скорости на ту же ось. Итакъ, хотя возмущающая ускорительная пара перемѣняетъ первоначальную скорость вращенія и наклоненіе ея оси къ оси фигуры, однако, она не перемѣняетъ произведенія первоначальной скорости, помножаемой на косинусъ угла, составляемаго осью этой скорости съ осью фигуры, т. е. *скорость вращенія земнаго сфероида, считаемая по его оси фигуры, есть постоянная.* Съ другой стороны, наблюденія показываютъ, что постоянна и скорость вращенія земнаго сфероида; слѣдственно, не перемѣняется и уголъ, выражающій разстояніе полюса вращенія отъ полюса фигуры, т. е. ось вышеупомянутаго катящагося конуса есть самая ось фигуры эллипсоида. Но какъ, наконецъ, разстояніе оси вращенія отъ оси фигуры болѣе разстоянія той же оси вращенія отъ оси вращающей пары, то *всѣ три оси содержатся внутри столь малаго ко-*

нуса, что позволительно считать ихъ за одну ось, и онѣ никогда не удаляются одна отъ другой.

Къ этому важному заключенію, выведенному изъ одного разсмотрѣнія сущности вопроса и изъ соображенія его съ наблюденіями, остается прибавить, что оно не зависитъ ни отъ числа притягивающихъ тѣлъ, ни отъ закона притяженія, и нѣтъ надобности, чтобъ притягиваемый сфероидъ былъ однородный, лишь бы онъ состоялъ изъ однородныхъ колецъ, образуемыхъ обращеніемъ меридіановъ около оси фигуры и которыхъ плотности перемѣняются по какому нибудь з кону.

Доказавъ такимъ образомъ, что предвареніе равноденствія и колебаніе земной оси происходятъ отъ притягательныхъ силъ, истекающихъ изъ тѣлъ, окружающихъ землю, и что эти силы превращаются въ пары, Поэнсо приступаетъ къ опредѣленію величинъ возмущающихъ паръ, образующихся изъ притяженій солнца и луны, какъ небесныхъ тѣлъ, ближайшихъ къ землѣ и производящихъ ощутительныя возмущенія въ положеніи ея оси вращенія, которая, по сейчасъ выведенному заключенію, совпадаетъ съ осью фигуры и никогда отъ нея не отдѣляется.

Въ своихъ вычисленіяхъ Поэнсо ограничивается опредѣленіемъ среднихъ величинъ годичнаго предваренія равноденствія на неподвижной эклиптикѣ и колебанія земной оси, производимыхъ тяготѣніемъ солнца и луны. Повторивъ вычисленія Поэнсо съ большею строгостію и предполагая сжатіе земли $= \frac{1}{306}$, мы нашли:

1) Предвареніе равноденствій отъ одного солнца въ тропическій годъ$=15'',91058$, отъ одной луны$=34'',50832$; слѣдовательно, общее, или луно-солнечное$=50'',4189$. Это число весьма замѣчательно, потому что оно почти равняется числу $50'',415$, которое нашелъ Біо изъ сравненія наблюденій Брадлея и Піаци. Итакъ, астрономы, основываясь на этомъ тожествѣ выводовъ теоретическихъ и практическихъ, кажется, благонадежно могутъ употреблять среднее изъ нихъ число$=50'',4165$.

2) Періодическое колебаніе земной оси, производимое солнцемъ, весьма незначительно, потому что оно$=1'',1$. Къ нему присоединяется колебаніе отъ луны$=18'',51$, такъ что общее колебаніе$=19'',61$. И это число замѣчательно свою точностію, потому что строжайшія формулы показываютъ, что коеффиціенты при членахъ, зависящихъ отъ долготы луннаго узла и отъ долготы солнца, суть 9,2352, и 0,5449; сумма ихъ равняется 9,7801, которая, будучи удвоена, даетъ $=$ 19,5602. Всякій долженъ сознаться, что нельзя желать большаго согласія въ выводахъ, получаемыхъ различными способами.

Теперь остается заключить нашу записку нѣкоторыми весьма важными замѣчаніями Поэнсо на формулу, выражающую величину солнечнаго предваренія равноденствія.

Предваренія равноденствій не существовало бы, если бы солнце находилось въ плоскости экватора и если бы земля была правильный шаръ.

Если фигура земли не перемѣняется, т. е. если не перемѣняется отношеніе между ея осями, то предвареніе равноденствій останется одно и то же, хотя бы объемъ ея увеличился или уменьшился.

Не перемѣнится предвареніе равноденствій, когда земной эллипсоидъ превратится въ эллипсоидальный слой, содержащійся между двумя подобными поверхностями, и потому если земля сложена изъ подобныхъ концентрическихъ слоевъ однородныхъ, то предвареніе равноденствій не будетъ перемѣняться, какъ бы ни перемѣнялась ихъ плотность отъ слоя до слоя. Это значитъ, что *оно останется неизмѣннымъ, когда земля сдѣлается однородною во всемъ своемъ объемѣ.*

Отсюда выходитъ, что хотя предвареніе равноденствій тѣсно связано съ фигурою земли, однако, изъ него нельзя опредѣлять послѣднюю, потому что оно остается одно и то же для сфероида разнороднаго и сфероида однороднаго, въ которыхъ сжатіе земли принимаетъ различныя величины, въ первомъ меньшую, нежели во второмъ.

Наконецъ, составитель этой записки почтетъ себя награжденнымъ за свой трудъ, если она достигнетъ своей цѣли, т. е. если геометры и астрономы, особенно же преподаватели механики и астрономіи, обратятъ полное вниманіе на истинно классическія сочиненія Поэнсо.

Д. Перевощиковъ.

С.-Петербургъ.
1859 года.

О ДЕРЖАВИНѢ.

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

О ДЕРЖАВИНѢ.

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Прежде всего, съ нѣкоторою, думаю, позволительною, гордостію, долженъ я сказать, что Гавріилъ Романовичъ причитался мнѣ, по матери моей, урожденной Страховой, внучатнымъ дѣдомъ. Родной братъ ея, а мой дядя, слѣдственно племянникъ Державина, Александръ Васильевичъ Страховъ, жившій въ послѣдніе годы царствованія Императрицы Екатерины и въ первые Императора Павла въ Петербургѣ, былъ почти ежедневнымъ посѣтителемъ знаменитаго поэта, пользовался особеннымъ его расположеніемъ, дѣлилъ съ нимъ и радостныя, и горькія его минуты; а послѣднихъ, какъ видно изъ записокъ Гавріила Романовича *), было въ ту пору у него немало. Поселясь впослѣдствіи въ казанскомъ своемъ имѣніи, дядя мой любилъ, бывало, особливо за ужиномъ, завести рѣчь о Державинѣ, о высокомъ его талантѣ, благородныхъ качествахъ, стойкости за правду, смѣлости при докладахъ по дѣламъ государственнымъ. Хотя ужины эти по большей части продолжались далеко за полночь, но

---

*) Записки Державина, писанныя имъ въ 1812 году и въ высшей степени любопытныя, хранятся у дѣвицы Бороздиной, дочери покойнаго Константина Матвѣевича Бороздина, которому передала ихъ Дарья Алексѣевна, вдова Державина.

дядя мой говорилъ о любимомъ своемъ предметѣ съ такимъ одушевленіемъ, что я, не смотря на дѣтскій мой возрастъ, не только не дремалъ, но слушалъ его съ жадностію, и мало по малу усвоилъ себѣ понятіе о Державинѣ, объ его личности, даже объ его домѣ и нѣкоторыхъ, болѣе оригинальныхъ, въ немъ комнатахъ. Хотя дядя мой вовсе не занимался литературою, но любилъ читать въ слухъ стихотворенія Державина, помѣщенныя въ первой части его сочиненій, изданной въ 1798 году, экземпляръ которой подарилъ ему авторъ, съ слѣдующею собственноручною надписью: *Любезному племяннику Александру Васильевичу Страхову, въ знакъ дружбы. Гаврила Державинъ* *). Старшіе братья мои, а въ слѣдъ за ними и я, не только читали ихъ и перечитывали, но и выучивали наизустъ. Кстати разсказать здѣсь объ одномъ случаѣ, доказывающемъ, какъ чтилось дядею нашимъ имя Державина. Мы сидѣли за обѣдомъ. Это было уже въ городѣ, передъ поступленіемъ моимъ въ гимназію. Докладываютъ, что почтальйонъ привезъ съ почты какую-то посылку. Приказано позвать его въ столовую. Почтальйонъ подаетъ письмо и небольшую посылку, въ формѣ книги. Дядя распечатываетъ письмо и съ восторгомъ вскрикиваетъ: *отъ Гаврила Романовича!* Державинъ увѣдомлялъ его о назначеніи своемъ въ министры юстиціи, звалъ въ Петербургъ, надѣясь быть ему полезнымъ въ тяжебныхъ дѣлахъ его, а въ заключеніе препровождалъ къ нему хемницеровы басни, изданіе которыхъ года за четыре передъ тѣмъ приняли на себя Державинъ и Оленинъ и на которыя дядя мой подписался тогда у Державина. Не одна радость, а какое-то счастіе разливалось по благородному лицу дяди, когда онъ читалъ письмо; но всѣ присутствующіе были поражены, когда онъ изумленному почтальйону подалъ... какъ бы вы думали? бѣленькую пятидесятирублевую ассигнацію! Пятьдесятъ рублей въ то время, въ 1802 году, за письмо! Видно, что оно было драгоцѣнно.

Независимо отъ объясненной выше родственной связи семейства нашего съ Державинымъ, отецъ мой, принадлежа къ обра-

---

*) Этотъ экземпляръ принадлежитъ нынѣ мнѣ.

зованнѣйшимъ людямъ своего времени и бывшій въ короткихъ отношеніяхъ съ тогдашними литераторами, еще до женитьбы на моей матери, пользовался знакомствомъ и добрымъ расположеніемъ Державина. Доказательствомъ тому, между прочимъ, служитъ нижеслѣдующее письмо отца моего, которымъ поздравлялъ онъ Державина съ полученіемъ ордена Св. Владиміра 2-й степени *).

Милостивый государь,
Гаврила Романовичъ!

По искреннѣйшей преданности и привязанности къ вамъ моей сердечной, судите о той радости, какую я чувствовалъ, получа извѣстіе о послѣдовавшемъ къ вамъ во второй день сентября Монаршемъ Высочайшемъ благоволеніи. Моя радость была одна изъ тѣхъ, которыхъ источникъ въ самой душѣ находится. Больше я не могу изъяснить. Примите мое поздравленіе съ новыми почестями, на васъ возложенными. Богъ, любящій добродѣтель и правоту сердца, да умножитъ награды и благополучіе ваше—къ удовольствію добрыхъ и честныхъ людей. Съ симъ чистосердечнымъ желаніемъ и совершеннымъ высокопочитаніемъ пребуду навсегда,

милостивый государь,
вашего превосходительства,
всепокорнѣйшій слуга
Иванъ Панаевъ.

Октября 11 дня
1793 года.
Пермь.

---

*) Письмо это и еще другое отыскалъ въ бумагахъ Державина послѣ его кончины и доставилъ мнѣ домашній секретарь его Абрамовъ, находившійся при немъ въ продолженіе многихъ лѣтъ и остававшійся въ его домѣ по самую смерть свою, согласно завѣщанію Державина. Другое письмо, болѣе любопытное и начинавшееся дружескимъ упрекомъ: *неужели я никогда не буду имѣть удовольствія читать вашей Фелицы,* передано мною М. П. Погодину, для богатаго собранія его автографовъ, находящагося нынѣ въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Отецъ мой не могъ лично передать мнѣ никакихъ подробностей объ отношеніяхъ своихъ къ Державину, потому что скончался, когда мнѣ не было и четырехъ лѣтъ; напротивъ, мать моя нерѣдко о немъ разсказывала слышанное отъ покойнаго своего супруга, сама же видала его только въ дѣтствѣ, въ домѣ матери своей, въ Казани, гдѣ находился онъ по случаю пугачевскаго бунта, состоя въ свитѣ генераловъ, сначала Александра Ильича Бибикова, и потомъ графа Петра Ивановича Панина, командовавшихъ войсками, назначенными противъ самозванца. Она нерѣдко вспоминала объ этомъ времени, о родственныхъ ласкахъ къ ней Державина и между прочимъ разсказывала, какъ однажды пріѣхалъ онъ къ нимъ для перевязки легкой раны, шпагою въ палецъ, полученной имъ на какой-то дуэли, прося объ этомъ не разглашать *). Будучи уже вдовою, она постоянно, предъ наступленіемъ новаго года, писала къ Гавріилу Романовичу поздравительныя письма и получала отвѣтныя поздравленія.

Такимъ образомъ, сперва семейныя преданія о Державинѣ, а потомъ его творенія, достоинство которыхъ, по мѣрѣ возраста моего и образованія, становилось для меня яснѣе и выше, произвели то, что онъ сдѣлался какимъ-то для меня кумиромъ, которому я въ душѣ моей поклонялся, и часто говорилъ самъ себѣ: «неужели я никогда не буду имѣть счастія видѣть этого великаго поэта, этого смѣлаго и правдиваго государственнаго мужа **)?» Университетскіе товарищи мои, посвятившіе себя словесности, тоже бредили Державинымъ и въ свободное отъ классовъ время читали на перебой звучные, сочные стихи его. Во всѣхъ углахъ, бывало, раздаются, то «Ода Богъ», то «На смерть Мещерскаго»,

---

*) Въ запискахъ Гавріила Романовича не упоминается объ этой дуэли. Можетъ быть, случай былъ ничтожный,—пожалуй, за карты, потому что въ молодости своей, какъ и самъ въ запискахъ признается, велъ онъ азартную игру; часто проигрывалъ, но однажды выигралъ 50,000 рублей,

**) Кромѣ случаевъ, сообщенныхъ мнѣ дядею моимъ, изъ упомянутыхъ записокъ Державина видно, какъ много полезнаго сдѣлано было или предложено имъ въ теченіе многолѣтней его службы, въ какой постоянной борьбѣ за правду находился онъ съ сильными людьми своего времени, какъ смѣло обстаивалъ ее предъ лицомъ Екатерины, Павла и Александра.

«На взятіе Измаила», «На рожденіе Порфиророднаго Отрока», то «Къ Фелицѣ», «Къ богатому сосѣду», «Вельможа», «Водопадъ» и пр. Мы были признательнѣе настоящаго поколѣнія.

Приступаю къ главному разсказу. Въ 1814 году, когда я, будучи уже кандидатомъ, оставался еще при университетѣ, получилъ я однажды отъ брата моего Александра, служившаго въ гвардіи, письмо, въ которомъ онъ сообщалъ мнѣ, что обѣдалъ на дняхъ у Державина и что Гавріилъ Романовичъ между прочимъ спросилъ его: «не знаешь ли, кто это такой у васъ въ Казани молодой человѣкъ, Панаевъ же, который занимается словесностію и пишетъ стихи, именно идилліи?» Другой фамиліи Панаевыхъ (отвѣчалъ братъ), кромѣ нашей, въ Казани нѣтъ; это, вѣроятно, меньшой братъ мой, Владиміръ, который съ ребячества оказывалъ наклонность къ поэзіи. «Такъ, пожалуста, напиши къ нему, чтобы прислалъ мнѣ, что у него есть.»

Можете представить себѣ мое удивленіе, мою радость: Державинъ интересуется мною, моими стихами!

Тогда было у меня написано пять идиллій. Я озаботился чистенько переписать ихъ и, при почтительномъ письмѣ, отправилъ къ Гавріилу Романовичу, прося сказать мнѣ, отъ кого узналъ онъ объ упражненіяхъ моихъ въ поэзіи. Но радость моя не имѣла предѣловъ, когда вскорѣ получилъ я благосклонный отвѣтъ его. Цѣлую зимнюю ночь не могъ я сомкнуть глазъ отъ пріятнаго волненія. Самый университетъ принялъ въ томъ участіе: профессоры, товарищи, всѣ меня поздравляли. Такъ цѣнили тогда великихъ писателей, людей государственныхъ! Вотъ этотъ отвѣтъ, доселѣ мною сохраняемый:

Милостивый государь мой Владиміръ Ивановичъ!

Письмо ваше отъ 26 октября и при нёмъ сочиненія вашего идилліи съ удовольствіемъ получилъ и прочелъ. Мнѣ не остается ничего другаго, какъ одобрить прекрасный талантъ вашъ, но совѣтую дружески не торопиться, вычищать хорошенько слогъ, тѣмъ паче, когда онъ въ свободныхъ стихахъ заключается. Въ семъ родѣ у насъ мало писано. Возьмите образцы съ древнихъ, ежели вы знаете греческій и латинскій языки, а ежели въ нихъ неискус-

ны, то нѣмецкіе Геснера могутъ вамъ послужить достаточнымъ примѣромъ въ описаніи природы и невинности нравовъ. Хотя климатъ нашъ суровъ, но и въ немъ можно найти красоты и въ физикѣ, и въ морали, которые могутъ тронуть сердце; безъ нихъ же все будетъ сухо и пусторѣчіе. Прилагаю при семъ и русской образчикъ, который заслуживаетъ вниманіе наилучшихъ знатоковъ. Матушкѣ вашей свидѣтельствую мое почтеніе. Братецъ вашъ живетъ почти все въ Стрѣльнѣ; его здѣсь никогда не видно.

Впрочемъ, пребываю съ почтеніемъ

вашъ
милостиваго государя моего
покорный слуга
Гаврила Державинъ.

P. S. Мнѣ первый сказалъ о вашихъ идилліяхъ г. Бередниковъ, который у васъ теперь въ Казани *).

Прилагаю здѣсь и присланные стихи; они дѣйствительно очень хороши, но не идиллія.

ЖАТВА.

Заплети волнисту косу;
Платье легкое надѣнь;
Серпъ возьми, а мнѣ дай косу:
Даша! въ полѣ встрѣтимъ день.
Споритъ свѣтъ еще со тьмою;
Но заря уже взошла.
Взглянь, какъ огненной струею
Весь востокъ она зажгла.
Все воскресло, оживилось;
Всходитъ царь веселыхъ дней.
Море золота открылось
Съ зрѣлой жатвою полей.

---

*) Яковъ Ивановичъ Бередниковъ, впослѣдствіи извѣстный археологъ, членъ археографической коммиссіи и академіи наукъ. Въ молодости своей онъ два раза пріѣзжалъ въ Казань слушать лекціи въ тамошнемъ университетѣ.

Все, что глазъ нашъ ни окинетъ,
Мы легко съ тобой пожнемъ;
Лель на мигъ насъ не покинетъ:
Не устанемъ мы втроемъ.
Хлѣбъ себѣ трудомъ достанемъ,
Лишекъ съ бѣднымъ раздѣлимъ
И чужимъ довольствомъ станемъ
Веселиться, какъ своимъ.
Копитъ пусть скупой доходы,
Пусть въ засѣкахъ рожь гноитъ,
Самъ себя лиша свободы,
Надъ казной своей не спитъ;
Недостатокъ и забота
Съ роскошью отъ насъ ушли:
Ключъ златый намъ дастъ работа
Общей житницы — земли.
Такъ на что же плавить слитки,
Злато въ ямѣ хоронить?
Жизни не прибавишь нитки,
Какъ ее ни золотить.
Кто сохой свой хлѣбъ находитъ,
Роясь вѣкъ въ землѣ сырой,
Тотъ безъ страха въ гробъ нисходитъ:
Онъ давно знакомъ съ землей.
Скуки, праздности не знаетъ;
Для него болѣзней нѣтъ:
Онъ на вѣткѣ увядаетъ,
Какъ плоды принесшій цвѣтъ.
Пусть богачъ одѣтъ парчами,
Пьетъ вино изъ чашъ златыхъ,
Пусть гордится теремами:
Не найдетъ покоя въ нихъ.
Взглянь на стебли возвышенны:
Что въ ихъ колосѣ пустомъ?
Тѣ, что скромно наклоненны,
Тѣ обильнѣе зерномъ.
Будемъ же судьбѣ покорны;
Низкость намъ отъ бури щитъ:

Вѣтръ ломаетъ дубъ нагорный, —
По лозамъ онъ лишь скользитъ.
Страшно въ ровъ тому свалиться.
Кто юлитъ все на скалѣ;
Какъ паденья намъ страшиться? —
Близко мы живемъ къ землѣ.
Но ужь полдень наступаетъ;
Прячется подъ лѣсомъ тѣнь;
Насъ дуброва призываетъ
Подъ свою прохладну сѣнь.
Уберемъ снопы златыя;
Щи горячія насъ ждутъ:
Сдобрятъ кушанья простыя,
При здоровьи, легкій трудъ.
Пообѣдавъ, въ нашей волѣ
Лечь подъ липовымъ кустомъ;
Утро мы трудились въ полѣ,
Сладко часъ, другой уснемъ.
Изголовье намъ душисто
Изъ цвѣтовъ положитъ *Лель*
И подъ тѣнью ивы мшистой
Приготовилъ ужь постель.
Лель! нашъ богъ и другъ сердечной!
Щастьемъ насъ благослови:
Вѣкъ нашъ былъ бы скукой вѣчной
Безъ подруги и любви.
О, любовь! останься съ нами,
Какъ минетъ и юность дней;
Вмѣсто розъ, надъ сѣдинами
Ландышны вѣнки намъ свей.
Въ старости любить утѣшно:
Смерть хотя бъ пришла въ тѣ дни,
Мимо насъ пройдетъ поспѣшно —
Скажетъ: молоды они.

Бакунинъ.

Въ благодарственномъ отвѣтномъ письмѣ, я, по студентческой совѣсти, никакъ не могъ воздержаться, чтобы не сказать откровеннаго своего мнѣнія о стихахъ Бакунина; помню даже выраженія. «Если (писалъ я) литература есть своего рода республика, гдѣ и послѣдній изъ гражданъ имѣетъ свой голосъ, то позвольте сказать, что прекрасное стихотвореніе г. Бакунина едва ли можетъ назваться идилліею; оно, напротивъ, отзывается и увлекаетъ любезною философіею вашихъ горацiанскихъ одъ.»

Признаться, я долго колебался, оставить или исключить изъ письма моего эту педантическую выходку; но школьное убѣжденіе превозмогло, и письмо было отправлено. Впослѣдствіи, будучи уже въ Петербургѣ, съ удовольствіемъ узналъ я отъ одного изъ ученыхъ посѣтителей Державина, что онъ остался доволенъ письмомъ моимъ, читалъ его гостямъ своимъ, собиравшимся у него по воскресеньямъ, и хвалилъ мою смѣлость.

Наконецъ, въ 1815 году, выпалъ мой жребій ѣхать въ Петербургъ, для вступленія въ гражданскую службу, вмѣсто военной, въ которую рвался я съ самаго вторженія Наполеона въ Россію, но встрѣтилъ неодолимыя препятствія, какъ со стороны университетскаго начальства, которое желало сдѣлать изъ меня педагога, такъ и въ сопротивленіи моего дяди, который былъ полновластнымъ главою нашего семейства. Мечтая дорогою о прибытіи въ столицу, всего нетерпѣливѣе желалось мнѣ видѣть двухъ человѣкъ: Императора Александра, вознесшаго Россію на такую высокую степень славы, и Державина. Но Императоръ не возвращался еще съ венскаго конгресса, а Державинъ—это было въ августѣ — находился въ новгородской своей деревнѣ, Званкѣ. Петербургъ ликовалъ тогда славою недавнихъ побѣдъ нашей арміи, славою своего Государя и вторичнымъ низверженіемъ Наполеона. На всѣхъ лицахъ сіяло какое-то веселіе, въ домахъ пѣли еще:

Хвала, хвала тебѣ, герой,
Что градъ Петровъ спасенъ тобой.

Заглохшая въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ торговля была въ полномъ развитіи. Погода, какъ нарочно, стояла прекрасная.

Я спѣшилъ воспользоваться ею, чтобы осмотрѣть достопамятности столицы. Вскорѣ послѣдовала выставка Академіи Художествъ, начинавшаяся тогда 1 сентября. Отправляюсь туда; къ особенному удовольствію, нахожу тамъ портретъ Державина, писанный художникомъ Васильевскимъ и, какъ говорили мнѣ, очень схожій. Знаменитый старецъ былъ изображенъ въ малиновомъ бархатномъ тулупѣ, опушенномъ соболями, въ палевой фуфайкѣ, въ бѣломъ платкѣ на шеѣ и въ бѣломъ же колпакѣ. Дряхлость и упадокъ силъ выражались на морщиноватомъ лицѣ его. Я долго всматривался. Невольная грусть мною овладѣла: ну, ежели, думалъ я, видимая слабость не позволитъ ему возвратиться на зиму въ Петербургъ? ну, ежели я никогда его не увижу?...» *) На мое счастіе, въ декабрѣ мѣсяцѣ Державинъ возвратился. Спустя нѣсколько дней ѣду къ нему.

Онъ жилъ какъ извѣстно, въ собственномъ домѣ, построенномъ въ особенномъ вкусѣ, по его поэтической идеѣ, и состоявшемъ изъ главнаго въ глубинѣ двора зданія, обращеннаго лицемъ въ садъ, и двухъ флигелей, идущихъ отъ него до черты улицы, въ видѣ двухъ полукруговъ. Будучи проданъ по смерти вдовы Державина, домъ этотъ принадлежитъ теперь римско-католическому духовенству, нѣсколько измѣненъ, украшенъ въ фасадѣ; но главный чертежъ остается прежній. Смотря на него, невольно приводишь себѣ на память чьи-то старинные стихи:

Домъ Ломоносова, великаго піиты,
Жилищемъ сдѣлался Демидова Никиты.

У подъѣзда встрѣтилъ меня очень уже пожилой, небольшаго роста, швейцаръ, и когда я сказалъ ему, кто я, онъ вскричалъ, съ добродушнымъ на лицѣ выраженіемъ: «да вы, батюшка, казанскіе, вы наши родные!» Швейцаръ этотъ, какъ я послѣ узналъ, былъ изъ числа тѣхъ трехъ Кондратьевъ, которыхъ Держа-

---

*) Дядя мой, по первому моему увѣдомленію объ этомъ портретѣ, купилъ его за 400 руб. По раздѣлу достался онъ брату моему Александру; у меня же прекрасная съ него копія.

винъ вывелъ на сцену въ одной шуточной своей комедіи *). Онъ принадлежалъ къ родовому имѣнію своего господина и потому-то встрѣтилъ меня такъ привѣтливо. «Пожалуйте за мною на верхъ, продолжалъ онъ: я сейчасъ доложу.»

Съ благоговѣніемъ вступилъ я въ кабинетъ великаго поэта. Онъ стоялъ посреди комнаты, какъ на портретѣ, только, вмѣсто бархатнаго тулупа, въ сѣренькомъ, серебристомъ, бухарскомъ халатѣ, и медленно, шарча ногами, шелъ ко мнѣ на встрѣчу. Отъ овладѣвшаго мною замѣшательства, не помню хорошенько, въ какихъ словахъ я ему отрекомендовался; помню только, что онъ два раза меня поцѣловалъ, а когда я хотѣлъ поцѣловать его руку, онъ не далъ и, поцѣловавъ меня еще въ лобъ, сказалъ: «Ахъ, какъ похожъ ты на своего дѣдушку!» На котораго? спросилъ я и тотчасъ же почувствовалъ, что вопросъ мой былъ не кстати, потому что Гавріилъ Романовичъ не могъ знать дѣда моего съ отцовской стороны, не выѣзжавшаго никогда изъ Тобольской губерніи. «На Василія Михайловича (Страхова), съ которымъ ходили мы подъ Пугачева», отвѣчалъ Державинъ. «Ну, садись, продолжалъ онъ: вѣрно, пріѣхалъ сюда на службу?» Точно такъ, и прошу не отказать мнѣ въ вашемъ, по этому случаю, покровительствѣ. «Вотъ то-то и бѣда, что не могу быть тебѣ полезнымъ. Иное дѣло, если бы это было лѣтъ за двѣнадцать назадъ: тогда бы я тебѣ пригодился; тогда я служилъ, а теперь отъ всего въ сторонѣ.» Слова эти меня поразили. Какъ! вскричалъ я: съ вашимъ громкимъ именемъ, съ вашею славою, вы не можете быть мнѣ полезнымъ? «Не горячись, возразилъ онъ съ добродушною улыбкою: поживешь, такъ узнаешь. Впрочемъ, если гдѣ намѣтишь, скажи мнѣ: я попробую, попрошу.» За симъ онъ сталъ распрашивать меня о родныхъ, о Казани, о тамошнемъ университетѣ, о моихъ занятіяхъ, совѣтуя и на службѣ не покидать упражненій въ словесности; прощаясь же, просилъ посѣщать его почаще. Раскланявшись, я не вдругъ догадался, какъ мнѣ выйдти

*) «Кутерьма отъ Кондратьевъ».

изъ кабинета, потому что онъ весь, не исключая и самой двери, состоялъ изъ сплошныхъ шкаповъ съ книгами.

Дней черезъ пять, часовъ въ десять утра, я опять отправился къ Державину, и въ этотъ разъ не для одного наслажденія видѣть его, говорить съ нимъ, а для исполненія возложеннаго на меня казанскимъ обществомъ любителей отечественной словесности, котораго былъ я членомъ, порученія исходатайствовать копію съ его портрета и экземпляръ новаго изданія его сочиненій. «Копію? Да вѣдь это стоитъ денегъ!» сказалъ Державинъ, улыбаясь. Не ожидая такого возраженія, я нѣсколько остановился, но вскорѣ продолжалъ: за то, съ какою благодарностію приметъ общество изображеніе великаго поэта, своего почетнаго члена, своего знаменитаго согражданина. Да и гдѣ приличнѣе, какъ не тамъ, стоять вашему портрету? «Ну, хорошо. Но съ котораго же списать копію? съ Тончіева, что у меня внизу? да онъ очень великъ, поколѣнный.» А съ того, что былъ на нынѣшней академической выставкѣ? подхватилъ я, и опять не кстати. «Какъ это можно, милый! возразилъ онъ: тамъ написанъ я въ колпакѣ и въ тулупѣ. Нѣтъ, лучше съ того, который находится въ Россійской Академіи, писанный отличнымъ художникомъ Боровиковскимъ. Тамъ изображенъ я въ сенаторскомъ мундирѣ и въ лентѣ. Когда будетъ готовъ, я пришлю его къ тебѣ для отправленія; а сочиненія, можешь, пожалуй, взять и теперь. Ихъ вышло четыре тома; пятый отпечатается лѣтомъ: его пошлемъ тогда особо.» Я забылъ сказать, что въ этотъ разъ нашелъ я Гавріила Романовича за маленькимъ у окна столикомъ, съ аспидною доскою, на которой онъ исправлялъ или передѣлывалъ прежніе стихи свои, и съ маленькою собачкою за пазухой. Такъ большею частію заставалъ я его и въ послѣдующія утреннія мои посѣщенія. Въ продолженіе же нашего разговора о портретѣ и книгахъ мы уже сидѣли на диванѣ. Этотъ диванъ былъ особаго устройства—гораздо шире и выше обыкновенныхъ, со ступенькою отъ пола и съ двумя по бокамъ шкапиками, верхнія доски которыхъ замѣняли собою столики. Державинъ кликнулъ человѣка, велѣлъ принести четыре тома своихъ сочиненій и вручилъ ихъ мнѣ. Принимая, я позво-

лилъ себѣ сказать: не будете ли такъ милостивы, не означите ли на первомъ томѣ вашею рукою, что дарите ихъ обществу? Съ этою надписью они будутъ еще драгоцѣннѣе. «Хорошо; такъ, потрудись, подай мнѣ перышко.» Онъ положилъ книгу на колѣно и спросилъ: «Что же писать-то?» Что вы посылаете ихъ въ знакъ вашего вниманія къ обществу. Онъ не отвѣчалъ: но вмѣсто *вниманія,* написалъ: *въ знакъ уваженія.* Съ книгами этими и портретомъ случилась впослѣдс твіи бѣда. Портретъ былъ изготовленъ и отправленъ, вмѣстѣ съ книгами, не ранѣе марта мѣсяца (1816 г.). Дорогою захватила ихъ преждевременная растополь: посылка попала гдѣ-то въ зажору и привезена въ Казань подмоченною. Что касается до портрета, то университетскій живописеп Крюковъ успѣшно очистилъ его отъ плѣснети и хорошо реставрировалъ; книги же, разумѣется, очень пострадали, такъ что секретарь общества, по порученію онаго, умолялъ меня выпросить у Державина другой экземпяръ. Не легко мнѣ было сообщить объ этой бѣдѣ Гавріилу Романовичу, и не безъ сожалѣнія онъ меня выслушалъ, но успокоился, когда я объяснилъ ему, что портретъ не потерпѣлъ никакого существеннаго поврежденія; книги же обѣщалъ онъ доставить, когда выйдетъ послѣдняя пятая часть, но не успѣлъ этого исполнить, и въ библіотекѣ общества остался, вѣроятно, хранится еще и теперь, подмоченный экземпляръ.

Описанное второе свиданіе мое съ Державинымъ случилось дней за пять до праздника Рождества Христова. Прощаясь, онъ потребовалъ, чтобы 25 числа я непремѣнно у него обѣдалъ. «Такіе дни, примолвилъ онъ: должно проводить съ родными. Я познакомлю тебя съ женою. Да привези съ собою и брата. Онъ, кажется, насъ не любитъ.»

Здѣсь надобно сдѣлать нѣкоторое отступленіе. Когда я отъѣзжалъ въ Петербургъ, дядя мой выразилъ мнѣ полную надежду, что Гавріилъ Романовичъ приметъ меня благосклонно, родственно, и — большое сомнѣніе въ томъ со стороны супруги его, Дарьи Алексѣевны. По его словамъ, она старалась отклонить старика отъ казанскихъ родныхъ его и окружала своими родствен-

никами. То же подтвердилъ мнѣ братъ мой; то же замѣтилъ и я, когда явился къ обѣду въ день Рождества Христова. Она приняла мень очень сухо.

Въ этотъ разъ я почти не узналъ Державина—въ коричневомъ фракѣ, съ двумя звѣздами, въ черномъ исподнемъ платьѣ, въ хорошо причесанномъ парикѣ. Гостей было человѣкъ тридцать, большею частію людей пожилыхъ. Одинъ изъ нихъ, съ необыкновеннымъ даромъ слова, заставившій всѣхъ себя слушать, обратилъ на себя особенное мое вниманіе. Кто это? спросилъ я кого-то, сидѣвшаго подлѣ меня. Тотъ отвѣчалъ: Лабзинъ. Тогда вниманіе мое удвоилось: я вспомнилъ, что въ бумагахъ покойнаго отца моего нашлось множество писемъ Лабзина, подъ псевдонимомъ *Безьеровъ*,—вѣроятно, потому, что онъ нигдѣ *еровъ* не ставилъ. Въ письмахъ этихъ, замѣчательныхъ по прекрасному изложенію, онъ постоянно сообщалъ отцу моему о современномъ ходѣ французской революціи. Впослѣдствіи я познакомился съ Лабзинымъ, и это знакомство составляетъ любопытный эпизодъ въ исторіи моей петербургской жизни.

Въ продолженіе праздниковъ я два раза, по приглашенію Державина, былъ на его балахъ по воскресеньямъ, но, отъ застѣнчивости посреди чуждаго мнѣ общества и отъ невниманія хозяйки, скучалъ на нихъ, не принималъ участія въ танцахъ, хотя, танцуя хорошо, могъ бы отличиться. Въ эти два вечера занимали меня только два предмета: нѣжное обращеніе хозяина съ тогдашнею красавицею, г. Колтовскою, женщиною лѣтъ тридцати-пяти, бойкою, умною. Гавріилъ Романовичъ почти не отходилъ отъ нея и казался бодрѣе обыкновеннаго. Второй предметъ — это очаровательная граціозность въ танцахъ меньшой племянницы Дарьи Алексѣевны, П. Н. Львовой, впослѣдствіи супруги упомянутаго выше сенатора Бороздина. Она порхала, какъ сильфида, особливо въ мазуркѣ.

Холодность хозяйки сдѣлала то, что я старался избѣгать ея гостиной и положилъ бывать у Гавріила Романовича только по утрамъ, въ его кабинетѣ, гдѣ онъ всегда принималъ меня ласко-

во. Разскажу нѣсколько, болѣе замѣчательныхъ, случаевъ изъ этихъ посѣщеній.

Въ началѣ 1816 года явился въ Петербургъ Карамзинъ, съ восемью томами своей исторіи. Это произвело огромное впечатлѣніе на мыслящую часть петербургской публики. Всѣ желали видѣть его, если можно, послушать что нибудь изъ его исторіи. Дворъ также былъ заинтересованъ прибытіемъ исторіографа: положено было назначить ему день, для прочтенія нѣсколькихъ лучшихъ мѣстъ изъ его исторіи, во дворцѣ, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Видѣлись ли вы съ Карамзинымъ? спросилъ я однажды Гавріила Романовича. «Какже: онъ у меня былъ, и по просьбѣ моей обѣщалъ прочесть что нибудь изъ своей исторіи, не прежде, однакожь, какъ прочтетъ у Двора; но какъ я не хочу одинъ насладиться этимъ удовольствіемъ, то просилъ у него позволенія пригласить нѣсколькихъ моихъ пріятелей. На дняхъ поѣду къ нему и покажу списокъ, кого пригласить намѣренъ; тебя я также включилъ. Но меня вотъ что затрудняетъ: Александръ Семеновичъ Шишковъ — мой давній пріятель и главный сотоварищъ по *Бесѣдѣ* *): не пригласить его нельзя, а, между тѣмъ, это можетъ быть непріятно Николаю Михайловичу, котораго, ты знаешь, онъ жестоко преслѣдовалъ въ книгѣ своей «О старомъ и новомъ слогѣ». Чрезъ нѣсколько дней Гавріилъ Романовичъ разсказалъ мнѣ, что онъ былъ у Карамзина, показывалъ ему списокъ и объяснилъ затрудненіе свое относительно Шишкова; но Карамзинъ отозвался, что ему будетъ весьма лестно видѣть въ числѣ слушателей своихъ такого человѣка, какъ Александръ Семеновичъ, и что онъ не только не сердитъ на него за бывшія нападки, но, напротивъ, очень ему благодаренъ, поелику воспользовался многими его замѣчаніями. «Я увѣренъ, примолвилъ Державинъ, съ одушевленіемъ: что исторія будетъ хороша: кто такъ мыслитъ и чув-

---

*) Бесѣда любителей русскаго слова. Такъ называлось литературное общество, собиравшееся въ домѣ Державина.

ствуетъ, тотъ не можетъ писать дурно.» *) Предположенное чтеніе, однакожь, не состоялось, потому что во весь великій постъ не могло состояться и у Двора; оно было отложено до переѣзда Императорской Фамиліи въ Царское Село, а вскорѣ послѣ Пасхи Державинъ, какъ увидимъ ниже, уѣхалъ на Званку.

Возвратившійся съ конгресса Императоръ Александръ Павловичъ уже два мѣсяца оживлялъ столицу своимъ присутствіемъ. Онъ ежедневно прогуливался пѣшкомъ по Невской набережной и по Фонтанкѣ; сани Его, съ брошенною на нихъ шинелью, тихо ѣхали позади. Всякій, кто только могъ, кому позволяло время, спѣшилъ встрѣтиться съ Нимъ, взглянуть на Него. Живши тогда у Семіоновскаго моста, я каждый день, во второмъ часу, торопился выйдти на Фонтанку, чтобы насладиться счастіемъ видѣть обожаемаго Государя; а Онъ — рѣдкое соединеніе красоты и величія — казался мнѣ не человѣкомъ, а чѣмъ-то свыше, какимъ-то неземнымъ существомъ. Это время было, конечно, лучшимъ временемъ Его жизни: великодушный побѣдитель, возстановитель падшихъ царствъ, успокоитель потрясенной, облитой кровію Европы, предметъ любви и удивленія цѣлаго свѣта, Онъ, казалось, сознавалъ въ душѣ своей, что вполнѣ совершилъ великій подвигъ, на который призванъ былъ Провидѣніемъ. Это внутренное довольство скромно выражалось на прекрасномъ лицѣ Его; а блестящія супружества двухъ сестеръ, Великой Княгини Екатерины Павловны и Великой Княжны Анны Павловны, имъ же устроенныя, довершали тогдашнее Его счастіе. Увеселенія Двора отражались въ увеселеніяхъ города. Вскорѣ благочестивый Государь пожелалъ явить столицѣ торжество вѣры. День побѣды подъ Фершампенуазомъ и въ особенности день вступленія россійскихъ войскъ въ Парижъ почтилъ Онъ молебствіемъ и великолѣпнымъ парадомъ на площади Зимняго Дворца. Петербургъ былъ въ восторгѣ отъ давно невиданннаго зрѣлища, отъ славныхъ воспоминаній: Державинъ написалъ стихи.

---

*) Изъ этого отзыва можно заключить, что корифеи бесѣды сомнѣвались въ достоинствѣ творенія Карамзина и не скрывали того передъ Державинымъ.

Новость эта быстро разнеслась по городу. Я отправился къ Гавріилу Романовичу. Это было въ воскресенье, послѣ обѣдни. Онъ сидѣлъ за большимъ письменнымъ столомъ своимъ, а отъ него, полукругомъ, пятеро гостей, въ томъ числѣ Ѳедоръ Петровичъ Львовъ и Гаврила Герасимовичъ Политковскій, критиковавшихъ какое-то стихотвореніе Жуковскаго. Какъ скоро они умолкли, я попросилъ позволенія прочитать вновь написанные стихи. Державинъ мнѣ ихъ подалъ. А когда обратился я къ нему съ новою просьбою — дозволить мнѣ взять ихъ съ собою и списать, онъ отвѣчалъ: «у меня только и есть одинъ экземпляръ, между тѣмъ, пріѣзжаютъ, спрашиваютъ. Лучше сядь сюда къ столу и спиши здѣсь....» Я сѣлъ. Державинъ оторвалъ отъ какой-то писанной бумаги чистые поллиста, подалъ мнѣ и придвинулъ чернилицу.

Выписываю эти стихи. Они, конечно, не прежніе державинскіе; но грѣхъ было бы и взыскивать. Довольно того, что всякое событіе, къ славѣ отечества относящееся, находило отзывъ въ теплой душѣ его и, не смотря на преклонность лѣтъ, воспламеняло въ ней искру поэзіи.

СОНЕТЪ

на торжество, бывшее въ Петербургѣ 19 марта 1816 года, на память взятія Парижа.

Воспоминаніе парижскаго плененья
Представя Александръ на невскихъ берегахъ,
Неизрѣченный духъ влилъ въ россахъ восхищенья,
Что далъ имъ торжество незримо зрѣть въ полкахъ.
Казалось, неба сводъ, полкъ ангеловъ склонились,
Чтобъ зрѣть царей, царицъ, ликъ пастырей, войскъ строй;
Но паче красотѣ души того дивились,
Кто въ благочестіи семъ былъ истинный герой.

За зло не воздалъ зломъ, не мстилъ страдальца кровью,
Но, прахъ его почтя, платилъ врагамъ любовью.
Се образъ доблестей, который, какъ гора,
Вѣкъ будетъ славой рость, какъ звѣзды не увянетъ.
Ничто такъ радовать тебя, Монархъ, не станетъ,
Какъ память сладкая содѣянна добра.

Стихи эти, писанные мною въ кабинетѣ Державина, его перомъ, на его бумагѣ, и теперь хранятся у меня въ томъ же видѣ.

Великій постъ 1816 года замѣчателенъ двумя торжественными собраніями Бесѣды любителей русскаго слова, происходившими, какъ и прежнія, въ домѣ Гавріила Романовича. Они въ полномъ смыслѣ могли назваться блестящими. Многочисленная публика наполняла обширную, великолѣпно освѣщенную залу. Въ числѣ посѣтителей находились почти всѣ государственные сановники и первенствующіе генералы. Тутъ въ первый разъ видѣлъ я графа Витгенштейна, графа Сакена, графа Платова, котораго маститый хозяинъ встрѣтилъ съ какимъ-то особеннымъ радушіемъ. На послѣднюю бесѣду ждали Государя Императора. Но, когда всѣ заняли свои мѣста, вошелъ въ залу с.-петербургскій главнокомандующій, графъ Вязмитиновъ, и объявилъ Державину, что Государь, занятый полученными изъ-за границы важными депешами, къ сожалѣнію, пріѣхать не можетъ. Тогда началось чтеніе, и всѣ вскорѣ догадались объ истинной причинѣ отсутствія Государя. Членъ бесѣды, Политковскій, произнесъ ему похвальное слово! Не говоря уже о томъ, что оно было плохимъ подражаніемъ плиніева Траяну, возможно ли было ожидать, чтобы тотъ, кто постоянно уклонялся отъ похвалъ цѣлаго свѣта, согласился выслушать ихъ, лицемъ къ лицу, отъ доморощеннаго оратора, говорившаго битый часъ?

Наступала страстная недѣля. Гавріилъ Романовичъ предложилъ мнѣ говѣть съ нимъ, для чего я долженъ былъ каждый день пріѣзжать обѣдать и оставаться до вечера, чтобы слушать всенощную. Но я воспользовался этимъ предложеніемъ одинъ только разъ—въ понедѣльникъ. Холодность хозяйки поставляла меня въ

непріятное, затруднительное положеніе: я отговорился большимъ разстояніемъ моей квартиры отъ ихъ дома и тогдашней распутицей.

Въ свѣтлое воскресенье я, однакожь, пріѣхалъ обѣдать и потомъ не былъ цѣлую недѣлю. Прихожу во вторникъ на ѳоминой. Гавріилъ Романовичъ былъ одинъ въ своемъ кабинетѣ. Нѣкоторые изъ шкаповъ стояли отворенные; на стульяхъ, на диванѣ, на столѣ лежали кипы бумагъ. Спрашиваю о причинѣ. «Во вторникъ на слѣдующей недѣлѣ я уѣзжаю въ Званку. Не знаю, приведетъ ли Богъ возвратиться, такъ хочу привести въ порядокъ мои бумаги. Ты очень кстати пожаловалъ: пособи мнѣ.» Съ искреннею радостію принялся я за работу. Беру съ дивана большую пачку, вижу надпись: *мои проэкты.*—Проэкты? Вы такъ много написали проэктовъ и по какимъ разнообразнымъ предметамъ! сказалъ я съ нѣкоторымъ удивленіемъ, заглянувъ въ оглавленіе. «А ты развѣ думалъ, что я писалъ одни стихи? Нѣтъ, я довольно потрудился и по этой части, да чуть ли не напрасно: многія изъ полезныхъ представленій моихъ остались безъ исполненія. Но вотъ что болѣе всего меня утѣшаетъ (онъ указалъ на другую пачку): я окончилъ миромъ слишкомъ двадцат важныхъ, запуганныхъ тяжебъ; мое посредство прекратило не одну многолѣтнюю вражду между родственниками.» Я взглянулъ на лежащій сверху реэстръ примиренныхъ: это по большей части были лица знатнѣйшихъ въ государствѣ фамилій. Подхожу къ столу, на которомъ лежали двѣ кучки бумагъ, одна побольше, другая поменьше.—Трагедіи? оперы? спрашиваю я, тоже съ нѣкоторымъ, по неожиданности, удивленіемъ: я и не зналъ, что вы такъ много упражнялись въ драматической поэзіи; я думалъ, что вы написали одну только трагедію: *Иродъ и Маріанна.* «Цѣлыхъ пять, да три оперы», отвѣчалъ онъ. Играли ли ихъ на театрѣ? «Куда тебѣ! теперь играютъ только сочиненія князя Шаховскаго, потому что онъ всѣмъ тамъ распоряжаетъ. Не хочешь ли прочитать которую нибудь?» Очень хорошо. «Такъ возьми хоть *Василія Темнаго,* что лежитъ сверху. Тутъ выведенъ предокъ мой

Багримъ. Да кстати возьми ужь одну и изъ оперъ, но съ тѣмъ, чтобы по прочтеніи пришелъ къ намъ въ субботу обѣдать и сказалъ бы мнѣ откровенно свое мнѣніе.» Слова эти удивили меня по неожиданному лестному довѣрію къ моему мнѣнію и въ то же время смутили при мысли, что произведенія эти, судя по трагедіи «Иродъ и Маріанна», вѣроятно, найду я недостойными таланта великаго поэта, что родъ драматическій не его призваніе. Но нечего было дѣлать: я взялъ и *Василія Темнаго*, и оперу *Эсѳирь*, которая тоже лежала сверху.

Возвратившись домой, принялся я читать. Ни та, ни другая мнѣ не понравились, можетъ быть, по предубѣжденію, по привычкѣ къ строгимъ классическимъ правиламъ, тѣмъ болѣе, что трагедія имѣла форму почти романтическую, начиналась сценою въ крестьянской хижинѣ. Можетъ быть, прочитавъ ее теперь, я судилъ бы о ней иначе, былъ бы справедливѣе, снисходительнѣе. Чѣмъ ближе подходила суббота, тѣмъ сильнѣе возрастало мое смущеніе. Могъ ли я нагло солгать предъ человѣкомъ, столь глубоко мною чтимымъ: похвалить его произведеніе, когда убѣжденъ былъ въ противномъ? Съ другой стороны, какъ достало бы у меня духа сказать ему правду? Я не зналъ, что мнѣ дѣлать, какъ выйдти изъ труднаго моего положенія? Думалъ, думалъ и рѣшился не ѣхать обѣдать. Въ этой рѣшимости подкрѣпляла меня мысль, что, можетъ быть, по старости лѣтъ, по сборамъ въ дорогу, Гавріилъ Романовичъ какъ нибудь забудетъ, что далъ мнѣ эти пьесы, что звалъ меня обѣдать. Вышло, однакожь, напротивъ. Въ субботу, въ седьмомъ часу вечера, докладываютъ мнѣ, что пришелъ швейцаръ Державина, извѣстный Кондратій. Я тотчасъ надѣлъ халатъ, подвязалъ щеку платкомъ, легъ на кровать и велѣлъ позвать посланнаго. «Гаврила Романовичъ, сказалъ Кондратій: приказали вамъ сказать, что они сегодня дожидались васъ кушать и очень сожалѣли, что вы не пожаловали, да приказали взять у васъ какія-то ихнія бумаги.» Ты видишь, отвѣчалъ я: что я нездоровъ: у меня сильно разболѣлись зубы. Я таки перемогался; но кончилось тѣмъ, что не въ силахъ былъ пріѣхать,

а дать знать о томъ было уже поздно; бумаги же хотѣлъ отослать завтра утромъ. Теперь возьми ихъ съ собою да, пожалуйста, извини меня предъ Гавриломъ Романовичемъ.»

Мнѣ и теперь еще кажется, что я поступилъ хорошо, уклонившись, хотя, правда, неделикатно и съ примѣсью лжи, отъ обязанности высказать Гавріилу Романовичу откровенное мнѣніе мое о его трагедіи и оперѣ. Но—увы!—эта студентческая честность стоила мнѣ дорого: я лишился удовольствія съ нимъ проститься, взглянуть на него въ послѣдній разъ. Гавріилъ Романовичъ, дѣйствительно, уѣхалъ въ наступавшій вторникъ, и черезъ два мѣсяца, 8 іюля, въ день *Казанской* Божіей Матери, скончался въ сельскомъ своемъ уединеніи, пропѣвъ эту лебединую пѣснь, достойную лучшаго времени его поэзіи:

Рѣка временъ, въ своемъ теченьи,
Уноситъ всѣ дѣла людей
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей;
А если что и останется
Чрезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется
И общей не уйдетъ судьбы.

Прахъ великаго поэта покоится въ Хутынскомъ монастырѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Новгорода. Для чего не въ Казани, на родинѣ? Тамъ, кажется, было бы ему теплѣе. Туда любилъ онъ переноситься душою. Посмотрите, съ какимъ чувствомъ, съ какою любовію взывалъ онъ къ мѣстамъ, гдѣ протекли дѣтскіе и юношескіе его годы:

О, колыбель моихъ первоначальныхъ дней,
Невинности моей и юности обитель!
Когда я освѣщусь опять твоей зарей
И твой по прежнему всегдашній буду житель?

Когда наслѣдственны поля я буду зрѣть,
Васъ, дубы камскіе, отъ времени почтенны,
По Волгѣ, между селъ, на парусахъ летѣть
И гробы обнимать родителей священны *)?

---

*) Родители Державина погребены въ селѣ Егорьевѣ, въ 35 верстахъ отъ Казани, на проселочной оренбургской дорогѣ. Тутъ, не доходя до церкви саженъ десять, на замѣтной съ лѣвой стороны возвышенности, лѣтъ сорокъ-пять назадъ, стояли уединенно одинъ подлѣ другаго два небольшіе надгробные камня, когда-то покрытые масляною зеленою краскою. По этой же дорогѣ ѣзжалъ я каждое лѣто на вакацію въ нашу лаишевскую деревню и, пока перемѣняли въ Егорьевѣ лошадей, всходилъ на эту возвышенность поклониться праху тѣхъ, кому обязанъ былъ жизнію великій поэтъ, прославившій именемъ своимъ дотолѣ неизвѣстное ихъ имя и свою родину.

В. ПАНАЕВЪ.

С.-Петербургъ.
1811 года.

НЕАПОЛЬ.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ.

М. П. ВЕСЕЛОВСКАГО.

НЕАПОЛЬ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ.)

Neapoli odorifera e gentile...

Paolo Merula, 1636.

.... Въ послѣдній день пребыванія нашего въ Римѣ, небо, до тѣхъ поръ ясное, стало хмуриться, начиналъ перепадать дождь,— такъ же лѣниво и угрюмо, какъ лѣнивъ и угрюмъ самъ Вѣчный Городъ, при современной обстановкѣ. Сонныя, одутловатыя и небритыя физіономіи разноцвѣтныхъ монаховъ, аббатовъ и *патеровъ*, постоянно виднѣвшихся на улицахъ, казались тогда еще сонливѣе и антипатичнѣе, чѣмъ прежде. Скука, праздность и затаенное неудовольствіе какъ будто висѣли въ воздухѣ...

Осматривая Колизей, мы распустили зонтики и то и дѣло прятались въ одну изъ его 240 арокъ. Сидя потомъ въ закрытой колясkѣ, я тщательно прятался въ плэдъ, не смотря на то, что было тепло. Разсказы о томъ, какъ вреденъ для здоровья римскій воздухъ *при началѣ дождя*, живо повторялись въ моей памяти, и я не разъ возсылалъ боязливыя мольбы къ древней богинѣ лихорадокъ. Между тѣмъ, ненастье усиливалось. На пути къ Боргезской Виллѣ, насъ застигъ проливной дождь, который совершенно испортилъ прогулку и заставилъ насъ возвратиться въ отель.

*

Я и двое моихъ спутниковъ, также русскіе, остановились въ *Европейской гостинницѣ*, на Испанской площади *(Piazza di Spagna)*. Это было въ половинѣ сентября нашего стиля, т. е. въ такое время, когда туристы со всего свѣта только что *начинаютъ* съѣзжаться въ Италію. Великое переселеніе британцевъ съ туманнаго острова ограничивалось въ ту пору Альпами; послѣднія англо-саксонскія бакенбарды встрѣтились намъ въ Генуѣ; полуостровъ только что ожидалъ Джона Булля и его гиней.

Испанская площадь — одинъ изъ лучшихъ и самыхъ здоровыхъ пунктовъ Рима. Отсюда близко любимое гулянье римлянъ— на *Monte Pincio;* улица *Corso* примыкаетъ къ площади. Тутъ поставленъ недавно памятникъ въ честь новаго католическаго догмата *Непорочнаго Зачатія (Conceptio Immaculata)*. Колонна, изображеніе Богородицы, наверху, и статуи по бокамъ пьедестала — изъ мрамора. Говорятъ, что освященіе этого памятника производилось съ большою торжественностію, но что народомъ не выказано при этомъ большой симпатіи ни къ лицу святѣйшаго отца, ни къ его догматической дѣятельности.

Вечеромъ насъ посѣтилъ русскій художникъ Г***. Получивъ первую золотую медаль отъ нашей академіи, онъ недавно пріѣхалъ въ Римъ, но уже принялся за предварительныя работы для исторической картины, которую намѣренъ писать. Г*** человѣкъ образованный, съ прекраснымъ направленіемъ, чуждый рабскаго поклоненія авторитетамъ. Само собою разумѣется, что разговоръ коснулся живописи и господствующаго въ ней направленія. Мысли наши по этому предмету сходились; только Г***, какъ художникъ, смотрѣлъ на вещи серьезнѣе и произносилъ болѣе строгіе приговоры, чѣмъ я. Художникъ не въ состояніи восхищаться безусловно: его анализирующій взглядъ усматриваетъ въ предметѣ много пятенъ, незамѣтныхъ для простаго лаика; чувство эстетической правоты въ немъ щекотливѣе и неподкупнѣе, чѣмъ у дюжиннаго туриста. Съ художникомъ не бываетъ того, что̀ случается часто съ профанами: подъ вліяніемъ хорошаго обѣда или дурно проведенной ночи, онъ не позволитъ себѣ прибавить что либо къ достоинствамъ произведенія или отнять отъ нихъ

даже бездѣлицу; а этому грѣху люди любознательные по ремеслу подвержены бываютъ очень часто.

Къ несчастію, убѣжденіе, что искусство должно идти впередъ, и идти самостоятельно, самобытно, а не по рутинѣ, заповѣданной извѣстною школою, свойственно теперь весьма немногимъ художникамъ. Взявъ за образецъ, на примѣръ, Рафаэля, большинство художниковъ старается подражать не тому, что̀ дѣйствительно хорошо въ Рафаэлѣ и достойно подражанія, а сплошь всему; они забываютъ, что Рафаэль, какъ всѣ даже великіе люди, принадлежалъ извѣстной эпохѣ, а слѣдовательно наравнѣ со всѣми людьми не чуждъ какъ достоинствъ, такъ и недостатковъ школы. Они не хотятъ сознаться, что пейзажи Рафаэля смѣшны и уродливы, что мадонны его чрезвычайно далеки отъ еврейскаго типа, что *Преображенію* его недостаетъ единства сюжета *), что въ *Аѳинской Школѣ* архитектурная часть выполнена въ *римскомъ* стилѣ, что такія картины, какъ *Изведеніе апостола Петра изъ темницы,* гдѣ три момента событія представлены на одномъ планѣ, грѣшатъ противъ основныхъ правилъ логики и эстетики, что конскія ристанія внутри Венеціи (на одной изъ его фресокъ) враждуютъ и съ исторіей, и съ географіей.

Католичество наполняло и проникало нѣкогда міръ, какъ будда, по понятію индуса, наполняетъ вселенную. Въ католическомъ, такъ же, какъ и въ буддійскомъ мірѣ, создано много истинно-великаго, много такого, чему мы невольно удивляемся; но пора религіознаго преобладанія и безусловнаго порыва къ небесному прошла: теперь отъ художника требуется изученіе; теперь человѣкъ, жизнь, личность, исторія, факты — выступаютъ въ искусствѣ на передній планъ и заслоняютъ собою отвлеченныя идеи. Если родиться другому Рафаэлю уже не суждено, то это не потому, что онъ преисполнилъ всю мѣру совершенствъ въ искусствѣ, какъ думаютъ нѣкоторые старовѣры, а потому именно, что самая эпоха, въ которую жилъ Рафаэль, со

---

*) На картинѣ *Преображеніе* главный сюжетъ — *исцѣленіе бѣснующагося*. Весь интересъ сосредоточивается на фигурѣ больнаго.

всѣми современными воззрѣніями и обстановкой, отошла уже на заднiй планъ, что шагъ, сдѣланный Рафаэлемъ, какъ ни былъ онъ огроменъ, принадлежитъ уже исторіи. Сдѣлать другой такой же шагъ нельзя потому, что двухъ одинакихъ явленій не бываетъ. Но это вовсе не значитъ, чтобы не могъ опять явиться художникъ, который бы въ такой же мѣрѣ подвинулъ искусство, какъ Рафаэль, который бы оказалъ искусству равныя съ нимъ заслуги. Только, современному живописцу идти по тому же пути, по которому шелъ Рафаэль, не проникаясь убѣжденіями и интересами, свойственными времени Рафаэля, было бы такъ же странно и неблагоразумно, какъ странно и неблагоразумно было бы со стороны индуса, задѣтаго англійской цивилизаціей, начать прорывать горы, съ цѣлію устроить въ нѣдрахъ земли пагоду.

Рутина губитъ искусство. Узкость взгляда и зависимость отъ авторитетовъ замѣтны особенно въ итальянскихъ художникахъ. Видя въ минувшемъ всѣ залоги славы и величія Италіи, современный итальянецъ задается только подражаніемъ; онъ вѣруетъ въ свои образцы и не смѣетъ бросить взгляда въ сторону. Онъ забываетъ, какъ онъ самъ переродился, какъ все его окружающее измѣнилось противъ прежняго. Напрасно, изучая Рафаэля, онъ будетъ стараться уловить его геній: форма, техника, внѣшняя особенность произведеній, съ ихъ слабыми сторонами, еще поддадутся болѣе или менѣе его стремленіямъ; но смысла, духа твореній ему не уловить, и не выйти изъ посредственности ему ни за что, до тѣхъ поръ, пока той же копотью, той же ржавчиной, какъ теперь, будетъ покрытъ политическій и умственный горизонтъ его.

Вообще, живопись въ отношеніи критической оцѣнки отстала отъ другихъ искусствъ. До сихъ поръ не явилось еще человѣка, который бы рѣшился разобрать ея великіе образцы минувшаго времени, разобрать ихъ, не стѣсняясь заученными въ школахъ фразами и преданіями отцовъ. До сихъ поръ есть люди, которые не признаютъ достоинствъ въ новѣйшей живописи и которые очень серьёзно доказываютъ, что такое-то произведеніе никуда

не годно потому, что, по стилю, оно не подходитъ ни къ Рафаэлю, ни къ Тиціану, ни къ Рубенсу, ни къ Теньеру, ни къ Мурильйо, ни къ Лебрену, и т. д., и что его нельзя разбирать по извѣстной уже мѣркѣ той или другой школы. Такимъ образомъ, все оригинальное, самобытное, своеобразное кажется имъ ересью и непозволительнымъ посягательствомъ на вѣковыя убѣжденія...

Во всѣхъ этихъ размышленіяхъ нѣтъ ничего новаго; быть можетъ, они не совсѣмъ умѣстны даже въ путевыхъ замѣткахъ туриста. Но да послужитъ мнѣ извиненіемъ то, что искусство въ Италіи не есть только прихоть, роскошь или украшеніе жизни: искусство тамъ насущная потребность человѣка, плоть и кровь существа его. Говоря объ Италіи, не говорить объ искусствѣ невозможно; а говоря объ искусствѣ, нельзя не высказать тѣхъ болѣзненныхъ ощущеній, которыя испытываешь при видѣ постоянныхъ противорѣчій минувшаго съ настоящимъ. Геній прошлаго времени на ряду съ бездарностію, религіозный фанатизмъ рядомъ съ невѣріемъ, утонченный вкусъ съ безвкусіемъ, политическая свобода съ деспотизмомъ, блестящая литература рядомъ съ умственнымъ гнетомъ—задѣваютъ васъ за живое, оскорбляютъ васъ и заставляютъ высказываться такъ или иначе....

Мы заговорились и не замѣтили, что гроза разыгрывалась. Воздухъ давно уже былъ удушливъ и полонъ электричества, небо давно подернулось густыми хлопьями темныхъ облаковъ; но въ растворенное окно не долетало до насъ ни малѣйшаго звука. Около полуночи Римъ бываетъ погруженъ въ совершенную летаргію; передъ грозой же онъ присмирѣлъ окончательно. Первые раскаты грома торжественно отдались посреди мертвой тишины. Небо чуть не цѣликомъ подернулось багровымъ заревомъ. При блескѣ молніи, дворъ отеля ярко освѣщался, камни мостовой обозначались ясно, какъ днемъ; видны были сосѣднія окна съ вьющимся по нимъ плющемъ, цвѣты, нарочно выставленные на балконы, и потоки воды, которая, бурля, кружась и пѣнясь, убиралась въ клоаки. Въ продолженіе дня много уже упало дождя, земля увлажилась достаточно, и потому можно было стоять передъ от-

крытымъ окномъ, не боясь простуды. Картина, которую представляла эта ночь, была, дѣйствительно, заманчива: такого густаго мрака, такого ослѣпительнаго блеска, которые смѣняли другъ друга, такихъ оглушительныхъ громовыхъ ударовъ давно уже, какъ говорятъ, не бывало въ Римѣ. Г*** воспользовался минутнымъ затишьемъ въ природѣ и, предвидя безпокойство жены за свое отсутствіе, отправился домой. Мы простились окончательно, пожелавъ другъ другу всякаго рода благъ и успѣховъ.

Было уже далеко за полночь, а счеты, поданные намъ отъ отеля, оставались неуплаченными. Полусонный *cameriere*, стоявшій передъ нами съ вытянутой физіономіей, то и дѣло напоминалъ, что бухгалтеръ, съ которымъ нужно было разсчитаться, скоро ляжетъ спать. Нашъ *cicerone*, дряхлый, рохлеватый старикашка, съ головою, покрытой жалкими прядями рѣдкихъ волосъ, съ хриплымъ голосомъ и большимъ запасомъ самонадѣянности, получивъ условленную плату, удалился, воскуривъ легкій ѳиміамъ нашей націи. Нужно было торопиться. Вдвоемъ (третій спутникъ нашъ уже успокоился) мы отправились въ контору отеля (*boureau*, какъ зовутъ ее итальянцы, говоря по французски), стали повѣрять счеты, нашли въ нихъ много такъ называемыхъ *ошибокъ*, нашли и приписки, сдѣлали, по своему усмотрѣнію, *сбавки* *) и, выслушавъ по нѣскольку вкрадчивыхъ *grazie* отъ каждаго изъ членовъ прислуги, возвратились въ свои комнаты, съ непремѣннымъ желаніемъ воспользоваться немногими часами отдыха, которые оставались до утра.

Помню, что раскаты грома и безпрерывные переливы молніи долго не позволяли мнѣ забыться: я ворочался на жесткомъ римскомъ тюфякѣ, слабо напоминавшемъ азіятское ложе Лукулла, и съ какимъ-то тупымъ вниманіемъ разсматривалъ, сквозь ночной

*) Въ Италіи должно всегда и вездѣ торговаться: народъ къ этому такъ привыкъ, что за все запрашиваетъ чуть не вдвое. Давая столько, сколько отъ васъ требуютъ съ перваго раза, вы, навѣрное, переплатите много лишняго. Обычай передѣлывать и переправлять счеты въ отеляхъ и измѣнять въ нихъ подведенные *итоги* въ большомъ ходу и не возбуждаетъ возраженій.

сумракъ, безтолковые узоры рѣшетчатой желѣзной спинки кровати. Утро уже занималось, молнія гасла, перекаты грома слабѣли; слуга постучался въ дверь, явился факинъ за вещами; надо было вставать и собираться въ дорогу. Спутники мои были скоро готовы, и мы отправились въ контору почтовыхъ дилижансовъ, гдѣ у насъ были заранѣе взяты мѣста до Неаполя.

Въ началѣ нашего странствованія по Италіи, мы разсчитывали изъ Рима пуститься на Чивита-Веккію, и за тѣмъ моремъ доѣхать до Неаполя. Въ этой мысли поддерживали насъ, съ одной стороны, предубѣжденіе, что почтовыя дороги не безопасны, а съ другой— мечты о томъ, что плаваніе по Тирренскому морю должно представлять неисчерпаемый источникъ наслажденія. Это послѣднее убѣжденіе поколебалось, впрочемъ, въ переѣздъ нашъ изъ Генуи до Ливорно: мы попали на итальянскій пароходъ, и насмотрѣлись тутъ такого неряшества, такихъ лохмотьевъ, такой отвратительной распущенности, скаредности и навязчивой, продажной вѣжливости, что одинъ видъ афиши, съ надписью *pacchetto*, возбуждалъ въ насъ нервное содроганіе. Между тѣмъ, неаполитанскіе бандиты, судя по тому, что̀ намъ разсказывали, выродились; раса ихъ измельчала; съ классической кампанской почвы они перешли на оперныя и балетныя сцены, изъ дебрей Калабріи поступили въ число гражданъ Неаполя, изъ героевъ, заставлявшихъ биться дамскія сердца, превратились въ грязныхъ ладзароновъ. О поэтическихъ, великодушныхъ бандитахъ, грабящихъ богатыхъ и помогающихъ бѣднымъ, теперь уже не слышно. Вѣкъ ушелъ впередъ: теперь бандиты обкрадываютъ всѣхъ безъ различія, не пренебрегая ничѣмъ, но обкрадываютъ съ бо̀льшею скромностію въ пріемахъ, избѣгаютъ открытыхъ нападеній, и довольствуются немногими крупицами, посылаемыми имъ судьбою на улицахъ столицы.

Такого рода разсказы насъ нѣсколько поуспокоили, и мы рѣшились ѣхать въ Неаполь сухимъ путемъ. Въ дилижансѣ, который долженъ былъ отправиться въ ближайшій срокъ, мѣста въ *купэ* были уже заняты: намъ пришлось взять билеты на *ротонду*. Судя по модели, которую намъ показали въ конторѣ, ротонда эта

для насъ, натерпѣвшихся отъ итальянскаго комфорта, была не совсѣмъ неудобна *).

Подъѣхавъ къ *uffizio*, мы застали уже экипажъ нагруженнымъ; факины суетились, таскали на крышу кареты чемоданы, неотвязчиво требовали на водку и какъ-то уныло, женственно вздыхали, когда ожиданія ихъ не осуществлялись. Наши вещи взвѣсили, взяли съ насъ деньги, не выдавъ никакихъ контрмарокъ, указали намъ мѣста, попробовали придраться къ тому и другому, чтобы сорвать лишній *паолъ*, наконецъ пожелали намъ счастливаго пути.

Buon viaggio, signori!—Buon viaggio, signor mio! слышалось кругомъ по нѣскольку разъ и на разные тоны.

Кучеръ и форрейторъ, въ красивыхъ малиновыхъ полуфрачкахъ и длинныхъ ботфортахъ, садились уже на лошадей; лѣнивый кондукторъ карабкался уже къ своему сидѣнью на имперіалѣ. Купэ заняли трое молодыхъ людей, въ одинакихъ каучуковыхъ пальто и соломенныхъ шляпахъ. Впослѣдствіи оказалось, что это были русскіе. Мы втроемъ также заняли скамейки ротонды. Четвертое мѣсто оставалось пока пустымъ. Мы мечтали уже о просторѣ и спокойномъ путешествіи въ знакомой компаніи. Но, въ самую минуту отъѣзда, на дворѣ показалась черная фигура. Монахъ, въ длинномъ дорожномъ балахонѣ, скоро подошелъ къ каретѣ и, переговоривъ съ кондукторомъ, помѣстился вмѣстѣ съ нами. На новомъ спутникѣ нашемъ были надѣты родъ чернаго длиннаго сюртука, неуклюжей формы, и какая-то ваточная шапка, напоминавшая формою клобукъ русскихъ раскольничьихъ монаховъ. Патеръ былъ довольно тученъ, съ темнымъ, нездоровымъ цвѣтомъ лица. Ему, замѣтно, было жарко; но онъ все кутался, какъ будто

*) Подъ именемъ *купэ* въ заграничныхъ дилижансахъ разумѣются переднія закрытыя мѣста кареты. Тамъ вы сидите лицемъ къ лошадямъ. *Ротондой* называются заднія мѣста, гдѣ пассажиры занимаютъ боковыя лавки; *имперіалъ* — мѣста надъ каретой. Чтобы дать понятіе о степени удобства мѣстъ, конторы держатъ всегда маленькія модели своихъ каретъ. По этимъ моделямъ, вы заранѣе разсчитываете, въ какой мѣрѣ пострадаютъ ваши бока и спина.

боясь простуды. Дилижансъ двинулся довольно скоро. Вообще итальянцы возятъ ретиво; только, въ ѣздѣ, какъ и во всемъ другомъ, имъ недостаетъ распорядительности: подъ-часъ они безтолково-тороплнвы, подъ-часъ возмутительно-медленны и хладнокровны. Совершенное незнаніе приличій и неуваженіе къ законному порядку поражаютъ васъ въ Италіи на каждомъ шагу. Полицейскій или таможенный чиновникъ, нищій или извозчикъ съ одинаковой наглостью и цинизмомъ стараются выманить у васъ мелкую монету, одинаково униженно льстятся къ вамъ, предвидя подачку, однимъ и тѣмъ же тономъ, на распѣвъ, твердятъ о своей бѣдности. Кондукторъ почтоваго экипажа нисколько не заботится о пассажирахъ; онъ первый занимаетъ свое мѣсто, спитъ всю дорогу и пробуждается отъ летаргіи только въ концѣ пути или передъ таможенной станціей, когда ему приходится получать деньги за нарушеніе таможенныхъ правилъ. Тутъ у него являются расторопность и услужливость; онъ какъ будто оживаетъ, становится разговорчивымъ и краснорѣчивымъ; черные глаза его искрятся, и всѣ фибры лица приходятъ въ движеніе. По окончаніи сдѣлки и полученіи *паоловъ*, онъ снова впадаетъ въ оцѣпенѣніе, какъ сурокъ, снова свертывается въ клубокъ и опять оживаетъ лишь при магическихъ словахъ *passeporti* и *dogana*...

Утро было мрачно; земля, послѣ сильнаго дождя, выпавшаго наканунѣ, издавала сильныя испаренія. На улицахъ стояли лужи. Соръ и нечистоты, покрывавшіе мостовую, взмокли и превратились въ зловонную грязь. Неряшество потомковъ квиритовъ казалось тѣмъ замѣтнѣе. Ни одного привѣтнаго домика, ни одного миловиднаго магазина. Всѣ окна наводятъ на мысль о полицейской кордегаріи или монашеской кельѣ.

Въ лавкахъ видны темныя, дырявыя картины, вѣчныя воспроизведенія фигуры св. Себастіана, пронизаннаго стрѣлами, посредственныя мраморныя изваянія, дрянныя туалетныя принадлежности,—и ни одной порядочной книги. Всѣ книжныя обертки, выставленныя снаружи, запылились и закоптѣли, какъ закоптѣли сами книгопродавцы, отъ бѣдности и недѣятельности. Ни одного интереснаго сочиненія. Умственный застой царитъ повсюду.

Пронесясь во весь карьеръ, по двумъ-тремъ улицамъ, мы вдругъ остановились. Началась прописка паспортовъ и изготовленіе какихъ-то депешъ. Не знаю, въ какой мѣрѣ полиція была внимательна къ нашимъ документамъ *) и въ какой мѣрѣ важна была сочинявшаяся депеша, только насъ продержали около часа. Мы уже начинали терять терпѣніе; наконецъ кондукторъ воротился, взобрался на свою вышку, бичъ хлопнулъ, лошади бросились, какъ угорѣлыя; черные силуэты монаховъ снова замелькали въ окнахъ кареты; мы готовы были оставить стѣны Вѣчнаго Города. Вдругъ новая остановка. Къ каретѣ, во весь опоръ, подскакалъ папскій драгунъ, съ огромнымъ тюкомъ поперекъ сѣдла. Онъ торопливо обмѣнялся нѣсколькими словами съ кондукторомъ, отворилъ дверцы и чуть не швырнулъ въ насъ тюкомъ, желая его помѣстить непремѣнно гдѣ нибудь между нами. Выходка эта очень озадачила и разсердила насъ. Мы энергически доказывали, что это верхъ невѣжливости, что помѣстить тюкъ негдѣ, что распорядиться на этотъ счетъ обязанъ кондукторъ, что вещи слѣдуетъ укладывать въ дилижансъ заранѣе, а не среди дороги, и пр., и пр. Драгунъ не унимался. Онъ продолжалъ кричать, повторялъ, что эта посылка на имя *королевы (regina)*, и пробовалъ просунуть тюкъ, не щадя нашихъ ногъ и платья. Мы тоже стали браниться; наконецъ показали кулаки. Это, по видимому, подѣйствовало. Солдатъ обратился снова къ кондуктору. Они перебранивались еще въ продолженіе минутъ пяти; наконецъ тюкъ былъ уложенъ куда-то наверхъ.

Замѣчательно, что кондукторъ и не подумалъ вступиться за наши права: онъ продолжалъ дремать на своемъ сидѣньѣ и, вѣрно, былъ бы очень доволенъ, если бы мы уступили насилію и поставили тюкъ между нами, пожертвовавъ своимъ спокойствомъ. Рус-

*) Во Флоренціи, одного русскаго при въѣздѣ его въ городъ, полиція назвала въ своихъ спискахъ *Конрадомъ*, потому, что въ нѣмецкомъ переводѣ его паспорта передъ фамиліей означенъ былъ его чинъ *Hofrath* (надворный совѣтникъ). Спрашивается, какая польза отъ такого безграмотнаго контроля? Съ другой стороны за подобную проруху, при привязчивости полиціи, самъ путешественникъ можетъ иногда сильно поплатиться паолами.

скіе, сидѣвшіе въ *купэ*, потомъ разсказывали, что драгунъ приставалъ-было и къ нимъ и что только дерзкій отказъ и энергическіе жесты заставили его уняться.

Итакъ, вотъ послѣднее впечатлѣніе, оставленное въ насъ Римомъ, городомъ, водворившимъ нѣкогда законность въ Европѣ,— городомъ, столь высоко ставившимъ *decorum*, столь рано развившимъ въ себѣ чувство юридическаго и житейскаго приличія!

Оставивъ за собою Вѣчный Городъ, подернутый дымкой легкаго утренняго тумана, мы первое время дремали. Дурно проведенная ночь, форсированные переѣзды съ мѣста на мѣсто, безпрестанная смѣна впечатлѣній и пресыщеніе отъ чрезмѣрнаго наслажденія изящнымъ слишкомъ замѣтно давали о себѣ знать и не позволяли любоваться такъ, какъ бы слѣдовало, картинами, рисовавшимися по дорогѣ. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ чувство эстетическаго пресыщенія невозможно въ такой мѣрѣ, какъ въ Италіи. Постоянно восторженное состояніе, постоянное удивленіе великимъ образцамъ искусства, постоянное столкновеніе съ памятниками міровыхъ событій до такой степени напрягаютъ ваши душевныя силы, что вы наконецъ утомляетесь и физически, и морально; вниманіе притупляется, сознаніе слабѣетъ, равнодушіе заступаетъ мѣсто восторженности, впечатлительность исчезаетъ, является тупой, холодный индефферентизмъ. Потому-то всякому, кто истинно любитъ искусство, кто желаетъ сознательно наслаждаться изящнымъ, я посовѣтовалъ бы благоразумно, экономически распредѣлять время вояжа, давать отдыхъ и головѣ, и нервамъ, и ногамъ, и желудку, оставлять по нѣскольку часовъ на то, чтобы отдать себѣ отчетъ въ видѣнномъ и слышанномъ. Пересмотрѣть многое впопыхахъ, поверхностно, *по долгу истаго туриста* не значитъ еще многое пріобрѣсти, многому научиться.

Во время путешествія, я встрѣчалъ людей очень развитыхъ, очень способныхъ наслаждаться прекраснымъ, которые отъ подобнаго злоупотребленія своими силами (если можно такъ выразиться) пришли не только къ равнодушію, но къ какому-то нервному озлобленію. Они боялись картинныхъ галлерей, какъ огня, саркофаговъ, какъ чумы, считали коллекціи антиковъ бичемъ, по-

сланнымъ судьбою, и благословляли небо, когда въ какомъ либо городѣ, по указанію *путеводителя*, не находилось ничего особенно замѣчательнаго. Это уже вѣрный признакъ, что, плавая по морю искусства, они захлебнулись его струями.

Одинъ художникъ, котораго я встрѣтилъ въ Римѣ и который прибылъ туда уже порядкомъ искрестивъ сѣверную Италію, до такой степени надорвался, изучая картинныя галлереи и музеи, что, проживъ въ Римѣ мѣсяцъ, не сходилъ еще ни въ Ватиканъ, ни въ церковь св. Петра. И это не потому, чтобы онъ не сознавалъ значенія этихъ мавзолеевъ искусства, а потому именно, что, дорожа первымъ впечатлѣніемъ, желалъ обновиться мыслями и чувствами и боялся явиться туда неприготовленнымъ, не расположеннымъ достаточно понимать прекрасное. Въ свою очередь, и я, съ какимъ-то невѣжественнымъ хладнокровіемъ взглянулъ въ послѣдній разъ на величавый куполъ св. Петра, на широкую мрачную башню мавзолея Гадріана, на сквозныя арки полуразрушеннаго Колизея. Болѣзненное ощущеніе, которое не покидало меня при обзорѣ Италіи, чувство несоотвѣтствія великаго былаго съ мелкимъ и печальнымъ настоящимъ опять заговорило, когда сѣрая, изрытая почва, заброшенныя и заглохшія поля, заманчивыя, правда, по своей дикой прелести, но не дающія никакой снѣди ни человѣку, ни скоту, потянулись по обѣимъ сторонамъ дороги, когда на классической почвѣ, усыпанной костями и увлаженной кровью героевъ, стали попадаться лохмотья, составляющія общій костюмъ современнаго итальянца-простолюдина. И что̀ за тупость, что̀ за распущенность на всѣхъ лицахъ, что̀ за неряшество, что̀ за отсутствіе предпріимчивости замѣчаешь повсюду! что̀ за жалкая мелкая спекуляція всплываетъ поверхъ общаго застоя, лѣниваго, непробуднаго квіетизма!

Солнце болѣе и болѣе прогоняло туманъ, жаръ становился все чувствительнѣе, пыль смѣлѣе вбиралась въ окна дилижанса. Монахъ, закутанный въ свое пальто и обложенный подушками, замѣтно страдалъ отъ зноя, безпрестанно отиралъ чело свое платкомъ, но за тѣмъ еще болѣе закутывался. Трудно представить себѣ что нибудь уродливѣе и антипатичнѣе дорожнаго костюма

итальянскаго монаха. Надобно замѣтить, что, путешествуя, итальянскій монахъ желаетъ казаться міряниномъ или, по крайней мѣрѣ, скрыть, къ какому именно ордену принадлежитъ. Потому вы всегда увидите на немъ родъ длиннаго пальто, похожаго на рясу и сшитаго такъ, что, можетъ быть, оно служитъ всѣмъ членамъ извѣстнаго братства. Покрой этого платья, дѣйствительно, показываетъ совершенное пренебреженіе къ свѣтскимъ требованіямъ и къ законамъ такъ называемаго *fashion,* хотя въ большихъ городахъ часто встрѣчаются аббаты и прелаты, одѣтые на столько изящно, на сколько позволяютъ приличіе и суровость монашескаго обѣта.

Католическій спутникъ былъ, по видимому, живаго, подвижнаго характера. Онъ какъ-то торопливо пересаживался, на небольшомъ пространствѣ лавки, предоставленномъ въ его владѣніе, перекладывалъ свои вещи и уже по нѣскольку разъ принимался читать *Breviarium* *), замѣтно шевеля губами во время чтенія и оканчивая его крестнымъ знаменіемъ.

Не зная, къ какой націи мы принадлежимъ и говоримъ ли по итальянски, онъ съ нами не заговаривалъ; мы также не спѣшили выказывать запасъ своихъ знаній.

Однако, не смотря на усталость и дремоту, нельзя же было все молчать и не обращать вниманія на мѣстность, по которой мы ѣхали. Я рѣшился заговорить.

— *Avete già fatta questa strada, signore?* **) спросилъ, я обращаясь къ монаху.

— *Parecchie volte, signore. Conosco benissimo la strada* ***), отвѣчалъ онъ съ благосклонной улыбкой.

Попытка моя съ нимъ сблизиться была ему, по видимому, пріятна. Съ этихъ поръ, онъ не умолкалъ ни на минуту и, не

---

*) *Breviarium* не оставляетъ итальянскаго монаха и въ путешествіи; раза два въ день, онъ непремѣнно почитаетъ его, какъ бы мало удобствъ ни представляла для того дорога.

**) Случалось уже вамъ ѣзжать по этой дорогѣ?

***) Нѣсколько разъ. Я знаю эту дорогу очень хорошо.

дожидаясь вопроса, указывалъ на все замѣчательное, что̀ попадалось на пути, произнося собственныя имена по нѣскольку разъ, съ педантической отчетливостію, почти по складамъ.

Разговоръ кое-какъ завязался. Узнавъ, что мы русскіе, монахъ былъ особенно заинтересованъ и началъ распрашивать про Россію. Вопросы его были вообще довольно наивны и какъ будто относились къ какой-то гиперборейской землѣ, скованной морозами, подернутой густымъ мракомъ, заселенной медвѣдями и преисполненной баснословныхъ минеральныхъ богатствъ. Можно было подумать, что спутникъ нашъ въ изученіи русской географіи и исторіи остановился на Плиніи и Страбонѣ. Послѣ сибирскихъ холодовъ, медвѣжьихъ шубъ и золотыхъ рудниковъ, послѣ Кавказскихъ горъ, московской желѣзной дороги, севастопольской войны, онъ сталъ распрашивать о нашемъ духовенствѣ, о томъ, есть ли въ Россіи патріархъ, есть ли монахи и монашескіе ордена, какія у насъ духовныя училища, и преподаются ли въ нихъ древніе языки, при чемъ замѣтилъ, что эта отрасль знаній въ Италіи въ цвѣтущемъ положеніи. Чтобы убѣдиться, не хвастаетъ ли мой спутникъ, и испытать, въ какой мѣрѣ онъ силенъ въ языкѣ своихъ предковъ, я попробовалъ говорить съ нимъ по латынѣ. Онъ отвѣчалъ довольно удовлетворительно, но медленно, обдумывая каждую фразу, произносилъ латинскія слова по итальянски и иногда мѣшалъ формы обоихъ языковъ, прибавляя къ латинскимъ словамъ небывалый *членъ*.

Такимъ образомъ, заговоривъ о нашихъ религіяхъ, онъ сдѣлалъ очень простодушный вопросъ: *La vostra religio schismatica est?*

Я отвѣчалъ, что это дѣло убѣжденія, что, называя свою религію православной (*orthodoxa*), мы вѣримъ въ ея правоту и непогрѣшительность. Монахъ, по видимому, не понялъ неловкости своего вопроса и продолжалъ говорить въ томъ же тонѣ. Въ особенности интересовали его монастырскія имущества и способы содержанія у насъ духовенства.

Въ отзывахъ о папѣ и организаціи католической церкви онъ былъ очень остороженъ. Когда рѣчь зашла о догматѣ «непорочнаго

зачатія», онъ согласился, что каноническаго основанія этому догмату нѣтъ, что догматъ этотъ опирается лишь на церковное преданіе. Впрочемъ, установленіе его онъ объяснялъ общимъ, задушевнымъ, исконнымъ желаніемъ католическихъ націй.

Вообще, глубокой эрудиціи, даже догматической, я не замѣтилъ въ моемъ собесѣдникѣ; за то въ немъ много было той непоколебимой приверженности къ папскому престолу, того *esprit de corps*, который изъ католическаго духовенства, разсѣяннаго по всѣмъ частямъ свѣта, дѣлалъ всегда такую могучую сплошную корпорацію. Видно было, что это младшій братъ той мощной семьи, которая распоряжалась когда-то престолами и дѣлами царей, головами и кошельками ихъ подданныхъ, отлучала отъ церкви и отпускала грѣхи, управляя совѣстію всего католическаго міра.

Не смотря на довольно жаркіе споры, мы сохраняли приличное спокойствіе и сдружались болѣе и болѣе.

Альбано—городокъ, построенный на развалинахъ виллъ Помпея и Домиціана, *Веллетри*—древнее поселеніе вольсковъ, римская колонія съ 260 г., *a. U.*, родина фамиліи Августа и лѣтняя резиденція императоровъ Тиберія, Нервы, Калигулы и Отона, *Чистерна*, съ нездоровымъ воздухомъ, но съ превосходными видами на Сабинскія горы,—поочередно занимали наше вниманіе. Дорога шла по направленію къ Понтинскимъ болотамъ (*Paludi Pontine*). Она состояла изъ довольно широкаго и гладкаго шоссе. Лошади наши бѣжали быстро. Почтари постоянно являлись въ полуфрачкахъ и ботфортахъ. Только, чѣмъ болѣе мы приближались къ Неаполю, тѣмъ тусклѣе и бѣднѣе становилась ихъ обмундировка. Яркіи пунцовый и малиновый цвѣта переходили въ темно-коричневый, сапоги не отличались уже глянцовитостію, бичъ не хлопалъ уже такъ звонко, какъ на первыхъ станціяхъ отъ Рима. Впрочемъ, тѣмъ дѣятельнѣе возницы наши стали приставать къ намъ, выманивая *per una botiglia*.

За то какъ щедро природа начинала развертывать предъ нами свои полуденныя сокровища! Колоритъ неба становился все мягче и прозрачн; сѣгоризонтъ какъ будто расширялся. Въ воздухѣ но-

сились тропическія благоуханія. По сторонамъ дороги мелькали рощи и аллеи пирамидальныхъ тополей, каштановъ, плантаціи маслинъ; кипарисы, черными, траурными линіями, прорѣзывали яркую зелень лимонныхъ и померанцовыхъ деревьевъ, кактусы цѣплялись за окраины пригорковъ, ящерицы судорожно прыгали изъ-подъ колесъ экипажа и прятались въ высокую траву, росшую на влажной почвѣ. По шоссе взадъ и впередъ тянулись телѣги, нагруженныя тяжестями. Телѣги эти большею частію двухколесныя, въ нѣсколько лошадей, запряженныхъ цугомъ, съ пестрой, изукрашенной мѣдными бляхами, сбруей. Извозчики лежатъ на возахъ, предаваясь полуденной сіэстѣ, и лѣниво подгоняютъ лошадей. По временамъ, промелькнетъ одноколка (*corricolo*), запряженная въ одну лошадь: въ кузовѣ, на осяхъ и оглобляхъ сидятъ, стоятъ и чуть лѣпятся пассажиры, заплатившіе мелкую мѣдную монету. Между колесами болтается мѣшокъ, въ которомъ виднѣется также курчавая голова ладзарона. Это—экипажи для скорыхъ промежуточныхъ сообщеній. Сѣдоки—въ пестрыхъ ветхихъ костюмахъ, съ трубками въ зубахъ; они словоохотливы, какъ всѣ итальянцы, звонкимъ голосомъ ведутъ самый оживленный разговоръ и выразительно размахиваютъ руками. Лошадь несется быстро, какъ будто не замѣчая, что везетъ цѣлую дюжину оборванцевъ. Вотъ путешественники и высшихъ сословій. Въ клубахъ пыли показывается четвероместная коляска, напоминающая русскіе помѣщичьи экипажи. На козлахъ рохлеватый кучеръ, лакей въ старомодномъ истертомъ пальто; изнутри коляски блещутъ два черные глаза синьойры, которая съ любопытствомъ заглядываетъ въ нашу желтую карету; видны усы синьойра-кавалера, который дремлетъ, облѣпленный мухами и слѣпнями. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ ближе подъѣзжаемъ мы къ Понтинскимъ болотамъ, тѣмъ гуще становятся рои насѣкомыхъ; носящіяся въ воздухѣ мухи, слѣпни, осы, пчелы жужжатъ на разные тоны, влетаютъ въ окна, вылетаютъ вонъ, гонятся за экипажемъ, прыгаютъ по лошадямъ и какъ будто нарочно испытываютъ терпѣніе людей и животныхъ. Воздухъ наполняется густыми болотными испареніями, которыя не умѣряютъ жара. Мы то-и-дѣло встрѣчаемся съ гуртами во-

ловъ, той темношерстной породы, съ большими, широко раздавшимися рогами, какую видишь почти на каждомъ итальянскомъ пейзажѣ. Я всегда любовался на умную, добрую физіономію этихъ рогоносцевъ, на ихъ большіе открытые глаза, въ которыхъ столько кротости и благородства. Право, если сравнить этихъ воловъ, въ отношеніи представительности, съ гуртовщиками, то преимущество остается на сторонѣ первыхъ. Погонщики — верхомъ на маленькихъ рѣзвыхъ лошадкахъ; въ рукахъ у нихъ длинные шесты, одинъ конецъ которыхъ отлого загнутъ. Гарцуя по дорогѣ съ пронзительными криками, они, при помощи собакъ, бѣгущихъ впереди, удерживаютъ рогатую фалангу въ стройномъ порядкѣ.

Но не все же сельское населеніе Италіи представляетъ одни лохмотья и неряшество; не даромъ мы проѣзжали по мѣстамъ, славящимся красотою женщинъ. Довольно назвать *Альбано*, чтобы воображенію представились античный профиль, высокое чело, гордая осанка туземной красавицы. Въ самомъ дѣлѣ, останавливаясь по селеніямъ Кампаніи, мы встрѣчали удивительные типы. Не обращайте вниманія на нищихъ, которые, вмѣстѣ съ мухами, надоѣдаютъ вамъ своею навязчивостію, простите калѣкѣ, который, съ какимъ-то нахальнымъ самохвальствомъ, обнажаетъ передъ вами изувѣченную и израненную ногу, снисходительно перенесите удушливый запахъ чеснока, разлитой въ каждомъ итальянскомъ жилищѣ, даже на улицахъ городовъ и селеній, и бросьте любознательный взоръ подалѣе. Тамъ, за безобразной торговкой, продающей фиги, за сгорбленной старухой, вынесшей свою прялку въ тѣнистую прохладу узкой улицы, рядомъ съ какимъ нибудь чеботаремъ, который глазѣетъ по сторонамъ и не впопадъ тычетъ шиломъ по дырявому башмаку, вы увидите подъ-часъ женскую фигуру, запечатлѣнную всѣмъ величіемъ строгой классической красоты. Представьте себѣ волны роскошныхъ волосъ, съ синеватымъ металлическимъ отблескомъ, представьте себѣ глаза мрачные, какъ ночь, глубокіе, какъ бездны миѳической Сциллы, полузакрытые въ сознаніи своей неотразимой силы, представьте себѣ гибкую, упругую талію, передъ которой блѣднѣютъ всѣ попытки модныхъ корсетницъ, походку, преисполненную природной,

величавой граціи, движенія нѣсколько медленныя, важныя, но безъ малѣйшей тѣни флегматизма и жесткости, живописный костюмъ изъ яркихъ тканей, головной уборъ изъ бѣлаго полотна, нитку кораллов на шеѣ, на плечѣ гипсовый сосудъ, напоминающій формою этрусскую вазу — вотъ какою является вамъ гражданка древняго Лаціума. Она изъ празднаго любопытства не подойдетъ къ вамъ близко, не будетъ разсматривать васъ, какъ разсматриваютъ дикихъ звѣрей въ клѣткахъ, не будетъ заискивать вашихъ взоровъ, улыбаться или рѣзвиться, съ цѣлію обратить на себя вниманіе. Она стоитъ поодаль, какъ прекрасное изваяніе, взглядъ ея исполненъ спокойствія и самоувѣренности, въ глазахъ ея нѣтъ той ласкающей прелести, того заманчиваго очарованія, которыми отличается взглядъ флорентинки или венеціянки. Латинянка не кокетка; но не дай Богъ расшевелить ея сосредоточенную натуру, ея сердце, закованное въ корсетъ, какъ въ средне-вѣковой панцырь. Глядя на нее, вѣришь существованію Клелій и Лукрецій.—Отчего же, въ самомъ дѣлѣ, на одной и той же почвѣ, среди одной и той же семьи, попадаются вамъ какъ будто два разныя племени? Есть ли что нибудь общее между величавой албанкой и ея низкопоклоннымъ, корыстолюбивымъ соотчичемъ? Неужели наплывъ варваровъ, печальный политическій бытъ и умственный застой, неумолимо исказивъ мужскую половину римскаго населенія, пощадили женскую? Какъ бы то ни было, но, всматриваясь въ этотъ контрастъ, невольно удивляешься націи, которая такъ надолго облагородила свою расу; величіе древняго Рима, въ лицѣ современной латинянки, становится вамъ болѣе понятнымъ, чѣмъ при чтеніи самаго глубокомысленнаго ученаго трактата. Народъ, производившій подобныхъ женщинъ, не могъ не быть великимъ народомъ...

Но кондукторъ, неравнодушный лишь къ *карлинамъ*, не позволяетъ вамъ теряться въ археологическихъ и этнографическихъ соображеніяхъ. Лошади запрягаются мигомъ; черезъ пять минутъ вы опять несетесь по неровной мостовой городка или деревушки и только мелькомъ, только на одну секунду успѣваете любоваться ихъ прекрасными обитательницами. Съ перилъ ветхаго балкона,

подъ листвой плюща или лавра, одна изъ нихъ заботливо расчесываетъ свою черную косу, другая на холщевомъ пологѣ провѣиваетъ оранжевыя зерна кукурузы, третья, сидя на низкомъ каменномъ крыльцѣ, няньчитъ черноброваго, но—увы!—и черномазаго потомка Сципіоновъ.... Какъ видѣніе, какъ сцена изъ давно прочитанной эпопеи пронесутся предъ вами античные образы латинянокъ, и снова соръ, стада свиней, груды падали и навоза, лохмотья и запахъ чеснока развѣятъ ваши поэтическія грёзы....

За Чистерной путникъ выѣзжаетъ въ настоящее болотное царство *). Вдоль всей дороги тянется каналъ (*Linea Pia*), который нѣсколько осушаетъ почву; впрочемъ, воздухъ и здѣсь влаженъ, не смотря на зной.

Уставъ отъ ѣзды, я дремлю и желаю на минуту забыться. Но монахъ старается развлечь меня латинскими фразами. Размахивая рукой по воздушному пространству, онъ пытается напугать меня лихорадкой. *Mal'aria*, или *Cattiv'aria* **), по увѣренію его, теперь въ полномъ развитіи. Багряный дискъ солнца готовъ уже скрыться за горизонтъ; тѣни отъ величавыхъ тополей длинными полосами ложатся по землѣ; вода кажется издали потоками крови или кипящей лавы; птицы спѣшатъ занять завѣтный ночлегъ; слѣпни, мухи и пчелы понемногу умолкаютъ, за то тѣмъ сильнѣе начинаетъ пищать злой комаръ, тѣмъ звонче раздается кваканье лягушки, тѣмъ неугомоннѣе звенитъ кузнечикъ, забившись въ придорожный кустарникъ.

Вечерній сумракъ напоенъ ароматомъ цвѣтовъ и болотной травы; но въ этомъ благоуханіи есть что-то приторное, удушливое, что-то напоминающее распаренный банный вѣникъ.

Недолго длятся сумерки въ Италіи. Лишь только солнце закатилось, какъ густая мгла одѣваетъ землю. Очертанія предметовъ сглаживаются, тѣни сплываются, сростаются въ колоссаль-

---

*) Понтинскія болота простираются на 36 миль въ длину и отъ 6 до 12 въ ширину.

**) Вредныя болотныя испаренія, причиняющія лихорадку.

ныя массы, сводъ неба теряетъ свою прозрачную синеву. Въ какомъ-то раздумьи томится небесная твердь до появленія ночнаго свѣтила. Но вотъ самая мрачная часть сутокъ уже пролетѣла. Лишь только окраина луны показалась изъ-за отдаленнаго горизонта, все какъ будто снова ожило. Снова лазурнымъ отсвѣтомъ покрылся небесный сводъ, снова засеребрились листья тополей и обрисовались на темномъ фонѣ бѣлѣющія купы маслинъ. Предметы снова приняли свой натуральный колоритъ; только на всемъ пейзажѣ меньше дѣлимости въ планахъ, нѣтъ рѣзкихъ переходовъ въ оттѣнкахъ; повсюду характеръ мягкости, тишины и кроткаго спокойствія....

Но если дремлетъ и покоится природа, то не дремлетъ человѣкъ: чуткимъ ухомъ прислушивается онъ къ бряцанью кошелька въ карманѣ пассажира; мысленнымъ окомъ старается онъ заглянуть въ этотъ кошелекъ и пересчитать въ немъ *паолы* и *карлины.*

— *I passaporti, signori!* говоритъ полицейскій солдатъ, поднося разбитый фонарь къ окну дилижанса.

Мы вынимаемъ паспорты, отдаемъ ихъ и заодно приготовляемъ по нѣскольку карлиновъ въ пользу блюстителей общественнаго спокойствія. Но полицейскій долго не возвращается. Въ каретѣ жарко, ноги ищутъ дѣятельности; внезапная остановка послѣ продолжительной ѣзды какъ-то тоскливо отдается на душѣ. Лучше выйти побродить вокругъ кареты, полюбоваться на итальянскую ночь.

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ за восхитительную картину представляетъ прибрежная природа! Мы близъ Террачины (*Anxur Trachina*), города, основаннаго вольсками, завоеваннаго потомъ греками, въ 425 г., *a. U.*, превращеннаго въ римскую колонію и служившаго значительною гаванью для флота. Дорога примыкаетъ здѣсь къ морю. Тирренскія волны неугомонно плещутъ у нашихъ ногъ; серебряная пѣна ихъ выбрасываетъ фосфорическія искры. Прозрачная поверхность воды принимаетъ всѣ оттѣнки дорогихъ самоцвѣтовъ. То изумрудомъ, то сафиромъ, то аметистомъ блещетъ выростающій валъ; но, перейдя во всѣ тоны радуги, онъ снова покрывается матомъ. Переливы опала и перламутра нѣжатъ тогда взоръ

разнообразнымъ сочетаніемъ мягкихъ, теплыхъ колоритовъ. — Въ городѣ только семь тысячъ жителей, домики миньятюрны, бѣдны, самой простой архитектуры. За то какъ кокетливо прячутся они за кудрявыми виноградными лозами, за густыми темно-зелеными кустами плющей и олеандровъ! Съ плоскихъ крышъ, изъ открытыхъ оконъ, съ балконовъ тянутся веревки, обвѣшенныя бѣльемъ; на переднихъ фасадахъ жилищъ и сараевъ качаются нанизанные на бечевки фиги, гранаты, кукуруза и пучки ароматическихъ травъ. Они сушились днемъ подъ тѣмъ же благодатнымъ небомъ, на лучахъ того же знойнаго солнца, которые возрастили ихъ на плодоносной почвѣ. Повсюду признаки безпечности, жизни на распашку; но теперь, когда запахъ чеснока, вмѣстѣ съ людскимъ населеніемъ, убрался въ приземистые домики и не оскорбляетъ вашего обонянія, когда неряшество и лохмотья скрылись въ тѣни садовъ и рощицъ, какъ хорошо общее впечатлѣніе этого пейзажа, какъ мягки тоны, одѣвающіе окрестность! Сквозь прозрачный сумракъ, который, не застилая предметовъ, только серебритъ ихъ и примиряетъ все рѣзкое въ цвѣтахъ и очертаніяхъ, какъ эффектно выступаютъ впередъ эти каменные полуразрушенные заборы, обросшіе мхами и шиповникомъ, какъ пріятно отдѣляется листва лавра на фонѣ красной черепичной кровли, какимъ колоссомъ поднимается надъ строеніями скала, на которой, по преданію, стоялъ древній городъ! Но достаточно взглянуть вверхъ на лазурный сводъ неба, чтобы надолго позабыть о всей прелести, всей роскоши земнаго пейзажа. Здѣсь въ первый разъ Италія разоблачила предо мною всѣ чары своихъ воздушныхъ перспективъ. Небесная твердь какъ будто отдалилась отъ нашей планеты, кругозоръ выросъ неизмѣримо. Глазъ обнимаетъ безпредѣльное пространство. Ни облачко, ни туманъ не мѣшаютъ взору углубляться въ даль. Чѣмъ дальше, чѣмъ пристальнѣе вглядываешься въ эти эѳирныя панорамы, чѣмъ болѣе упиваешься живительнымъ ночнымъ воздухомъ, тѣмъ болѣе красотъ и олимпійскаго величія открываешь въ царствѣ миѳическаго Урана. Любуясь небеснымъ покровомъ, понимаешь здѣсь, почему древніе представляли себѣ сводъ неба вызолоченнымъ съ изнанки. Дѣйстви-

тельно, подъ этимъ кобальтовымъ шатромъ таится столько свѣта, столько блестокъ разсыпано по всему пространству его, что невольно приходитъ въ голову, не звѣзды ли истратили на него весь блескъ своихъ алмазныхъ лучей. Но нѣтъ! здѣсь еще больше звѣздъ, чѣмъ у насъ на сѣверѣ, смотрятъ на восхищеннаго человѣка. Прозрачный эѳиръ дѣлаетъ доступными взору отдаленнѣйшіе небесные чертоги. И какъ ярко, какъ благосклонно искрятся здѣсь свѣтила! Какъ крупны кажутся они на этомъ темно-голубомъ фонѣ! Полная луна, бѣлымъ снопомъ разсѣкшая море, нисколько не умѣряетъ ихъ яркаго мерцанья. Они дрожатъ, какъ живыя, какъ будто симпатическая связь приковываетъ ихъ къ землѣ: столько кротости, столько участія къ себѣ подмѣчаетъ въ нихъ чуткое сердце человѣка!...

Но отвожу на минуту взоръ отъ величаваго Оріона, съ его трехзвѣзднымъ поясомъ, и переношу его налѣво, гдѣ на краю горизонта виднѣется фортъ Гаэты (*Formiae*), древняго города лестригоновъ. Прославившись нѣкогда прекраснымъ виномъ, не уступавшимъ въ достоинствѣ фалернскому, Гаэта въ новѣйшее время играла важную роль, какъ пристанище для коронованныхъ особъ при революціонныхъ движеніяхъ въ Италіи. Теперь фортъ дремлетъ, залитой серебристымъ свѣтомъ луны, въ виду городка (*Mola di Gaëta*) и славнаго Мизенскаго мыса, воспѣтаго Виргиліемъ.

А Везувій, вершину котораго я усматриваю на самомъ дальнемъ планѣ картины!... Но суматоха и шумный разговоръ заставляютъ меня опомниться; полицейскій солдатъ воротился, держа въ рукѣ кипу нашихъ паспортовъ, дилижансъ готовъ снова пуститься въ путь. Монахъ сидитъ уже въ каретѣ и привѣтливо улыбается; кондукторъ суетливо звенитъ деньгами, повторяетъ вполголоса: *tre paoli, cinque baiocchi, dieci crazie,* и пропускаетъ что-то въ руку солдата, который, какъ ни въ чемъ не бывало, жалобно смотритъ на насъ, вызывая *signori forestieri* на новую подачку. Мы, разумѣется, остаемся глухи къ его домогательствамъ и торопимъ кондуктора.

Разсчетъ конченъ, бичъ хлопнулъ, лошади судорожно дернули карету, фонарь солдата какъ будто отпрыгнулъ назадъ; мы готовимся переѣхать неаполитанскую границу. Послѣ общаго разслабленія организма, во время странствованія по болотамъ, къ намъ возвращается теперь душевная бодрость; мы хотимъ воспользоваться длиннымъ переѣздомъ, чтобы уснуть и обновиться силами. Не тутъ-то было. Рванувъ разъ десять дилижансъ, лошади вдругъ остановились.

— Что̀ такое опять? повторяемъ мы, вопросительно глядя другъ на друга.

— *La dagona, signori!* отвѣчаетъ монахъ успокоительнымъ голосомъ.

Кондукторъ уже суетится около кареты; фонари мелькаютъ, дилижансъ въѣзжаетъ въ какой-то смрадный сарай. Факины, какъ мухи, льнутъ къ чемоданамъ. Тутъ будетъ новый просмотръ паспортовъ. Надо войти въ пассажирскую комнату. Съ мрачными, недовольными физіономіями вступаемъ мы въ залу, похожую на разбойничій вертепъ. Тусклая лампа едва освѣщаетъ грязныя стѣны, увѣшенныя плохими картинами. Вещи наши складываются ворохомъ. Я хожу по комнатѣ и съ озлобленіемъ слѣжу за подробностями таможенной процедуры. Кондукторъ успѣлъ уже пойти къ каждому изъ насъ и объявить, что условился дать чиновникамъ по пяти паоловъ съ каждаго изъ пассажировъ. Мы соглашаемся. Чемоданы по очереди ставятъ на широкій столъ, поближе къ о нючей лампѣ, античнаго механизма.

— *Avete niente per la dogana, signore? tobaco,—sale,—libri,* съ циническимъ равнодушіемъ спрашиваетъ сержантъ, не-хотя взявшись за ремни, придерживающіе крышку дорожнаго мѣшка.

— Смотрите, увидите сами, отвѣчаю я хладнокровно.

Отвѣтъ мой нѣсколько смущаетъ сержанта. Осматривать онъ не считаетъ себя вправѣ, зная объ обѣщанномъ вознагражденіи, не осматривать вовсе не смѣетъ. Онъ бы совершенно положился на мой отзывъ, если бы я сказалъ, что у меня нѣтъ ничего запрещеннаго; теперь же онъ долженъ соблюсти формальность. Онъ слегка приподнимаетъ крышку, застѣнчиво глядя въ сторо-

ну, осторожно проводитъ рукою по простынѣ, которою прикрыты вещи, съ замѣтнымъ опасеніемъ ощупать пачку сигаръ или переплетъ книги, и за тѣмъ, снова завязавъ ремни мѣшка, дѣлаетъ съ боку знакъ мѣломъ и ставитъ мѣшокъ въ сторону. То же самое происходитъ и съ прочими чемоданами; только до большей части сержантъ не догрогивается, довольствуясь лаконическимъ увѣреніемъ путешественника: *Niente*!

Чиновникъ, наблюдающій за осмотромъ, толкуетъ, между тѣмъ, съ кондукторомъ, закуривъ зловонную сигару.

Паспорты наши прописаны. Насъ вызываютъ по очереди, безпощадно коверкая наши фамиліи.

Время все тянется. Чего-то ждутъ,—кажется, лошадей. Отъ нечего дѣлать, я разсматриваю картинки на стѣнахъ. Тутъ два-три плохіе вида Неаполя, сдѣланные тушью, швейцарскій пейзажъ, съ кофейнымъ пятномъ по серединѣ, какой-то стѣнной календарь, размалеванный изображеніями райскихъ птицъ, уродливая копія съ Сикстинской Мадонны.

Въ самомъ темномъ углу комнаты дремлетъ старушка, помѣстившись возлѣ столика, на которомъ лежатъ лимоны, гранаты, фиги, дрянныя галантерейныя вещицы, образа и четки.

Но, должно быть, лошадей привели, потому что факины встрепенулись. Чиновники и сержанты успѣли уже сказать кондуктору по нѣскольку искреннихъ *grazie*. Началась страшная возня. Старуха очнулась и также приняла участіе въ общемъ движеніи взваливая себѣ на плечи мѣшки, шляпные футляры и дорожныя, подушки. Чемоданы опять ставятся на крышку дилижанса, задергиваются кожей и зашнуровываются цѣпями. Укладка кончена. Мы садимся на мѣста. Факины, и въ числѣ ихъ старушка, протягиваютъ руки.

— За что? спрашиваемъ мы.

— А какже? мы работали для синьйоровъ, повторяютъ они на распѣвъ, съ унылымъ выраженіемъ на лицахъ и съ жестами, выражающими крайнюю усталость.

Мы возражаемъ, что вовсе не просили ихъ трудиться, что были бы очень довольны, если бы ни насъ, ни вещей нашихъ вовсе

не трогали, впрочемъ даемъ имъ по какой-то бездѣлицѣ. Надежда миновать границу и избавиться отъ дальнѣйшей формальности располагала насъ къ нѣкоторой щедрости. Лишь только хлопнулъ бичъ и дилижансъ тронулся, я расположился спать и съ какимъ-то ожесточеніемъ протянулъ ноги, не щадя даже женственной обуви католическаго сосѣда. Соотечественники мои уже дремали. Между тѣмъ, патеръ бодрствовалъ и какъ будто ожидалъ чего-то.

Не прошло получаса, какъ вдругъ опять остановка.

— Что̀ такое, что̀ такое опять? спрашиваютъ пассажиры, не извѣдавшіе еще всѣхъ прелестей вояжа по Италіи.

— *I passaporti, signori!* говоритъ въ отвѣтъ заспанный полицейскій солдатъ, вышедшій изъ сосѣдней караульни.

— Да вѣдь мы сейчасъ ихъ показывали!

Солдатъ, не теряя словъ, забираетъ документы, просматриваетъ ихъ при свѣтѣ фонаря, медленно передаетъ намъ, напоминая о вознагражденіи, и потомъ робко замѣчаетъ, что слѣдовало бы освидѣтельствовать нашъ багажъ, но что если мы дадимъ ему *qualche cosa,* то онъ не будетъ насъ безпокоить.

Подобное предложеніе насъ окончательно взбѣсило. Мы условились ни за что̀ не подаваться на такую наглую выходку и отвѣчали, въ сильныхъ выраженіяхъ, что платить не намѣрены и что если по закону слѣдуетъ насъ вновь осматривать, то пусть осматриваютъ. Такой отвѣтъ смутилъ солдата; протянутая къ окну рука его робко спряталась. Кондукторъ, явившійся для переговоровъ, лепеталъ что-то о бѣдности служащихъ, вздыхалъ, покачивалъ головой и наконецъ совершенно отчаялся выманить что нибудь въ пользу пограничнаго стража. Тотъ, растерянный, стоялъ на мѣстѣ, не пытаясь болѣе ни стращать, ни упрашивать.

Дилижансъ двинулся. Горизонтъ уже бѣлѣлъ; звѣзды гасли. Мнѣ хотѣлось заснуть; но взволнованная желчь долго не позволяла мнѣ успокоиться. Съ какимъ-то злорадостнымъ чувствомъ я мѣшалъ спать и патеру, осаждая его упреками за дѣйствія итальянскихъ полицій и таможенъ. Патеръ, по обыкновенію, снисходительно улыбался и старался, по возможности, извинить людскую слабость блюстителей порядка.

Впрочемъ, этимъ испытанія наши кончились, и до самаго Неаполя ни полиція, ни таможня насъ уже не безпокоили.

Чѣмъ болѣе приближались мы къ столицѣ, тѣмъ оживленнѣе становилась дорога, тѣмъ чаще попадались намъ *corricoli* и *carozze* всевозможныхъ фасоновъ. Полунагіе ладзароны, въ красныхъ шерстяныхъ колпакахъ, лежали въ тѣни кустовъ; монахи, въ черныхъ, коричневыхъ и бѣлыхъ капюшонахъ, подъ зонтиками, пѣшкомъ и верхомъ на лошакахъ, опять замелькали въ окнахъ кареты.

При въѣздѣ въ городскія ворота, насъ остановилъ знакомый возгласъ:

— *I passaporti, signori!*

Отдаемъ паспорты и готовимъ мелкую монету. Получая деньги, солдатъ любезно замѣчаетъ, что таможеннаго осмотра, такъ и быть, не воспослѣдуетъ. Слава Богу! — На дворѣ конторы дилижансовъ мы разлучаемся. Монахъ, уходя, желаетъ мнѣ счастливаго вояжа и произноситъ нѣсколько задушевныхъ: *vale!* русскіе, сидѣвшіе въ *купэ,* даютъ намъ слово отыскать насъ; мы, трое пассажировъ ротонды, отправляемся въ рекомендованный намъ отель и для этого занимаемъ двѣ дрянныя извозчичьи коляски.

Странно впечатлѣніе, производимое Неаполемъ. Послѣ молчаливой Венеціи, миловидной и скромной Флоренціи, послѣ строгаго и мрачнаго Рима, Неаполь покажется какимъ-то водоворотомъ, какимъ-то волканическимъ кратеромъ, въ которомъ жизнь кипитъ, какъ лава. На улицахъ шумъ, толкотня; экипажи и пѣшеходы снуютъ безъ оглядки. Народъ толпится кучами то около образа Мадонны, то около продавца арбузовъ или каштановъ. Макароны варятся на открытомъ воздухѣ. Тутъ же рядомъ съ котлами, издающими зловонный паръ, сидятъ кузнецы и слесаря съ рабочими станками; женщины шьютъ и дѣлаютъ туалетъ, успѣвая любезничать и перебраниваться съ прохожими. На одномъ перекресткѣ чернь слушаетъ какого-то проповѣдника, на другомъ любуется на фигляра, который держитъ на носу полдюжины но-

жей. У подвижныхъ ларей мѣрно качаются глиняные сосуды съ холодной водой; лавки и двери домовъ обвѣшены лотерейными билетами съ гигантскими цифрами нумеровъ. Посреди площадей валяются ворохи сѣна, у которыхъ насыщаются длинноухіе лошаки. Тутъ же безпорядочно стоятъ городскіе извозчики, съ своими дрянными и тѣсными колясками. Вотъ набережная, заваленная соромъ, неводами и складами рыбы и устрицъ. Мостовая совершенно черна отъ угля, который переносится здѣсь на пароходы. На всѣхъ тротуарахъ, въ тѣни домовъ, у балюстрады набережной, у опрокинутыхъ лодокъ импровизованныхъ яслей, подъ порожними экипажами и, просто, поперекъ улицъ лежатъ, размètавшись, ладзароны, — настоящіе ладзароны, какихъ можно встрѣтить только въ Неаполѣ, которые, попадаясь тамъ на каждомъ шагу, сообщаютъ этому городу совершенно своеобразную физіономію. Но, какъ ни необходимы ихъ обнаженныя фигуры для полноты мѣстнаго пейзажа, ладзароны, безспорно, бичъ неаполитанской жизни.

Ладзароны считаютъ одежду прихотью или зломъ, отъ котораго надо желать избавиться. На рѣдкомъ вы увидите и рубашку, и панталоны, и колпакъ. На большей части только двѣ изъ этихъ принадлежностей туалета. Короткіе штаны, доходящіе до колѣнъ и почти всегда грязные до невѣроятности, удовлетворяютъ требованіямъ ладзарона. Онъ предпочитаетъ ихъ рубашкѣ. Его загорѣлый бронзированный торсъ привыкъ ко всѣмъ перемѣнамъ температуры, грудь его покрыта такими же черными курчавыми волосами, какъ и голова. Ноги, не испытавшія, что̀ такое обувь, освоились съ жгучими плитами каменныхъ тротуаровъ. Колпакъ служитъ ему подушкой во время сіэсты и тарелкой во время потребленія макаронъ; макаронный сокъ, оставшійся въ колпакѣ, достаточно умащаетъ его волосы. Часто встрѣчаешь и такія академическія фигуры, на которыхъ къ натурѣ прибавленъ лишь какой нибудь платокъ, наброшенный на спину, для защиты ея отъ слишкомъ палящихъ лучей солнца. Въ самыхъ позахъ этихъ обитателей мостовыхъ и тротуаровъ есть что-то особенное Не смотря на большой ростъ и атлетическое сложеніе, они ходятъ не-

твердо, согнувшись напередъ. Замѣтно, что настоящее назначеніе ихъ—лежать и ничего не дѣлать. Приподнимаясь съ мостовой, они часто садятся на корточки, и тогда, смотря на нихъ, вы не рѣшаетесь присвоить имъ человѣческіе инстинкты: во всѣхъ пріемахъ ихъ есть что-то скотское, что-то такое, что̀ болѣзненно щемитъ ваше сердце....

Вотъ, послѣ сотни колымагъ, нагруженныхъ саломъ, арбузами и рыбой, послѣ одноколокъ, съ трудомъ передвигающихъ тучныя тѣла монаховъ, поровнялась съ нами изящная четвероместная коляска. Въ ней сидятъ бѣлокурая милэди въ круглой шляпѣ, съ альбомомъ въ рукѣ, и рыжеватый милордъ, держащій полуоткрытый *путеводитель*. На козлахъ, повернувшись лицемъ къ великобританскимъ посѣтителямъ, красуется *cicerone*, который говоритъ о чемъ-то съ жаромъ, энтузіазмомъ и сильными жестами. Кучеру велѣли остановиться.

Въ одно мгновеніе дюжина бронзовыхъ спинъ пришли въ движеніе, красные колпаки приподнялись отъ земли, за каждую дверцу коляски схватились по шести грязныхъ рукъ, вокругъ милорда и милэди вытянулось нѣсколько колоссальныхъ фигуръ въ прародительскихъ костюмахъ.

— *Shocking!* говоритъ милордъ сквозь зубы.

— *What a shame!* прибавляетъ милэди, опуская вуаль.

— *Via, via!* энергически повторяетъ *cicerone* и пытается разогнать толпу.

На крикъ сбѣгается цѣлая фаланга мальчишекъ и искалѣченныхъ старухъ. Милордъ въ отчаяніи; милэди, только что оправившись послѣ германскихъ водъ, боится за состоятельность своихъ нервовъ.

Кучеръ дѣйствуетъ на малолѣтнихъ бичемъ, *cicerone* роздаетъ взрослымъ приличные обстоятельствамъ подарки. Толпа благодаритъ, жалуется и тоскливо завываетъ. Британцы спѣшатъ занять свои мѣста, коляска трогается; за нею бѣгутъ нѣсколько оборванцевъ, съ пронзительными криками. Наконецъ все сливается въ общей суматохѣ, исчезаетъ посреди вѣчной суеты, шума и гама городской жизни.

Заработавъ по нѣскольку *crazie*, утоливъ голодъ и жажду, ладзароны спѣшатъ на обычную сіэсту и валяются въ вонючихъ лужахъ, въ ожиданіи новой жертвы.

Миновавъ цѣлый лабаринтъ узкихъ улицъ, заваленныхъ хламомъ и загроможденныхъ экипажами и пѣшеходами, проѣхавъ по Дворцовой площади (*Largo del Palazzo*), гдѣ красуются знакомыя каждому русскому бронзовыя изваянія коней, работы барона Клодта, мы достигаемъ наконецъ набережной *Chiaja*, не знаменитой по сооруженіямъ, но великолѣпной своими видами, и останавливаемся въ отелѣ Британскихъ Острововъ (*Hôtel des Iles Britanniques*), на улицѣ Витторія, № 38.

Пріятное чувство западаетъ въ душу, когда, послѣ толчковъ, испытанныхъ въ дорогѣ, послѣ нападеній таможенъ и полиціи, послѣ неудобо-варимыхъ обѣдовъ путевыхъ гостинницъ, достигаешь наконецъ цѣли вояжа. Войдя въ отель, мы распорядились на счетъ завтрака и велѣли показать себѣ комнаты. Здѣсь, какъ и въ прочихъ столицахъ Италіи, пріѣздъ иностранцевъ только что начинался, и потому почти всѣ комнаты были свободны. Приличнымъ образомъ поторговавшись (что̀ слѣдуетъ дѣлать непремѣнно, чтобы не прослыть человѣкомъ непрактическимъ), я, за три франка въ день, получилъ цѣлый аппартаментъ, изъ прихожей, гостиной и спальни. Впрочемъ, такая неслыханная дешевизна объясняется только тѣмъ, что всѣ три комнаты были въ прямой связи другъ съ другомъ, такъ что, занявъ одну, я сдѣлалъ бы двѣ другія совершенно безполезными. Послѣ каникулярнаго времени, отель былъ обновленъ; все въ немъ блестѣло чистотой и изяществомъ. Я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что въ квартирѣ моей мозаичный полъ, что на стѣнахъ картины въ золоченыхъ рамахъ, что окна и дверь на балконъ защищены зелеными рѣшетчатыми гардинами и что надъ кроватью растянутъ чистый кисейный пологъ. Все, подъ вліяніемъ усталости и сильнаго зноя, располагало къ полуденной сіэстѣ. Но надо было подумать и о желудкѣ и поскорѣе познакомиться съ макаронами.

Мы завтракали втроемъ, въ небольшой столовой, украшен-

ной разнохарактерными мраморными барельефами и фальшивыми фресками, въ помпейскомъ стилѣ.

Макароны и сыръ играютъ важную роль въ неаполитанской кухнѣ; плоды составляютъ необходимую принадлежность даже самаго легкаго завтрака.

Любимое блюдо ладзароновъ, облагороженное руками французскаго повара, намъ очень понравилось; но фрукты здѣсь такъ же не завидны, какъ и вообще въ Италіи. Жестоко ошибся бы тотъ, кто сталъ бы разсчитывать, что въ Неаполѣ легко и дешево удовлетворить своей фруктоманіи. Не жалѣя хлопотъ и денегъ, гастрономы, можетъ быть, и здѣсь добываютъ все изящное въ этомъ родѣ; но, по крайней мѣрѣ, то, что̀ попадается въ отеляхъ, право, ниже посредственности. Персики совершенно желты, кислы и до того тверды, что чистятся и рѣжутся, какъ яблоки; виноградъ водянистъ и жестокъ; фиги сладки, но безвкусны; сливы грубы и тяжелы для желудка. Это странное явленіе намъ очень наивно объясняли тѣмъ, что содержатели фруктовыхъ садовъ, боясь быть обкраденными, срываютъ плоды обыкновенно въ то время, когда они еще не совершенно зрѣлы, т. е., когда ихъ почти нельзя ѣсть. Такимъ образомъ, въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, желудокъ туриста платится за проказы нѣсколькихъ негодяевъ, сбивчиво понимающихъ права собственности и условія гигіэны.

Окончивъ завтракъ, мы послали въ *Hôtel de Russie* за русскимъ *гидомъ* Андреемъ Поповымъ, котораго намъ рекомендовалъ одинъ изъ на̀шихъ соотечественниковъ, и распорядились, чтобы къ утру слѣдующаго дня была у насъ четырехмѣстная коляска. Теперь же отдыхъ, *dolce far niente,* въ привлекательномъ итальянскомъ смыслѣ, манили насъ болѣе, чѣмъ всѣ чудеса музеевъ и прелести *della bella natura*.

Но устоять противъ обольщеній панорамы Неаполя трудно. Не одну любознательность затрогиваетъ въ васъ эта чудная природа, не одинъ интересъ новости представляетъ она вамъ, расточая свои богатства, не одну какую нибудь сердечную фибру волнуетъ у васъ своими роскошными картинами. Глядя на эти вол-

шебныя перспективы, на это сафирное небо, на фіолетовыя очертанія горъ, на серебряную скатерть неумолкающаго моря, до такой степени подчиняешься очарованію, чувствуешь такое усиленное біеніе сердца, такое напряженіе нервовъ и бодрость душевную, что сонъ или бездѣйствіе кажутся безсмыслицей. Нужно прежде дать пройти этому опьяняющему восторгу; нужно нѣсколько свыкнуться съ роемъ сладкихъ ощущеній, которыми переполняется духъ.

Забывъ о солнечномъ зноѣ, я совершенно открываю гардину, защищающую дверь, выхожу къ самой рѣшеткѣ балкона, стою и любуюсь.

Обыкновенно говорятъ, что Неаполь расположенъ на берегу залива въ видѣ амфитеатра. Это не совсѣмъ точно. Издали, со стороны моря, городъ, дѣйствительно, представляетъ глазу ряды выгнутыхъ террасъ, которыя отъ самой поверхности воды идутъ, какъ бы сплошными уступами, въ гору. Углубленіе это кажется тогда огромнымъ полукругомъ арены, на ступеняхъ которой разставлены великолѣпные дворцы, отели, виллы, закутанные въ темно-зеленую, почти тропическую, зелень и завершающіеся величавымъ замкомъ св. Эльма.

Но, находясь на берегу, вы замѣчаете, что амфитеатровъ собственно два. *Spiaggia di Chiaja* и *Spiaggia della Marinella* составляютъ отдѣльныя углубленія въ материкѣ, на которомъ расположенъ городъ; въ промежуткѣ суша вытягивается и образуетъ родъ мыса, обстроеннаго отелями (*H. de la ville de Rome, des Princes* и пр.) и оканчивающагося фортомъ *Castel del Ovo*, построеннымъ на мѣстѣ виллы Лукулла. Такимъ образомъ, и теперь, стоя на балконѣ, я окидываю взоромъ только одно изъ береговыхъ углубленій, *Chiaja*, съ ея безчисленными садами и скалистой перспективой. Лѣвая сторона города, съ *Военнымъ портомъ* (*Porto Militare*) и *Новымъ замкомъ* (*Castel Nuovo*), заслонена отъ меня мысомъ. Налѣво взоръ мой видитъ только обширную поверхность моря, залитую свѣтомъ и замаскированную аллеей каштановъ, на самомъ горизонтѣ угадываетъ туманныя очертанія острова Капри и полосу земли, гдѣ стоитъ живописный Сорренто; еще лѣвѣе встрѣ-

чаетъ голубой профиль Везувія, надъ вершиной котораго столбъ дыма, теряясь въ лазурномъ пространствѣ, принимаетъ всѣ оттѣнки опала....

Солнечный зной заставляетъ меня очнуться. Широкополая шляпа слишкомъ слабо защищаетъ мою голову отъ жгучихъ лучей. Чувствую, что кровь поднимается во мнѣ, точно ртуть въ стеклянной трубочкѣ термометра. Надо разстаться съ чудной картиной, надо беречь свои силы, дорожить впечатлительностію и подумать о предстоящихъ тяжкихъ трудахъ, неразлучныхъ съ званіемъ туриста.

Тихонько притворяю деревянную гардину; частой рѣшеткой тѣни покрываетъ она мозаичный полъ. Тонкія нити свѣта не нарушаютъ пріятнаго сумрака. Въ спальнѣ моей кроткій полусвѣтъ. Я тщательно запираюсь, зная о прожорливости здѣшнихъ комаровъ, опускаю пологъ и отдаюсь на волю пріятныхъ сновидѣній, подъ слабый, едва слышный лепетъ залива....

Предъ солнечнымъ закатомъ, я и одинъ изъ моихъ спутниковъ вздумали побродить по городу, безъ проводника, чтобы ближе присмотрѣться къ толпѣ, на досугѣ, не развлекаясь комментаріями *cicerone*, прислушаться къ ея говору и отдаться на волю народнаго движенія. Но, прежде, нежели мы повернули въ эту сѣть улицъ и перекрестковъ, съ ихъ младшими братьями и сестрами: *vichi, vicoletti, strettole, salite, calate, gradoni, rampe* *), прохладная тѣнь каштановъ *Chiaja* и садъ, устроенный по берегу залива, заманили насъ подъ свой тихій покровъ. Гулянье это довольно пустынно. Широкіе листья тропическихъ растеній безпечно ложатся на ярко-желтый песокъ дорожекъ, не боясь неосторожной ноги чужестранца. Мраморная группа рельефно отдѣляется на зеленомъ фонѣ боскетовъ и стоитъ здѣсь одинокимъ стражемъ; брызги фонтана уныло падаютъ въ бассейнъ, пронизанныя изрѣдка радужными лучами заходящаго солнца.

---

*) **Такъ называетъ неаполитанецъ свои улицы и переулки, смотря по ихъ величинѣ, достоинству и очертанію.**

Но послѣднія искры заката погасли; городъ зажегся газовыми огнями, дѣловая жизнь притихла, эпикуреизмъ выступаетъ на передній планъ.

Мы идемъ къ *Strada Toledo*, лучшей улицѣ Неаполя. Движенія теперь здѣсь еще болѣе, чѣмъ днемъ. При свѣтѣ газа, который, въ видѣ гусиныхъ лапъ, струится за стеклами фонарей и магазиновъ, въ ночной прохладѣ, возвратившей неаполитанцу тѣлесныя силы и душевное довольство, еще оживленнѣе становятся эти толпы и еще веселѣе, искреннѣе ихъ шумный говоръ. Тротуары освободились отъ маркизъ, висящихъ съ оконъ въ продолженіе дня. Кофейни отворены настежъ. Двери ихъ обставлены мраморными столиками и плетеными стульями. Дамы и кавалеры сидятъ здѣсь парами и цѣлымъ обществомъ. Мороженое, шербеты, фрукты и лимонады появляются среди этихъ группъ и исчезаютъ съ непостижимою быстротою. Чистѣйшее тосканское нарѣчіе, сливаясь съ рѣзкимъ неаполитанскимъ діалектомъ, горловыми звуками языковъ Востока и холодными фразами, занесенными съ сѣвера, кажется какимъ-то полифоническимъ хораломъ. Прислушайтесь къ лепету пестрой публики, облѣпившей кофейню. Постарайтесь отгадать смыслъ этихъ неистощимыхъ рѣчей, произносимыхъ вполголоса надъ ухомъ какой нибудь черноокой синьйоры, которая, переставъ кушать, граціозно вытянула маленькія ножки и положила ихъ на стулъ. *Amore, amoroso, amare*—вотъ слова, которыя, во всѣхъ возможныхъ видоизмѣненіяхъ и сочетаніяхъ, по правиламъ сердечной грамматики, болѣе или менѣе внятно долетятъ до вашего слуха. Успѣете ли вы прослѣдить весь потокъ этихъ душевныхъ изліяній, подмѣтить всѣ филологическія тонкости говора, или схватите только общій смыслъ, колоритъ рѣчей и общества, вы убѣдитесь, что не даромъ Неаполю присвоенъ характеръ эпикуреизма, что подъ этимъ яснымъ небомъ человѣкъ считаетъ наслажденіе не прихотью, не роскошью, а существенною принадлежностію, цѣлью жизни.

Выйдя на площадь Фердинанда, мы, въ фокусѣ газовыхъ огней, усматриваемъ вывѣску *Café di Europa*. Это—знаменитое *Ев-*

*

ропейское Кафе, которое успѣваютъ вамъ расхвалить въ каждомъ отелѣ, въ первый же день вашего пріѣзда въ Неаполь.

Входимъ, съ трудомъ пробираясь между рядами стульевъ, занятыхъ разноплеменными потребителями, и занимаемъ мѣсто поодаль, въ углу, чтобы удобнѣе наблюдать за шумной, болтливой толпой. По пространному прейсъ-куранту выбираемъ и велимъ подать себѣ по порціи мороженаго и пуншеваго крема (*poncio spumato*), разсчитывая постепенно ознакомиться со всѣми разнообразными сортами прохладительныхъ.

Мороженыя и шербеты въ Неаполѣ превосходны. При знойномъ климатѣ и удушливыхъ африканскихъ вѣтрахъ, прохладительное становится тамъ спасительнымъ лекарствомъ и поправляетъ желудокъ. Мороженое подается на фарфоровой раковинѣ, въ видѣ кубика или въ болѣе затѣйливой формѣ, и кладется всегда на листокъ бѣлой бумаги. Не говоря уже о тонкости и изяществѣ вкуса и аромата, мороженое это бываетъ такъ твердо, до такой степени лишено водянистыхъ частицъ и отучено отъ привычки таять, что листъ бумаги, на которомъ оно лежитъ въ продолженіе полу-часа, остается совершенно сухъ. Тамъ это — лакомство, которое можно перевозить хоть въ карманѣ.

Нигдѣ, можетъ быть, въ цѣлой Европѣ, не услышите вы такого громкаго, непрерывнаго говора въ кофейняхъ, какъ въ кофейняхъ неаполитанскихъ. Предъ ними не только германскія, но и парижскіе кафе покажутся молчаливыми и суровыми. Здѣсь словоохотливость публики поражаетъ. Пока мы наслаждаемся, доѣдая поданное намъ *tutti frutti*, посѣтители мелькаютъ вокругъ насъ, какъ китайскія тѣни. На потертыхъ красныхъ триповыхъ табуретахъ садятся они, кружками, у столиковъ, и что̀ за неистощимый потокъ рѣчей, восклицаній, остротъ, каламбуровъ льется тогда изъ ихъ устъ! Каждый старается сказать какъ можно больше, усиливается возвысить свой голосъ, хотя бы въ ущербъ приличію; руки въ постоянномъ движяніи, бородатая или бритая физіономія полна мимики, черные глаза играютъ и подъ-часъ горятъ, какъ угли.

Но не общественные интересы внушаютъ эту жаркую поле-

мику, не политика, не наука, не искусство возбуждаютъ сочувствіе этой шумной аудиторіи. Прислушайтесь повнимательнѣе, и вы убѣдитесь, что меркантильность и эпикуреизмъ — двѣ главныя пружины, приводящія въ дѣйствіе эту стоустную машину.

Впрочемъ, осмотрите кафе повнимательнѣе. Вы не увидите вовсе читающихъ. На всѣхъ столахъ и диванахъ едва ли найдутся двѣ жалкія неаполитанскія газеты. Иностранные журналы отъ ввозной пошлины слишкомъ дороги и не имѣютъ сюда доступа. О чемъ же послѣ этого и говорить пылкому неаполитанцу, какъ не о мелкой спекуляціи да о хорошенькихъ женщинахъ?

Становится поздно. Кафе начинаетъ пустѣть; только у дверей тѣснится еще иноземная публика и тянется неугомонный разговоръ. Мы выходимъ. Луна высоко поднялась на небѣ и обливаетъ насъ серебрянымъ свѣтомъ. Воздухъ упоительно прохладенъ. Собираемся взять извозчика и дѣлаемъ нѣсколько шаговъ впередъ. Въ это время въ толпѣ кто-то привѣтливо снимаетъ передъ нами шляпу. Наружность незнакомца внушаетъ довѣріе, черты лица его благородны; костюмъ отличается нѣкоторымъ изяществомъ. Это не навязчивый факинъ и даже не уличный коммиссіонеръ, готовый на ненужныя услуги.

Мы дотрогиваемся руками до шляпъ; незнакомецъ подходитъ.

На ломаномъ французскомъ языкѣ, онъ старается намъ объяснить, что давно живетъ въ Неаполѣ; что у него здѣсь большая родня, между прочимъ, старушка-тетушка и двѣ кузины; что особы эти хорошей, хотя нѣсколько обѣднѣвшей фамиліи; что онѣ всегда интересуются знакомствомъ съ образованными иностранцами, а какъ по разговору и типу онъ узналъ въ насъ русскихъ, то и проситъ сдѣлать ему честь позволить познакомить насъ съ домомъ тетушки, прибавляя, что мы проведемъ время не скучно. Наслышавшись еще прежде о прелести подобныхъ неожиданныхъ знакомствъ, мы принимаемъ предложеніе и отправляемся. Проѣхавъ Толедскую улицу, коляска дѣлаетъ нѣсколько оборотовъ по разнымъ *vichi* и *vicoletti*, наконецъ останавливается на небольшой площади, еще довольно шумной, не смотря на поздній часъ ночи. Проводникъ объясняетъ, что въ сторону, куда онъ

насъ поведетъ, нѣтъ ѣзды въ экипажахъ. Мы выходимъ изъ коляски и осторожно ступаемъ по ветхому тротуару узкаго и темнаго переулка. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ и подойдя къ двери, отмѣченной крупной цифрой 54 *), проводникъ приглашаетъ насъ подняться по лѣстницѣ, а самъ идетъ впереди и считаетъ ступени. Наконецъ у одного изъ входовъ онъ дергаетъ звонокъ; предварительно входитъ самъ, вѣроятно, съ цѣлію предупредить о прибытіи гостей; наконецъ приглашаетъ насъ къ тетушкѣ, не безъ тщеславнаго самодовольствія.

Мы входимъ. Комнаты убраны прилично. Стѣны росписаны въ помпейскомъ вкусѣ. На мягкихъ диванахъ распростерты бѣлые узорчатые антимакассары.

Хозяйка встрѣчаетъ насъ въ шитомъ пеньйоарѣ. Это женщина уже зрѣлыхъ лѣтъ и очень почтенной наружности. Въ рукѣ у нея зажженная лампа, той античной формы, въ видѣ лодочки съ свѣтильной, направленной въ бокъ, какую видишь на древнихъ барельефахъ.

Свѣтъ этой лампы какъ-то привѣтливо озаряетъ сѣдины старушки и располагаетъ въ ея пользу.

— *Favorisca, signori!* говоритъ она, принимая насъ и приглашая садиться.

Мы занимаемъ мѣста на диванѣ и любуемся на античное убранство комнаты: сосѣдство Помпеи проглядываетъ и здѣсь, въ мирномъ пріютѣ престарѣлой синьйоры.

Но вотъ, на зовъ матери, явились и синьйорины: Джулія и Анна. Джулія — брюнетка, съ матовымъ цвѣтомъ лица, едва замѣтнымъ румянцемъ на щекахъ, алыми влажными губками, черными сумрачными глазами и великолѣпной косой, перевитой корралловыми бусами. Анна — блондинка, со всѣми атрибутами фантазій Грёза. Голубые глаза, мраморная бѣлизна кожи, полуразвитая грудь и волнующіеся пепельнаго цвѣта волосы заставляютъ

---

*) Въ Италіи, кромѣ нумераціи домовъ, означаемыхъ *римскими* цифрами, каждая дверь или подъѣздъ въ домѣ носитъ особую нумерацію цифрами *арабскими*.

признать въ ней растеніе экзотическое, не сродное неаполитанской почвѣ. Трудно повѣрить, чтобы обѣ дѣвушки, очаровательныя и индивидуально, и по тому контрасту, который составляютъ другъ съ другомъ,—трудно повѣрить, чтобы онѣ были сестры. Но, впрочемъ, кто же знаетъ прошедшую жизнь престарѣлой синьйоры? Да и не все ли равно, какая бы генеалогія ни скрывалась въ складкахъ изящныхъ блузъ, обнимающихъ эти гибкіе торсы!... Напрасно синьйорины разсчитывали, можетъ быть, наслушаться нашихъ разсказовъ о бѣлыхъ медвѣдяхъ и льдяныхъ дворцахъ Московіи. Сѣверная натура съ трудомъ переноситъ лучи южныхъ глазъ. Она млѣетъ, прислушиваясь къ жаркому полуденному дыханію, къ музыкѣ безъискусственной задушевной рѣчи, и теряетъ всякую повѣствовательную способность.

Синьйора ушла хлопотать по хозяйству; мы садимся съ синьйоринами, попарно, въ разныхъ углахъ комнаты,—и только зарево отъ восходящаго солнца заставляетъ насъ вспомнить, что пора домой....

Комары вовсе не дали мнѣ спать. Не смотря на принятыя мѣры предосторожности, они забрались подъ пологъ моей кровати и такъ неугомонно жужжали, такъ зло кусали меня, увертываясь отъ ударовъ, которые я расточалъ на всѣ стороны, что я не могъ сомкнуть глазъ и, совершенно измученный, забылся только подъутро.

Стукъ въ двери разбудилъ меня. *Cameriere* доложилъ, что кто-то меня спрашиваетъ.

Не успѣвъ одѣться, я величаво драпировался въ плэдъ и въ этомъ античномъ костюмѣ, съ лицемъ, исколотымъ злыми *zanzare*, вышелъ въ другую комнату. Тамъ стоялъ худощавый человѣкъ высокаго роста, съ вьющимися русыми волосами, уже значительно убѣленными просѣдью, съ густыми бакенбардами, румянымъ цвѣтомъ лица и чрезвычайно смѣтливыми быстрыми, голубыми

глазами. Онъ былъ одѣтъ бѣдно, но прилично, носилъ вмѣсто сапоговъ ботинки и держалъ въ рукѣ широкополую шляпу.

— Вы изволили присылать за мной, сударь, сказалъ онъ мнѣ, на чисто-русскомъ языкѣ, почтительно кланяясь. Я Андрей Поповъ. Честь имѣю рекомендоваться.

Еще прежде, русскіе дали намъ объ этомъ человѣкѣ самые лестные отзывы, и потому мы очень желали имѣть его своимъ проводникомъ. Къ сожалѣнію, Поповъ пришелъ теперь собственно съ цѣлію сказать, что онъ уже приглашенъ другими путешественниками, и именно тѣми троими пассажирами *купэ* дилижанса, съ которыми мы познакомились дорогой. Дѣлать было нечего. Приходилось отказаться отъ сообщества гида-земляка.

Впрочемъ, поговоривъ еще нѣкоторое время, мы рѣшились поступить такимъ образомъ, что нынѣшній день наша компанія употребитъ на осмотръ Бурбонскаго музея, подъ предводительствомъ итальянскаго *cicerone,* а что завтра мы соединимся съ русскими, завербовавшими Попова, и отправимся всѣ вмѣстѣ въ Помпею. Предположеніе это одобрено и моими двумя спутниками.

Поповъ удалился, съ обѣщаніемъ встрѣтить насъ на станціи желѣзной дороги (*Strada ferrata di Nocera.*)

Немного спустя, намъ подали коляску, и мы, взявъ въ проводники итальянца, который давно уже навязывался со своими услугами, отправились въ Бурбонскій музей.

Бурбонскій музей (*Studii publici, Real Museo Borbonico*), бывшій прежде зданіемъ университета, съ 1790 года сдѣлался хранилищемъ древностей Минтурна (Капуи), Геркуланума, Помпеи, Стабіи, Ночеры, Нолы, Пестума и пр. и картинъ *Capo di Monte.*

Онъ раздѣляется на 15 отдѣленій:

1) Стѣнная живопись и античная мозаика.

2) Античныя произведенія изъ мрамора.

3) Древности египетскія и оскскія.

4) Античныя статуи изъ бронзы.

5) Фарнезскія надписи и группы.

6) Памятники средневѣковаго искусства.

7) и 8) Папирусы и библіотека.

9) Камеи и драгоцѣнные камни.

10) Монеты и медали.

11) Коллекція бронзовыхъ миньятюровъ.

12) Коллекція вазъ.

13) Тайный музей.

14) и 15) Картинныя галлереи.

Невольно робость западаетъ въ душу туриста, когда, порядкомъ поистративъ чувства и силы, онъ останавливается передъ громаднымъ зданіемъ музея; волосъ поднимается у него дыбомъ, при чтеніи описанія богатствъ и рѣдкостей, заключающихся въ этихъ темно-красныхъ стѣнахъ.

Проводникъ нашъ, сойдя съ козелъ, тоже лишается душевной бодрости. Лице его теряетъ часть багроваго румянца, и губы что-то невнятно лепечутъ. Я отношу это къ анти-эстетическому настроенію *cicerone*, къ недостатку въ немъ любознательности, но, извиняя такія слабости въ ближнемъ, иду далѣе. Наконецъ проводникъ останавливаетъ меня.

— *Signore* — *principe* — *conte* — *'ccelenza* — говоритъ онъ, заикаясь, перебирая всѣ титулы и не зная, съ чего начать.

— Что̀ такое, въ чемъ дѣло?

— Я не могу идти съ вами.

— Отчего?

— Мнѣ запрещенъ входъ въ музей.

— Какимъ образомъ?

— На дняхъ, я приводилъ сюда англичанина. При входѣ, онъ купилъ описаніе музея, но, когда просмотрѣлъ брошюрку, остался ею очень недоволенъ, началъ браниться, разругалъ всѣхъ смотрителей и сдѣлалъ такой скандалъ, что и мнѣ досталось: мнѣ запретили на недѣлю входить въ музей и сопровождать путешественниковъ.

— Зачѣмъ же вы брались вести насъ?

— Что̀ дѣлать, синьйоръ! У меня маленькія дѣти: надо чѣмъ нибудь жить.

Въ утѣшеніе, итальянецъ протягивалъ мнѣ пригоршни мѣдныхъ денегъ, которыхъ онъ намѣнялъ, чтобы платить смотрите-

лямъ отдѣленій музея, а какъ этой массы мелкой монеты, по увѣренію его, не могло достать, то онъ приглашалъ насъ подойти къ нему впослѣдствіи снова, обѣщаясь размѣнять еще.

Дѣлать было нечего. Оставивъ его у подъѣзда, на солнечномъ припекѣ, мы вступили въ прохладный перистиль музея. Я взялся быть казначеемъ. Мѣдныя деньги, буквально, переполняли мои карманы. Впрочемъ, по мѣрѣ переходовъ изъ комнаты въ комнату, монеты такъ быстро убывали, что я опасался сдѣлаться банкротомъ, не окончивъ и одной анфилады.

Видъ этихъ портиковъ, загороженныхъ деревянными рѣшетками, съ сидящими передъ ними привратниками, которые неотступно зазываютъ къ себѣ посѣтителей, перечисляя, скороговоркой, всѣ рѣдкости, хранящіяся въ той или другой залѣ, напомнилъ мнѣ ряды нашихъ провинціяльныхъ ярмарокъ, или Апраксина и Щукина дворовъ. Музей отличается вообще меркантильной обстановкой. Смотрители очень похожи на откупщиковъ, взявшихъ античныя коллекціи въ арендное содержаніе.

Мы мужественно приступили къ обзору.

Зала стѣнной живописи и мозаики представила намъ древнія фрески Геркуланума, Помпеи и Стабіи. Разсматривая эти фигуры, арабески, букеты цвѣтовъ, плоды, историческія и миѳологическія сцены, даже образцы такъ называемаго *genre*,—картины домашней жизни и современныхъ нравовъ,—удивляешься живости красокъ, вѣрности и тонкости очертаній, но часто замѣчаешь жесткость, сухоть типа и отсутствіе понятій о перспективѣ. Многія произведенія, замѣтно, пострадали отъ времени и превратностей судьбы, и могутъ восхищать только энтузіастовъ. Въ обломкѣ отвердѣвшаго пепла Везувія, сохраняется здѣсь слѣпокъ съ женской груди, найденнный въ Помпеѣ, въ домѣ Діомеда. Полагаютъ, что женщина эта, изукрашенная драгоцѣнными ожерельями и браслетами, была жена помпейскаго богача.

Въ залѣ Флоры мы останавливались передъ большой помпейской мозаикой, изображающей подвиги Александра Македонскаго, и любовались на фарнезскій торсъ, можетъ быть, Бахуса, приписываемый Фидіасу. Въ залѣ Адониса обратилъ на себя осо-

бенное вниманіе Амуръ, обвитый Дельфиномъ. Эта група задумана очень смѣло; фигуры полны энергіи и движенія.

Въ отдѣленіи надписей особенно замѣчательна група *Фарнезскаго Быка.* Она изображаетъ исторію Диркеи и была сдѣлана изъ цѣльнаго куска мрамора родосскими скульпторами Апполоніемъ и Таврискомъ, за 200 лѣтъ до Рождества Христова. Она найдена въ баняхъ Каракаллы и возобновлена Г. Б. Біанки изъ Милана. Морда, ноги и хвостъ быка новые. Верхнія части фигуръ Диркеи, Зетоса и голова Амфіона также возобновлены.

Фарнезскій Геркулесъ, приписываемый Гликону и найденный въ баняхъ Каракаллы, составляетъ другой перлъ этого отдѣленія. Въ библіотекѣ, содержащей въ себѣ до 150,000 книгъ и 4,760 рукописей греческихъ, латинскихъ, коптскихъ, арабскихъ, персидскихъ, китайскихъ, турецкихъ, итальянскихъ, французскихъ, есть много библіографическихъ рѣдкостей. Здѣсь хранится первая книга, напечатанная въ Неаполѣ въ 1471 г., майнцская библія 1462 г., Лактанцій 1465 г., Гомеръ 1488 г., Дѣянія Апостоловъ, X вѣка, и много роскошныхъ изданій и ксилографовъ, принадлежавшихъ фамиліи Фарнезе.

Отдѣленіе камей—одно изъ самыхъ интересныхъ. Кромѣ замѣчательнаго мозаическаго пола изъ Помпеи, съ надписью *Cave canem* *), всѣ витрины, которыми уставлены столы и стѣны этой залы, представляютъ превосходные образцы искусства, тайна котораго почти потеряна. Начиная отъ микроскопической камеи въ горошину величиною, съ изображеніемъ, которое доступно лишь вооруженному глазу, до знаменитаго *большаго оникса,* все, что̀ ни разложено здѣсь, возбуждаетъ безусловный восторгъ и въ записномъ поклонникѣ древности, и въ хладнокровномъ профанѣ. Предъ этими бездѣлушками (числомъ до 9,000), на которыя потрачено такъ много серьезнаго труда и высокаго вдохновенія, всѣ изящнѣйшіе брелоки новѣйшаго времени, которыми такъ гордится и щеголяетъ нашъ вѣкъ, покажутся грубыми, ничтожными, пошлыми. Дѣло въ томъ, что на этихъ миньятюрныхъ самоцвѣтахъ, въ

---

*) Берегись собаки.

размѣрѣ, изумляющемъ самый зоркій глазъ, вы, съ помощію лупки, усматриваете фигуры, отмѣченныя тѣмъ же благородствомъ формъ, тѣмъ же олимпійскимъ величіемъ, какими отличаются геніальныя произведенія Фидіаса. И все это выдѣлано на камняхъ, о которые мгновенно притупляется самый твердый рѣзецъ.

Большой ониксъ представляетъ апотеозу Птоломея I. Тутъ видны Нилъ, Горусъ, Изида и нильскія нимфы. На другой сторонѣ голова Медузы. Масса—свѣтло-фіолетоваго цвѣта; она полупрозрачна. Не говоря уже о достоинствахъ композиціи, красотѣ линій, изяществѣ исполненія, въ этой камеѣ васъ поражаетъ то, что два изображенія, когда вы смотрите на нихъ на свѣтъ, не только вредятъ общему впечатлѣнію, а какъ будто дополняются одно другимъ.

Но безразсудно было бы пускаться въ описаніе всѣхъ сокровищъ Бурбонскаго музея. Цѣлые годы нужно употребить на то, чтобы изучить ихъ въ подробности; простой перечень ихъ составилъ бы нѣсколько томовъ. Поверхностный обзоръ залъ музея есть уже подвигъ. При самомъ бѣгломъ переходѣ изъ залы въ залу, вы на половинѣ пути чувствуете, какъ измѣняютъ вамъ силы. Одно отдѣленіе вазъ, состоящее изъ цѣлаго ряда комнатъ, загроможденныхъ произведеніями таинственныхъ этрусковъ, составило бы громадный музей, способный занять антикварія на цѣлую жизнь. Потому я не буду говорить здѣсь ни о стеклянныхъ и глиняныхъ произведеніяхъ, оставшихся отъ среднихъ вѣковъ, ни о коллекціяхъ папирусовъ и мумій, занесенныхъ съ береговъ Нила, ни о нумизматическомъ кабинетѣ, заключающемъ въ себѣ до 70,000 монетъ, ни о домашней утвари, вѣсахъ, самоварахъ и сковородахъ помпеянъ, ни о чудесахъ тайнаго музея, съ его эротическими фресками, ни о громадной картинной галлереѣ, не представляющей, впрочемъ, особенно капитальныхъ произведеній живописи ...

Измученные, съ опустошенными карманами, но съ подавляющимъ запасомъ разнообразныхъ впечатлѣній, едва добираемся

мы до коляски. Мы, какъ тѣни, блѣдны отъ испытанныхъ восторговъ; *cicerone* красенъ отъ жара, какъ этрускій силуэтъ.

— Въ ванну, скорѣе въ ванну! повторяемъ мы едва слышнымъ голосомъ.

Коляска дѣлаетъ нѣсколько оборотовъ и останавливается предъ домомъ съ вывѣской: *Bagni d'acqua di mare*.

Струи Тирренскаго моря скоро освѣжаютъ наши утомленные члены и пробуждаютъ въ насъ самый прозаическій аппетитъ.

Къ вечеру намъ принесли ключъ отъ ложи въ театръ Санъ-Карло и три билета для входа *). Давали оперу Верди, которая въ Неаполѣ, такъ же, какъ и въ Петербургѣ, идетъ подъ именемъ «Джованны Гузманъ». Опера, по обычаю итальянскому, подраздѣлялась какимъ-то нелѣпымъ балетомъ, въ которомъ одинаково удивляли насъ и бѣдность обстановки, и неудовлетворительность декорацій, и отсутствіе малѣйшей граціи въ танцовщицахъ. Коръ-де-балетъ, особенно послѣ петербургскаго, казался намъ совершенно ничтожнымъ.

Театръ Санъ-Карло, размѣромъ второй послѣ миланскаго *La Scala*, построенъ въ 1537 г. и возобновленъ въ 1817. Онъ громаденъ, величавъ и прекрасно освѣщенъ газомъ. Ложи идутъ въ шесть ярусовъ; каждая можетъ вмѣстить до 12 человѣкъ. Наша ложа была въ бель-этажѣ, близко отъ сцены. Направо отъ рампы, на огромномъ пространствѣ театральнаго партера, волновалась шумная, восторженная театральная публика. Какимъ прелестнымъ цвѣтникомъ представлялись сотни дамскихъ шляпокъ и куафюръ, какъ эффектно пестрѣли легкія газовыя платья, переме-

---

*) Въ Италіи, для входа въ лучшія ложи, принадлежащія по большей части аристократическимъ фамиліямъ, достаются ключи, за которые надо платить, по добровольному соглашенію съ владѣльцемъ, независимо отъ билетовъ на входъ (*i biglietti per intrare)*, получаемыхъ изъ кассы.

жаясь съ прозаическими фраками неаполитанскихъ и пріѣзжихъ дэнди! Сколько лорнетовъ и биноклей устремлялось на сцену въ интересные моменты дѣйствія, — биноклей миньятюрныхъ, какъ сама ручка неаполитанской синьйоры, и циклопически громадныхъ, какъ отрѣзокъ пестумской колонны. Ложи сіяютъ брилльянтами, блещутъ мраморомъ дамскихъ плечъ, искрятся благосклонными взорами красавицъ. Опахала безпрестанно въ движеніи; громадные букеты, въ обхватъ въ объемѣ, то-и-дѣло появляются въ залѣ, летятъ на сцену и, можетъ быть, снова перепродаются въ залу. Къ намъ то-и-дѣло врываются въ ложу продавцы этихъ подвижныхъ оранжерей.

При самомъ выступленіи примадонны, синьйоры Бокарде, зала дрожитъ отъ рукоплесканій, партеръ бушуетъ, какъ море, по ложамъ носится одобрительный ропотъ.

«O mio fratel, Fernando! o nobil alma!
Fior che rio turbin svelse
Nel suo primier mattino!

Новый взрывъ рукоплесканій, свистъ и шиканье, для возстановленія тишины — шумъ, неизвѣстный посѣтителю сѣвернаго театра, — восторгъ, недоступный гиперборейской натурѣ.

Но вотъ наступаетъ *речитативъ*, и физіономія залы мѣняется. Публика отворачивается отъ сцены, дамы уходятъ въ глубину ложъ; общій разговоръ, шумъ, стукъ, пока новый пронзительный свистъ не возвѣститъ о приближеніи любимой аріи, и тогда, послѣ глубокаго, ревниваго вниманія на нѣсколько минутъ, новые порывы этого кипящаго кратера, и цѣлыя тучи цвѣтовъ, застилающія рампу.

Долго, напрягая горловые мускулы, съ багровыми шеями и фіолетовыми щеками, пѣвцы и пѣвицы работаютъ надъ воспроизведеніемъ разрушительной музыки Верди. Балетъ возстановляетъ ихъ силы. Они ревутъ и визжатъ, не щадя ни себя, ни другихъ, и невольно заставляютъ опасаться за прочность своихъ вокальныхъ органовъ.

Послѣ четвертаго акта, занавѣсъ долго не подымается. Мы предчувствуемъ что-то необыкновенное. Публика отъ нетерпѣнія стучитъ такъ, что готова продавить полъ. Наконецъ одна изъ дверей занавѣса *) отворяется: выходитъ глашатай и возвѣщаетъ робкимъ голосомъ, что, по случаю внезапно приключившейся болѣзни, примадонна пѣть пятый актъ не въ состояніи....

Между тѣмъ, дѣло подходитъ къ полуночи. Опера, сказать правду, исполнялась незавидно. Пора домой—подышать прохладой неаполитанской ночи.

На другой день мы расположились ѣхать въ Помпею, потому встали ранѣе обыкновеннаго и тотчасъ же отправились на станцію желѣзной дороги. Тамъ поѣздъ готовъ уже былъ двинуться; мы едва успѣли достать билеты. Между тѣмъ, проходя мимо вагоновъ, мы не видали ни троихъ русскихъ, съ которыми условились сдѣлать эту поѣздку, ни спутника ихъ, Андрея Попова. Чѣмъ болѣе подвигались мы впередъ и осматривали выходившихъ пассажировъ, тѣмъ болѣе убѣждались, что знакомые наши опоздали и не попали на этотъ поѣздъ.

Дорога въ Помпею идетъ по берегу Неаполитанскаго залива, чрезъ Портичи, Геркуланумъ, Торре-дель-Греко и Аннунціату. Рельсы то приближаются къ окраинѣ моря, то отдаляются отъ нея и прячутся подъ темными сводами тополеіі. Трудно себѣ вообразить что нибудь привлекательнѣе пейзажей, которые представляетъ окрестность. Съ одной стороны гористая волканическая почва, изрѣзанная правильными уступами и покрытая роскошною растительностію. Здѣсь тѣнистые каштаны оспориваютъ каждый футъ земли у величаваго лавра, низменной маслины или скромнаго мирта; плющи, олеандры, настурціи, жимолость, акаціи, затѣйли-

---

*) Въ Италіи на театральныхъ занавѣсахъ дѣлаются двери, черезъ которыя выходятъ къ публикѣ, при крикахъ *fori*, ея любимые артисты. При этомъ устройствѣ, поднимать занавѣсы въ подобныхъ случаяхъ нѣтъ уже надобности.

выми фестонами, ниспадаютъ съ древесныхъ стволовъ, заборовъ и пригорковъ къ самому полотну дороги. Далѣе почва возвышается и синѣетъ листвою благоухающихъ рощицъ. Съ другой стороны глазъ вашъ встрѣчаетъ серебряную поверхность залива. При свѣтѣ солнца, море искрится тысячами огней, таинствено шепчется, набѣгая на прибрежные камни, и навѣваетъ на васъ упоительную прохладу. Запахъ алоя, эліотропа и зрѣющаго померанца наркотически дѣйствуетъ на ваши нервы. Сердце замираетъ отъ удовольствія, всѣ чувства пріятно затронуты, начинаешь вѣрить въ возможность земнаго блаженства. Такъ сильно обаяніе этой очаровательной природы! Къ южному морю привязываешься, какъ къ любимой женщинѣ. Лишь только блѣдно-голубыя волны его скрылись за стѣнами прибрежной виллы, за пригоркомъ, закутаннымъ въ зелень или сводами тоннеля, какъ глазъ снова желаетъ повстрѣчаться съ мягкими тонами водной лазури, ухо — снова прислушаться къ неумолкающему лепету волны....

Во всемъ пейзажѣ необыкновенная яркость колоритовъ, море освѣщено великолѣпно; тѣни едва-едва укрываются за группами хижинъ и одинокими гостинницами, чтобы тѣмъ рельефнѣе выставить весь блескъ тропической зелени, всю прелесть цвѣтущихъ гирляндъ, въ которыя природа, какъ на свадебный пиръ, рядится здѣсь почти въ теченіе цѣлаго года.

И что̀ за небо надъ этимъ земнымъ эдемомъ, что̀ за прозрачность воздуха, что̀ за дѣлимость плановъ отдаленной перспективы! Какъ будто нарочно расточено здѣсь столько волшебныхъ чаръ, чтобы приковать человѣка къ подошвѣ дымящагося волкана, чтобы заставить его тѣмъ поспѣшнѣе жить и наслаждаться, чѣмъ менѣе прочности въ этомъ существованіи на краю грознаго кратера, на слояхъ лавы, поглотившихъ подъ собою десятки цвѣтущихъ городовъ, сотни счастливыхъ прибрежныхъ колоній.

Проѣхавъ Аннунціату, локомотивъ убавляетъ хода; унылый свистъ его какъ-то странно звучитъ въ тѣни масличныхъ рощъ, посреди улыбающихся картинъ природы. Мы останавливаемся противъ чистенькаго станціоннаго домика, съ лаконическою надписью: *Pompei.*

За домикомъ — небольшой пригорокъ, и болѣе ничего. Земля взрыта и, по видимому, только что улеглась.

Мы выходимъ изъ вагона, поджидаемъ нѣкоторое время Попова, наконецъ, убѣдившись, что его нѣтъ, идемъ за другими пассажирами въ гору, къ небольшой гостинницѣ. Тамъ цѣлыя толпы проводниковъ осаждаютъ насъ, вызываясь показать намъ и Помпею, и Везувій, и исчисляя всѣ заслуги, оказанныя уже ими, въ разное время, бывшимъ здѣсь туристамъ.

Навязчивѣе всѣхъ молодой малый, небольшаго роста, но съ сильно развитой грудью, миньятюрною и круглой, какъ у античныхъ статуй, головой и курчавыми волосами. Цвѣтущее здоровье, веселость и умъ написаны на его румяномъ, безбородомъ лицѣ. Съ замѣтнымъ самохвальствомъ онъ вертитъ въ рукахъ какую-то засаленную книжонку и старается обратить мое вниманіе на ея грязныя странички. Здѣсь, посреди разноязычныхъ каракуль, между витіеватыми аттестаціями германцевъ, не лишенными лирическихъ изліяній, острыми фразами французовъ и лаконическими, холодными отзывами англичанъ и американцевъ, читаю наконецъ по-русски слѣдующее: «*Такого-то* октября, въ сопровожденіи Луиджи, я входилъ на Везувій. Рекомендую этого расторопнаго и услужливаго проводника вниманію соотечественниковъ. С. П***.»

Родная рѣчь, нетвердо начертанная карандашемъ, подѣйствовала на меня убѣдительно. Мы взяли Луиджи и, приближаясь къ Помпеѣ, подготовляли уже себя для эстетико-элегическихъ впечатлѣній. Но, пройдя нѣсколько шаговъ, Луиджи объявилъ, что не имѣетъ права вести насъ въ городъ и что мы непремѣнно должны ввѣрить себя проводнику, назначенному отъ правительства. Дѣйствительно, долговязый сержантъ, въ свѣтло-голубой курткѣ, съ малиновымъ воротникомъ и обшлагами, въ свѣтло-голубыхъ же панталонахъ, съ малиновой выпушкой, и въ шапкѣ, напоминавшей складную кожаную папиросницу, вышелъ къ намъ на встрѣчу и, подтверждая слова Луиджи, обѣщалъ, за піастръ и въ какіе нибудь два часа, совершенно ознакомить насъ съ Помпеей, ея зданіями и минувшей жизнью. По его словамъ, выйдя изъ его рукъ, мы до такой степени проникнемся античнымъ духомъ, что

вмѣсто *signori russi* будемъ казаться помпейскими старожилами, только что заживо вырытыми изъ земли. Гасконское хвастовство неаполитанца мнѣ понравилось. Я люблю хвастуновъ, не останавливаемыхъ никакими холодными соображеніями, не руководимыхъ никакимъ анализомъ,—хвастуновъ, увлекающихся, повѣствующихъ зажмуря глаза и способныхъ вѣрить въ дѣйствительность того, что̀ породило ихъ неистощимое воображеніе. Такіе люди всегда бываютъ съ большимъ или меньшимъ запасомъ творчества. Они, можетъ быть—выродившіеся потомки того цикла эпическихъ поэтовъ-минестрелей, которые, воспѣвая подвиги боговъ и героевъ, никогда ими не виданныхъ, никогда не существовавшихъ, до такой степени сближались съ своими созданіями, до такой степени проникались сюжетомъ, что передавали вымыселъ, какъ несомнѣнную истину, и достигали той необычайной объективности представленій, которая такъ очаровываетъ насъ теперь при чтеніи ихъ произведеній, оставляя для подражателей необходный камень преткновенія.

Какъ бы то ни было, но мнѣ казалось, что, родись нашъ *cicerone* при другой обстановкѣ, онъ былъ бы непремѣнно пѣвцомъ Олимпа, что только солдатскій мундиръ и піастры изъ любимца музъ сдѣлали его обыкновеннымъ, хотя очень занимательнымъ и симпатичнымъ, хвастуномъ.

Мы соглашаемся пожертвовать піастромъ и вступаемъ въ городъ, скрывавшійся въ нѣдрахъ земли въ теченіе слишкомъ 1600 лѣтъ. Первое впечатлѣніе какъ-то странно. Трудно повѣрить, чтобы эта мостовая, изъ крупныхъ и плоскихъ плитъ лавы, съ оставшимися отъ колесъ колеями, эти узкіе, изъ пуццоланскаго камня, тротуары по сторонамъ дома, цѣликомъ сохранившіеся подъ грудами пепла, со всѣми хозяйственными принадлежностями и памятниками искусствъ,—трудно повѣрить, чтобы все это дошло до насъ отъ народа, давно отжившаго политически, давно утратившаго свой языкъ, давно стертаго съ лица земли наплывомъ съ юга и сѣвера чуждыхъ племенъ. Только просвѣщеніе, завѣщанное намъ древностію, связуетъ теперь современность съ римскимъ бытомъ, дѣлая его однимъ изъ любопытныхъ предметовъ изученія.

Но, вглядываясь въ подробности построекъ, воспроизводя передъ собою, по уцѣлѣвшимъ памятникамъ, главныя черты домашней и общественной жизни помпеянъ, невольно удивляешься тому, какъ все это близко къ нашимъ современнымъ привычкамъ и потребностямъ. Повсюду замѣчаешь слѣды основательныхъ архитектурныхъ свѣдѣній, господство вкуса, присутствіе комфорта, желаніе и умѣнье сдѣлать жилище свое удобнымъ и пріятнымъ. Покройте теперь эти дома, вставьте въ окна рамы, настелите полы и навѣсьте двери, и тогда Помпея приметъ физіономію общеевропейскаго города, только что отстроеннаго послѣ пожара.

Мы начинаемъ обзоръ съ загородной виллы (*Villa suburbana*) Діомеда. Она была построена въ три этажа. Сохранились только два, третій разрушенъ. Перистиль украшенъ фресками и окруженъ портиками, съ цистерной по серединѣ. Изъ нѣкоторыхъ комнатъ прекрасный видъ на море. Вилла Діомеда представляетъ образецъ богатаго барскаго дома. Здѣсь вы найдете молельню (*Lararium*), особыя комнаты — родъ кабинета и залы, изукрашенныя живописью, лѣтнюю и зимнюю столовую (*triclinium*), гардеробную комнату (*vestiarium*), спальни (*cubicula*), принадлежности бани (*hypocaustum, spoliatorium, sudatorium, tepidarium, calidarium, laconium*), женскіе аппартаменты (*oecus gynaeceus*) и библіотеку (*pinacotheca*). Посрединѣ двора колонны составляли родъ павильйона (*pergola*), подъ которымъ устроенъ былъ рыбный садокъ. Подъ портиками, идущими вокругъ сада, видны погреба, въ которыхъ найдены винныя бочки.

Противъ этой виллы находится склепъ фамиліи Діомеда, въ видѣ небольшаго храма. Вообще, частные дома помпеянъ невелики; они строились обыкновенно въ два этажа, съ террасой, украшенной павильйономъ. Окна рѣдко выходили на улицу; оконныя стекла были толсты и тусклы. Колонны въ корридорахъ и стѣны домовъ выштукатурены и внутри расписаны арабесками. Полы изъ мозаики. Имена владѣльцевъ выставлялись снаружи.

Выводивъ насъ по всѣмъ закоулкамъ жилища Діодема, чичероне сказалъ, что мы выступаемъ на *Via Domitiana*, или *Sepolcre-*

to, — uliza grobow (улица гробовъ), прибавилъ онъ, для поясненія, довольно удачно подражая русской рѣчи.

Мы удивились многостороннимъ знаніямъ нашего спутника и увѣряли его, что у него чисто-московское произношеніе.

Сержантъ самодовольно пріосанился.

— Да, *signori*, сказалъ онъ, въ отвѣтъ на наше замѣчаніе — обходя Помпею нѣсколько разъ въ день, я таки наметался: съ перваго взгляда узнаю, какой націи пріѣзжіе гости, и у каждаго изъ нихъ стараюсь заимствовать хотя одну фразу. Надѣюсь, что и вы не откажетесь пополнить мой московитскій словарь.

Мы, разумѣется, выразили полную готовность.

— Вотъ остеріи, *gostinnizi*, для деревенскихъ жителей и иностранцевъ, продолжалъ чичероне, указывая намъ на продолговатое зданіе съ лѣвой стороны отъ дороги. Здѣсь путешественники, пріѣзжавшіе поздно вечеромъ, оставались ночевать.

Я съ особеннымъ любопытствомъ осматривалъ эти скромныя загородныя остеріи. Вся внѣшняя обстановка ихъ и мѣсто, избранное внѣ городской стѣны, тотчасъ же напоминали наши пригородные постоялые дворы, гдѣ пріѣзжіе крестьяне останавливаются, чтобы не затруднять себя поисками по лабиринту городскихъ улицъ.

Геркуланскія ворота, черезъ которыя мы вошли во внутрь городской стѣны, пригодились бы для любаго нашего города. Недоставало только пестраго шлагбаума да часоваго-инвалида у приворотной караульни.

Гостинница Альбина предназначалась, по видимому, подъ помѣщеніе почтовыхъ принадлежностей. Здѣсь найдены колесные ободья, остовы лошадей въ стойлахъ, и на одномъ изъ столбовъ талисманъ (*phallus*) противъ *дурнаго глаза* (*mal'occhio*).

Домъ Весталокъ, изукрашенный живописью, мозаикой и затѣйливыми колоннами, имѣетъ видъ храма. На стѣнѣ противоположнаго строенія было изображеніе Пріапа, которое тутъ, такъ же, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, закрыто слоемъ алебастра. Мѣра эта принята, говорятъ, по убѣжденію папы.

Чичероне не безъ сожалѣнія указывалъ намъ на квадратики

изъ алебастровой массы, повѣствуя съ самодовольствіемъ о томъ, какъ ловко отдѣлывался онъ въ прежнее время отъ пытливыхъ вопросовъ дамъ, касавшихся этихъ странныхъ вывѣсокъ.

Мы проходимъ, мимо цирюльни, таможни, мыльной фабрики, жилища танцовщицъ и булочной, къ дому *Саллюстія.* Здѣсь прекрасный *atrium,* очагъ и лавка, имѣющая сообщеніе съ жилыми комнатами. Замѣтно, что богатый владѣлецъ дома не гнушался мелочною торговлей виномъ и масломъ. Противъ входа былъ садъ, съ лѣтней столовой и фонтаномъ. Направо женскіе покои, куда дневной свѣтъ проникалъ со двора.

Въ *Общественныя бани* ведутъ семь входовъ. Здѣсь есть *atrium,* гдѣ устроены мѣста для отдохновенія, *tepidarium* съ горячими ваннами и сосудами, содержавшими въ себѣ благовонія, и *frigidaruim,* гдѣ посѣтители простывали отъ жара и прохлаждались въ мраморномъ бассейнѣ.

На *Гражданскій форумъ* (*forum civile*) выходишь съ улицы Меркурія, чрезъ арки. Площадь съ трехъ сторонъ обстроена портиками. На сѣверномъ концѣ—храмъ, приписываемый Юпитеру. Возлѣ храма—родъ хлѣбнаго лабаза, гдѣ найдены мѣры для зерекъ.

Храмъ Геркулеса—одно изъ самыхъ древнихъ зданій въ Помпеѣ. Онъ, кажется, былъ возобновленъ послѣ землетрясенія 63 г.

Въ *Храмѣ Изиды* показываютъ *Penetralia,* или келью, гдѣ сидѣлъ жрецъ, исполнявшій роль оракула. Говорятъ, что здѣсь найденъ скелетъ человѣка, доѣдавшаго въ послѣднія минуты жизни курицу. Тутъ была особая комната для совѣщаній и потайная лѣстница.

Комическій театръ (*Odeum*) представляетъ залу (*cavea*), съ мѣстами для зрителей, въ нѣсколько этажей. Верхній рядъ занимали женщины, за ними слѣдовала масса гражданъ, потомъ купцы и наконецъ чиновники. Здѣсь найдены театральные билеты, сдѣланные изъ кости, съ римскими цифрами и греческими буквами.

Въ *Трагическомъ театрѣ* видны оркестръ, *proscenium, scenium,* мѣсто для занавѣса, *podium* для эдилей и весталки и весь партеръ (*cavea*).

На *Рыночной площади* (*Forum nundinarium*), находящейся между обоими театрами, есть печь, въ которой туристы, привозя съ собою повара и проникаясь классическими воспоминаніями, готовятъ иногда самый романтическій обѣдъ.

Долго еще осматриваемъ мы этотъ чудный городъ, шестьнадцать вѣковъ не видавшій дневнаго свѣта. Теперь щедро озаряетъ его неаполитанское солнышко. Мостовыя и тротуары, съ грубо выдѣланными изображеніями пріаповъ, сильно накаляются. Я то и дѣло распускаю свой дождевой зонтикъ, стараясь защититься отъ полуденнаго зноя. За то отрадно бываетъ войти въ миньятюрныя жилища помпеянъ, гдѣ на пространствѣ какихъ нибудь шести — восьми квадрадныхъ саженъ видишь полный комплектъ жилыхъ и хозяйственныхъ комнатъ. Спальни помпеянъ всегда расписаны эротическими фресками. Тутъ часто находите вы четырехъугольныя пустыя пространства, гдѣ были прежде соблазнительныя картины, снятыя отсюда и увезенныя въ тайный неаполитанскій музей. Только въ одномъ мѣстѣ чичероне еще можетъ указать на сохранившуюся фреску, изображающую сатира и нимфу, въ сладострастной позѣ. Можетъ быть, и эту фреску пощадили только потому, что она значительно пострадала отъ времени.

Пока мы странствуемъ такимъ образомъ, переходя отъ святыни храмовъ къ кухоннымъ очагамъ и отъ театральныхъ помостовъ къ похороннымъ склепамъ, чичероне безъ умолку твердитъ намъ о помпеянахъ, превозноситъ женщинъ древности, судитъ и рядитъ о быломъ, какъ очевидецъ, но не забываетъ распрашивать и о Россіи. Въ записную книжку свою, съ большимъ планомъ города, онъ заноситъ, съ нашихъ словъ, слѣдующее:

Fabbrica di sapone — milnj zavod; Forno pubblico — obcestvennaja pecarnia.

Пріобрѣтеніе это, по видимому, радуетъ его столько же, какъ и ожидаемый піастръ.

Но вотъ на одномъ изъ поворотовъ встрѣчаетъ насъ большая черная собака. Она виляетъ хвостомъ и тяжело дышетъ, высуня темно-розовый языкъ. Точно также, конечно, виляли хвостомъ и высовывали языки ея предки, похороненные подъ пепломъ Везу-

вія. Мохнатое поколѣніе не хочетъ знать о необходимости прогресса, не видитъ разницы между былымъ и настоящимъ,—и теперь вислоухій церберъ какъ будто глумится надъ нашей любознательностію: по крайней мѣрѣ, въ глазахъ его много лукавства, а черныя губы его движутся, какъ отъ едва сдерживаемой улыбки.

Въ слѣдъ за этимъ псомъ, бѣжитъ полунагой мальчишка и что-то издали кричитъ нашему проводнику. Оказывается, что это посланный отъ Попова, съ извѣстіемъ, что онъ и кліенты его пріѣхали и только что начинаютъ обзоръ города, а за тѣмъ придутъ въ ту же гостинницу, гдѣ и мы предварительно условились обѣдать.

Мы отсылаемъ мальчика съ вѣстями о себѣ и, чувствуя сильный аппетитъ, стараемся сократить странствованіе посреди разрушенныхъ колоннъ, обломковъ жертвенниковъ, по площадямъ, кипѣвшимъ нѣкогда общественною дѣятельностію, и гинекеямъ, гдѣ помпейскія красавицы лѣниво дремали въ часы полуденной сіэсты, при плескѣ неумолкающаго фонтана.

По земляному откосу, которымъ мѣстность уже открытая отдѣляется отъ улицъ и площадей, еще лежащихъ подъ толстымъ слоемъ камней, пепла и лавы, мы возвращаемся къ утлоіі и тѣсной гостинницѣ. Чичероне прощается съ нами очень любезно. Мы отдаемъ ему обѣщанный піастръ и еще что-то *per una botiglia*. При этомъ, голосъ его отзывается еще большею мягкостію и задушевностію, чѣмъ прежде. Не безъ волненія, подноситъ онъ грязную ладонь къ околышу своего кивера и принимается повторять: *grazia, signori, grazia!*

Въ скромной остеріи, упирающейся, быть можетъ, своимъ фундаментомъ въ куполъ какой нибудь виллы или мавзолея, на мраморномъ столѣ разостлана уже ветхая скатерть. Обѣдъ нашъ заказанъ. Мы садимся отдыхать и отдаемся на волю страшнымъ впечатлѣніямъ, нами испытаннымъ. Назадъ тому полчаса мы странствовали по какому-то загробному міру: какъ при нисхожденіяхъ древнихъ героевъ въ адъ, гдѣ они видали въ лицахъ всю свою генеалогію, мы повстрѣчались со всей общественной и домашней обстановкой быта, отдѣленнаго отъ

насъ десятками вѣковъ, цивилизаціи, отодвинутой въ даль нѣсколькими темными и блестящими періодами. Какъ будто нарочно судьба сохранила городъ въ нѣдрахъ земли цѣлымъ и невредимымъ, чтобы потомъ вдругъ показать самолюбивому человѣку, какъ мало въ иномъ ушелъ онъ впередъ и какъ во многомъ отсталъ отъ своихъ предковъ.

Разсматривая теперь несуразную архитектуру остеріи, нелѣпыя картины, ее украшающія, замѣчая изобиліе мрамора, безтолково потраченнаго на столы, полъ, вазы и подоконники, видя повсюду безвкусіе, неряшество и какія-то безсознательныя притязанія на поклоненіе античному, удивляешься вѣчному контрасту былаго съ настоящимъ, величаваго съ ничтожнымъ, привлекательнаго съ уродливымъ,—контрасту, который нигдѣ такъ рельефно не выставляется, какъ въ Италіи. — Собравъ когда-то умственную и вещественную дань со всего міра, Италія обнищала на грудахъ золота и мраморныхъ дворцовъ, отупѣла въ виду мученичества за истину и передоваго умственнаго движенія, подпала деспотизму и анархіи, усвоивъ человѣчеству понятіе о правѣ и гражданской независимости. «Все для другихъ, ничего для себя» — девизъ, въ силу котораго дѣйствовала Италія въ продолженіе десятковъ вѣковъ. Пройдя всѣ фазы языческой и христіанской образованности, испробовавъ всѣ формы политическаго быта, испытавъ, что̀ такое всемірное преобладаніе и что̀ такое рабство въ самомъ позорномъ смыслѣ, Италія какъ будто тяготится громадностію собственнаго самопожертвованія. Она сознаетъ, что, изумивъ міръ колоссальными успѣхами и неслыханными бѣдствіями, она вовсе не приготовила своей почвы для политическаго и умственнаго возрожденія....

Закрывъ двери и окна трактира камышевыми гардинами, мы, въ таинственномъ полусвѣтѣ, потребляемъ незатѣйливыя яства современной помпейской кухни. Мясо здѣсь такъ же жестко, масло такъ же антипатично, вино такъ же кисло и плоды такъ же незрѣлы, какъ на всѣхъ пунктахъ благословеннаго полуострова. Но мы голодны, утомились отъ античныхъ впечатлѣній и потому снисходительно смотримъ на промахи въ кулинарномъ дѣлѣ.

На ступеняхъ крыльца, въ позѣ умирающаго гладіатора, лежитъ Луиджи. Лице его мрачно, какъ у того же гладіатора; крѣпкая дума провела по челу его глубокія морщины. У ногъ его покоится тотъ самый песъ, который встрѣтился намъ на улицахъ Помпеи. Трактирный слуга не разъ уже справлялся, пойдемъ ли мы на Везувій и не понадобятся ли намъ проводники. Въ корридорѣ, выходившемъ въ столовую, мелькало уже нѣсколько паръ черныхъ глазъ; слышны были сдержанныя рѣчи гидовъ, которые желали навязать намъ и свои услуги, и своихъ длинноухихъ осликовъ. Но мы держались выжидательной системы и, не рѣшая ничего, ссылались на *синьйора Андре* *), который долженъ былъ скоро явиться. Къ тому же, плотный обѣдъ и сладостная лѣнь, обуявшая наши члены, не располагали къ дальнѣйшимъ трудамъ; а гравюра, висѣвшая противъ насъ на стѣнѣ и изображавшая «Восхожденіе на Везувій», могла бы навести робость на самого Пизарро. Вершина волкана, на этой замѣчательной гравюрѣ, съ такой силой уперлась въ небо, что въ одномъ мѣстѣ проломила его; бренные остатки тверди небесной висѣли на плечахъ горы, въ видѣ дамской пелеринки. За то, выбравшись поверхъ воздушнаго свода, кратеръ работалъ на славу: снопъ желтыхъ, красныхъ и зеленыхъ огней, пересыпанныхъ черными камнями, поразительно дѣйствовалъ на зрителя. Туристы, вереницей шедшіе къ жерлу, какъ грѣшники въ адъ на нашихъ лубочныхъ картинахъ, испытывали множество непріятностей, спотыкались, падали, сбивали другъ друга съ ногъ и катились по склонамъ внизъ, въ самыхъ живописныхъ, но весьма плачевныхъ позахъ. Это зловѣщее изображеніе, какъ *memento mori*, ослабляло наши порывы и заставляло призадумываться. Нашъ почтенный спутникъ В*, человѣкъ уже пожилой, сказалъ наотрѣзъ, что отлагаетъ *восхожденіе* до другаго раза и отправляется въ Неаполь.

Подобное рѣшеніе еще отняло у насъ бодрости и провело новую морщину на челѣ Луиджи. Тотъ уже отчаялся въ нашемъ пу-

---

*) Такъ зовутъ Попова неаполитанскіе гиды, чувствуя къ нему безграничное и безмолвное уваженіе.

тешествіи и мысленно разсчитывалъ свои убытки. Мы старались разувѣрить В* на счетъ описываемыхъ затрудненій, старались внушить ему довѣріе къ словамъ трактирнаго слуги, который доказывалъ, что отъ трактира до жерла Везувія чуть ли не два шага,—между тѣмъ, выжидали, не удастся ли къ чему нибудь придр ться, чтобы отложить поѣздку, не опасаясь упрека въ недостаткѣ рѣшимости. В* повторялъ, что ни за что не поѣдетъ, и сталъ уже фантазировать, какому сладкому отдохновенію предастся онъ у себя въ отелѣ, въ то время, какъ мы, держась за хвосты и гривы лошадей, будемъ плестись по грудамъ пепла и сажи, въ отрадной надеждѣ задохнуться сѣрнымъ дымомъ кратера.

Переговоры наши прерваны были приходомъ троихъ русскихъ, нашихъ знакомыхъ, въ сопровожденіи Попова. Изъ разсказовъ ихъ, мы узнали, что, опоздавъ на желѣзную дорогу, они пріѣхали въ Помпею въ коляскѣ.

Теперь Поповъ дѣятельно принялся за распоряженія. Подчиняясь его вліянію, прислуга забѣгала, проводники собирались десятками, но не спорили, не кричали и, по видимому, полагались на справедливое рѣшеніе *синьйора Андре*. Замѣтивъ, что мы колеблемся на счетъ поѣздки на Везувій, Поповъ чуть не разбранилъ насъ за недостатокъ рѣшительности и лѣность, упомянулъ о своемъ шестидесятилѣтнемъ возрастѣ, указалъ на живой румянецъ своихъ щекъ, на свой прямой станъ, неутомимыя ноги и, приписывая все это безпрестаннымъ прогулкамъ на вершину Везувія, увѣрялъ, что затрудненій и неудобствъ не предстоитъ никакихъ, что мы доѣдемъ спокойно, какъ сидя въ креслахъ, что погода и часъ дня необыкновенно благопріятствуютъ подобному путешествію, и что, наконецъ, желающій, вмѣсто того, чтобы взбираться на верхъ горы пѣшкомъ, можетъ заставить нести себя на носилкахъ.

Энергическія убѣжденія Попова подѣйствовали: пока кліенты его обѣдали, мы уговорили и В* не отставать отъ нашей компаніи. Положено было приготовить для него носилки.

— Только, пожалуйста, ничего не давайте и не обѣщайте

этимъ итальянцамъ, замѣтилъ Поповъ, въ видѣ общаго наставленія. Все предоставьте мнѣ. Не тратьте и словъ понапрасну. Вѣдь это такой народъ, что чѣмъ больше ему даешь, тѣмъ онъ больше пристаетъ и проситъ.

Луиджи повеселѣлъ. Поповъ, не отвергая его услугъ, возвелъ его въ должность своего адъютанта. Луиджи, такъ же, какъ и синьйоръ Андре, получалъ право сѣсть на лошадь. У крыльца стояло уже нѣсколько клячъ, плохо осѣдланныхъ и грустно взиравшихъ на приготовленія. Проводники суетились. Кромѣ взрослыхъ, взявшихся за носилки, принявшихъ наше верхнее платье и навьюченныхъ факелами и бутылками съ виномъ, тутъ толпилось еще нѣсколько черномазыхъ мальчишекъ, которые, вооружась хворостинами, держали подъ уздцы лошадей и многословно доказывали важность предлагаемыхъ ими услугъ.

Вся свита состояла человѣкъ изъ двадцати. Мы, въ шестеромъ, Поповъ и Луиджи ѣхали верхомъ. Для каждой лошади назначалось по одному груму; восемь человѣкъ оставлены для носилокъ; прочіе, раздѣливъ теперь кой-какія занятія, впослѣдствіи должны были сопровождать насъ на вершину горы. Наконецъ мы собрались и, напутствуемые любезными фразами трактирщика и приглашеніями заѣхать на обратномъ пути, отправились.

Лошади поѣхали шагомъ. Ватага проводниковъ, шумно разговаривая и заливаясь радостнымъ смѣхомъ, подгоняла коней. Обогнувъ гостинницу и проѣхавъ нѣкоторое время по шоссе, обсаженному великолѣпными аллеями каштановъ, мы скоро своротили на узкую дорогу, пролегавшую между каменными заборами и покрытую массами волканическаго пепла. Близость Везувія здѣсь уже очень замѣтна. За тѣмъ мы спустились въ рощу, гдѣ только узкая тропинка вилась между деревьями, густо распускавшими надъ нами свою листву.

Но чѣмъ болѣе подвигались мы впередъ, тѣмъ беднѣе становилась растительность. Наконецъ мы увидѣли предъ собою обширную черную плоскость, которая, слегка поднимаясь, вела къ подошвѣ самаго пика. Все это пространство на значительную глубину покрыто было слоями пепла, по которому свободно разгули-

валъ вѣтеръ, заметая малѣйшій слѣдъ, оставленный на рыхлой поверхности. Если бы не пепельный цвѣтъ почвы, то вся эта площадь напоминала бы русское поле, покрытое только что выпавшимъ снѣгомъ. Вѣтеръ воздымалъ летучій пепелъ, какъ у насъ порошинки снѣга во время метели. Изрѣдка, впрочемъ, среди траурныхъ оттѣнковъ пейзажа, попадались пригорки съ признаками зелени, робко цѣплявшейся по окраинамъ рва, защищеннаго со стороны волкана. Черные обломки застывшей лавы валялись здѣсь цѣлыми грудами и преграждали путь, направленіе котораго и безъ того было совершенно неопредѣленно.

Луиджи отъ времени до времени нарочно заскакивалъ впередъ, съ цѣлію рекогносцировки; но слѣдъ, только что обозначенный копытами его лошади, потомъ вдругъ исчезалъ, и склонъ горы снова представлялъ гладкую матовую оболочку. Подъемъ становился все круче и круче; лошади все чаще и чаще задумывались, встрѣчая передъ собою ноздреватый осколокъ лавы; проводники все дѣятельнѣе и дѣятельнѣе работали хворостинами и даже сбирались приниматься за палки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, руки ихъ охотнѣе брались за хвосты нашихъ несчастныхъ клячъ.

— *E buon cavallo, signore!* самодовольно повторялъ мой проводникъ, когда нѣсколькими ударами палки ему удавалось пронять моего пегаса и заставить его скакать нѣсколько минутъ какимъ-то безтолковымъ галопомъ.

Я, разумѣется, соглашался, что скакунъ удивительный, но упрашивалъ не трогать его, потому что онъ пыхтѣлъ уже, какъ котелъ локомотива, и, казалось, готовъ былъ лопнуть отъ напряженія легкихъ. Мы ѣхали въ разсыпную. Мѣстами дорога не пропускала болѣе одной лошади; мѣстами она была такъ загромождена лавой и глыбами взрытой земли, что кони наши чрезъ всѣ эти барьеры перескакивали неуклюжими прыжками, тѣсня одинъ другаго, опережая другъ друга, вертясь взадъ и впередъ и относя иногда наѣздниковъ совершенно въ сторону по этой черной горной подошвѣ, непривѣтно взиравшей на непрошенныя посѣщенія человѣка.

Однако, ѣзда становилась утомительной. Проводники почти не

выпускали уже изъ рукъ хвостовъ нашихъ лошадей и безъ церемоніи заставляли несчастныхъ клячъ тащить своихъ хозяевъ въ видѣ подчалковъ. Кони совершенно терялись отъ утомленія. Глаза ихъ свѣтились какимъ-то бѣшенствомъ, а раздутые бока издавали болѣзненные стоны. Паръ валилъ отъ ихъ мокрой шерсти, какъ отъ банной каменки.

Поповъ, на наши нетерпѣливые вопросы, постоянно отвѣчалъ: *сейчасъ пріѣдемъ*. Дѣйствительно, цѣль нашего путешествія была у насъ передъ глазами. Казалось, довольно было пяти шаговъ, чтобы достигнуть подошвы пика. Между тѣмъ, время шло, мы ретиво подвигались впередъ, а вершина волкана все также строго и неприступно высилась передъ нами, какъ будто нарочно отступая предъ нашими дерзкими попытками къ ней приблизиться.

Но за то что̀ за картину представляла намъ окрестность, когда въ рѣдкіе промежутки отдыха мы начинали обозрѣвать пройденное пространство! Горизонтъ расширялся неизмѣримо. Земля какъ будто опустилась до царства антиподовъ. Граціозными изгибами обозначался профиль залива, залитой заревомъ заходящаго солнца, покрытый роями челноковъ и барокъ, которые мелькали, какъ рѣзвыя чайки, то окрашиваясь пурпуромъ вечерняго заката, то погружаясь въ мягкіе тоны поднимавшагося сумрака. Смиренно покоилась Помпея у подножія горы, погубившей ее въ пору цвѣтущей молодости. Смутно обозначались улицы, дворцы и храмы древняго города. Лужайки, рощи и виллы представлялись какимъ-то пестрымъ ковромъ съ самымъ прихотливымъ рисункомъ. Сады казались миньятюрными клумбами; дома мелькали, какъ едва замѣтныя точки. Вдали, среди роскошной растительности, на скалистомъ берегу, уходившемъ въ безпредѣльность, виднѣлись Кастелламаре и Сорренто. На самой окраинѣ горизонта обозначался таинственный образъ Капри, этого очаровательно-мрачнаго пріюта императора Тиберія. Прочида и Искія также рисовались на фіолетовомъ фонѣ картины. И все это залито было такимъ отраднымъ полусвѣтомъ, сумракъ, скоплявшійся въ лощинахъ, такъ пріятно умѣрялъ отблескъ яркой зари, занимавшейся на небосклонѣ, что тяжело было отвести глаза отъ этой панорамы. Вся

окраина Неаполитанскаго залива казалась эдемомъ, *частицей неба, упавшей на землю.* Тяжелое чувство западало въ душу, когда, оторвавшись отъ этого обольстительнаго зрѣлища, мы оборачивались въ другую сторону. Тамъ было какъ будто другое царство, какъ будто, увлекаемые какою-то таинственною судьбою, мы прощались съ очаровательною обстановкою жизни въ долинахъ и стремились туда, гдѣ, воздымая огненный столбъ къ лазурному небу, въ вѣчной тревогѣ, вѣчномъ волненіи, волканъ неугомонно бесѣдовалъ со стихіями, чуждый интересовъ человѣчества, вѣчно закутанный облаками жаркаго дыма.—Но вотъ мы достигли предѣла отлогаго подъема и подступили къ подошвѣ пика. Бока его были такъ круты, что представлялись совершенно вертикальными. Мы, не безъ смущенія, посматривали на разстояніе, отдѣлявшее еще насъ отъ кратера. Притомъ, ѣзда верхомъ уже порядкомъ утомила насъ; а то, что̀ приходилось предпринять, обѣщало еще больше затрудненій. В*, совсѣмъ отвыкнувъ отъ верховой ѣзды, едва спустился съ лошади. Но тутъ его ожидали уже носилки. Восемь рослыхъ итальянцевъ, въ рубашкахъ, распахнутыхъ на груди, приняли его на свои плечи и потомъ, смѣняясь отъ времени до времени, поползли вверхъ. Мы, пѣшеходы, отдохнувъ минутъ десять, стали также сбираться и скоро опередили носильщиковъ. Лошадей съ нѣсколькими людьми оставили тутъ дожидаться нашего возвращенія.

Для каждаго изъ насъ назначался особый проводникъ. Вожатые эти уже приготовили ремни съ навязанными на нихъ полосками, вызываясь тащить насъ и увѣряя, что мы не выдержимъ всего пути. Самолюбіе мѣшало вдругъ поддаться искушенію. Опираясь на хворостину, которою я былъ вооруженъ съ самаго начала дороги, и перекинувъ чрезъ плечо плэдъ, я подымался усердно впередъ, безъ чужой помощи. Но жезлъ мой скоро обломился, вѣтеръ неугомонно рвалъ плэдъ и готовъ былъ унести у меня шляпу. Приходилось плохо: куда ни ступишь, глыбы земли и пепла отдѣляются отъ боковъ горы и опускаются внизъ. Ноги не чувствуютъ подъ собою твердаго основанія и ступаютъ нерѣшительно. Это еще болѣе усиливаетъ утомленіе. Наконецъ, боясь

за свою шляпу, я перевязываю ее платкомъ, концы котораго завязываю подъ подбородкомъ. Вѣтеръ все усиливается и становится свѣжимъ. Не смотря на то, я вынужденъ отдать свой плэдъ проводнику. Мнѣ страшно жарко; но порою горный воздухъ леденитъ меня. Съ однимъ изъ нашихъ спутниковъ дѣлается припадокъ морской болѣзни. Я окончательно выбиваюсь изъ силъ. Стаканъ вина сообщаетъ болѣе правильное движеніе легкимъ; но въ груди какъ-то невыносимо тѣсно: масса воздуха, которую вдыхаешь, не помѣщается тамъ и спѣшитъ вылетѣть назадъ. Вожатый мнѣ снова предлагаетъ свою палочку. На этотъ разъ я принимаю ее и, ухватясь за нее обѣими руками, поручаю тащить меня. Я только опираюсь ногами въ нетвердый грунтъ и совершенно вѣшаюсь на ремень, перекинутый чрезъ плечо вожатаго, который, цѣпляясь за массы лавы и пепла руками, колѣнями и ступнями, неутомимо тянетъ меня впередъ, не позволяя порядкомъ перевести дыханіе. Часто, едва слышнымъ отъ усталости голосомъ, я повторяю просьбу остановиться; но проводникъ ухмыляется и продложаетъ тащить.

— *Un po', signore, un piccolo ancora!* говоритъ онъ въ утѣшеніе и прибавляетъ шагу.

На одной изъ отлогостей, величиною въ два квадратные аршина, мы останавливаемся. Но эта площадка, нависшая надъ бездной, такъ крута, что безъ помощи рукъ на ней едва можно держаться. Вѣтеръ здѣсь очень суровъ. Боясь простуды, я закутываюсь въ плэдъ и въ ветхое пальто, которое мой проводникъ предоставляетъ въ мое распоряженіе. Мы поджидаемъ носилки. Замѣтно, что В*, полулежа въ помпейскомъ паланкинѣ, не совсѣмъ увѣренъ въ своей безопасности: на большихъ крутизнахъ онъ чувствуетъ головокруженіе и проситъ спустить его. Но остановиться такъ же трудно, какъ и продолжать путь; потому носильщики глухи къ его мольбамъ, хотя довольно щедры на успокоительныя рѣчи.

Съ высоты, на которую мы поднялись, земной пейзажъ кажется очень мрачнымъ. Солнечный лучъ простился уже съ долинами и блещетъ только на гладкихъ откосахъ горы. Заливъ, Пом-

пея и вся окрестность застилаются густымъ покровомъ сумрака. Связь между нами и тѣмъ, что̀ осталось далеко на землѣ, исчезаетъ. Мы совершенно отдѣлились отъ всего живаго. Ни одинъ звукъ, неразлучный съ тревожной жизнью человѣка, не достигаетъ здѣсь до нашего слуха; ни одна птица не посѣтитъ пустынныхъ склоновъ горы. Вѣтеръ привольно гуляетъ въ разрѣженныхъ слояхъ атмосферы и, не встрѣчая преградъ, не оставляетъ ни малѣйшаго шума. Траурная обстановка картины, черные покровы волканической почвы, густой мракъ, внизу одѣвшій окрестность, удушливый сѣрный паръ, разлитой въ воздухѣ, прощальный отблескъ зари, подернувшей пурпуромъ западный край неба, снопъ огня, все ярче и ярче, съ приближеніемъ ночи, обозначающійся поверхъ кратера, клубы дыма, сѣдыми кудрями свивающіеся въ поднебесьи, глухіе подземные удары, періодическіе взрывы въ нѣдрахъ горы—сильно дѣйствуютъ на душу. Что-то торжественное и вмѣстѣ адское лежитъ въ основѣ этой неугомонной дѣятельности. Громадность силъ и средствъ природы смиряютъ человѣка. Всякая личность сглаживается въ виду жерла, однимъ взмахомъ уничтожающаго цѣлыя области, цѣлыя поколѣнія.... Дѣлаемъ еще нѣсколько сотенъ шаговъ и наконецъ выступаемъ на отлогую окраину горы, на прежній кратеръ, нынѣ покрытый уже слоемъ застывшей лавы. Здѣсь мы всѣ соединяемся. Послѣднія усилія при подъемѣ на крутизнѣ совершенно вертикальной особенно тяжелы. В* едва переводитъ дыханіе и безцеремонно бранитъ насъ за то, что мы вздумали уговорить его предпринять такое убійственное странствованіе.

Но Поповъ не даетъ намъ покоя: онъ требуетъ, чтобы мы непремѣнно шли къ жерлу, увѣряя, что здѣсь, на краю обрыва, мы навѣрное простудимся. Дѣйствительно, вѣтеръ дулъ съ чрезвычайной силой, а восхожденіе на гору бросило насъ въ какой-то горячечный жаръ. Простуда въ Италіи менѣе заманчива, чѣмъ гдѣ либо. Надо было послушаться. Проводники берутъ каждаго изъ насъ подъ руку, и мы ступаемъ по неровной, угловатой темно-сѣдой корѣ лавы. Кора эта растрескалась, и въ трещинахъ, шириной пальца въ два, видѣнъ огонь. Ничтожный слой отдѣляетъ

насъ отъ огненной бездны. Подошвы сапоговъ тлѣютъ. Тѣло едва выноситъ жгучій жаръ, даже сквозь платье; сѣрный дымъ, изрѣдка залетая на нашу сторону, угрожаетъ задушить насъ. По временамъ нужно бываетъ закрыть лицо, чтобы защититься отъ слишкомъ сильныхъ лучей плутоническаго теплорода.

Наконецъ мы приходимъ къ котловинѣ, образовавшейся среди этого застывшаго моря лавы. Тутъ мы можемъ отдохнуть, не боясь вѣтра. Разстилаемъ куртки и плащи нашихъ проводниковъ и садимся, въ кружокъ.

— Здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, былъ кратеръ, сказалъ Поповъ, когда мы усѣлись. Огонь сильно дѣйствовалъ. Пятеро англичанъ пришли сюда полюбоваться на волканъ, да, видно, погорячились: окраина обвалилась, и они погибли. Мы сидимъ на ихъ могилѣ.

Между тѣмъ, догадливый кравчій откупорилъ еще бутылку. Мы поочередно наливаемъ стаканъ и пьемъ въ память злополучныхъ туристовъ. Цѣлая батарея пустыхъ бутылокъ, висящая на поясѣ нашего маркитанта, доказываетъ, что мы сдѣлали честь кислому помпейскому вину. Разговоръ идетъ очень живо. Мы довольны, что имѣемъ право посидѣть. Поповъ повѣствуетъ намъ о бывшихъ изверженіяхъ волкана и старается занять насъ до тѣхъ поръ, когда совершенно стемнѣетъ и когда мы должны будемъ идти смотрѣть на верхній кратеръ.

Проводники наши рѣзвятся, какъ будто не чувствуютъ ни малѣйшей усталости, и прыгаютъ по раскаленнымъ массамъ лавы. Откалывая кору, они кладутъ мѣдныя монеты на обратную сторону ея и такимъ образомъ расплавляютъ металлъ. Разумѣется, они дѣлаютъ это не изъ одной любознательности, а для того, чтобы промѣнять мѣдную монету на серебряную, изъ нашихъ кошельковъ.

Одинъ изъ проводниковъ сшибаетъ кору съ небольшаго бугорка и обнажаетъ довольно значительное пространство горящей лавы. Эта живая болячка на кожѣ волкана начинаетъ пухнуть, тревожно кипѣть, искриться разноцвѣтными огненными отливами. Наконецъ, переполнивъ края вмѣстилища, лава выступаетъ изъ

отверстія и медленно катится по темной корѣ, пожирая все, что попадается на пути, и направляясь въ ту сторону, гдѣ мы сидѣли. Мы остаемся на нашихъ мѣстахъ и позволяемъ лавѣ подойти на разстояніе десяти шаговъ. Между тѣмъ, заря потухаетъ. Кругомъ волкана все одѣто уже густымъ мракомъ; за то тѣмъ ярче блещетъ огненный столбъ, поднимающійся изъ верхняго кратера. Поповъ возвѣщаетъ, что пора идти туда, наверхъ, чтобы любоваться изверженіемъ. Осушивъ еще по стакану вина, мы покидаемъ могилу англичанъ и, подъ руку съ проводниками, попарно, взбираемся по гребню ската. Тропинка здѣсь такъ узка, что едва вмѣщаетъ двоихъ человѣкъ; иногда намъ приходится раздѣляться и идти поодиначкѣ. Между тѣмъ, по обѣ стороны мы видимъ подъ собою бездну, съ тою лишь разницей, что правый бокъ гребня освѣщенъ ослѣпительно и раскаленъ огромной массой пламени, выбрасываемой изъ жерла, а лѣвый совершенно потонулъ въ тѣни. Такимъ образомъ, и люди, шедшіе по этому направленію, были освѣщены только съ одного бока.

В* и еще одинъ изъ нашихъ спутниковъ, грудь котораго сильно утомилась отъ восхожденія на гору, остались внизу, на площади большаго кратера. Слѣдовательно, только четверо русскихъ, четверо проводниковъ и Поповъ, въ качествѣ предводителя, предприняли этотъ послѣдній походъ. Впрочемъ, мы обѣщали возвратиться какъ можно скорѣе: становилось уже поздно и надо было дорожить временемъ.

Въ продолженіе пути, проводникъ мой нѣсколько разъ начиналъ рѣчь о трудности своей обязанности и намекалъ на необходимость *добавочнаго* вознагражденія. Я отвѣчалъ на это уклончивыми фразами, ссылаясь на справедливость и щедрость синьйора Андре, вполнѣ умѣющаго оцѣнить истинныя заслуги. Итальянецъ улыбался, показывалъ свои бѣлые зубы и потомъ радостно подпрыгивалъ, мечтая о подачкѣ.

— *Coraggio, signore, coraggio*! повторялъ онъ, отъ времени до времени, помогая мнѣ взбираться на вершину боковаго пика.

Дорога эта напомнила мнѣ мѣсто изъ дантова «Ада»:

«E proseguendo la solinga via
Fra le schegge e tra rocchi dello scoglio,
Lo piè senza la man non si spedia *).»

Наконецъ мы добрались до вершины. Картина, представившаяся намъ оттуда, не могла не восхищать своимъ грознымъ величіемъ.

Вообразите себѣ цѣлое море огня и раскаленной лавы, цѣлыя горы обугленныхъ минераловъ, залитыя добѣла раскаленной жидкой массой, которая кипитъ, какъ въ котлѣ, испуская сѣрныя испаренія. Нѣдра волкана работаютъ неугомонно. Столбъ огня, извиваясь, летитъ къ небу какъ громадный смерчъ. Глухіе перекаты подземнаго грома потрясаютъ окрестность. Вслѣдъ за грохотомъ въ утробѣ горы, стихіи умолкаютъ, снопъ огня нѣсколько съуживается и убавляетъ силы. Это самая торжественная минута. Затаивъ дыханіе, выжидаемъ. Послѣ небольшаго перерыва, снова легкій гулъ слышится внутри горы. Огромныя массы воспламененныхъ газовъ, скопившись въ подземной лабораторіи, спѣшатъ вылетѣть наружу. Оглушительный взрывъ сопровождаетъ ихъ соприкосновеніе съ внѣшнимъ воздухомъ. Бока жерла дрожатъ и готовы лопнуть. Клубы дыма чернѣе и гуще крутятся тогда надъ кратеромъ. Цѣлыя тучи раскаленныхъ камней, какъ ракеты фейерверка, изъ самой преисподней летятъ къ небесному своду, рвутъ тучи сѣрнаго пара и далеко распадаются вокругъ жерла, прыгая внизъ по склонамъ горы и разсыпая мелкія искры. Окрестность отзывается адскимъ хохотомъ.

— *Maccaroni-maccaroni*! кричатъ наши проводники, вторя радостными криками гнѣвнымъ порывамъ волкана **).

Но зарево опять блѣднѣетъ; вслѣдъ за гуломъ и громомъ, наступаетъ періодъ тишины; бока волкана снова чернѣютъ глубокимъ трауромъ; лава лѣнивѣе струится изъ жерла; огненный

---

*) Мы продолжали нашъ путь по такимъ крутымъ утесамъ, что, не надѣясь на однѣ ноги, употребляли въ дѣло и руки.

**) Крикъ этотъ выражаетъ предвкушаемую надежду получить на *макароны*.

столбъ сбавляетъ силы. Волканъ какъ будто смиряется. Но минуты черезъ три—новый взрывъ, новые отголоски грозн го эхо, новые крики нашихъ проводниковъ, въ надеждѣ на порцію макаронъ.

Мы стоимъ на боковомъ пикѣ горы. Дѣйствующій кратеръ видѣнъ намъ, какъ на лодони. Пламя его нестерпимо жжетъ насъ. Боясь быть изжаренными, мы подумываемъ о возвращеніи и, переждавъ пять или шесть сильныхъ ударовъ, отправляемся назадъ.

Адскій характеръ волканической дѣятельности сильно поражаетъ зрителя. Трудно передать словами то, что̀ испытываешь, наблюдая страшную дѣятельность природы. Не ужасъ, не боязнь навѣваетъ такая картина на человѣка: напротивъ, при видѣ ея, душа какъ будто крѣпнетъ, молодѣетъ. Не вѣрится только, чтобы вся эта борьба стихій, съ ея торжественной обстановкой, была послѣдствіемъ простаго химическаго процесса, дѣйствіемъ естественныхъ физическихъ силъ. Невольно пріурочиваешь явленіе это къ судьбѣ человѣческой, видишь между ними какую-то таинственную связь, представляешь себѣ волканъ, какъ карающую десницу рока, какъ мечъ Дамоклеса надъ головами жителей долинъ, испытавшихъ отъ плутоническихъ переворотовъ и пору процвѣтанія, и періоды ужасной невзгоды.

Возвратясь на площадь главнаго кратера, мы не застали прочихъ спутниковъ: они отправились уже далѣе, о чемъ и извѣстили насъ, чрезъ посланнаго. Не теряя времени, мы пустились вслѣдъ за ними. Намъ свѣтила полная луна, и потому факелы были не нужны. Все, что̀ глазъ окидывалъ кругомъ, было залито лавой. Окрестность казалась необозримымъ кровавымъ океаномъ. За предѣлами этихъ багряныхъ потоковъ взоръ встрѣчалъ густую мглу. Не смотря на лунный свѣтъ, даль тонула еще въ ночномъ туманѣ.

Процессъ нисхожденія съ Везувія очень занимателенъ. Обратный путь идетъ обыкновенно по тому склону горы, гдѣ грунтъ земли, состоя изъ наноснаго пепла, чрезвычайно рыхлъ. Проводникъ беретъ меня подъ руку. Вдвоемъ съ нимъ, по колѣни въ пеплѣ, я дѣлаю большіе шаги, стараясь лишь сохранить вертикальное положеніе. Пепелъ быстро опускается подъ ногами, такъ что каждый шагъ подвигаетъ впередъ на нѣсколько аршинъ.

Оттого движеніе очень скоро и кажется какимъ-то гимнастическимъ упражненіемъ. Опасности нѣтъ накакой: идя вдвоемъ, помогаешь одинъ другому; притомъ, рыхлый пепелъ осѣдаетъ довольно правильно и равномѣрно. За то пространство, которое при восхожденіи требуетъ отъ двухъ до трехъ часовъ времени, проходится теперь минутъ въ двадцать, точно при помощи сказочныхъ семи-мильныхъ сапоговъ.

Спустившись до подошвы пика, мы находимъ тамъ нашихъ двоихъ спутниковъ, носилки, лошадей и всю свиту.

Садимся опять на нашихъ клячъ. В* снова помѣщается на носилки. Караванъ трогается.

Луна высоко поднялась уже на небѣ и ярко серебритъ черныя ребра волкана. Кратеръ продолжаетъ дѣйствовать; но гулъ его взрывовъ отзывается все глуше и глуше. Снопъ пламени и потоки лавы теряютъ яркость колорита и принимаютъ характеръ свѣтящагося облака.

Послѣ адской волканической атмосферы, свѣжій ночной воздухъ отрадно дѣйствуетъ на нервы. Сюда долетаетъ уже влажная прохлада морскихъ испареній. Ѣдемъ то группами, то въ разсыпную, смотря по свойству мѣстности. Носильщики выбираютъ какую-то кратчайшую пѣшеходную дорогу. Опять спускаемся въ лощину, занимаемую рощей. Деревни, попадающіяся на пути, уже покоятся сномъ. Впрочемъ, по мѣрѣ приближенія нашей кавалькады, на балконахъ домовъ и изъ-за гардинъ окошекъ показываются изрѣдка *donzelle* и *ragazze*. Таинственная ночная обстановка сообщаетъ ихъ небрежному костюму какую-то з манчивую прелесть. Въ особенности носилки возбуждаютъ общее любопытство. Надо замѣтить, что паланкинъ этотъ употребляется обыкновенно для восхожденія на вершину Везувія, путь же отъ подошвы пика дѣлается верхомъ или пѣшкомъ. Но В*, слишкомъ утомившись верховой ѣздой, велѣлъ нести себя до самой Помпеи. За то кортежъ нашъ обращалъ на себя общее вниманіе. На дорогу то-и-дѣло выходили зрители. Влюбленный *contadino*, можетъ быть, нарочно прекращалъ свою серенаду, чтобы поглазѣть на странную ночную процессію. Деревенская Лаура спѣшила выйти

на балконъ, забывъ спрятать подъ покрывало черныя, какъ смоль, косы, ниспадающія на смуглыя плечи. Оживленный говоръ этихъ группъ, непринужденный смѣхъ и праздное любопытство вполнѣ соотвѣтствовали впечатлительному и воспріимчивому характеру итальянцевъ, которые готовы заниматься всякимъ вздоромъ, лишь бы вздоръ этотъ представлялъ что нибудь новое. Въ особенности объясненіе носильщиковъ, что они несутъ епископа, возбуждалъ въ зрителяхъ хохотъ, острыя замѣчанія и многословную болтовню.

Вмѣстѣ съ двумя изъ товарищей я опередилъ носилки и Андрея Попова. Надѣясь на благоразуміе лошадей, мы ѣхали по шоссе, не обращая большаго вниманія на мѣстность. Мы разсчитывали, что лошади сами поворотятъ къ трактиру тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Но вскорѣ оказалось, что мы сбились съ пути. Надо было воротиться. Между тѣмъ, Поповъ послалъ за нами погоню и самъ ждалъ насъ на перекресткѣ. На поворотѣ къ трактиру мы снова встрѣтили всю свиту и за тѣмъ торжественной процессіей подошли къ уединенной остеріи.

— *Grazia, signori — grazia!* сказалъ В*, съ восторгомъ ощущая подъ ногами твердую и ровную мѣстность, и тутъ же обѣщалъ каждому изъ носильщиковъ *per una grande botiglia.*

Мы также слѣзли съ утомленныхъ коней и пошли въ трактиръ, гдѣ Поповъ распорядился уже на счетъ приготовленій къ чаю и на счетъ экипажей, которые должны были довезти насъ до Неаполя.

На крыльцѣ остеріи сидѣлъ какой-то господинъ въ пальто съ капишономъ. Намъ сказали, что это испанецъ, который, по старой рутинѣ, намѣренъ идти на Везувій ночью. Многіе изъ нашихъ проводниковъ вошли уже съ нимъ въ соглашеніе. Удивительная неутомимость! Люди эти, кажется, не знаютъ усталости и путешествіе на волканъ считаютъ лишь увеселительной прогулкой.

Пока мы, за общимъ столомъ, пили чай, къ которому хозяинъ подалъ намъ рому, сливки, масло, сыръ и довольно разнообразное печенье, Поповъ дѣлалъ разсчетъ съ нашей свитой. Къ удивленію нашему, онъ окончилъ эту операцію въ какія нибудь пять минутъ. Изъявленія искренней благодарности были отвѣтомъ на распоряженія *синьйора Андре*, и за тѣмъ каждый изъ проводни-

ковъ, получивъ условленную плату и вознагражденіе, счелъ долгомъ подойти къ намъ и повторить: *Grazia, signori!* Луиджи подалъ мнѣ свою засаленную книжонку, куда я, отъ лица нашего общества, внесъ самую лестную аттестацію.

Когда мы окончили легкую вечернюю трапезу, экипажи были уже поданы. Синьйоръ Андре расплатился съ трактирщикомъ.

Простившись съ нашими товарищами по вояжу на Везувій, мы сѣли въ коляску и по живописной дорогѣ, освѣщаемой луной, въ виду серебристаго залива, умолкшаго вмѣстѣ съ прибрежными городами и виллами, возвратились въ Неаполь. Нетрудно себѣ представить, какъ заснули мы послѣ такой поѣздки.

Хорошъ и правый берегъ Неаполитанскаго залива.

Довольно рано утромъ, мы отправляемся въ коляскѣ и въ сообществѣ Попова вдоль по *Chiaja,* съ цѣлію посѣтить Позилипъ, Аньянское озеро, Сольфатару и Пуццоли. Часть Неаполя, которую мы проѣзжаемъ, не отличается уже такимъ шумнымъ характеромъ, какъ центръ города. Здѣсь дома, прислонившись къ подошвѣ утесовъ изъ песчаника, выходятъ на дорогу въ одинъ лишь рядъ. За этой сплошной улицей начинаются уступы въ видѣ террасъ, на которыхъ красуются великолѣпныя виллы *Belvedere, Floridiana* и *Vomero*, извѣстная своими ботаническими сокровищами и восхитительными видами на Неаполитанскій и Баійскій заливы.

По мѣрѣ движенія нашего впередъ, городскія постройки уступаютъ мѣсто сельскимъ коттеджамъ, построеннымъ со всѣми затѣями новѣйшей архитектуры. Швейцарскіе и шотландскіе шалаши, миньятюрные готическіе замки и виллы пріятно разнообразятъ здѣсь картину на ряду съ уродливыми, неопрятными домиками рыбаковъ и бѣдныхъ мастеровыхъ, населяющихъ этотъ кварталъ. Въ самыхъ утесахъ песчаника, отрѣзанныхъ совершенно вертикально и правильно, устроены небольшія помѣщенія для рабочихъ. Въ этихъ пещерахъ и предъ домами, со всѣми не-

принужденными пріемами уличнаго быта, рыбаки чинятъ свои лодки и сѣти, каменьщики занимаются тесаніемъ плитъ для мостовыхъ и полировкой мрамора для изящныхъ построекъ; женщины готовятъ обѣдъ, варятъ макароны и жарятъ каштаны на ручныхъ жаровняхъ. Тутъ же сидятъ факельщики — особая корпорація тунеядцевъ, которые навязываютъ свои услуги туристамъ, осматривающимъ гротъ Позилипа. Увидавъ нашу коляску, они гоняются за нами съ пронзительными криками и отстаютъ только вслѣдствіе энергической брани, которою Поповъ награждаетъ ихъ въ заключеніе. Патеры и монахи попадаются и здѣсь, какъ и въ другихъ концахъ Неаполя. Они окидываютъ насъ празднымъ, сонливымъ взоромъ, стараясь хоть чѣмъ нибудь развлечься, хоть какъ нибудь убить время, которое не знаютъ куда дѣвать.

Далѣе мы встрѣчаемъ цѣлыя толпы арестантовъ, въ кандалахъ, красныхъ курткахъ и такихъ же шерстяныхъ колпакахъ. Подъ карауломъ изъ солдатъ, предающихся въ тѣни домовъ сладкой сіэстѣ, они роютъ землю и обдѣлываютъ откосъ горы. Красная куртка показываетъ, что это обвиненные въ убійствѣ. Говорятъ, что люди эти, при общей административной неурядицѣ, проработавъ нѣсколько лѣтъ, возвращаются въ составъ своихъ сословій, приготовленные такимъ образомъ къ новымъ преступленіямъ.

Мы проѣзжаемъ тоннелемъ, сдѣланнымъ въ горѣ, и достигаемъ платформы, откуда открывается очаровательный путь на Баійскій заливъ и идетъ дорога къ гроту Позилипа. Но гротъ не очень манитъ насъ. Внутри его темно и сыро. Идти болѣе полуверсты подъ мрачными сводами вовсе не занимательно. Мы предпочитаемъ подняться на высоты и любоваться окрестностью. Говорятъ, что Позилипъ одинъ изъ самыхъ живописныхъ или даже самый живописный пунктъ на земномъ шарѣ. Какъ бы то ни было, но нельзя не согласиться, что здѣсь соединяются всѣ благопріятныя условія для обстановки пейзажа. Гористая мѣстность, со всѣми разнообразными тонами волканической почвы, роскошная растительность, море съ раскинутымъ надъ нимъ шатромъ жаркаго итальянскаго неба и граціозно изгибающимся берегомъ,

по которому виллы и деревни разбросаны на ряду съ развалинами древнихъ дворцовъ и храмовъ, группы острововъ, раздѣляющіе планы воздушной перспективы, наконецъ историческія воспоминанія, возникающія здѣсь на каждомъ шагу, — все это до такой степени содѣйствуетъ очарованію, что смотрѣть на эту картину и не восхищаться невозможно. Никакая меланхолія, никакой самый отчаянный британскій сплинъ не выдержатъ характера въ виду этихъ сокровищъ природы и исторіи. Названіе *Позилипа* вполнѣ соотвѣтствуетъ значенію этого очаровательнаго уголка земли *).

Выѣхавъ на Аньянское озеро (*Lago d'Agnano*), холодная вода котораго когда-то кипѣла отъ присутствія газовъ, мы, по усвоенной рутинѣ, отправились къ *Собачьей пещерѣ*, хотя заранѣе разсчитывали, что не увидимъ тутъ ничего любопытнаго.

Арендаторъ этой пещеры **) радушно привѣтствуетъ насъ и спѣшитъ отворить калитку, закрывающую мрачное отверстіе грота. Жолтенькая, мохнатая собаченка, предвидя начало опытовъ, охотно подходитъ къ хозяину. Эта необычайная готовность подвергаться страданіямъ объясняется тѣмъ, что, прежде, чѣмъ собака не выручитъ нѣсколькихъ карлиновъ, ей не даютъ ѣсть.

Опытъ начинается. Мы обступаемъ входъ въ пещеру. Смотритель проникаетъ туда и, держа собаку за шиворотъ, кладетъ ее на земляной полъ. Нѣсколько секундъ она лежитъ смирно, потомъ вдругъ начинаетъ визжать и неистово биться въ рукахъ своего палача. Судороги то свиваютъ ее въ клубокъ, то вытягиваютъ во всю длину; голубоватые глазки ея закатываются подъ лобъ, и она совершенно лишается чувствъ. Мы нѣсколько разъ пытаемся прекратить опытъ; но хладнокровный итальянецъ желаетъ выполнить дѣло добросовѣстно. Онъ выноситъ собаку на чистый воздухъ только тогда, когда она потеряла всѣ признаки жизни. Онъ кладетъ

---

*) Этимологія слова (Παῦσις τῆς λύπης) означаетъ *минованіе скуки или скорби*, т. е. почти то же, что наше *Нескучное*.

**) Должно замѣтить, что за право показывать *Собачью пещеру*, такъ же, какъ и нѣкоторыя другія рѣдкости въ окрестностяхъ Неаполя, смотрители вносятъ правительству значительныя суммы и за тѣмъ стараются извлечь барыши изъ платы, получаемой съ путешественниковъ.

ее на траву и выжидаетъ. Чувствуя угрызенія совѣсти за напрасныя мученія, испытанныя бѣднымъ животнымъ, мы смотримъ на эту сцену съ живымъ участіемъ. Черезъ минуту собачка очнулась, начала возиться по травѣ, натыкаясь носомъ на кочки и камни, потомъ оправилась и съ радостнымъ виляньемъ хвоста подбѣжала къ своему мучителю. Замѣтно, что она не сознаетъ всей гнусности спекуляціи, которую предпринялъ ея хозяинъ и которую, впрочемъ, мы сами поощряли, по обязанности, налагаемой на званіе любознательнаго туриста.

Мутныя бѣльма, развивающіяся въ глазахъ несчастной собаченки, доказываютъ, какъ вредны для нея періодическіе обмороки отъ дѣйствія удушливыхъ газовъ.

Потухшій волканъ Сольфатары представляетъ равнину, дымящуюся отъ дѣйствія подземныхъ огней и всю пропитанную сѣрой. Здѣсь, въ небольшомъ каменномъ домикѣ, устроены сѣрныя ванны для больныхъ. Дѣйствіе сѣрныхъ паровъ очень сильно. Въ стѣнахъ домика трудно остаться болѣе минуты: жаръ невыносимъ. Легко себѣ представить, какую пользу могло бы приносить леченіе подобными парами. Но заведеніе въ такомъ возмутительномъ безпорядкѣ, внутри такая нечистота, привратникъ до того наглъ и корыстолюбивъ, что больные вовсе не ѣздятъ сюда. Только несчастнымъ туристамъ достается на долю выпачкаться, изъ любознательности, о стѣны лечебнаго заведенія и браниться съ его смотрителемъ, потому что оборванецъ, носящій это званіе, хоть кого такъ выведетъ изъ терпѣнія. И сколько такихъ натуральныхъ богатствъ, частію не тронутыхъ вовсе, частію разработывавшихся прежде, но заглохшихъ съ теченіемъ времени, сколько такихъ сокровищъ въ Италіи лежатъ впустѣ, безмолвнымъ упрекомъ беззаботному правительству и праздному народу....

Вся окрестность загромождена памятниками древности: храмы и театры попадаются и на высотахъ, выдвинутыхъ изъ моря волканической дѣятельностію природы, и на днѣ морскомъ, составлявшемъ прежде берегъ залива.

Въ Пуццоли *(Dicearchia, Puteoli)* всего болѣе занялъ насъ

амфитеатръ (*il Colosseo)*, ознаменованный мученичествомъ св. Януарія. Здѣсь видны и мѣста для зрителей и помѣщенія для звѣрей, выпускавшихся на арену.

Утомившись отъ ходьбы и страшнаго жара, мы довольно разсѣянно осмотрѣли потомъ проблематическіе храмы Діаны, Нептуна и Солнца, или Сераписа.

Чтобы восхищаться этими обломками плитняка и мрамора, надо быть досужимъ энтузіастомъ. Обыкновенный туристъ, поистратившій восторженность свою на классической почвѣ Италіи, довольно равнодушно смотритъ на эти слишкомъ блѣдные остатки минувшаго величія и роскоши. Подмѣтивъ наше нерасположеніе лазить по разрушеннымъ лѣстницамъ и опускаться въ темные подвалы, Поповъ сокращаетъ прогулку, и коляска скоро привозитъ насъ обратно въ Неаполь.

Передъ отъѣздомъ изъ Неаполя, мы побывали на *Новомъ Кладбищѣ* (*Campo Santo Nuovo*), за Капуанскими воротами, по дорогѣ къ Нолѣ. Трудно себѣ представить кладбище болѣе изящное и аристократическое.

Здѣсь 160 часовень, по числу духовныхъ конгрегацій. Среди этихъ мраморныхъ храмиковъ, самыхъ изящныхъ стилей, прорѣзанные правильными дорожками и обсаженные черными кипарисами, лаврами и ползучими растеніями, красуются памятники, воздвигнутые надъ тѣлами членовъ неаполитанскихъ фамилій.

Богатые мавзолеи и скромныя надгробныя доски спорятъ здѣсь другъ съ другомъ въ достоинствѣ матеріала и изяществѣ исполненія. Строгія латинскія эпитафіи съ безотрадными видами на загробную жизнь перемѣшиваются здѣсь съ цитатами изъ любимыхъ поэтовъ, смотрѣвшихъ на все сквозь розовую эпикурейскую призму. Подчасъ попадаются безъискусственныя фразы, подсказанныя не богословскими умозрѣніями философствующей школы, а неподдѣльнымъ чувствомъ привязанности и безропотной скорби, которое выражается болѣе или менѣе одинаково и въ тѣни классическаго лавра и подъ утлой листвой низменной лап-

ландской сосны. Внутри ограды тихо и мирно. Послѣ постояннаго шума и гама городскихъ улицъ пріятно очутиться здѣсь среди совершеннаго безмолвія. Куда ни оглянешься, взоръ встрѣчаетъ то античную урну, обвитую змѣей, эмблемой вѣчности, то крестъ, водруженный на утесѣ, символъ религіозный твердости, то скромный миртовый вѣнокъ, положенный на мраморную доску; аллегорическія фигуры перемѣшаны со статуями и бюстами усопшихъ; величавые мавзолеи и смиренныя плиты одинаково возвѣщаютъ въ девизахъ своихъ о непрочности всего земнаго. Бѣлизна мрамора и траурная зелень кипарисовъ гармонируютъ удивительно.

Повсюду замѣчаешь слѣды особенной заботливости о поддержаніи чистоты и сохраненіи порядка. Въ этомъ отношеніи неаполитанцы выказываютъ больше попечительности къ усопшимъ, нежели къ живымъ. Не понимая истиннаго комфорта въ жизни, неаполитанецъ старается, по крайней мѣрѣ, окружить могилу покойнаго самыми изысканными удобствами.

Отъ этого патриціанскаго загробнаго жилища переходимъ къ плебейской половинѣ кладбища. Черезъ дорогу отъ ограды, въ которую мы вошли первоначально, вступаемъ въ длинное продолговатое зданіе, гдѣ у дверей, въ качествѣ привратника, стоитъ жирный бенедиктинъ. Монахъ приглашаетъ насъ осмотрѣть часовню, въ которой отпѣваются тѣла усопшихъ, и за тѣмъ указываетъ на пространный домъ позади строенія. Это обширная площадь, окруженная высокой каменной стѣной и вымощенная каменными же плитами. Четырехъугольныя закрытыя отверстія въ этомъ полу представляютъ *общія могилы*, предназначенныя для простолюдиновъ. Плебеевъ хоронятъ въ Неаполѣ по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, безъ гробовъ. Общая могила, по мѣрѣ накопленія въ ней тѣлъ, заливается известью, что̀ устраняетъ вредныя испаренія отъ труповъ и ускоряетъ ихъ разложеніе. Такимъ образомъ, одна и та же могила служитъ для нѣсколькихъ поколѣній ладзароновъ.

Замѣчательно, что правительство начинаетъ заботиться объ этихъ несчастныхъ паріяхъ только со времени ихъ смерти. И то слава Богу. При отсутствіи медико-полицейскихъ мѣръ, могилы

ладзароновъ надѣлали бы государству болѣе хлопотъ, чѣмъ обитатели ихъ въ теченіе всей своей жизни.

Побродивъ по могильному паркету, выходимъ снова на дорогу. Въ это время показывается вдали большая карета съ довольно странной упряжью. Это погребальная колесница. По цвѣту гроба и всей обстановкѣ оказывается, что привезли тѣло молодаго человѣка. Гробъ поставленъ въ задней части колесницы; надъ нимъ сидятъ мальчики въ какихъ-то странныхъ, маскарадныхъ костюмахъ. Всѣ аттрибуты кареты не представляютъ вообще ничего печальнаго, а отличаются скорѣе какимъ-то карнавальнымъ характеромъ.

Карета, при звонѣ бубеньчиковъ, украшавшихъ пеструю конскую сбрую, подъѣхала къ часовнѣ; родные усопшаго вошли туда, переговорили съ монахами, занесли имя покойнаго въ книгу и за тѣмъ отправились на патриціанскую половину кладбища, гдѣ для покойника приготовлено уже было мѣсто, подъ тѣнью чернаго кипариса. Мы видѣли тамъ могильщика, хлопотавшаго о пріемѣ новаго пришельца.

Гробъ внесли въ часовню, и лысый бенедиктинъ, цинически-равнодушно шевеля губами, сталъ читать погребальныя молитвы.

Послѣдняя ночь, проведенная мною въ Неаполѣ, какъ-то особенно отрадно повѣяла на меня живительной прохладой. Я долго сидѣлъ на балконѣ своей квартиры. Тяжело было разставаться съ этой прелестной морской панорамой. Казалось, что природа нарочно расточила на этотъ разъ свои чары, чтобы сильнѣе дать мнѣ почувствовать тяжесть разлуки съ южнымъ небомъ. Набережная покоилась уже мертвымъ сномъ. Плескъ волнъ ясно долеталъ до моего слуха; серебряная поверхность ихъ ярко блестѣла сквозь темную листву каштановъ. Но вотъ, посреди глубокой тишины, раздаются знакомые мотивы: бородатый трубадуръ, въ ветхомъ широкомъ плащѣ, небрежно перекинутомъ чрезъ атлетическое плечо, проходитъ мимо и громко напѣваетъ арію Верди. Верди популяренъ въ Италіи. Музыка его знакома тамъ и мясни-

ку и лодочнику. Можетъ быть, и этотъ запоздалый пѣвецъ только что отрубилъ голову теленку, котораго намѣренъ завтра продать на кухню; но, можетъ быть, также и то, что страстныя рулады, выдѣлываемыя имъ, навѣяны на него безцеремонной ночной бесѣдой съ какой нибудь пріѣзжей *принчипессой*. Женская натура, подъ неаполитанскимъ солнцемъ, легко поддается увлеченіямъ, а туризмъ располагаетъ вообще къ впечатлительности и снисходительной общительности....

Билеты на пароходъ, отправляющійся въ Геную, для насъ уже взяты. Поповъ по этой операціи выторговалъ въ нашу пользу до 35 процентовъ съ объявленнной цѣны. Мы расплачиваемся въ отелѣ, прощаемся съ угодливой прислугой, награждающей насъ на разставанье великолѣпными титулами, и за тѣмъ, послѣ завтрака въ Европейскомъ кафе, переправляемся въ утлой тирренской ладьѣ на французскій пароходъ, стоящій въ гавани. Поповъ укладываетъ тамъ наши вещи, поручаетъ насъ вниманію капитана, черноволосому уроженцу Марсели, и, въ почтительной позѣ, желаетъ намъ благополучнаго пути.

Передъ нами та роскошная панорама Неаполя, которую столько разъ прославляли и воспѣвали туристы и поэты. Взоръ упивается зеленой перспективой садовъ, фіолетовыми очертаніями гористой дали, лазурнымъ отсвѣтомъ залива. Пассажиры собираются, пары начинаютъ дѣйствовать, котелъ нетерпѣливо шумитъ, пароходъ готовъ тронуться. Поповъ, закуривъ сигару, спускается снова въ лодку и, исчезая у насъ изъ виду, еще машетъ намъ, на прощанье, своей широкополой шляпой....

М. ВЕСЕЛОВСКІЙ.

С.-Петербургъ.
21 апрѣля 1858 года.

СТУДЕНЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ

О

ДМИТРІѢ ИВАНОВИЧѢ МЕЙЕРѢ,

ПРОФЕССОРѢ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

П. П. ПЕКАРСКАГО.

СТУДЕНЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ

о

ДМИТРІѢ ИВАНОВИЧѢ МЕЙЕРѢ,

ПРОФЕССОРѢ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Въ первыхъ числахъ мая 1845 года въ Казанскомъ университетѣ назначенъ былъ экзаменъ изъ гражданскаго права студентамъ II курса юридическаго факультета. Тотъ, кто держалъ въ своей жизни какіе бы то ни было экзамены, знаетъ по опыту ажитацію, въ которой находится экзаменующійся, какъ бы хорошо ни зналъ онъ предметъ и какъ бы ни велика была его увѣренность въ самомъ себѣ. Но для студентовъ II курса, кромѣ этого, обыкновеннаго въ подобныхъ случаяхъ чувства, встрѣтилось обстоятельство, которое заставило ихъ особенно призадумываться о предстоящихъ испытаніяхъ: не задолго передъ тѣмъ пріѣхалъ въ Казань только что возвратившійся изъ-за границы молодой профессоръ, назначенный читать лекціи гражданскаго права и изъявившій желаніе принять участіе въ испытаніяхъ — это былъ Дмитрій Ивановичъ Мейеръ. Студенты рѣшительно не знали его, даже не видали въ лице и, по какому то предчувствію, ожидали, что онъ будетъ строго экзаменовать, а главное — спрашивать то, чего имъ никогда не преподавали.

Въ назначенный для испытанія день, собравшіеся въ залу студенты увидѣли у экзаменаторскаго стола молодаго профессора съ чрезвычайно добродушнымъ и привлекательнымъ лицемъ и на видъ такъ моложаваго, что многіе изъ студентовъ казались старѣе его. По обычаю, вызовъ студентовъ происходилъ въ алфавитномъ порядкѣ фамилій. Едва первые успѣли кончить отвѣты, какъ остальные товарищи приступили къ нимъ съ распросами: что̀, Мейеръ строго спрашиваетъ, прижимаетъ? Отвѣты были неутѣшительные: новый профессоръ останавливаетъ на каждомъ словѣ, требуетъ объясненій на сказанное студентомъ, наконецъ спрашиваетъ о томъ, чего, повидимому, въ билетахъ съ вопросами вовсе не было... Надобно замѣтить, что до 1845 года студенты юридическаго факультета въ Казани проходили гражданское право по X тому Свода Законовъ, затверживая наизусть бо̀льшую часть находящихся тамъ статей. Такъ какъ студенты не имѣли случая примѣнять ихъ къ практикѣ, то этотъ способъ преподаванія законовъ былъ не только безполезенъ, но и вреденъ: заучиваніе подъ рядъ статей, нисколько не развивая умственныхъ способностей учащихся, дѣлалось механически съ помощію только памяти, и послѣ экзаменовъ затверженное тотчасъ же забывалось, такъ что на службѣ студенты-юристы являлись безъ всякой подготовки и принуждены были переучиваться снова, по примѣру бо̀льшей части практиковъ, никогда не видавшихъ университетской аудиторіи.

Мейеръ, послѣ первыхъ же отвѣтовъ, догадался о методѣ преподаванія и потому старался испытывать студентовъ не въ томъ, что̀ они заучили ко дню экзамена, но степень пониманія и развитія мышленія въ своихъ будущихъ слушателяхъ. Это и казалось неопытнымъ юношамъ въ профессорѣ придирчивостію и желаніемъ сбивать. Результатъ испытаній также озадачилъ студентовъ: тѣ, которые отвѣчали по Своду Законовъ, рубя, какъ говорится, съ плеча и не обращая особеннаго вниманія на вопросы экзаменатора, получили неудовлетворительные баллы; напротивъ, отвѣчавшіе нескоро и съ разстановками удостоились, противъ всякаго чаянія, высшихъ отмѣтокъ.

Прошло лѣто, и предъ начатіемъ лекцій бывшіе студенты II, теперь III курса съ удивленіемъ узнали, что, по настоянію Мейера, они, выучившіе съ такимъ терпѣніемъ и въ долбяжку весь X томъ до межевыхъ законовъ, снова должны слушать гражданское право! Правда, что, послѣ первыхъ же лекцій, они увидали, что имъ въ этотъ разъ профессоръ началъ излагать такое гражданское право, о которомъ еще дотолѣ не имѣли понятія, тѣмъ болѣе, что въ наивномъ убѣжденіи имъ и не представлялась эта наука иначе, какъ смѣсью разныхъ статей, подведенныхъ подъ извѣстные отдѣлы.

«Излагая предметъ моей каѳедры», говорилъ впослѣдствіи Мейеръ самъ про себя, «я постоянно имѣю въ виду указывать слушателямъ на научную сторону гражданскаго права, нерѣдко заслоняемую или загромождаемую положительнымъ его характеромъ, чтобы противодѣйствовать существующему между учащимися предразсудку, будто кто посвящаетъ себя правамъ, не вращается собственно въ области науки, подобно математику или естественнику, а стоитъ на низшей ступени умственной дѣятельности. Я учу, что существо гражданскаго права заключается собственно въ юридической сторонѣ удовлетворенія потребностей вещами, которую оно необходимо представить должно въ государствѣ, неудобомыслимомъ безъ верховнаго господства общественной власти надъ имущественными отношеніями гражданъ и безъ извѣстной массы юридическихъ воззрѣній, распространяющихся между прочимъ и на матеріальные интересы. Я обращаю вниманіе слушателей на міръ имущественныхъ явленій, представляющихся въ юридическомъ быту, и изслѣдованіе этихъ явленій, раскрытіе ихъ законовъ признаю задачею гражданскаго права въ смыслѣ науки, соотвѣтственно значенію всѣхъ истинныхъ наукъ. Такимъ образомъ, отсутствіе научнаго характера въ русскомъ гражданскомъ правѣ оказывается для учениковъ моихъ мнимымъ, хотя и удостовѣряются они, что русскій юридическій бытъ покамѣсть мало обслѣдованъ и что обнимающія его науки ожидаютъ главнымъ образомъ своего развитія въ будущемъ, но что вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе русскаго гражданскаго права въ томъ отношеніи весьма благопріятно, что разработка его, не связанная никакими учеными

преданіями старины, можетъ миновать лабиринтъ заблужденій, чрезъ который пришлось пройти юридическимъ наукамъ въ другихъ государствахъ и который теперь еще оказываетъ сильно замедляющее дѣйствіе на развитіе тѣхъ наукъ.»

«Разсматривая гражданское право, какъ науку объ имущественныхъ правахъ и соотвѣтственныхъ имъ обязательствахъ, я преподаю объ источникахъ имущественныхъ правъ, о лицахъ, какъ субъектахъ правъ этихъ, о гражданской дѣятельности лицъ, объ объектахъ правъ имущественныхъ, о существѣ ихъ правъ, объ имущественныхъ правахъ въ отдѣльности, какъ-то: о правѣ собственности, о правѣ на чужія вещи, о правѣ на чужія дѣйствія, наконецъ о судьбѣ имущественныхъ правъ въ случаѣ смерти ихъ субъекта—о правѣ наслѣдованія. Хотя подъ означенныя рубрики подходятъ и права, и обязательства семейственнаго союза, не относящіяся къ церковному и государственному правамъ, однако же, по учебнымъ и другимъ практическимъ соображеніямъ, нѣсколько подчиняющимъ себѣ строгую научную послѣдовательность, я излагаю въ отдѣльности учрежденія семейственнаго союза.»

«Гражданское судопроизводство я представляю слушателямъ наукою объ охраненіи частныхъ правъ судебною и исполнительною властями въ государствѣ и разсматриваю источники судопроизводственныхъ учрежденій, судоустройство, положеніе тяжущихся сторонъ, существо ихъ дѣятельности, нормальный ходъ судопроизводства и уклоненія отъ нормальнаго хода, наконецъ—исполнительныя мѣры къ охраненію частныхъ правъ. При изложеніи судопроизводственныхъ учрежденій, я показываю значеніе каждаго въ цѣломъ составѣ судопроизводства и юридическія отношенія, ими порождаемыя.»

«Руководствуя молодыхъ юристовъ въ юридической практикѣ, я поставляю себѣ главнымъ образомъ двѣ задачи: 1) пріучить къ приложенію результатовъ наукъ юридическихъ, изучаемыхъ студентами, къ практикѣ, приготовленіе къ которой составляетъ постоянную цѣль для пребыванія большинства въ университетѣ, съ тѣмъ, чтобы раціональный характеръ усиливался въ юридической

практикѣ все болѣе и болѣе, какъ укрѣпляется онъ въ практикѣ медицинской, педагогической, сельско-хозяйственной и т. д. 2) Освоить студентовъ съ существующими въ практикѣ пріемами въ производствѣ дѣлъ съ дѣлопроизводственнымъ механизмомъ и дать понавыкнуть нѣсколько въ примѣненіи наичаще встрѣчающихся гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, съ тѣмъ, чтобы не затрудняли и не пугали молодыхъ юристовъ первые шаги ихъ на практическомъ поприщѣ, чтобы не казалось имъ дикимъ обращеніе съ дѣлами и не пришлось учиться тому на практикѣ, чему легче, скорѣй и безъ всякаго оскорбленія самолюбія можно выучиться въ учебномъ заведеніи, съ тѣмъ, наконецъ, чтобы молодые люди съ самаго начала юридическихъ практическихъ занятій были пріучены соглашать по возможности съ преданіями рутины уваженіе къ внушеніямъ общаго образованія и къ правиламъ грамотной рѣчи.»

«По предмету первой задачи, я упражняю студентовъ въ словесномъ и письменномъ разрѣшеніи юридическихъ случаевъ, но почти исключительно по гражданскому праву; заставляю разбирать случаи, изложенные въ доставленныхъ Казанскому университету запискахъ общихъ собраній Правительствующаго Сената, и сочинять проэкты юридическихъ актовъ, болѣе или менѣе затруднительныхъ по содержанію, напримѣръ: сложныхъ договоровъ, прошеній, жалобъ.»

«Для рѣшенія второй задачи, студенты упражняются въ совершеніи дѣйствій, относящихся къ дѣлопроизводству. Чтобы пріучиться къ общему канцелярскому порядку, студенты записываютъ бумаги во входящій реестръ, ведутъ настольные реестры, составляютъ разныя вѣдомости, пишутъ справки изъ дѣлъ, запросы, доклады, исполненія по судебнымъ опредѣленіямъ, съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей относительно выпуска исходящихъ бумагъ изъ канцеляріи, производятъ нарядъ бумагъ по дѣламъ, приготовляютъ дѣла къ сдачѣ въ архивъ, совершаютъ дѣйствія по принятію дѣлъ туда. По производству дѣлъ гражданскихъ, студенты упражняются въ совершеніи крѣпостныхъ и крѣпостныхъ-явочныхъ актовъ, въ проэктированіи опредѣленій судеб-

ныхъ по прошеніямъ, объяснительнымъ актамъ, доказательствамъ, рукоприкладствамъ тяжущихся, въ сочиненіи выписокъ изъ дѣлъ, въ изложеніи рѣшительныхъ опредѣленій и соблюденіи апелляціоннаго обряда. По производству дѣлъ уголовныхъ упражненія обнимаютъ производство слѣдствій и судебное производство и заключаются также въ примѣрномъ совершеніи относящихся туда актовъ.»

Вспоминая теперь о первыхъ лекціяхъ Мейера изъ гражданскаго права, должно сознаться, что студенты, не приготовленные къ серьёзному изложенію науки и вообще непривычные къ усвоенію всѣхъ тонкостей мышленія, встрѣтили неопреодолимыя, какъ казалось сначала, препятствія слѣдить за преподаваніемъ новаго профессора. Пытались было записывать слова его и, по окончаніи лекціи, приводить въ порядокъ записанное; но въ тетрадкахъ выходила какая-то безобразная смѣсь отрывочныхъ и схваченныхъ на удачу фразъ. Это заставило нѣкоторыхъ обратиться къ профессору съ просьбою дать читаемыя имъ лекціи для переписки въ курсѣ. Тогда это былъ самый обыкновенный способъ изучать какой нибудь предметъ: при вступленіи въ должность, профессоръ, единожды навсегда, составлялъ курсъ своей науки и давалъ его списывать своимъ слушателямъ, а эти, переходя на другой курсъ, передавали старыя тетрадки знакомцамъ изъ занявшихъ ихъ мѣсто новыхъ студентовъ; послѣдніе сообщали списанныя лекціи своимъ товарищамъ, и къ экзаменамъ весь курсъ уже имѣлъ копіи въ своихъ рукахъ, училъ записки наизусть, а потомъ, въ свою очередь, передавалъ новому поколѣнію. Профессора находили такой способъ преподаванія весьма для себя покойнымъ, а студенты, разумѣется, также были довольны: можно было не ходить постоянно на лекціи, или, если и ходить, то, по крайней мѣрѣ, не слушать внимательно профессора, такъ какъ спасительныя тетрадки въ два, три дня передъ экзаменами выучивались отлично (*).

(*) Бывали случаи, что какой нибудь студентъ изъ старшаго курса предупредитъ, что въ такомъ-то мѣстѣ лекцій профессоръ непремѣнно разскажетъ забавный, по его мнѣнію, анекдотъ, съ тѣмъ, чтобы возбудить смѣхъ

Мейеръ наотрѣзъ отвѣчалъ, что онъ не намѣренъ давать въ рукописи свои лекціи, но если слушатели его встрѣчаютъ тамъ затрудненія, то могутъ обращаться къ нему, и онъ съ большимъ удовольствіемъ будетъ объяснять всѣ недоумѣнія.

Студенты остались недовольны такимъ отвѣтомъ, потому что тогда не было заведено безпокоить профессоровъ вопросами внѣ лекцій, да и притомъ никому не хотѣлось прослыть въ глазахъ наставника тупымъ или недалекимъ.

Въ тѣ времена, въ Казани существовалъ на Воскресенской улицѣ кафе-ресторанъ Берти, куда собирались послѣ лекцій нѣкоторые бездомные студенты; туда же первое время, когда еще не успѣлъ обзавестись своимъ хозяйствомъ, ходилъ обѣдать и Мейеръ. Замѣтивъ между студентами своихъ слушателей, онъ тотчасъ же постарался завести съ ними разговоръ. Какъ теперь помню, рѣчь зашла о современной литературѣ и, слѣдовательно, о журналистикѣ. Тогдашнія «Отечественныя Записки» читались съ большою охотою студентами, которые были въ восторгѣ отъ Гоголя и осыпали насмѣшками «Москвитянина», силившагося тогда въ критическомъ отдѣлѣ возставать противъ «Отечественныхъ Записокъ». Критики послѣдняго журнала, напротивъ, находили такое одобреніе, что цѣлыя страницы разборовъ многимъ извѣстны были почти наизусть. Однако, студенты не знали автора ихъ и, въ провинціяльный наивности, увѣрены были, что нравившіяся имъ критическія статьи писаны самимъ редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ». Мейеръ вывелъ изъ заблужденія студентовъ, разсказавъ съ большимъ увлеченіемъ, что за человѣкъ былъ Бѣлинскій, авторъ не подписанныхъ критикъ, и какое значеніе имѣетъ онъ для нашей литературы. Замѣтить надобно, что въ 40 годахъ въ провинціи всѣ люди зрѣлыхъ лѣтъ

въ аудиторіи. Студенты, узнавъ про это, ждутъ съ нетерпѣніемъ анекдота, который, дѣйствительно, разсказывается въ извѣстномъ мѣстѣ. Поднимается гомерическій хохотъ, и профессоръ очень доволенъ произведеннымъ эффектомъ, не подозрѣвая, что смѣются собственно не надъ анекдотомъ, а надъ простосердечіемъ педагога.

и извѣстные своею солидностію, всѣ, кто былъ съ вѣсомъ по своей должности или по владѣемымъ ими душамъ, находили статьи Бѣлинскаго или головоломными, или еретическими, а потому студенты очень удивились, что ихъ профессоръ, читающій въ аудиторіи такую мудрость, какой они еще и не раскусили хорошенько, удостоиваетъ раздѣлять ихъ мнѣніе касательно Бѣлинскаго. Подъ конецъ бесѣды разговоръ такъ оживился, что студенты совершенно забыли, что разсуждаютъ съ профессоромъ, и не чувствовали того нравственнаго гнета, который, вмѣстѣ съ благоговѣйнымъ поддакиваніемъ всему, что̀ изречетъ профессоръ, убиваетъ всякую самостоятельность мысли и дѣлаетъ изъ юноши какую-то благовоспитанную машину, но не человѣка.

Слѣдствіемъ этого сближенія было то, что одинъ изъ студентовъ рискнулъ зайти къ Мейеру и признаться откровенно, что его лекціи понимаются весьма плохо, а записываются еще хуже. Мейера сначала это озадачило; но, не показавъ и тѣни неудовольствія, онъ вывѣдалъ искусно у гостя, что̀ читаетъ тотъ серьёзнаго и какимъ предметомъ преимущественно занимается. Оказалось, что студентъ, кромѣ повѣстей, почти ничего не читалъ, а занимался всѣми предметами одинаково, т. е. каждое утро ходилъ на лекціи, а дома списывалъ тетрадки, которыя ему достались отъ прежняго курса. Мейеръ, выслушавъ все это, предложилъ студенту нѣсколько книгъ, которыя могли быть пособіемъ для слушателей его лекцій, и въ то же время терпѣливо повторилъ все, что̀ казалось въ нихъ труднымъ и непонятнымъ.

На другой день студентъ съ торжествомъ объявилъ товарищамъ, что онъ былъ у Мейера, что тотъ пояснилъ мѣста, казавшіяся темными, далъ домой книгъ, чтобы заниматься, и, наконецъ, что онъ такой добрый, что ему не стыдно признаться, чего не знаешь или не понимаешь... Съ тѣхъ поръ студенты юридическаго факультета стали чаще и чаще ходить къ профессору, лекціи записывались все лучше и лучше, и скоро все темное и непонятное въ нихъ исчезло, самая отвлеченность изложенія перестала пугать слушателей, напротивъ пріучала ихъ къ мышленію

и заставляла слѣдить съ напряженнымъ вниманіемъ за каждымъ словомъ профессора.

Не прошло года, и студенты такъ свыклись съ Мейеромъ, что для нихъ сдѣлалось потребностію ходить къ нему за совѣтами, спрашивать разъясненій, брать нужныя книги. Не бывали у Мейера только самые отсталые, потому что имъ всегда было какъ-то неловко передъ наставникомъ; они одни только и не очень жаловали его, благоразумно умалчивая о томъ при товарищахъ. Съ самаго пріѣзда въ Казань, Мейеръ работалъ неутомимо: кромѣ приготовленія къ каждой лекціи, онъ писалъ диссертацію на полученіе званія магистра; между этими занятіями находилъ время (по его словамъ, «для отдохновенія») учиться итальянскому языку. Однако, множество занятій не мѣшало ему принимать безпрестанно студентовъ, иногда цѣлые часы проводить съ ними, ни разу не показавъ нетерпѣнія, что его такимъ образомъ отрываютъ отъ дѣла. Онъ считалъ одною изъ обязанностей своего званія быть въ постоянныхъ сношеніяхъ съ студентами, при чемъ всегда старался знакомиться короче съ характеромъ и наклонностями каждаго изъ нихъ. Мейеръ любилъ даже дѣлать свои заключенія о молодыхъ людяхъ по наружности ихъ. Само собою разумѣется, что ему не разъ случалось обманываться, и часто онъ ожидалъ многаго отъ такихъ, которые вовсе не оправдывали потомъ его блистательныхъ на нихъ надеждъ; однако, были примѣры его особенной проницательности касательно студентовъ. — «Знакомы вы съ Т?» спросилъ однажды Мейеръ своего слушателя? — «Да, отвѣчалъ тотъ: хотя Т. мнѣ и не товарищъ по курсу, однако, знаю его довольно хорошо.» — «Сегодня я его экзаменовалъ и замѣтилъ, что у него вовсе нѣтъ охоты серьёзно заниматься; а это жаль: у него такія выразительныя черты лица и такіе умные глаза, что я убѣжденъ, что, при доброй волѣ и самостоятельности, онъ могъ бы сдѣлаться замѣчательнымъ человѣкомъ.» — Предчувствіе профессора оправдывается: студентъ, о которомъ шла рѣчь, сдѣлался писателемъ, его произведенія замѣчены публикой, и отъ дальнѣйшихъ его твореній зависитъ, чтобы сбылись слова Мейера окончательно.

Когда студентъ являлся на квартиру молодаго профессора, то кто бы у него ни былъ изъ постороннихъ, не смотря ни на какія занятія, онъ оставлялъ все, привѣтливо приглашалъ студента занять самое покойное мѣсто, стараясь ободрить молодаго человѣка, часто смущеннаго и растроганнаго отъ такого вниманія. Съ ранняго утра Мейеръ былъ уже одѣтъ и сидѣлъ за книгами и тетрадями; только больной онъ дозволялъ себѣ надѣвать халатъ, и если его заставалъ такъ студентъ, то сколько было извиненій передъ гостемъ! Нерѣдко студентъ являлся къ нему рано утромъ, когда профессоръ не успѣлъ еще обриться; но, чтобы не заставить дожидаться, онъ бросалъ торопливо бритву и являлся съ одною бритою щекою. Начинался разговоръ, время проходило, между тѣмъ являлись другіе студенты, тутъ уже некогда думать объ окончаніи туалета, и только приближеніе часа, когда надобно идти въ университетъ, заставляло профессора прощаться съ своими молодыми гостями.

Самымъ обыкновеннымъ предлогомъ, чтобы идти къ Мейеру, считались распросы и просьбы о дополненіи и объясненіи прочитаннаго имъ на лекціи. Исполняя это всегда съ величайшею готовностію, профессоръ любилъ рекомендовать то или другое сочиненіе или статью, имѣвшія соотношеніе къ лекціямъ и которыя у него были въ библіотекѣ. При возвращеніи ихъ, Мейеръ, какъ будто невзначай, выспрашивалъ бравшаго книги, какого онъ мнѣнія о прочитанномъ и послужило ли оно ему на пользу, и поэтому не читать или бѣгло прочитать взятую у Мейера книгу не было никакой возможности. Мейеръ собственно на себя тратилъ очень немного: все, что сберегалъ отъ скромнаго содержанія во время пребыванія за границей и отъ профессорскаго жалованья потомъ, онъ употреблялъ на пополненіе и умноженіе своей библіотеки.

Въ такомъ отдаленномъ городѣ, какъ Казань, и при отсутствіи книжныхъ собраній, въ особенности по части юридическихъ наукъ, пользованіе библіотекою Мейера для студентовъ было сущимъ благодѣяніемъ. Онъ доказалъ потомъ самымъ дѣломъ, что свое собраніе имѣлъ не только собственно для себя, но и для

студентовъ. Полагаемъ не излишнимъ здѣсь сообщить духовное его завѣщаніе, въ силу котораго библіотека его нынѣ принадлежитъ Петербургскому университету:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.»

«Находясь совершенно въ здравомъ умѣ и твердой памяти, я завѣщеваю настоящимъ духовнымъ завѣщаніемъ всѣ принадлежащія мнѣ въ собственность книги тому университету, при которомъ напослѣдокъ буду я состоять на службѣ, съ тѣмъ, чтобы онѣ всѣ поступали въ студенческую библіотеку того университета, если таковая при немъ имѣется и впослѣдствіи будетъ учреждена, за исключеніемъ только тѣхъ книгъ, которыя могутъ оказаться запрещенными общею гражданскою цензурою или которыя юридическій фокультетъ того университета, а въ случаѣ переименованія или упраздненія юридическаго факультета тотъ факультетъ, въ которомъ будутъ преподаваемы юридическія науки по преимуществу, признаетъ, вслѣдствіе подробнаго и письменнаго указанія предосудительныхъ мѣстъ тѣхъ книгъ, подлежащими исключенію изъ катологовъ библіотеки, назначенной для истиннаго просвѣщенія юношества въ высшемъ учебномъ заведеніи. Такимъ образомъ, если я умру на службѣ въ Казанскомъ университетѣ или по оставленіи службы въ немъ, но прежде поступленія на службу въ другой университетъ, то книги мои достаются Казанскому университету и имѣютъ поступить въ его студенческую библіотеку; если же я успѣю перейти или поступить на службу въ другой университетъ, то книги должны обратиться въ собственность сего послѣдняго, все равно — умру ли я на службѣ при немъ, или по оставленіи при немъ службы, если только не опредѣлюсь на службу еще въ третій университетъ, ибо въ такомъ случаѣ книги мои должны принадлежать по смерти моей сему третьему университету. Если бы я поступилъ на службу въ лицей или въ другое учебное заведеніе, высшее, среднее, низшее или спеціальное, то на нихъ не распространяется мое завѣщательное распоряженіе, имѣющее именно цѣлью предоставить университету мои книги. Объ остальномъ моемъ

имуществѣ не дѣлаю никакаго распоряженія на случай смерти; но если бы оказались какіе нибудь справедливые долги по забраннымъ мною у кого либо товарамъ или другіе подобные, напримѣръ за квартиру, за работу, то долги эти должны быть выплачены исключительно изъ имущества, которое окажется сверхъ книгъ, и изъ него же имѣютъ быть произведены похоронныя издержки. Казань, 22 марта 1852 г.»

Въ казанскомъ юридическомъ факультетѣ нѣкоторое время были заведены педагогическія лекціи: студенты четвертаго курса по очереди приготовляли какое нибудь разсужденіе и читали его съ каѳедры; по окончаніи чтенія, товарищи должны были возражать, а диспутантъ — защищать свои положенія; профессоръ же присутствовалъ только для того, чтобы руководить диспутомъ и дѣлать замѣчанія. Мейера чрезвычайно интересовали эти диспуты, хотя и происходили они подъ наблюденіемъ другаго профессора: первому всегда были извѣстны избранныя темы, и каждый разъ, по окончаніи лекціи, онъ заботливо распрашивалъ и у профессора, и у студентовъ о результатахъ. Одному студенту вздумалось читать о судѣ присяжныхъ, вопросъ о которомъ въ стѣнахъ русскаго университета еще можетъ быть спорнымъ. Всѣ источники для разсужденія были указаны Мейеромъ, и студентъ доказывалъ на лекціи разумную необходимость учрежденія присяжныхъ. Когда диспутантъ окончилъ тезисы, профессоръ, по обыкновенію, пригласилъ желающихъ говорить противъ ихъ; но студенты, зная напередъ, что идея ихъ товарища принадлежала Мейеру, единогласно отозвались, что они раздѣляютъ мнѣніе товарища и не имѣютъ ничего сказать въ опроверженіе. Такой отзывъ удивилъ профессора тѣмъ болѣе, что въ своемъ курсѣ онъ доказывалъ несостоятельность учрежденія суда присяжныхъ и потому было объявлено, что на слѣдующій разъ профессоръ самъ будетъ возражать диспутанту. Педагогическая лекція, въ которой возражалъ профессоръ, была одною изъ оживленныхъ: къ удивленію оппонента, возраженія его не озадачивали студента, притомъ же и товарищи поддерживали его. Впрочемъ, профессоръ

остался доволенъ диспутомъ и послѣ передавалъ самъ о томъ Мейеру.

У Мейера было въ обычаѣ, ссужая студента какимъ нибудь сочиненіемъ, знакомить его не только со взглядомъ автора, но и съ личностью его. Для профессора это было легко, потому что всѣхъ современныхъ германскихъ и русскихъ юристовъ, болѣе извѣстныхъ, онъ зналъ лично или же былъ съ ними въ перепискѣ. Разсказы его о годахъ, проведенныхъ имъ за границей, о германскихъ университетахъ, особенно Гейдельбергскомъ, о преподаваніи тамъ и любви къ наукѣ германскаго юношества,—все это благодѣтельно дѣйствовало на его слушателей, возбуждало въ нихъ уваженіе къ наукѣ и умственному труду и, наконецъ, пріучало къ серьёзному чтенію и усидчивости, безъ чего никогда нельзя сдѣлаться студентомъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова.

Послѣ кончины Дмитрія Ивановича, узнали, что онъ велъ дневникъ, куда вносилъ наскоро все, что̀ ему казалось достойнымъ вниманія. Тамъ, между прочимъ, записывались до мельчайшихъ подробностей всѣ его встрѣчи съ знаменитыми юристами, о которыхъ любилъ онъ разсказывать въ бесѣдахъ своихъ съ студентами. Такъ, напримѣръ, въ іюнѣ 1842 г., въ Берлинѣ ему случилось быть, вмѣстѣ съ Жиряевымъ (также уже умершимъ), у извѣстнаго Савиньи, къ которому у нихъ было письмо изъ Петербурга отъ Штекгардта. Оба они напередъ знали, что Савиньи, тогда прусскій министръ юстиціи, приметъ ихъ холодно. Молодыхъ людей ввели въ садъ. «Мы прошли нѣсколько по одной аллеѣ, говоритъ Мейеръ, когда лакей далъ намъ знакъ остановиться и дожидаться доклада. Жиряевъ еще болѣе моего тяготился этимъ визитомъ и никакъ не соглашался принять на себя врученіе письма, хотя ему, какъ старшему, слѣдовало бы сдѣлать это. Я уже былъ спокоенъ. Разумѣется, непріятно было чувство собственнаго ничтожества передъ великимъ мужемъ науки, котораго заслуги признаны всѣми достойными и который имѣетъ право презирать не уважающихъ его. Этого сознанія своей незначительности было уже достаточно, чтобы произвести во мнѣ застѣнчивость и робость предъ Савиньи. Присоединилось къ тому еще понятіе, что

умственное превосходство этого человѣка должно было непремѣнно отразиться въ его наружности, въ его обращеніи. Мнѣ, однако, пріятно было, что случай свелъ насъ подъ открытымъ небомъ: тутъ я былъ ближе къ Савиньи, или я возвышался, или онъ становился ниже, насъ окружала природа свѣтлая, величественная, предъ которой величіе человѣческое преклоняетъ колѣни. При томъ было ясно, какая-то особая свѣжесть придавала всему необыкновенную прелесть: дѣло было невозможное сохранить въ такую погоду мрачное чело.»

«И, въ самомъ дѣлѣ, когда лакей доложилъ Савиньи, что двое русскихъ имѣютъ вручить ему письмо, онъ всталъ, положилъ книгу, которую читалъ, и вышелъ изъ бесѣдки къ намъ на встрѣчу, на полудорогѣ снялъ фуражку и раскланялся преласково. Взявъ пальто, онъ просилъ насъ накрыться и при томъ спросилъ довольно небрежно, изъ какихъ мы губерній, угадавъ, къ кому изъ насъ относились помянутыя въ письмѣ фамиліи.»

«Ходя съ нами по аллеѣ, Сивиньи просилъ сообщить ему новости о юристахъ и юриспруденціи въ Россіи, о заведеніяхъ, въ которыхъ преподаются у насъ права. Мы назвали университетъ, педагогической институтъ, училище правовѣдѣнія. Онъ спросилъ: почему у насъ раздроблено все это, не лучше ли было бы сосредоточить все въ одномъ? Разумѣется, лучше было бы; но я сказалъ ему причину, по которой этого нѣтъ. Онъ вспомнилъ про Неволина: ему уже извѣстно было, что тотъ издалъ «Энциклопедію»... Мы боялись его долѣе безпокоить и стали было откланиваться. Тогда онъ, остановивъ насъ, сказалъ: «Вы пріѣхали сюда заниматься: позвольте мнѣ вамъ дать совѣтъ. Онъ будетъ двоякій: во первыхъ, постарайтесь сблизиться съ профессорами, которыхъ вы слушаете (уже прежде спросилъ онъ насъ, чьи мы лекціи посѣщаемъ, и я назвалъ ему Гомейера и Рудорфа). Вы слушаете отличныхъ профессоровъ: спросите у нихъ совѣта касательно дальнѣйшихъ вашихъ занятій и касательно профессоровъ, которыхъ вы должны слушать въ зимній семестръ. Во вторыхъ, познакомьтесь съ молодыми людьми, въ которыхъ вы замѣчаете ревность къ дѣлу; бесѣды, толки о вашемъ предметѣ могутъ быть для васъ

полезны: отъ взаимной мѣны и они, и вы выиграете. Желаю вамъ успѣха. Вы много можете узнать у насъ хорошаго, надѣюсь по крайней мѣрѣ.» Мы благодарили его. Я сказалъ, что хорошо было бы, еслибъ можно было столько взять, сколько даютъ намъ здѣсь. Мнѣ показалось неприличнымъ изъявить сожалѣніе, что не удалось намъ слушать его: странно намъ хвалить Савиньи...»

Люди посторонніе и даже товарищи Мейера не могли не удивляться, видя отношенія его къ студентамъ, и, дѣйствительно, такого сильнаго вліянія на молодые умы, такой теплой привязанности къ профессору рѣдко случалось встрѣчать. Какъ велика была въ студентахъ вѣра въ своего профессора, можно судить уже потому, что, какой бы горячій споръ ни возникалъ въ аудиторіи, онъ мгновенно прекращался, если кто нибудь, вмѣсто всякихъ возраженій, говорилъ: это сказалъ Мейеръ, это его мысль. Въ мое время, да навѣрное и послѣ, у студентовъ юридическаго факультета это считалось неопровержимымъ аргументомъ. Вліяніе Мейера продолжалось даже за университетскими стѣнами. По собственному опыту говорю, что со вступленіемъ на службу если удавалось, на сколько позволяетъ незначительность должности, исполнить честно какое нибудь дѣло, то первая мысль всегда: какъ бы Мейеръ остался доволенъ, что я поступилъ такъ! Примѣръ трогательной привязанности къ наставнику показалъ одинъ изъ бывшихъ слушателей Мейера, Мартыновъ. Бѣдный молодой человѣкъ, по окончаніи курса въ университетѣ, сталъ страдать неизлечимымъ недугомъ и скоро почувствовалъ приближеніе смерти. Въ предсмертныя минуты онъ вспомнилъ о любимомъ профессорѣ: Мейеръ, долго и безуспѣшно хлопоталъ, чтобы пріобрѣсти сочиненіе г. Кавелина: «Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства въ періодъ времени отъ уложенія до учрежденія о губерніяхъ». У Мартынова была эта книга, и онъ завѣщалъ ее своему наставнику. «Благодарю васъ за книгу Мартынова, писалъ Мейеръ къ товарищу его, К. С. Киндякову, исполнившему послѣднюю волю покойнаго. Дорогая и рѣдкая книга! Не думалъ и не гадалъ я, что послѣ всѣхъ моихъ поисковъ добуду ее, перешагнувъ черезъ трупъ любезнаго мнѣ человѣка.

Грустно съ вещію соединять воспоминаніе о чемъ либо невозвратномъ или утратѣ...»

Даже въ мелочахъ иногда проявлялось это вліяніе профессора на студентовъ: одинъ изъ его слушателей, кончившій курсъ лѣтъ шесть, когда Мейеръ пріѣхалъ въ послѣдній разъ въ Петербургъ, признавался, что онъ не рѣшился побывать у профессора единственно потому, что служилъ по такому вѣдомству (коннозаводскому), гдѣ не имѣлъ случая примѣнять къ дѣлу пріобрѣтенныхъ въ университетѣ по юридическому факультету знаній.

У Мейера было любимою, задушевною мыслію — приготовленіе честныхъ и просвѣщенныхъ дѣятелей для гражданской службы. А такъ какъ судебная часть болѣе прочихъ у насъ нуждается въ такихъ дѣятеляхъ, то онъ и старался убѣждать своихъ студентовъ избирать службу преимущественно по министерству юстиціи. Если ему возражали, что въ томъ встрѣчаются разныя препятствія, то онъ, всегда спокойный и невозмутимый, начиналъ даже сердиться и старался приводить самыя убѣдительныя доказательства, напоминая о долгѣ каждаго служить не для того, чтобы выслуживаться, но приносить пользу государству и гражданамъ. Должно сознаться, что дѣйствительность брала часто верхъ надъ благородными убѣжденіями профессора, и не всѣ изъ его студентовъ избирали любимую имъ карьеру, но, къ чести молодаго поколѣнія, надобно прибавить, что были изъ учениковъ Мейера и такіе, которые, презирая разными выгодами, осуществляли на дѣлѣ желаніе профессора; ихъ даже можно встрѣтить и тамъ, гдѣ болѣе, нежели гдѣ либо, научаешься смирять свои самые лучшіе помыслы передъ суровою дѣйствительностію. Одинъ изъ любимыхъ студентовъ Мейера пріѣхалъ въ Петербургъ съ твердымъ намѣреніемъ служить по судебной части; но, по прибытіи сюда, его взяло раздумье объ избранномъ поприщѣ, онъ писалъ о томъ Мейеру и въ отвѣтъ получилъ слѣдующее: «по бывшимъ между вами и мною разговорамъ, я долженъ думать, что выслушанные вами въ Петербургѣ доводы противъ службы по судебной части не были для васъ неожиданными и даже не могли имѣть прелести новизны. По моему, дѣло весьма просто: вы готовились къ званію

юриста, прошли школу теоретическую, практическое же образованіе у васъ еще впереди. Хотите вы сдѣлаться юристомъ или нѣтъ? Хотите, то довершите свое образованіе практикой и воспользуйтесь представляющимися вамъ наиболѣе благопріятными обстоятельствами. Не хотите, то спросите себя, чѣмъ же вы быть хотите, и сообразно тому изберите себѣ дорогу. Имѣйте въ виду главнымъ образомъ одно: желаете вы достигнуть извѣстной цѣли, то рѣшайтесь и на избраніе тѣхъ средствъ, которыя ведутъ къ этой цѣли, все равно, трудны ли они, или легки, привлекательны или нѣтъ, лишь бы вамъ они были по силамъ. Могу вамъ сказать навѣрное, что въ канцеляріи... вы не закрѣпите своего юридическаго образованія и что во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ міра судебное поприще составляетъ цѣль правовѣда-практика...» За тѣмъ въ письмѣ говорится, что быстрота возвышенія нѣкоторыхъ, кончившихъ курсъ въ извѣстномъ привилегированномъ заведеніи, не исключаетъ также возможности идти впередъ по службѣ и студентамъ, въ доказательство чему и приведены имена людей, счастливыхъ по службѣ по судебной части и, однако, кончившихъ курсъ въ университетахъ.

Заботясь объ образованіи честныхъ и опытныхъ юристовъ, Мейеръ былъ вполнѣ убѣжденъ, что этого можетъ онъ достигнуть только тогда, когда молодые люди еще въ аудиторіи поймутъ и сознаютъ всю важность честнаго убѣжденія и усвоятъ себѣ направленіе, которымъ всякій истинно просвѣщенный человѣкъ считаетъ обязанностію слѣдовать въ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ. Профессору было очень хорошо извѣстно, что, при отсутствіи направленія и убѣжденій, наука останется безсильною въ приложеніи къ дѣйствительности или, что̀ еще хуже, будетъ тотчасъ же забыта, какъ только молодой человѣкъ покинетъ университетъ. Въ этомъ отношеніи усилія и дѣятельность Мейера были главнѣйшею заслугою во все время профессорства его въ Казани, и нѣтъ сомнѣнія, что если будетъ когда нибудь писаться исторія нашего университета — конечно, такая исторія, которая будетъ состоять не изъ одного перечня разныхъ распоряженій и не изъ однѣхъ копій съ формулярныхъ списковъ, но гдѣ будетъ раскрыта внут-

ренняя жизнь университета и степень вліянія его на распространеніе свѣтлыхъ мыслей и честныхъ убѣжденій въ отдаленномъ отъ центровъ образованности края — то повѣствованіе о Мейерѣ, какъ дѣятельномъ пособникѣ къ развитію въ молодежи благородныхъ стремленій, должно занять одну изъ лучшихъ страницъ въ исторіи Казанскаго университета.

Мейеръ былъ врагъ лжи, и въ своихъ лекціяхъ онъ гнушался доказывать своимъ слушателямъ, что черное, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть бѣлымъ. Онъ всегда училъ, что, признавши разъ то или другое воззрѣніе, ту или другую систему за ложныя, невозможно уже въ нихъ находить ни истины, ни правды. Въ своихъ лекціяхъ онъ прямо и довѣрчиво указывалъ студентамъ несообразности и несправедливости, если замѣчалъ ихъ въ предметѣ, никогда не скрывалъ, что иногда подъ наружно невинною формою бываетъ самое вопіющее злоупотребленіе, и не обходилъ молчаніемъ такъ называемыхъ щекотливыхъ вопросовъ, если только видѣлъ, что съ объясненіемъ ихъ будетъ виднѣе истина и раскроется ложь. Когда случалось Мейеру дѣлать отступленія въ своихъ лекціяхъ въ формѣ поученій, совѣтовъ или предостереженій, что̀, разумѣется, съ его стороны происходило случайно и неожиданно, всѣ студенты оставляли перья и, будто по уговору впередъ, начинали съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдить за словами профессора, боясь проронить каждый звукъ ихъ. Въ эти минуты рѣчь молодаго профессора, дотолѣ тихая и спокойная, раздавалась громче по аудиторіи, добродушное лице дѣлалось задумчивымъ и серьёзнымъ и, вмѣсто обычной блѣдности, на немъ показывался болѣзненный румянецъ. По окончаніи такихъ импровизацій, Мейеръ видимо уставалъ, лекція продолжалась тихимъ голосомъ, и перья студентовъ снова начинали скользить по тетрадямъ.

Правдивость и откровенность Мейера были главнѣйшею причиною того обаятельнаго вліянія, которое онъ имѣлъ на всѣхъ своихъ слушателей. Бываютъ наставники, которые вообще невысокаго мнѣнія о молодежи и думаютъ, что ихъ ученикамъ знать то или другое рано или неумѣстно. Другіе такого мнѣнія изъ

разсчетовъ, умываютъ руки и говорятъ: узнаютъ и безъ меня, когда будетъ нужно! Третьи, не имѣя сами никакихъ убѣжденій, не могутъ сообщить въ своихъ лекціяхъ того, что̀ могло бы выработать въ молодыхъ людяхъ истинный взглядъ на предметы. Вредъ отъ *laisser aller* въ преподаваніи науки или отъ недостатка качествъ, необходимыхъ для наставника, неисчислимъ, и профессоръ никогда не добьется отъ молодыхъ людей безкорыстной преданности и любви къ наукѣ; у него всегда будутъ выходить на экзамены юноши не для показанія пріобрѣтенныхъ ими знаній, а только для удостовѣренія, что имъ отъ природы дана память затверживать успѣшно и къ извѣстному дню сотни писаныхъ листовъ. Молодыхъ людей обвиняютъ въ легковѣріи и пылкости; но за то у нихъ сердце, еще не помятое житейскимъ опытомъ, всегда способнѣе сочувствовать истинѣ и ненавидѣть ложь. Часто наставники не хотятъ этого знать и, не желая быть откровенными съ своими слушателями, хитрятъ съ ними, пуская въ ходъ общія мѣста, гремучія фразы или риторскія прикрасы. Что̀ же выходитъ изъ того? Лекціи, не оживленныя идеею, кажутся наборомъ словъ безъ смысла или такъ безцвѣтны, что слушать ихъ утомительно. Въ обоихъ случаяхъ результатъ получается неутѣшительный: молодые люди или поймутъ, что ихъ считаютъ за недорослей и малолѣтковъ, и платятъ за недовѣріе и пренебреженіе къ себѣ наставника полнѣйшимъ равнодушіемъ къ его наукѣ, или же зубрятъ за два дня до экзамена пройденный въ годъ курсъ и только радуются тому, что не придется заглянуть въ него на слѣдующій годъ.

Мейеръ смотрѣлъ иначе на преподаваніе и на своихъ студентовъ, поэтому-то имѣлъ полное право писать къ одному изъ своихъ пріятелей, увѣдомлявшему его о своемъ предположеніи, что нѣкоторые, не зная еще Мейера, питаютъ уже къ нему нерасположеніе: «если предположеніе, о которомъ ты упоминаешь, есть нѣчто дѣйствительное, а не предположеніе, то честь и слава чутью этихъ господъ, заставляющему ихъ угадывать, что между нами мало общаго; въ самомъ дѣлѣ, даже служеніе одной и той же наукѣ насъ почти не связываетъ: они хотятъ

науку безусловно скромную и уживчивую, чуждающуюся жизни, и хотятъ, чтобы выдаваемое ими за науку исключительно таковою признавалось, хотятъ получить привиллегію на такую науку, и, благодаря общему состоянію юридическаго образованія, ихъ виды почти приходятъ въ исполненіе — они достигаютъ желаемаго; образовать они хотятъ людей приличныхъ, которые бы не иначе стали брать взятки, какъ съ достоинствомъ. Я же хочу науки и практическихъ ея послѣдствій; исполненный уваженія къ наукѣ, я хотѣлъ бы, чтобы и дѣйствительность не отказывала ей въ немъ, т. е. въ истинномъ уваженіи, а не въ пустыхъ, мишурныхъ комплиментахъ, и хотѣлъ бы, чтобъ моя наука являлась достойною такого истиннаго уваженія. Моя наука жадно изучаетъ жизнь и для этого прислушивается и къ сходкѣ крестьянъ, вчитывается въ конторскія книги помѣщика, перебираетъ переписку купцовъ, шныряетъ по толкучему рынку, якшается съ артелью рабочихъ, взбирается на судно къ бурлакамъ, усаживается, какъ дома, не только въ кабинетѣ съ книгами, портфёйлями и разными *petits riens*, но и въ конторѣ бородача или усача-маклера, въ архивѣ суда и въ самомъ судѣ, стараясь не замѣчать, что здѣсь смотрятъ на нее не совсѣмъ благосклонно. Но моя наука за то и сама требуетъ уступокъ отъ дѣйствительности и не мирится со взяточникомъ, какой бы онъ ни былъ «резонеръ» и, впрочемъ, почтенный человѣкъ. Моя наука хочетъ образовать прежде всего юристовъ, а не чиновниковъ приличныхъ. Историческій элементъ есть конекъ людей, съ которыми я расхожусь во взглядѣ и стремленіи и призванъ благовиднымъ образомъ выручить ихъ науку. Неволинъ трудился надъ нимъ добросовѣстно и успѣшно и чрезъ то оказалъ наукѣ услуги незабвенныя; но все-таки исторія права не вся наука права, а сторона ея, средство, долженствующее вести къ высокой цѣли, и я вооружаюсь не противъ исторіи, а противъ усилій присвоить ей софистически исключительное господство въ наукѣ. Дай Богъ, чтобы открывшаяся нынѣ Неволину практическая дѣятельность отвлекла его отъ крайности и побудила употребить свое вліяніе, чтобы снискать уваженіе и другимъ элементамъ науки права......»

Въ гражданскомъ правѣ, доходя до отдѣла объ объектахъ имущественныхъ правъ, Мейеръ всегда высказывалъ мысль о несостоятельности учрежденій, въ силу которыхъ допускалось, что человѣкъ, лице, могъ быть, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, объектомъ права собственности. Лекціи объ этомъ важномъ предметѣ были самыми замѣчательными, потому что затрогивали множество постановленій и обычаевъ, имѣвшихъ за собою право давности, но, тѣмъ не менѣе, вредившихъ дальнѣйшему прогрессу въ жизни цѣлаго государства. Мейеръ старался, при всякомъ удобномъ случаѣ, и на лекціяхъ, и въ бесѣдахъ съ своими студентами, возвращаться къ основной идеѣ, руководившей его въ сужденіяхъ объ этомъ предметѣ, и каждый разъ онъ употреблялъ всю силу доводовъ и убѣжденій въ пользу своего задушевнаго принципа. Сперва этотъ принципъ озадачивалъ немало студентовъ: имъ не приходила даже въ голову дурная сторона учрежденія, потому что увѣренность въ нормальности и непреложности его подкрѣплялась обыкновенно ложными и патріархально-сантиментальными сентенціями, всосанными, такъ сказать, съ молокомъ. Казалось страннымъ опровергать и оспоривать учрежденіе, тѣмъ болѣе почтенное, что многіе изъ студентовъ уже имѣли случай, при помощи его, извлекать сами или черезъ родныхъ своихъ нетрудно добытое, покойное довольство, а съ нимъ уваженіе и вѣсъ въ обществѣ.

Не смотря, однако, на это, Мейеръ и въ этомъ случаѣ успѣлъ достигнуть того, что многіе изъ его студентовъ не только въ университетѣ, но и по выходѣ оттуда долгомъ своимъ считали и до сихъ поръ считаютъ непреложными и справедливыми всѣ мнѣнія профессора касательно имущественныхъ правъ на лице. Въ средѣ тѣхъ студентовъ (ихъ было 12), которые удостоились чести быть экзаменованы Мейеромъ въ первый день его дѣйствительнаго вступленія на служеніе Казанскому университету, черезъ два года нашелся молодой человѣкъ (А. Н. Н.), который самъ владѣлъ населеннымъ имѣніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доказалъ своею диссертаціею, что онъ уже стоялъ выше застарѣлыхъ сословныхъ предубѣжденій. Диссертація носила заглавіе «О крѣпостномъ со-

стоянiи, историко-догматическое разсужденiе» (*), и здѣсь, кромѣ чрезвычайно вѣрнаго взгляда на историческiй ходъ учрежденiя, были помѣщены многiе случаи, выхваченные изъ дѣйствительности и подтверждавшiе основную мысль автора. Диссертацiя, какъ по своей темѣ, такъ и практическому направленiю, обратила на себя особенное вниманiе: въ Казани случилось быть въ то время начальнику той губернiи, которая была болѣе другихъ извѣстна студенту-автору, и тотъ пожелалъ прочесть диссертацiю. Возвращая ее, губернаторъ подтвердилъ, что всѣ приведенные въ диссертацiи современные случаи описаны вѣрно и не подлежатъ потому ни малѣйшему сомнѣнiю. Студентъ удостоился за свое разсужденiе степени кандидата.

Любопытный фактъ, подтверждающiй влiянiе Мейера на своихъ студентовъ внѣ университета, недавно сообщенъ однимъ изъ достойныхъ учениковъ профессора, г. Т. Ш. (**): «Мы, говоритъ онъ, знали, между прочимъ, одного студента, который, до поступленiя своего въ университетъ, былъ испорченъ домашнимъ воспитанiемъ. Среда, въ которой онъ вращался, привила къ нему много разныхъ нелѣпыхъ предразсудковъ и произвела въ немъ совершенную путаницу нравственныхъ понятiй. Случай свелъ его въ университетѣ довольно близко съ Мейеромъ. Въ скоромъ времени студентъ этотъ сталъ не узнаваемъ. Прежнiе предразсудки въ немъ постепенно начали исчезать: онъ полюбилъ науку, и понятiя его прояснѣли. Имѣя капиталъ, студентъ находилъ выгоднымъ для себя купить въ одной изъ сосѣднихъ съ Казанскою губернiею недвижимое имѣнiе. Выгодная покупка его манила; но останавливало одно: мнѣнiе Мейера, который неодобрительно

(*) Въ началѣ авторъ ея говорилъ: «Избравъ предметомъ моего разсужденiя крѣпостное состоянiе въ Россiи, я намѣренъ разсмотрѣть прежде всего, какимъ образомъ постепенно развилось и въ какомъ видѣ существуетъ въ настоящее время это учрежденiе, составляющее особенность нашего отечества. Изслѣдованiе это предпринялъ я съ цѣлью узнать — имѣетъ ли учрежденiе это въ пользу дальнѣйшаго своего существованiя какiя либо выгодныя стороны и, прежде всего, имѣло ли оно какое либо юридическое основанiе?»

(**) «Отеч. Записки» 1858 г., № 5, стр. 11.

смотрѣлъ на существовавшія тогда отношенія владѣльцевъ къ крестьянамъ. По выходѣ изъ университета, упоминаемый нами господинъ уѣхалъ изъ Казани и не видѣлся болѣе съ Мейеромъ. Много потомъ представлялось ему случаевъ къ пріобрѣтенію, и пріобрѣтенію весьма выгодному, разныхъ имѣній; но воспоминаніе о Мейерѣ преслѣдовало его неотступно. Наконецъ онъ употребилъ деньги свои на какое-то промышленное предпріятіе....»

Мейеръ былъ твердо убѣжденъ, что недалеко то время, когда должна прекратиться объективность человѣка въ имущественныхъ правахъ, и что это можетъ и должно, по духу времени, совершиться путемъ законодательнымъ. Въ этомъ убѣжденіи и проникнутый правотою дѣла, онъ своимъ долгомъ считалъ подготовлять молодое поколѣніе къ этому событію, которое, при любви къ рутинѣ и вообще неподвижности общества, могло бы казаться несвоевременнымъ и, пожалуй, сомнительнымъ по своимъ результатамъ. Убѣжденіе Мейера, бывшее въ 40 годахъ только предположеніемъ, сбылось на дѣлѣ: въ концѣ 1857 года Россія, просвѣщенная и сочувствующая успѣхамъ во имя человѣчества, была обрадована Высочайшими рескриптами и рядомъ законоположеній, которыми Государю Императору угодно было осуществить Свое намѣреніе—измѣнить прежнія отношенія владѣльцевъ земель къ лицамъ, поселеннымъ на тѣхъ земляхъ. Читая нынѣ правительственныя распоряженія по этому предмету, невольно и съ грустью вспоминаешь о ранней кончинѣ Мейера: ему не суждено было дожить до счастливѣйшей минуты въ жизни каждаго честнаго человѣка, — минуты, когда, не смотря на всѣ препятствія, осуществляется его завѣтная мысль, встрѣчаемая до того времени съ улыбкой сомнѣнія, какъ нѣчто несовмѣстное съ дѣйствительностію. Ученикамъ Мейера предстоитъ теперь священная обязанность вспоминать чаще, нежели когда либо, завѣтъ дорогаго наставника: то, чему училъ онъ насъ нѣкогда въ скромной аудиторіи, нынѣ, по волѣ нашего Государя и правительства, переходитъ въ дѣйствительность, и, такимъ образомъ, открытъ путь для тѣхъ, кто любитъ науку и истину не въ однѣхъ громкихъ фразахъ, но и на дѣлѣ, въ примѣненіи къ жизни.

Послѣ вопроса о крѣпостномъ состоянiи, важнѣйшее мѣсто въ лекцiяхъ Мейера занимали его сужденiя о выполненiи чиновниками своихъ обязанностей и о служебномъ долгѣ каждаго посвятившаго себя званiю юриста. При этомъ случаѣ, профессоръ всего болѣе старался поселить въ своихъ слушателяхъ омерзѣнiе ко всему тому, что̀ могло клониться къ неправому исполненiю должности и нарушенiю изъ корыстныхъ видовъ силы закона, слѣдовательно ко взяточничеству, казнокрадству, личному пристрастiю и т. п. Замѣчая, что всѣ подобныя преступленiя снисходительно извиняются, къ сожалѣнiю, въ обществѣ, ради разныхъ облегчающихъ обстоятельствъ (въ родѣ недостаточности содержанiя, а иногда какою-то ложно придуманною невинностью взятокъ при извѣстныхъ случаяхъ и пр.), и, такимъ образомъ, находятъ подпору въ общественномъ мнѣнiи, что̀, разумѣется, развращаетъ молодыхъ людей при самомъ вступленiи ихъ на службу, Мейеръ употреблялъ всѣ усилiя, чтобы показать въ настоящемъ свѣтѣ гибельное для государства и гражданъ влiянiе систематическаго и также освященнаго, къ несчастiю, вѣками зла нашего чиновническаго мiра.

Самъ лично Мейеръ чувствовалъ глубокое презрѣнiе, казавшееся даже несовмѣстнымъ съ его обычнымъ благодушiемъ, ко всему, что̀ напоминало взятки: если онъ испытывалъ на себѣ непрiятное чувство при взглядѣ какого нибудь господина, то не находилъ сильнѣе выразить непрiятное ощущенiе, какъ сказавши: «онъ смотрѣлъ на меня, какъ взяточникъ!»

Мейеръ желалъ, чтобы кто нибудь изъ студентовъ его избралъ темою для диссертацiи историческiй обзоръ взяточничества въ Россiи, прибавляя, что такое изслѣдованiе, при доброй волѣ и любви къ истинѣ въ авторѣ, могло быть въ высшей степени полезнымъ. Кажется, что одно время онъ самъ имѣлъ намѣренiе приняться за разработку этого предмета, еще не воздѣланнаго у насъ теоретически, но, тѣмъ не менѣе — увы! — весьма обстоятельно изученнаго на практикѣ. Мейеръ завелъ даже особую тетрадь, куда намѣревался вносить всѣ слышанные имъ случаи взяточничества и крючкотворства. Онъ и при томъ не забылъ научныхъ

пріемовъ: случаи подводились подъ классификацію, имѣвшую въ своемъ основаніи различіе вѣдомствъ Объ этихъ юридическихъ русскихъ мемуарахъ профессоръ любилъ говорить съ студентами и никогда не пропускалъ сообщать имъ, если удавалось записать что либо новое.

Нѣкоторые изъ этихъ случаевъ памятны мнѣ такъ, какъ ихъ разсказывалъ самъ Мейеръ. Напримѣръ: одна старуха, получивъ подъ конецъ жизни отпускную, просила о засвидѣтельствованіи ея. Лице, отъ котораго это зависѣло, долго отнѣкивалось исполнить ходатайство то за недосугомъ, то за справками. Наконецъ старуха, вѣроятно, боясь умереть прежде засвидѣтельствованія, что она вольная, пристала къ лицу съ воплями и низкими поклонами въ землю, приводя всѣхъ святыхъ во свидѣтели, что по бѣдности своей не въ состояніи она дать благодарности, а о ней уже не разъ упоминали ей. Умилилось лице при видѣ отчаянія старухи, подняло ее съ земли и добродушно сказало: «эхъ, старушка, старушка, вижу, что ты бѣдна и что тебѣ нужно отпускную; да ты разсуди сама, вѣдь и мнѣ надобно что нибудь да ѣсть, и у меня дѣти малъ-мала-меньше. Ну, какъ тутъ быть?...Вотъ ты говоришь, что бѣдна, а у самой на головѣ платокъ новёшенькій: подари-ка мнѣ его, бабушка! Съ меня будетъ довольно. Не дорогъ твой подарокъ, дорога твоя любовь.» Старуха сняла съ сѣдыхъ волосъ платокъ, который на послѣдніе гроши купилъ ей къ празднику сынъ (послѣдній былъ у Мейера въ услуженіи и разсказывалъ ему эту исторію о разжалобившемся лицѣ), и отпускная была засвидѣтельствована предписаннымъ въ законахъ порядкомъ. Другой случай: около села Нарманки было найдено мертвое тѣло; его привезли въ селеніе и, въ ожиданіи осмотра, оставили въ отдаленной, нежилой избѣ. Когда же приступлено было къ свидѣтельству, то кто слѣдуетъ замѣтили, что изба недостаточно свѣтла и потому потребна другая, болѣе удобная. Извѣстно, что такія бываютъ только у зажиточныхъ мужиковъ: вотъ и пошли съ мертвымъ тѣломъ къ самому богатому крестьянину. Нашъ простой народъ вообще не любитъ покойниковъ, а трупоразъятія для него просто омерзительны; а потому хозяинъ избы, гдѣ назначалось про-

извести осмотръ, постарался приличными къ дѣлу средствами отклонить отъ себя незваныхъ гостей. Трупъ понесли было къ воротамъ другаго, также богатаго крестьянина: тотъ, разумѣется, поступилъ, какъ первый его односелецъ. Пошли къ третьему и т. д. Послѣ долгихъ переходовъ съ мертвымъ тѣломъ отъ одной къ другой избѣ, порѣшили кто слѣдуетъ тѣмъ, чтобы медицинское освидѣтельствованіе произвести въ той самой избѣ, которая сначала показалась темною.

Кàкъ обязанность профессора, казалось бы, ни далека отъ того, чтобы въ исполненіи даже ея могли встрѣтиться случаи къ мздоимству, однако, Мейеру, какъ нарочно, удалось испытать на дѣлѣ, что взяткодательство нагло посягаетъ на развращеніе и честнаго служителя науки. Надобно знать, что Мейеръ, желая процвѣтанія юридическаго факультета и полагая, что для того необходимы у насъ строгіе вступительные экзамены, самъ напросился въ секретари испытательнаго комитета (*) и отправлялъ эту обязанность чрезвычайно строго, такъ что при немъ не было никакой надежды поступить въ юристы какому нибудь лѣнтяю-забулдыгѣ или матушкину сынку-баричу, который, вмѣсто ученія, даетъ обѣды своимъ наставникамъ. Въ первый годъ его секретарства (1847) въ Казань явилась одна степная помѣщица съ сыномъ, взрослымъ

(*) Кстати замѣтимъ, что Мейеру были неизвѣстны жажда отличій и искательства по службѣ. Въ этомъ отношеніи любопытно его письмо къ пріятелю объ избраніи его, Мейера, въ деканы юридическаго факультета, гдѣ онъ говоритъ: «Мои избиратели имѣли въ виду, чтобы деканъ былъ юристъ, что составляетъ и мое желаніе, и, при томъ, самое искреннее. Мнѣ очень жаль, что изъ юристовъ я одинъ могъ быть избранъ и что долженъ желать ему успѣха предъ высшимъ начальствомъ. Мое честолюбіе, право, не просится на поприще деканскихъ заслугъ: я питаю честолюбіе профессора—руководителя юношества, а не чиновника. Не будучи очень усидчивымъ и при слабомъ здоровьи, я долженъ даже опасаться, что деканство отвлечетъ меня отъ другихъ, болѣе сообразныхъ моимъ склонностямъ занятій. Искренно сожалѣю, что Ст-ій выбываетъ отсюда: черезъ короткое время его бы можно было произвести въ ординарные профессора и вручить ему деканскій жезлъ. *Ни въ какомъ случаѣ* деканство не поколеблетъ прежнихъ моихъ плановъ и намѣреній, не внушитъ мнѣ привязанности къ Казани, которой остаюсь чуждымъ до сихъ поръ, не смотря на 9-лѣтнее въ ней пребываніе...»

дѣтиною, который весьма основательно изучалъ въ родномъ помѣстьѣ правила псовой охоты и чувствовалъ слабость къ крестьянкамъ. Его-то, по словамъ чадолюбивой родительницы, слѣдовало «опредѣлить» въ университетъ, для чего пріѣхала она сама лично похлопотать. Казанцы говорили ей, что въ испытательномъ комитетѣ секретарь строгій — не даетъ никому пощады, и что, слѣдовательно, сынокъ ея можетъ и не быть «опредѣленъ» въ студенты. Хлопотливая госпожа, слыша это, качала головой и съ значительной улыбкой говорила: «Секретарь строгъ? не безпокойтесь: всѣ дѣла по имѣнію сама обдѣлываю, такъ ужь я обстрѣленая птица: знаю, что̀, какъ и гдѣ слѣдуетъ.» Вскорѣ она и начала хлопотать: никогда не знавши и не видавши Мейера, отправила къ нему посланца. Этотъ явился къ профессору и съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, какъ подобаетъ человѣку, пріобыкшему къ такого рода порученіямъ, прямо сказалъ: госпожа *N* приказала вамъ, Дмитрій Ивановичъ, кланяться и сказать, что она пріѣхала въ Казань опредѣлять сынка въ университетъ, такъ по этому случаю проситъ васъ принять вотъ этотъ кулекъ съ сахаромъ и чаемъ. Такая наглость поразила Мейера: едва могъ онъ выговорить слугѣ своему, указывая на посланнаго: «Выведи его отсюда!» Госпожа *N*. была также разсержена и, съ желчью разсказывая о томъ по городу, прибавляла: «Что̀ дѣлать, промахъ дала! Ужь нынѣ не такія времена, чтобъ удовольствовать какого нибудь учителя кулечкомъ съ чаемъ да сахаромъ: послала бы пакетъ съ приложеніемъ сотенки другой, такъ бы отвѣчали: приказали-де благодарить, а сынъ-то былъ бы въ университетѣ!» Эти слова дошли до Мейера, и онъ, окончательно разстроенный и взбѣшенный, едва не захворалъ серьёзно.

Пишущій эти строки сообщаетъ здѣсь о Мейерѣ только то, что̀ онъ лично зналъ и слышалъ о своемъ профессорѣ. Къ сожалѣнію, отъѣздъ изъ Казани, въ 1848 г., не дозволилъ узнать ему во всей подробности о дѣятельности Мейера, не только какъ профессора, но и ходатая по частнымъ дѣламъ. И въ первые года своего профессорства онъ не разъ жаловался на недостатокъ въ Россіи честныхъ и образованныхъ адвокатовъ, при чемъ всегда

утверждалъ, что это званіе одно изъ самыхъ почетныхъ и полезныхъ въ государствѣ. Мейеръ желалъ примѣнять на дѣлѣ свои многостороннія свѣдѣнія въ отечественномъ законодательствѣ съ тою цѣлью, чтобы доказать и въ присутственныхъ мѣстахъ необходимость и важность теоретическаго образованія для юриста-практика. Извѣстно, что существуетъ мнѣніе, будто высшее образованіе въ университетѣ (разумѣя факультетъ юридическій) не приноситъ, при поступленіи на службу, большой пользы, такъ какъ тамъ не настоитъ надобности въ свѣдѣніяхъ, добытыхъ наукою, а нужно только быть начетчикомъ Свода Законовъ, каковымъ сдѣлаться можно и не бывши въ университетѣ. Мейеръ былъ сильнымъ противникомъ этого мнѣнія и, по своему обыкновенію, не любя доказывать что нибудь фразами и декламаціей, рѣшился собственнымъ примѣромъ опровергнуть любимую мысль рутинёровъ. Профессоръ нашелъ время заниматься и частными дѣлами, и первые опыты его на этомъ поприщѣ увѣнчались блистательными результатами. Быть можетъ, кто нибудь изъ студентовъ 50 годовъ подѣлится также своими воспоминаніями о Мейерѣ и сообщитъ болѣе обстоятельныя извѣстія объ этой назидательной для молодыхъ юристовъ сторонѣ его дѣятельности. Въ ожиданіи такихъ воспоминаній, помѣщаемъ здѣсь разсказъ, который о Мейерѣ былъ уже сообщенъ въ «Современникѣ» за 1857 годъ (*). Положительно извѣстно, что этотъ разсказъ переданъ лицемъ, хорошо знавшимъ покойнаго профессора. При томъ же, случай, разсказанный тамъ, въ свое время былъ такъ извѣстенъ, что можно ручаться вполнѣ за его достовѣрность.

«Одинъ купецъ разъ или два съ большою пользою для себя совершалъ продѣлку, на которую рѣшается Большаковъ (въ комедіи Островскаго). Пріобрѣтя опытность въ этомъ выгодномъ упражненіи, онъ вздумалъ еще разъ объявить себя банкрутомъ и предложилъ своимъ кредиторамъ получить по пяти или по десяти копѣекъ за рубль. Прежнія продѣлки такого рода удачно сходили ему съ рукъ. Никто не могъ или не хотѣлъ его уличить въ злост-

(*) № 6, стр. 49.

номъ банкротствѣ. Онъ думалъ, что и теперь дѣло кончится по прежнимъ примѣрамъ. Но Мейеръ сказалъ кредиторамъ, что готовъ взять на себя управленіе дѣлами конкурса. Вице-губернаторомъ былъ тогда человѣкъ благонамѣренный, и Мейеръ могъ вести дѣло строгимъ законнымъ порядкомъ. Долгаго времени, большаго труда стоило ему привести въ порядокъ счеты торговца, веденные, по общему обычаю, безалабернымъ образомъ и, сверхъ того, умышленно запутанные и наполненные фальшивыми цифрами. Всѣ средства подкупа, обмана и промедленія были употреблены должникомъ и его партизанами. Все напрасно. Мейера было нельзя ни запугать, ни обольстить, ни обмануть. Онъ сидѣлъ надъ счетными книгами и записками и, наконецъ, привелъ дѣло въ ясность. Онъ доказалъ злостность, и банкротъ былъ арестованъ. Мѣсяцъ проходилъ за мѣсяцемъ въ извѣстныхъ переговорахъ между банкротомъ и его партизанами. Всѣ ихъ усилія оказывались напрасными. Банкротъ сидѣлъ подъ арестомъ, Мейеръ былъ непоколебимъ. Такъ прошло около года. Наконецъ банкротъ убѣдился, что не можетъ ни обольстить Мейера, ни пересилить его. Онъ заплатилъ долги своимъ кредиторамъ и былъ выпущенъ изъ-подъ ареста. И прямо изъ-подъ ареста явился въ квартиру Мейера. Какъ вы думаете, съ какимъ словами? «Благодарю тебя, уважаю тебя, сказалъ онъ бывшему своему сопернику: на твоемъ примѣрѣ увидѣлъ я, что̀ значитъ быть честнымъ. Черезъ тебя я узналъ, что я поступалъ дурно. У насъ такъ принято дѣлать, какъ дѣлалъ я. Ты мнѣ раскрылъ глаза. Теперь я понимаю, что̀ дурно и что̀ хорошо. Изъ всѣхъ людей, съ которыми имѣлъ я дѣло, я вѣрю тебѣ одному. Во всѣхъ своихъ дѣлахъ я буду слушаться тебя; а ты не оставь меня своимъ совѣтомъ...»

Въ сентябрѣ 1855 года, бывшіе студенты Мейера, находящіеся въ Петербургѣ, узнали, что онъ переходитъ на службу въ здѣшній университетъ и уже пріѣхалъ. Всѣ его старые ученики наперерывъ старались повидаться съ наставникомъ, къ которому привязанность не охладили ни житейскій опытъ, ни давняя разлука (нѣкоторые не видались съ профессоромъ 7—8 лѣтъ). Они

были встрѣчены Мейеромъ точно такъ же, какъ принималъ онъ ихъ, едва вышедшихъ изъ отрочества студентовъ въ Казани, т. е. съ обыкновенною своею привѣтливостію и радушіемъ. Только бесѣда была оживленнѣе, потому что и хозяинъ, и гости не могли скрыть взаимной радости. Мейеръ въ высшей степени интересовался до малѣйшихъ подробностей занятіями каждаго, внимательно вслушивался въ сужденія и высказанные при томъ взгляды своихъ учениковъ и старался самъ наводить разговоръ на такіе предметы, говоря о которыхъ нельзя было не высказаться. Легко было замѣтить удовольствіе на лицѣ его, когда онъ замѣчалъ, что, по мѣрѣ силъ и возможности, бо̀льшая часть его учениковъ оставались вѣрными тому, чему онъ съ такою любовью училъ ихъ въ аудиторіяхъ университета. Послѣ первыхъ свиданій съ Мейеромъ въ Петербургѣ, насъ поразило особенно одно обстоятельство: прохожденіе по службѣ и даже нѣкоторыя обстоятельства изъ частной жизни всѣхъ почти бывшихъ здѣсь казанскихъ студентовъ Мейеръ зналъ очень хорошо, такъ что ему не стоило большаго труда бесѣдовать съ нами, какъ будто мы съ нимъ никогда и не разставались. Одинъ изъ насъ замѣтилъ ему о томъ. «Что̀ жь тутъ удивительнаго? отвѣчалъ Мейеръ съ улыбкой. Со многими изъ васъ или товарищей вашихъ я въ постоянной перепискѣ; притомъ же, теперь моихъ слушателей немало на службѣ, и для меня любопытны и приказы по гражданскому вѣдомству: тамъ часто встрѣчаются знакомыя мнѣ имена, и я радуюсь успѣхамъ ихъ по службѣ, особенно, когда услышу, что они оправдываютъ на дѣлѣ мои надежды на нихъ...» Изъ бумагъ Мейера оказа̀лось послѣ, что у него записывались въ особую книгу имена всѣхъ его студентовъ, и противъ каждаго имени были отмѣтки о дальнѣйшей судьбѣ молодаго человѣка внѣ университета.

Съ переѣздомъ Мейера въ Петербургъ, старые его ученики здѣсь пріобрѣли въ немъ снова какъ будто самаго близкаго роднаго или друга. Почти ежедневно являлся къ нему то тотъ, то другой или съ просьбою совѣта по дѣламъ, въ которыхъ затруднялись, или для передачи интересныхъ для профессора случаевъ изъ служебной практики, или, наконецъ, просто для того, чтобы

пользоваться его бесѣдою. За мѣсяцъ до кончины къ нему пришли вечеромъ двое изъ его бывшихъ студентовъ. Мейеръ былъ въ самомъ счастливомъ расположеніи духа. Со смѣхомъ онъ указалъ на два письменные стола, которые недавно купилъ. «Знаете ли, для чего именно два, говорилъ онъ: для того, что я читаю лекціи въ школѣ правовѣдѣнія и стану читать въ университетѣ. Лекціи будутъ неодинаковы, и мнѣ пришла фантазія и дома заниматься на отдѣльныхъ столахъ, чтобы не смѣшивать студентовъ съ правовѣдами...» Потомъ зашелъ разговоръ о литературѣ. Мейеръ показалъ при томъ, что онъ находилъ время слѣдить за всѣми журналами (*) и читалъ всѣ замѣчательныя литературныя произведенія. Какъ за 10 лѣтъ передъ тѣмъ, онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ о Бѣлинскомъ, восхищался его особеннымъ эстетическимъ чутьемъ подмѣчать красоты произведеній Пушкина и въ доказательство тому привелъ изъ разбора Бѣлинскаго извѣстнаго стихотворенія

Для береговъ отчизны дальней...!

заключеніе о немъ критика, что «это мелодія сердца, музыка души, непереводимая на человѣческій языкъ и, тѣмъ не менѣе, заключающая въ себѣ цѣлую повѣсть, которой завязка на землѣ, а развязка на небѣ....»

Изъ современныхъ русскихъ поэтовъ Мейеру болѣе всѣхъ нравился ***.... Онъ разсказывалъ при томъ, что этого писателя, въ Казани, по крайней мѣрѣ, можно назвать, какъ и Беранже, поэтомъ всѣхъ этажей: одному студенту, г. Ч—ну, пришло на мысль составить сборникъ избранныхъ стихотвореній ***, и это онъ исполнилъ съ такимъ тактомъ, что его рукопись списывали наперерывъ, и скоро сборникъ въ копіяхъ можно было найти въ рукахъ помѣщиковъ, студентовъ, писарей, почтальйоновъ и проч. Десятилѣтнее пребываніе въ Казани не изгладило еще въ Мейерѣ свѣт-

---

(*) Не читалъ онъ только одной газеты, которой не любилъ въ юности, и у него было сдѣлано распоряженіе по этому случаю одинъ разъ навсегда — ни подъ какимъ видомъ не держать въ его квартирѣ даже одного нумера нелюбимаго періодическаго изданія.

лыхъ воспоминаній его о годахъ, проведенныхъ за границей. Когда рѣчь зашла о Шлоссерѣ, онъ съ удовольствіемъ разсказывалъ, что знаменитый германскій историкъ, не смотря на преклонныя лѣта, еще бодръ и, по прежнему, посвящаетъ все время лекціямъ и кабинетнымъ занятіямъ, разъ только въ недѣлю принимаетъ у себя студентовъ, лично ему рекомендованныхъ или посвятившихъ себя изученію исторіи, и въ пріемный день онъ чрезвычайно любезенъ, веселъ и разговорчивъ. За тѣмъ все остальное время послѣ лекцій Шлоссеръ употребляетъ на чтеніе всѣхъ возможныхъ европейскихъ и американскихъ журналовъ и составленіе нужныхъ изъ нихъ выписокъ. Когда онъ чувствуетъ усталость, то для отдохновенія читаетъ итальянскихъ поэтовъ, изъ которыхъ болѣе всѣхъ любитъ Данта. Мейеръ припомнилъ подслушанный имъ за табльдотомъ разговоръ двухъ нѣмецкихъ студентовъ, изъ которыхъ одинъ мѣтко замѣтилъ, что Шлоссеръ читаетъ лекціи такъ, какъ будто бо̀льшая часть ихъ состоитъ изъ предложеній въ скобкахъ—in parenthesis. Сравненіе это идетъ даже и къ печатнымъ произведеніямъ Шлоссера. Вообще его первыя лекціи не производятъ впечатлѣнія; но потомъ, чѣмъ далѣе слушаешь ихъ, тѣмъ болѣе становятся онѣ привлекательными, а благородство взгляда и безпристрастіе мудреца дѣлаютъ Шлоссера любимцемъ студентовъ.

Недолго мы въ Петербургѣ имѣли счастіе видать и бесѣдовать съ любимымъ профессоромъ. Съ наступленіемъ зимы, здоровье Мейера видимо разрушалось. Напрасно онъ увѣрялъ, какъ всѣ страдающіе неизлечимыми недугами, что ему лучше, напрасно боролся съ страданіями и не задолго до кончины, едва живой, началъ курсы сначала въ школѣ правовѣдѣнія, а потомъ въ университетѣ...

Въ это время «у одного изъ друзей Мейера случилось важное дѣло, въ рѣшеніи котораго участвовалъ бы онъ, еслибъ былъ здоровъ. Но онъ лежалъ въ изнеможеніи смертельной болѣзни. Его пріятель началъ свое дѣло — оно пошло неудачно; оскорбленный искатель хотѣлъ прекратить свой искъ и изнемогъ отъ оскорбленія. Мейеръ узналъ о томъ. Искъ его друга казался ему справедливымъ. Выигрышъ дѣла былъ слишкомъ важенъ для этого че-

ловѣка. Мейеръ велѣлъ одѣть себя. Его вывели или вынесли и положили на сани — дѣло было зимою — его накрыли шубами, и онъ поѣхалъ чрезъ весь Петербургъ къ своему другу, жившему на другомъ концѣ города. «Твое дѣло право. Ты долженъ собрать послѣднія физическія силы и явиться въ среду въ то засѣданіе, гдѣ рѣшается твоя участь. Я буду тамъ.» Пріятель уговаривалъ его не подвергать себя смерти новымъ путешествіемъ по зимнему воздуху и волненіемъ, которое было бы неизбѣжно для Мейера при защитѣ его. Но Мейеръ былъ непреклоненъ. «Будешь ты или не будешь тамъ въ среду, а я буду. Не заставь же меня ждать тамъ тебя понапрасну.» Тогда пріятель, видя, что отказаться нельзя, сталъ говорить, что надобно отсрочить дѣло до другаго дня. «Я еще очень слабъ, говорилъ онъ: если ты не жалѣешь себя, то дай мнѣ нѣсколько оправиться отъ болѣзни.» Мейеръ не соглашался на отсрочку; пріятель съ своей стороны доказывалъ необходимость ея для себя. Долго убѣждалъ его Мейеръ: тотъ рѣшительно не соглашался на среду и требовалъ отсрочки. «Ты наконецъ заставляешь меня сказать то, чего я не хотѣлъ говорить: въ среду я навѣрное могу быть въ засѣданіи, потому что будь еще живъ. А за другой день не ручаюсь.» Въ среду Мейеръ и его другъ явились въ засѣданіе: дѣло друга было выиграно, благодаря энергіи Мейера...» (*)

16 января боль въ груди до того усилилась у Мейера, что онъ не могъ уже лежать въ постели: его пересадили въ кресла. Одинъ родственникъ его пришелъ тогда навѣстить больнаго. Тотъ сидѣлъ за книгой и читалъ. Пришедшій сталъ выговаривать Мейеру, зачѣмъ онъ занимается, когда чувствуетъ себя нехорошо. «Это невредно, сказалъ Мейеръ, съ улыбкой указывая на сочиненія Пушкина: такая книга мнѣ вмѣсто десерта...»

Утромъ 18 января Мейеръ еще уговаривалъ своего отца не очень безпокоиться на счетъ его болѣзни. Потомъ больнаго оставили одного, такъ какъ онъ пожелалъ отдохнуть... Черезъ нѣ-

---

(*) Этотъ случай изъ послѣднихъ дней жизни Мейера заимствованъ изъ «Современника» 1857 г., № 8. Библіографія, стр. 8—10.

сколько часовъ вошли въ комнату Мейера: онъ уже былъ холоденъ.

Не стану профанировать памяти покойнаго наставника описаніемъ горести тѣхъ, кто зналъ его: подобныя описанія встрѣчаются и въ академическихъ панегирикахъ, и надутыхъ надгробныхъ словахъ о такихъ лицахъ, которыя даже не подозрѣвали, что можно и должно жить такъ, какъ жилъ Мейеръ.

Въ церкви, на похоронахъ Мейера, отъ людей, которыхъ въ Петербургѣ видишь съ однимъ и тѣмъ же заученымъ выраженіемъ въ лицѣ и на свадьбахъ, и на похоронахъ, рѣзко отличались печальные друзья и ученики Мейера: они только одни и проводили прахъ его до могилы...

Теперь на смоленскомъ (нѣмецкомъ) кладбищѣ, между великолѣпными мавзолеями съ вычурными эпитафіями, можно найти и могилу Мейера—надъ нею скромный памятникъ съ надписью: **Tod, wo ist dein Stachel?**

П. ПЕКАРСКІЙ.

С.-Петербургъ.

ШВЕЙКА.

(РАЗСКАЗЪ.)

АЛ. МАРТЫНОВА.

ШВЕЙКА.

(РАЗСКАЗЪ.)

Прежде, чѣмъ приступлю къ самому разсказу, «словами разсказчицы», я долженъ замѣтить, что у насъ не существуетъ, въ собственномъ смыслѣ, того особеннаго, типическаго класса существъ, который извѣстенъ у француовъ подъ названіемъ «гризетокъ». Нѣчто подобное по сущности можетъ представить, въ нашемъ отечествѣ, типъ *швейки*, — типъ, еще вполнѣ не тронутый, не обратившій у насъ на себя вниманія, кажется, ни одного даровитаго писателя, тогда какъ на западѣ Европы (во Франціи, напримѣръ) на изученіе его посвящали себя такіе отличные литераторы, какъ Ж. Сандъ, Мюссе и др. Очарованные граціозностью гризетокъ, ихъ эфемерно-поэтическимъ, грустно безслѣднымъ существованіемъ, подъ перомъ иностранныхъ писателей, мы, нечего грѣха таить, отнесли нашихъ скромныхъ швеекъ въ разрядъ «не могущихъ представить ничего интереснаго». Другими словами: онѣ, по счастливому выраженію одного нашего писателя, совершенно *стушевываются* предъ своими блестящими западными «товарками». Вопросъ: да одно ли только это стушевывается къ нашему прямому ущербу?... А напрасно: швейки наши *почти* тѣ же гризетки, только, разумѣется, въ нѣсколько аляпова-

той формѣ; это посредственныя копіи съ оригинала, но все же копіи. Этимъ я не хочу сказать, чтобы швейки подражали гризеткамъ: не подлежитъ никакому сомнѣнію, что первыя даже не знаютъ о существованіи послѣднихъ; но я увѣренъ, что самое сходство типовъ, сходство занятій, одинаковая сфера дѣйствованія, почти такая же обстановка невольно, неумышленно сближаютъ тѣхъ и другихъ. Если уже говорить правду, наша швейка такъ точно напоминаетъ (судя по описаніямъ) гризетку, какъ провинціяльная барыня–щеголиха столичную даму хорошаго тона. Тутъ должно разумѣть, конечно, не одинъ костюмъ, но и самую манеру держаться, вести разговоръ, бойкость, *лоскъ* (родня «шику»): все это неотъемлемыя превосходства парижанки–гризетки передъ швейкою, даже столичною, не говоря уже о провинціяльныхъ. Намекнувши на «аляповатость», я этимъ все сказалъ. Какъ видите, отличіе почти только внѣшнее; но сущность, внутренняя жизнь, побужденія, если можно такъ выразиться, у того и другаго типа совершенно почти одинаковы. Напримѣръ, чѣмъ особенно отличается, въ смыслѣ ремесла, парижскій портной отъ русскаго? также кроитъ, также тачаетъ на верстакѣ, подвернувъ подъ себя ноги... Такъ точно швейка и гризетка — родственные типы; имъ немного недостаетъ, чтобы совершенно походить одному на другой, слиться. Наша швейка, правда, рѣдко привлечетъ на себя вниманіе костюмомъ, и это не то чтобы отъ крайняго недостатка: скорѣе отъ неумѣнья, нежеланья, а главное—отъ недостаточности вкуса, тогда какъ гризетка изъ ничего умѣетъ мило себя принарядить, вкусъ прирожденъ ей: она вся на–лице, она умѣетъ, какъ говорится, savoir-faire. Швейкѣ недостаетъ этихъ привлекательныхъ, по наружности, качествъ; но, въ замѣнъ того, внутренняя полнота послѣдней едва ли не богаче. Гризетка—дитя минуты, вѣрное олицетвореніе своей кипучей («пѣнящейся, какъ шампанское», должно бы сказать) націи; швейка—существо болѣе положительное, какъ и все, на чемъ лежитъ печать Россіи.... Но отъ словъ пора перейти къ дѣлу: обратимся къ самому разсказу.

«Отдали меня, по десятому годочку, къ мадамѣ, для науки, въ губернію. Баринъ съ бараней, мои, жили въ деревнѣ. Баринъ-отъ былъ въ ту пору, кажись, немного прокутимшись — прогорѣлъ, сердечной!... У тятиньки его, слышь, значилось два ста съ половиною душъ, а у нашего голубчика и сотняги не осталось: все въ губерніи на карту спустилъ! Изъ себя такой видной былъ, плечистой, мужественной человѣкъ... ну, и въ тѣлѣ: съ лица, словно краска, брызнуть хочетъ! При усахъ ходили: въ военной, слышь, прежде служилъ; а нравомъ — не приведи Господи, горячъ! Што̀ отъ него матушка, покойница бараня, терпѣла—и-и!.. Не отъ эфтой ли причины и въ могилку, прежде времени, слегла?... Ну, Богъ съ нимъ! видано было отъ него, нашей сестрѣ, всячины, и добра, и худа, не тѣмъ будь помянутъ! тоже сложилъ свои грѣшныя косточки, некакъ года съ два ужь тому. Не въ память ли вамъ: прозывался онъ Василій Семенычъ Чаплинъ?... Бараня, Надежда Ивановна, добрѣйшій души была человѣкъ — упокой ея душеньку! Она, видите, уже въ тѣ поры, какъ меня снаряжали къ мадамѣ, въ здоровьѣ своемъ, слабенькомъ, крѣпко «хизнула»; а тутъ этакъ черезъ полгода, послышу, и совсѣмъ побывшилась: больно жалко было! ну, ребенокъ тоже я — замѣсто матери почитала ее... Нѣтъ того разу, какъ наши деревенскіе мужички въ городъ наѣзжали, чтобы не прислала мнѣ на калачикъ. Знала, ангельская душенька, какое мое житьишко было, въ чужихъ людяхъ, въ дальной сторонѣ, особливо спервоначалу! пиньки за побои не считалися, было, когда и сыто, а больше — голодно... всего не упомнить, што̀ пережилося! И потрафилась на нашу бѣду (я говорю также и о своихъ товаркахъ), што̀ ни есть самая злющая мадама изъ всей губерніи, словно нарошно: бываетъ такое, вѣдь! У другихъ, слышно, были-таки на порядкахъ: по крайности, безъ пущаго горя жилось. У насъ не то. Звали нашую мадаму Ирнистина Францовна, а прозванье такое мудреное, нѣмецкое — никогда запомнить не могла!... Женщина еще въ порѣ, хоть куды, особливо, какъ по праздникамъ вынарядится, прирумянится (это было за ней); съ молодёжью, съ покупателями, любила тары-бары разводить. Ну, а послѣ, когда

подросла я, и другое кое-что подмѣтила... Видите, былъ тутъ «одинъ» у насъ... ну, да Богъ съ ней! И мужъ вѣдь имѣлся у нея — вотъ, подлинно, чучело-то было! статуй какой-то, такъ мухортикъ — ни рожи, ни кожи, плюгавой нѣмчурка! Не диво, што Ирнистина Францовна его не долюбливала... Онъ въ загонѣ состоялъ у нея, словно оглашенной какой: не было ему ходу ни на копѣйку. Чулъ, видно, котъ маслецо, да только облизывался — понюхать не доставалось!.. Торчьма-торчитъ, бывало, въ мастерской, копается въ лоскутьяхъ; не то маячитъ што-нибудь съ нами, шиворотъ на выворотъ: смѣху съ нимъ сколько, бывало! Если ужь всѣмъ надоѣстъ крѣпко, мадама, безъ дальняго слова, выгонитъ, сердешнаго, на кухню. — «Пошель цыпля щиплять!» (И она не по людски говорила.) И, въ самой вещи, онъ тамъ этимъ дѣломъ занимался — хоть польза какая нибудь! Другое дѣло Карла Иваныча было — картонки разносить, когда намъ самимъ недосужно... Чисто за холуя шелъ! а мужъ вѣдь, какъ бы то ни было, мадамы — и знать, што нѣмцы! Ну-тка, у насъ этакъ будетъ? што бы это мужъ... Мадамы, сожительницы своей, Карло Иванычъ пуще огня боялся: бывало, ждетъ, будто праздника, чтобы со двора сошла. Поди, вотъ! съ нами, наодинѣ, тотъ же человѣкъ, да будто не тотъ — отколѣ и рысь возьмется! Смѣшенъ, смѣшенъ и куды невзраченъ, а тоже, небось (чухна этакая!), свое смекаетъ этакъ, которая изъ дѣвушекъ порослѣе да поприглянѣе — щипкомъ наровитъ либо што... плюгавецъ какой! И доставалось же ему за этакіе покусы отъ дѣвчатъ изрядно: съ нимъ вѣдь не церемонились! Кто въ спину, кто въ боки! «Не хошь ли, молъ, нѣмчурка, этого?» такъ, право, ему и говорили. Не сердится, бывало, нисколько, только ухмыляется, табашная затычка экая! весь махоркой провонялъ: у нашихъ кучеровъ табакъ-то лучше, нежели какой онъ сосалъ... Еще къ дѣвушкамъ захотѣлъ подъѣзжать! Узнала бы тебѣ мадама! да ужь мы, жалѣючи, ничего не сказывали ей... Одно слово: человѣкъ въ загонѣ находился. Правда, можетъ, *недостачу* отъ жены на насъ хотѣлъ вымѣщать; да, лихъ, по усамъ текло! Дѣвчата же были бойкія, ну и лицемъ взяли: захотѣли бы смигнуться — почище, попроз-

рачнѣе нашли бы!.. Только у насъ, оборони Боже, ничего такого не было—ни-ни! Мадама въ оба глядѣла: со свѣту сжила бы, если бы што узнала, не то барамъ отписала бы: и того горше... Нѣтъ! чтобы этакихъ тамъ шашней большихъ, и въ-заводѣ не имѣлось. Ну, оно, конечно, не безъ того (дѣвки молодыя), чтобы на счетъ примѣрно «перемигнуться» съ сосѣдомъ: тутъ у насъ сидѣльцы, приказчики народъ молодой... Но въ этомъ, чаю, еще большаго худа нѣтъ? съ глядѣнья не убудетъ. И встрѣнешься, бывало, съ кѣмъ нибудь изъ нихъ на гуляньѣ, поздравствуешься, на даровщинку паперосочку выкуришь или орѣшковъ пощелкаешь, и все это чинно да хорошо: съ тебя ничего не спрашиваютъ... Гдѣ же тутъ больше худо? смѣшки одни и только. Конечно, што говорить, въ семьѣ не безъ урода, и промежь нашей сестры случаются прорухи: на грѣхъ мастера нѣтъ! И самая *хичная* мадама всего не углядитъ: «захотѣла дѣвушка гулять—конёмъ не догнать!» Што про это говорить... Чего далеко ходить: на моихъ глазахъ, и въ нашемъ «заведеньѣ» даже, въ родѣ этакой штуки было. За то одна на моей памяти, и ни прежде, ни послѣ, слышь, такого не случалось: Богъ миловалъ! и мадама наша тоже строго за этимъ наблюдала. А по другимъ магазинамъ, говорятъ, не въ рѣдкость такія шалушки! только, значитъ, распусти возжи... Видите: была тута у насъ одна дѣвушка, изъ пригороду никакъ ближняго, къ мастерству отдана. Изъ себя красавчикъ: бѣла, румяна (у иныхъ дѣвчатъ румянцы, отъ засидки, што ли, скоро пропадаютъ), глаза чорны, ну всей фигурой взяла. Звали ее Маша... Али объ себѣ прежде разказать? какъ я-то, безъ году недѣля, три годочка, дѣвчонкой, *на побѣгушкахъ*, горе мыкала: утюги калила, вату теребила и все этакое, доколѣ въ разумъ не пришла, понимать дѣло стала, и когда произвели меня въ швейки? Такъ и быть, прежде это разскажу.

«Знаете ли, что такое «на побѣгушкахъ» состоять?... Не приведи Господи! Бьютъ походя, помыкаютъ, хуже собаки, почти не кормятъ, совсѣмъ не одѣваютъ; ни уснуть порядкомъ, ни согрѣться — мѣста нѣтъ... Право, какъ подумаешь теперича, чего, чего не вынесетъ ребенокъ! Кажись, нонче будь это —

сгинулъ бы, пропалъ человѣкъ отъ этакой жизни! а въ тѣ поры— словно съ утя́ вода! Вотъ какъ насъ, малолѣтковъ-дѣвчонокъ, навезутъ, знаете, къ мадамѣ да, безъ лишняго слова, и покинутъ: «учитесь же, уму-разуму набирайтесь, хозяйки слушайтесь; а жить вамъ тута *до выучки*, а тогда къ господамъ возьмутъ» — и все! Вездѣ такъ: во всѣхъ магазинахъ порядокъ одинъ, одна манера. Обыкновенно, у всякой мадамы малолѣтковъ такихъ немного: двѣ-три. Больше не держатъ—потому: невыгодно, работа отъ нихъ еще малая — только на посылкахъ да на побѣгушкахъ. Примѣрно: шелчку́ недостало — ступай, дѣвчонка! матерію, по образчику, перемѣнить — ступай; калачъ или булку, для хозяйки, а не то и для своей товарки, постарше, купить — ступай, бѣги! А што̀ не потрафишь, быть битой... Что̀ побоевъ, что̀ толчковъ, господа! И добро бы ужь отъ самой мадамы только, нѣтъ, и своя сестра, которая повозрастнѣе, въ швейкахъ, значитъ, и та наровитъ фуфариться! Вишь, самимъ-то имъ прежде житье такое же собачье было, также помыкали ими старшія — хорошаго примѣру не видали; ну, а какъ подросли, оперились, сами хотятъ вымѣстить на комъ нибудь, сердце отвести! «на̀, поди! што̀ сама получила, отъ меня прими!» Нельзя и винить ихъ въ этомъ много: всякое чувствіе въ этакой жизни закаменяется — што̀ говорить! Надо и то сказать, не всѣ такія: бываютъ и добрыя — своего зла словно и не помнятъ... Лѣтомъ еще ничего бы: сносное житьишко-то — окромѣ толчковъ да голодухи, въ иную пору, другихъ напастей не видать. Ребенку много ли надо? хоть теплецо̀ было бы да корочка какая нибудь; а выйдетъ на солнышко — и всякую невзгоду забылъ, веселёшенько бѣжитъ, на посылкѣ! Нѣтъ, вотъ поздой осенью, когда холодные дожди пойдутъ, аль зимой, въ морозъ — хошь совсѣмъ пропадай! одежонки теплой нѣту: што̀ изъ дому дали — приносилася; башмачишки, коли есть — негодные; о чулкахъ помину нѣтъ; а чаще— ни башмаковъ, ни чулокъ! Ладно, если какая изъ старшихъ сжалится и свои, большіе, съ дырьями, дастъ... А частехонько, такъ, босикомъ, по мерзлой землѣ либо по снѣгу: напляшешься до слезъ, вспомянешь батьку съ маткой, што родили, на горе вы-

ростили! Бѣжишь, бывало, ноженекъ подъ собой не чуешь, отъ лавки до дому; прибѣгъ — гдѣ бы погрѣться, анъ тутъ тебѣ подзатыльница: штò неладно? штò не такъ? пошелъ мѣняй!... Кажется, теперича припоминаешь — морозъ по кожѣ подираетъ, жилки трепещутся! Сбѣгаешь еще разъ — ну, ладно: на сейной потрафлено... да закоченѣла-то вся, зубъ на зубъ не попадаетъ. Къ печкѣ бы: больно хорошо огонекъ горитъ! Не тутъ-то: пошла ватку теребить... охъ, ужь эта проклятая вата! извѣстно: пальчишки махонькіе. Подергай-ка ими цѣлой день, закоченѣютъ всѣ, словно желѣзные станутъ, и ломъ такой пойдетъ по кажному суставчику. Про печку помянула: ино мѣсто, и ей не радъ — все хорошо ко времю да въ мѣру. А какъ засадятъ тебя, на весь день, почитай-что, передъ жаръ — «струментъ» калить да съ утюжищами возиться, штò доброму батраку въ подъемъ, а не малому ребенку, такъ тутъ и теплу не радъ! кажись, легче бы по морозу босикомъ отплясалъ!... Нечего сказать, плохое житьишко, горькое. Што малъ ребенокъ, дѣла не обмыслитъ, и надо его допекать! не по божески, это, выходитъ. Ну, добро бы еще мадамы-нѣмки, а то русскія-то, слышь, тоже не жалостливѣе — ужь такъ нехорошо! своего своему обижать не слѣдовало бы... Побѣгаетъ ребенокъ по стужѣ, поработаетъ, штò силенки есть — хошь бы накормили-то порядкомъ: малъ человѣкъ, а все пить-ѣсть хочетъ (въ ребятахъ это еще пуще); а то дадутъ тебѣ корочку какую нибудь да, какъ старшія пообѣдаютъ, плеснутъ, изъ остатковъ, въ чашку какой нибудь жижицы, чуть тепленькой: нà! локай, какъ собачонка, въ своемъ углу! даже за столъ сѣсть не пустятъ... Штò этакая пища ребенку? завсегда, почитай, голодуетъ, буде не сжалится куфарка, коли изъ добрыхъ, и втихомолку урветъ чего нибудь... Грѣхъ сказать, а стыдно вымолвить: къ пороку привыкаетъ дитя, отъ этакой поскудной жизни наровитъ, гдѣ плохо положено, стянуть што нибудь изъ съѣстнаго. Нельзя: голодъ не тетка!... Сама, какъ вчера помню, была такая оказья и со мной. Послали меня, утромъ, за калачами, къ кофію, мадамѣ самой. Хорошо — купила я; иду обратно, со связкой калачей въ рукѣ, посматриваю на нихъ: ужь

такіе-то бѣлые да хорошіе — такъ бы и съѣлъ! искушеніе, для ребенка, этакое; ну, и голодъ тоже морилъ. Извѣстно, для дѣвчонки такой, какъ я, которая, можетъ, съ году на годъ калачикъ-то ѣдала, и калачъ великая невидаль! Лучше кушанья, кажется, и на свѣтѣ не нашлося бы. Попойду, попойду и пріостановлюся — крѣпко подмываетъ: «дай, съѣмъ? ну, што̀ ни будетъ! хошь прибьютъ, хошь что̀ хотятъ сдѣлаютъ...» А бѣсъ словно подталкиваетъ: «ѣшь, небойсь!» А спросятъ: куда дѣвала? и страшно, и признаться тоже не хочется... Ну, навру што нибудь, скажу: собака, молъ, дорогой, кинулась да выхватила! И што̀, впрямь, мадамѣ въ калачикѣ одномъ? только вѣдь одинъ... не обѣдняетъ, чай? эка бѣда: только лишній разъ прибьютъ — не привыкать мнѣ!...» Съѣла-таки — не могла совладать съ собой: ужь такой-то калачикъ былъ, што̀ ни прежде, ни послѣ! сладости неимовѣрной: это съ голодухи мнѣ показалось. Иду, словно ошпаренная, и сама, какъ листъ, дрожу: батюшки! что̀ скажу при спросѣ? Кажись, легче бы въ пролубь сунуться головой, чѣмъ передъ хозяйку глаза показать. Прибрела-таки, хотя и опоздала, съ мѣшкотой да раздумьемъ: двѣ бѣды въ одно мѣсто! А мадама-то, съ наскоку на меня, такъ и летитъ прямо съ кулаками, инда посинѣвши вся...

— «Гдѣ ты, мерзавка, пропадала? Такъ изъ-за тебя я должна свой кофей студить...

Это я своей рѣчью разсказала; а то сама мадама сильно «нѣмовала».

Молчу.

— «Тебя я спрашиваю: што̀ долго ходила? а кулаки наготовѣ; такъ и трясется вся.

Я въ слезы, не то со страховъ, не то и сама не вѣдаю.

— «Вотъ тебѣ! вотъ, вотъ!... «плакай» заодно! и ну таскать и пинать...

Это только цвѣтики — только за опозданье. Впереди еще новая бѣда: отвѣтъ за съѣденной калачъ.

— «Подай, мерзкая, што̀ ты купила!»

Подаю. Рученка дрыгаетъ, сердчишко замерло.

—«Это што? еще гдѣ калачъ?... Я сколько тебѣ денегъ дала, бестія? отвѣчай, отвѣчай!

— На... три... кал..ача..съ... отвѣчаю я, сквозь слезы.

— «А твой принесъ всего двѣ — еще одна гдѣ? подай!...

— Су...даряня... со..бака... собака... у меня...

— «Какой зобакъ?.. а-а! меня крадуть!... а-а! ты сама мерзкой зобакъ! самъ кушаль... крадуть! Не смѣй, не смѣй!

И пошла потасовка: еле живёхоньку оставила жидовка проклятая! Не вступись только одна изъ старшихъ, что поглавнѣе, кажись, до смерти уходила бы... И все этакое изъ-за калачика? Да пропадай она совсѣмъ! Съ теперешнимъ умомъ, кажется, бѣжалъ бы отъ нея на всѣ четыре стороны. А сколько этакихъ случаевъ бывало! дитя, извѣстно, забывчиво: спустя маленько — быльемъ заросло. Такой жизни, примѣрно, года съ три: кажется, дубъ сломался бы! ребенку будто ничего... Поколѣ на ногахъ подымешься, иголку въ рукахъ приладишь — чтобы не валилася да строчила порядкомъ — до той поры никакой перемѣны не увидишь. Тутъ только вздохнешь, какъ слѣдуетъ: первое дѣло—быть перестанутъ, кускомъ не обдѣлятъ, платьишко съ плечь не валится (либо изъ дому пришлютъ, коли отпишешь, либо на праздничной работѣ сама маленько деньжонокъ сколотишь). Только науку надо хорошо знать, работать рукъ не покладаючи; а то, пожалуй, и тутъ въ загонѣ будешь. Ужь всякъ про себя старайся, если добра себѣ хочешь... Изъ «побѣгушекъ» вышелъ — иная жизть, какъ можно! оно не то, чтобы совсѣмъ вальготная, однако гораздо попривольнѣе. Вотъ только спина шибко завсегда болитъ отъ сидѣнья, пальцы коченѣютъ (особливо спервоначалу), въ глазахъ рябитъ тоже, когда, по вечерамъ, долго работаешь: къ празднику какому нибудь, примѣрно, если заказовъ много, часто ноченьки на пролетъ тачаешь! охъ, труднешенько!... За то придетъ воскресенье или праздникъ случится, мадама *старшихъ* пуститъ погулять: принарядишься себѣ, мантильку, шляпку (своя работа—некупленная) накинешь—ну, и весело, на сердцѣ легко! словно птица изъ клѣтки вырвешься: гуляешь въ полное удовольствіе!.. Этакимъ манеромъ еще годочка съ два или съ

три пробудешь, всю науку произойдешь, и выйдетъ изъ тебя швейка хоть куды! Тогда, пожалуй, съ Богомъ — къ господамъ: они же къ этому времю, ужь безпремѣнно, бывало, отпишутъ. Рукодѣльщица нужна при домѣ... Поди, вотъ! кажись бы, этакой жизни принявши, бѣжалъ бы отъ мѣстовъ, гдѣ тебя то и дѣло *утюжили;* анъ не такъ! на прощаньѣ жаль разстаться, словно тутъ царствіе небесное было! отколѣ и слезы возьмутся; у мадамы самой (этой эхидной-то!) ручку поцѣлуешь, всякаго благополучья пожелаешь... Оно и выходитъ: привыкла собачка ко своей кануркѣ! И то опять сказать надо: уму-разуму учили — всякая наука гдѣ сладка?... Теперь про Машу разсказать: это и къ порядку будетъ. Маша, товарка моя, тоже изъ господскихъ, поступала къ мадамѣ, почитай, въ одинъ годъ съ мною, только сначалу не къ Ирнистинѣ Францовнѣ, а въ другой магазинъ. Пожила тамъ, никакъ, годочка съ полтора — баре перевели ее къ нашей мадамѣ, потому наша-то больше въ чести была, лучше у нея научиться было можно. Сказывала Маша: много также горя приняла, на первыхъ порахъ, у своей мадамѣ: поколачивали, ну и все, какъ меня же. Къ намъ перешедши, уже кое-что смекала въ работѣ Маша; а, погодя мало, ее и въ швейки произвели — скоро! Притчина та: на всякую работу была зола — взглянула, и довольно; возрастомъ также переросла другихъ. Само собой, будучи на такой линіи, отъ Ирнистины Францовны она пущей невзгоды не видала, не то, штò, какъ мое, примѣрно. Да ужь такая и была это Маша: не трусова десятку, ея не задѣвай — пожалуй, на сдачу готова! Ужь чего, кажется, страшнѣе нашей мадамы? и та не круто приступай къ Машѣ! только, бывало, крикомъ да бранью и потѣшитъ себя.... Надо полагать, и то въ мысли держала, Ирнистина Францовна: руки у Маши золотыя и подмога отъ нея самая большая — чтò пути больно сердить дѣвку?... Такъ росла Маша у меня на глазахъ и года черезъ три любо какъ выровнялась да похорошѣла — только ахни! что ни на есть, самая красивая была въ нашемъ магазинѣ, и въ другихъ то чуть ли кто поровняяся бы съ ней. За то покупатели, пришедши, только и глазѣютъ на Машу, особливо изъ фер-

тиковъ. Хорошо краса дѣвушкѣ, да, видно, не всякой: нашей сестрѣ, кажется, лучше бы не было ея! только на погибель наводитъ: истинно говорю, не съ вѣтру, по опыту — вотъ, хошь бы сама, примѣрно... Но объ себѣ то ужь послѣ! Эти фертики — самой непутной народъ! только и ищутъ, гдѣ бы... Придетъ, примѣрно, въ магазинъ, то, се посмотритъ аль такого спроситъ, чего вовсе нѣту: видимо, не за дѣломъ пришелъ! Перчатки примѣряетъ, роется (держали, на продажу, хорошія перчатки); а самъ то и дѣло зѐнки безстыжіе пялитъ: по неопытности, право, со стыда сгоришь! а ему ничего!... Вотъ если запримѣтилъ этакую хорошенькую, какъ Маша, бѣда: зачаститъ въ магазинъ, будто за надобностію, а самъ все, словно коршунъ, добычу высматриваетъ и норовитъ такъ, чтобы безъ мадамы застать; подъ окнами шнырять начнетъ, мины дѣлать... Ну, какъ замѣтитъ, что на него не сердятся, поглядываютъ (дѣло дѣвичье неразумное: иная, пожалуй, вовсе не смекнетъ, куда клонитъ баринъ, только въ томъ свою пріятность находитъ: пусть-де шляется да смотритъ! — онъ тотчасъ другой оборотъ пуститъ. Ручкой сдѣлаетъ, къ сердцу ее прижметъ, и видъ этакой плаксивой сдѣлаетъ... охъ, ужъ широмыжники! Проситъ, будто позволенія войти — и тòчно влетитъ, мадаму, за чѣмъ нибудь, выпроводитъ, да самъ къ тебѣ: шепнетъ на ушко этакое... просто-дискать: «я тебя люблю смертельно! жить безъ тебя не могу!» фертику это нипочемъ: точно воды схлебнуть! Опять шепнетъ: приходи, говоритъ, хоть на минуточку, въ загородное гулянье — дай на себя не украдкой взглянуть!... а это прими отъ меня, ради знакомства— такъ, пустяки. Только хоть немножко полюби меня, не это будетъ!» Вспыхнетъ, зардѣется дѣвушка — и, глядишь, въ рукахъ у нея очутился сверточекъ; фертикъ же, какъ ни въ чемъ не бывалъ, отойдетъ къ сторонкѣ, будто штò разсматриваетъ, мадаму ждучи: придетъ она, ничего не примѣтивши; купитъ что нибудь фертикъ — и былъ таковъ! только, уходя, переглянется, съ кѣмъ нужно... Точнехонько такъ и съ Машей, было: сначалу шуткой да забавой казалось все: всѣ, бывало, смѣемся, потому, по молодости, самой *сути* не разумѣемъ. Думаемъ, бывало:

што̀ за бѣда? пусть вертится фертикъ, пусть и подарочки носитъ: знать, денегъ дѣвать ему некуда, если задаромъ кидаетъ. Вѣдь больше ничего и не требуетъ, какъ только улыбочки да поклону... Пускай повеселится Маша. На даровщинку и намъ што нибудь перепадетъ отъ нея! И точно, веселились мы: скоро баринъ этотъ въ подарочки и деньги сталъ засовывать. Это ужь къ чему! А, впрочемъ, недолго думая, истратимъ ихъ... Въ загородной рощѣ, всякій разъ, встрѣчали нашего благодѣтеля. Ничего: подойдетъ, поговоритъ, будто путной, все больше съ Машей, разумѣется. Ужь если съ сидѣльцами иной разъ тараторить, на гуляньѣ и отъ нихъ, по знакомству, орѣшки принимать, почему, думаемъ, не сдѣлать этого удовольствія барину?... Охъ, молодо-зелено! Какъ бы знать-то: съ сидѣльцемъ имѣй дѣло, сколько хочешь, а отъ фертика-барина сторони подальше! Первой-то поболтаетъ, пряничками покормитъ — съ тѣмъ и остался! еще на смѣшки подымешь его; а другой — ну, съ этимъ дешево не раздѣлаешься!... Приманки, видите, больше, обхожденье этакое— улеститъ, уговоритъ, и все же баринъ! все же лестно! Точь вточь и Машѣ такой «припертень» навязался; изъ себя красивъ и молодой еще, одѣвался франтомъ — настоящій патретъ! трудно было отъ этакого пустяками отлѣзть... Маша сначалу чуждалася его, побаивалась, потомъ привыкать стала, поджидать, а будто скучно, когда его долго не видать... Извѣстно, молодость! и хоть кому такой молодчикъ приглянулся бы; къ тому же богатъ: фатеру какую нанималъ, своихъ лошадей пара. Искушеніе всяческое... Барину, ужь безъ большаго труда, можно было вести свое дѣльце: Маша, кажется, слова супротивъ его не сказала бы: до того дошло!, а все потихоньку да помаленьку... Даже мы многаго не знали: они, то-есть Маша съ бариномъ, ужь не единожды втихомолку видались и обо всемъ переговорили... Сказано: «захочетъ дѣвушка гулять—конемъ не догнать»! и, кажется, отъ насъ-то гдѣ бы скрыться? все на глазахъ. Поди, вотъ! стало, находили мѣсто и время! И сама Маша вѣдь и виду не подаетъ: такая плутовка! Завсегда этакая веселая, пѣсни поетъ— ужь такой характеръ у нея: не любила задумываться! иная, на

мѣстѣ ея, и подумала бы: этакое дѣло затѣвается... Видимъ, не на шутки пошло̀: разъ и поплакала Маша; только не надолго! опять по прежнему: смѣхъ, веселье.... Къ этой же порѣ отписали ей письмо изъ вотчины: старая бараня, что̀ отдала ее въ науку, померла, а семью ихнюю (кромѣ Маши, еще дядя да тетка,—оба старцы; родители у ней давно примерли), ради души спасенія, на волю пустила. Послѣ этого што̀ Машѣ было много думать: вольной казакъ! Я полагаю, это больше и порѣшило ее: въ одну ночку не досчитались мы Маши. Слѣдъ простылъ! да, правда, не для насъ: мы-то знали, гдѣ искать ее... Только мадама ошалѣла крѣпко—и рветъ, и мечетъ! Искали, искали, будто собаченку сбѣжавшую! Умна была Ирнистина Францовна, да, видно, и на умника находитъ затмѣнье! ищи гдѣ положено. Загоняла совсѣмъ сердягу Карлу Иваныча: всѣ ноженьки отбилъ — ну, чего найдешь! Ужь спустя немало, догадалась мадама, въ чемъ вся суть, когда толки пошли... — «А-а! понимаить.. негодній, мерзкій тваръ! И ви у мене смотрить!» Только это и сказала намъ. Што̀, думаемъ, за притча? ждали великой гро̀зы, чаяли и себѣ нахлестки (будто виноваты! она на это не смотрѣла, лишь бы на комъ сердце отвести!) — ничего такого не было. Послѣ раскусили штуку: у самой, голубушки, хвостикъ былъ пришпиленъ! видно, совѣсть зазрила фуфариться на иныхъ протчихъ... Незадолго передъ тѣмъ, узнали мы, наша сударыня сама дружбу свела: былъ тутъ, по близости, въ аптекѣ, нѣмчикъ одинъ — такой ражой молодецъ, не чета Карлѣ Иванычу! ну, такъ... и все прошло помаленьку: объ Машѣ скоро и рѣчи не было у Ирнистины Францовны. Только мы, промежь собой, перешептываемся: што-то, Маша? какъ живетъ? Вотъ и видимъ разъ, этое самую пару, барина того — на дрожкахъ сидитъ бараня, разряжена, расфранчена... Ахъ-ти! да это Маша? она и есть. Пролетѣла мимо: видно, насъ не замѣтила. Экая счастливица! подумали себѣ глупымъ своимъ разумомъ. Хорошо счастье! не дай Богъ... Теперича, пожалуй, съ нами и знаться не захочетъ? Нѣтъ! встрѣтили вдругорядь — окликнула, поздоровалась: такая веселая! къ себѣ въ гости звала... Развѣ мож-

но? спросили. — «Почему же: мнѣ полная воля — дѣлаю, что̀ хочу! вѣдь *мой*-то чудо какой милашка! только что на рукахъ не носитъ... Всѣмъ хозяйствомъ у него заправляю: всѣ *люди* слушаются меня, словно барани! Вотъ и теперича съ базару, видите? ха-ха!» и пнула это ногою кулекъ. Ноги у Маши завсегда были хороши, такія махонькія; а теперича... Господи! ботинка какая! почище всякой барани обута ножка! Смотритъ, слушаемъ, и не вѣрится... Экое счастье человѣку! Навѣрно, многія позавидовали бы Машѣ, ужь не только мы: насъ двое было, я да Поля, товарка, лучшая моя пріятельница. — «Приходите же, душеньки, безпремѣнно... ну, хоть завтра вечеромъ... да, бишь, бѣдняжки! вамъ только по праздникамъ выходить можно... такъ въ слѣдующее воскресенье... жду, жду! прощайте!» и умчалась вихремъ, на парѣ. — Вотъ, Поля, сказала я, идучи дорогой: видно, не всѣ бары плохи: есть межъ ними и хорошіе... Чѣмъ плохъ хоть бы ма̀шинъ-то? — Плохъ? да за этакого ничего не жалко; сказала дурочка Поля. — Кто знаетъ: сначалу-то они всѣ хороши, и сладко живется... Что-то послѣ объявится? опять прибавила я. — Такъ-то шли мы домой, съ прогулки и всю дорожку объ Машѣ толковали, пришли да опять за то же; даже ночью долго тараторили. Ждемъ воскресенья — не дождемся: положили навѣстить Машу, на первой свободѣ. Пошли, сходили. Машура была радешенька намъ, будто своимъ кровнымъ! обласкала, угостила всѣмъ, что̀ было; а чего не было-то? въ жизнь такъ сладко не пивали, не ѣдали... *Его*-то, слышь, на ту пору не было дома; да хоть бы и дома — Маша сказала: ничего! Онъ ей ни въ чемъ не перечитъ, всякое удовольствіе сдѣлать готовъ... А какая жизнь-то! подивовалися мы: въ покояхъ убранство — ковры, небель самонаилучшая. Рай да и полно! Маша вездѣ насъ съ Полей выводила, показала, и спитъ-то гдѣ: пуховики, шелкѝ, кровать рѣзная. Умирать не надо! такъ бы, кажется, легъ тутъ да и не всталъ! Это ли не жизнь? Сердце у насъ не на мѣстѣ было, глядючи на всѣ эти затѣи. — «А вотъ я покажу вамъ, милочки, што̀ у меня платья! у любой барани не найдется столько... ха-ха! завидно, небось? Постойте: я и васъ не забуду—на дѣлю

чѣмъ нибудь. Куды мнѣ столько? а мало—новое все будетъ! Вотъ какъ у насъ!» Смотрѣли мы, ахали да и ахать перестали! цѣлой большущій шкапчище биткомъ набитъ! шелки, бархаты, мѣховое, и все больше «выписное» платье!... Ну, баринъ! недаромъ, знать, полюбила тебя Маша! Какъ уходили мы, съ Полей, и въ самомъ дѣлѣ, эта шальная Маша по новёшенькому платью намъ подарила, да еще по шляпкѣ обѣщала; только ходите, слышь, меня не забывайте! Добрѣющей души была дѣвушка... Хотѣлося мнѣ, ужь сама не знаю, отчего, тогда же шепнуть этой беззаботной головушкѣ: «ты бы денежку-то лишнюю на черной день приберегала, а не сорила ихъ зря: што въ тряпьѣ-то!» и послѣ, и при другомъ разѣ, выговорила-таки это ей... Словно сердце вѣсть подавало, что когда нибудь придется круто и Машѣ: денежка денежку, а бѣда бѣду родитъ — извѣстно. Только Маша всѣ слова мои въ шутку принимала и ни объ чемъ не заботилась. «Вотъ! отвѣтитъ, бывало. На мой вѣкъ станетъ (будто вѣкъ думала такъ прожить!), а копить — мое почтенье! Славу Богу, еще скрягой не бывала и не буду! День мой — вѣкъ мой!...» Смотри, Машенька, не спокаяться бы послѣ. Ничего и слышать не хочетъ; а я, по истинѣ, только добра желаючи, говорила это — потому, ужь у меня въ характерѣ: опаслива больно... Жила такъ-то Маша со *своимъ* больше полугоду никакъ—не ухвалится: и добръ-то, и милостивъ, и любитъ-то ее ужь не знаю какъ! Потомъ, вскорѣ... ну, тутъ другая пѣсня́ пошла. Барину этому, видно, прискучило съ нашего поля ягодой компанію вести — чего инаго ждать? сталъ, ни съ того, ни съ другаго, мѣняться баринъ: этакъ звѣркомъ взглянетъ, губу надуетъ, прикрикнетъ, порой все ему не ладно, не такъ! а ужь што̀ до ласокъ, скоро стали рѣже осенняго солнушка! Плачетъ Маша, разливается — чѣмъ пособить? Извѣстно: отъ горя, што̀ отъ саранчи поле, краса вянетъ: худѣетъ Маша не по днямъ, а по часамъ... Дурашка! кабы знала-то: этимъ манеромъ еще супротивнѣе становилась барину. Не полагала я, чтобы такая веселуха вдругъ этакою плаксой стала! Горько оно, што̀ говорить, а вѣдь, рано ли, поздо ли, надо было ждать не инаго конца. Такою повадкой, слезами то есть, скоро, бѣдняж-

ка, совсѣмъ опротивѣла барину: глядѣть на нее не хочетъ, изъ дому бѣжитъ... Между тѣмъ, со стороны вѣсти засылаетъ: «Убиралась бы де по добру поздорову. Я-де ей фатеру найму, награжу на дорогу; а здѣсь ей оставаться не приходится—нельзя: жду-де родственниковъ...» Перенесли эти рѣчи до Маши — не вспомнилась, бѣдная! какъ шальная бродитъ, не видя свѣту Божьяго, однако уходить не хочетъ. Взорвало̀ это барина! самъ къ ней да прямо: «Ну, Машенька (сначалу ласково), намъ разстаться должно. Не горюй. Я тебѣ квартирку нанялъ, деньги впередъ за годъ заплатилъ; а это вотъ тебѣ на прожитьё! тутъ 50 цѣлковыхъ... Въ нуждѣ еще помогу.» Какъ швырнетъ ему Маша деньги въ образину да вонъ! бѣжитъ по улицѣ, словно полоумная — людей напужала! и дотолева бѣжала, пока грохнулась... Подняли, сердешную. Добрые люди не знаютъ, куды дѣвать. Вѣдь пристаница не было! Барскіе люди посовѣтовали свести на ту фатеру, что̀ ихъ баринъ нанялъ: не куды больше! Привезли ее и оставили, въ безпамятствѣ. Какъ очнулась да узнала, гдѣ она, бѣжать хотѣла опять. Ладно, я тутъ случилась да разговорила... Куда бѣжать? и што̀ проку? Покрайности уголъ готовой. Такъ и осталась тутъ Маша. Долго горевала, вспоминала барина, добромъ и худомъ. Потомъ забывать стала: онъ и не заглядывалъ вѣдь! За работу принялась: иголка въ рукахъ у ней непраздно вертѣлась... Жила помаленьку и теперь живетъ: дочка у нея выростаетъ такая хорошенькая да умненькая... А, баринъ-то каковъ! настоящій злодѣй: не родственниковъ ждалъ, когда Машу выгонялъ, а молоду-жену въ домъ: женился, пострѣлъ, вскорѣ!... Маша, при этой вѣсти, только поплакала — тѣмъ и кончилось. Да благо, что все кончилось-то не больно круто: не всегда такъ! бываетъ и другое. Хорошо, что Маша забывчива—не всѣ такія! Пока силы будутъ, не пропадетъ она, живучи честнымъ порядкомъ; а, по совѣсти, ничего за ней худаго не слышно. Дай Боже... Хорошій совѣтъ ей нуженъ; а то Маша дѣвушка добрая. Не нарадуется на свою малютку, и весело ей!... Какъ снова не заглянулъ, въ машину келью, баринъ? Бываютъ, у господъ такія причуды! этого надо бояться пуще огня... Да ужь мы выпроводимъ его, по добру поз-

дорову: ступайте-ка, молъ, сударь, къ молодой женѣ, а здѣся вамъ не мѣсто... Я вѣдь не Маша! Впрочемъ, и она теперь другая стала.

«Послѣ Маши, жила я у мадамы еще съ годъ будетъ. Безъ Маши у насъ какъ-то скушно стала: она была такая веселуха... Работала я безъ-устали и скоро въ родѣ набольшой въ заведеньи стала: тутъ ужь пальчикомъ никто не смѣлъ тронуть. Пожалуй, еще сама могла бы власть показать надъ прочими дѣвушками. Да жалостно отчего-то было: рука не подымалась на самую послѣднюю «побѣгушку»! Оттого, можетъ, што сама, допрежде, всего натерпѣлась. Мадама, повидимости, даже какъ будто полюбила меня — кто знаетъ? въ душу не влѣзешь — даже *лисить* со мною начала: на мнѣ вѣдь вся работа держалась... Охъ, барынька, какъ вспомню про старинку твою, глаза выцарапать тебѣ хочется! И то правда: не одна она такая-то, не у нея одной нашей сестрѣ терпѣть приходится... Богъ съ ними, со всѣми!

«Послѣ «порухи» съ Машей, у насъ все тихо было. Правда, и дѣвчатъ красивыхъ на ту пору не имѣлось... Про меня одну говорили што-дескать я получше другихъ: и точно, не въ похвальбу, недурна я была: немногимъ чѣмъ самой Машѣ уступала, а ужь та была красоточка! Теперича на меня одну только и пялили, порой, глаза разные франтики... Да не Маша я: меня нескоро поддѣнешь! завсегда насторожѣ: подлипалы эти мнѣ нипочемъ: умѣла ихъ спроваживать... И, будь я на мѣстѣ Маши, не знаю, поддалась ли бы я такъ скоро этому ходоку-барину, и, ужь если бы случился такой грѣхъ, не отлѣзъ бы баринъ любезный отъ меня такъ ловко, спроста!... Ну, вотъ ужь и захвалилась я собой! Иной и не повѣритъ, скажетъ, што вру... Такъ, жилося, ни скушно, ни весело: все больше за работой. Празднику радъ, будто свѣтлому солнцу: тогда съ дружочкомъ своимъ, Полей, словно пташки вырвемся на волю, гуляемъ по садочкамъ, по лѣсочкамъ, паперосочкой забавляемся, орѣшки щелкаемъ. Было также не безъ пріятелей: больше всѣхъ приставалъ приказчикъ, изъ книжнаго магазину—«книжникъ», такъ мы его прозва-

ли по своему—приставалъ все больше ко мнѣ, разумѣется (Поля, бѣдняжка, некрасива была, хотя во всемъ золото дѣвушка), и крѣпко надоѣдалъ! книжки, тамъ, всякія предлагаетъ хорошія, должно быть, книжки съ картинками... Да что̀ мнѣ въ нихъ проку-то? читать не умѣла я. На картиночки поглазѣешь, пожалуй: все какъ-то непонятно оно, безъ грамоты. Вонъ, Поля-то, хоть и умѣла порядочно читать, сказывала, что въ книжкахъ все больше пустяковину пишутъ—времени терять не стоитъ... И много ли у насъ его было, свободнаго-то? Такъ, этого книжника мы некрѣпко жаловали: все книжками хотѣлъ отлѣзть, а нѣтъ, чтобы купить чего нибудь, хоть бы изъ лакомства. Сами гдѣ мы возьмемъ денегъ? и ждемъ, чтобы кто нибудь попотчивалъ... Другой пріятель бакалейщикъ былъ: ну, этотъ не чета книжнику! мужичиница здоровенной. Въ лавкѣ у него своя рука владыка: цѣлой узелъ натащитъ, бывало, сластей, когда сойдемся на прогулкѣ. Чайку, сахарцу отпуститъ въ долгъ, безъ слова. Одно̀ нехорошо: обхо̀жденья не имѣлъ, скажетъ тебѣ такое... хоть уши зажми! и, словно медвѣдь, такъ напрямки и ломитъ—противной! Ему, кажется, все было равно, что я, што Поля. Не знали, какъ отдѣлаться отъ этого сиволапаго! Наконецъ, когда ужь терпѣнья съ нимъ нестало, я на себя взяла хлопоты и указала ему подворотню. Не жаль нисколько: такихъ подлипалъ завсегда найдется у нашей сестры. И точно: были и послѣ; да разсказывать не стоитъ. И, по совѣсти, осуждать насъ нельзя: тягостное вѣдь житье наше. Хоть развлечешься! и худа большаго нѣтъ отъ того: швейка не барышня какая нибудь: къ ней много не прильнетъ! .. Такимъ-то манеромъ проживали мы теперича безъ пущаго горя. Только была тутъ у насъ въ работѣ одна дѣвушка: Ѳеней звали. Ужь, почитай, на возрастѣ была, хорошая, какъ есть, добрая дѣвушка, только хилая больно, *хворушечка*. Отъ работы, што ли, непосильной, въ младости, захирѣла-то она, али такъ ужь «насланіе Божіе», неизвѣстно; къ тому же, сирота она круглая. И не то, чтобы эта Ѳеня лежала все: нѣтъ-нѣтъ, переможется, встанетъ, и за иголку — не клеится! поработаетъ, голубушка, часокъ-другой да опять сляжетъ: удушье пуще всего одолѣвало

ее! ужь какая работница!... Жидовка-мадама, видючи такую ея хворь и дѣло ея малое, хотѣла было (прямая татарка!) ее, голубушку, отъ себя сослать; да куда? вѣдь головушки преклонить, сирой, негдѣ... Мадамѣ што̀: ей и горя мало, хошь совсѣмъ пропадай! развѣ чувствіе есть у нихъ?... Со своей стороны у Ѳени также ни вѣсточки: дальняя родня была у ней—хоть туды бы свезти: чай, не отказали бы въ уголочкѣ? христіаны живутъ—не нѣмцы... Плачетъ, плачетъ, бѣдненькая, разливается: смотрѣть больно! насъ-то проситъ, скажетъ намъ: — «Не покидайте хошь вы, меня, подруженьки! только вы у меня и есть...» А сама въ истошной голосъ: инда сердце надрывается! Можно ли покинуть экую сирую, горькую? Ну, и просимъ мы у мадамѣ, въ ножки кланяемся: оставила бы Ѳеню при насъ, а ужь мы-де за нее всю работу справимъ, хоть ночи спать не будемъ. Уломали-таки, жидовку, кое-какъ, на своемъ поставили, за то Ѳеню, голубушку, не выдали! Не безъ того, что самимъ намъ жутко пришлось: не таковская мадама, чтобы спуску дала—такъ и погоняетъ, погоняетъ! Ничего: за нашу больнушечку мы все готовы принять... Ужь, какъ и благодарна-то намъ была Ѳеничка, посмотрѣлъ бы кто! Лежитъ, это, хворушечка — встать нѣтъ моченьки: руки наши цѣлуетъ, а ужь въ глазахъ-то, въ глазахъ — ангелъ небесной сидитъ. Онъ-де за меня вамъ отвѣтчикъ... Извѣстно: все, какъ бы то ни было, своя сестра ей мы; всякаго добра ей пожелаемъ— полакомимъ, когда случится, чѣмъ нибудь, больнушечку: вѣдь то же дитя малое, хворое! нежилица хотя—это ужь по всему видно — а все-же сладенькое что нибудь будто въ радость: не жалѣли на это своей трудовой копѣички... Мадама же — вотъ ехидная! еще больницей, бѣдняжку, стращала, въ первое время. И что̀ бы тамъ съ ней, горькой, на чужихъ людяхъ сталось? не приведи Создатель!... И говоритъ намъ Ѳеничка: «я, говоритъ, за ваше счастье, Матерь Божію попрошу: Она мнѣ замѣсто матушки родимой! «Маялась никакъ мѣсяца съ четыре, горюша: до Христова праздника дотянула — и повершилася. И диво: не видали, какъ и душеньку Богу отдала! заснуло словно. И лежитъ, точно спитъ человѣкъ... Хватилися, анъ и всему конецъ!... И не страшна̀ ни

малости—извѣстно: чистая душенька! 14 годковъ, съ небольшимъ, была, никакое дурно и въ помыслѣ не имѣла. И то еще: кончилась-то въ самое, почитай, Свѣтло Христово Воскресенье; а, сказываютъ, это больно хорошо: слышь, душенька такого прямо въ царствіе небесное угодитъ... да! Люба̀ намъ была Ѳеня; любя, за нее и работу на себя сняли и мадаму укоротили. И схоронили ее, словно сестрицу любезную: своей кровной, слезовой копѣички не пожалѣли для послѣдняго обряду. Бѣлое платьице мигомъ сшили, на головку розовой вѣночекъ; гробокъ, и въ немъ все лентами убрали: она, голубонька, будто барышня на своей постелькѣ! Некрасиво было тебѣ при жизни—пущай, думали, покрасуется «холодненькая»!... Поплакали на могилкѣ да пошли домой и дома погоревали; *покуксился,* глядючи на насъ, и Карло Иванычъ: жалостливъ былъ, хоть и дурашенъ, не то, что̀ мадама сама. Эта ни слова не сказала: будто ничего не случилось — этакія каменныя сердца у людей! Или надоѣла ей Ѳеня своею немочью? Чѣмъ надоѣсть-то! ни шуму отъ нея, ни вреды̀ никакой, ни безпокойствія: лежитъ, бывало, голубошка, смирнёхонько, и говорить-то ей, на послѣдкахъ, было тягостно; только смотритъ глазоньками на насъ, какъ работаемъ, да въ томъ и удовольствіе свое находитъ... Чѣмъ напрокучить-то мадамѣ было? такъ только, ехидство одно! ничего больше.

«Погодя мало, получаю я вѣсточку, со своей стороны—писульку отъ барина: «пріѣзжала бы де неотмѣнно»... Охъ, ты, горе мое! такъ сердечко и ёкнуло: нѣтъ вольной волюшки, все прищитъ-то, пришитъ хвостикъ! Больше о себѣ што̀ сказать? Пріѣхала я къ барину... Умираючи (вдругъ на него болѣзнь напала, негаданно) вольную мнѣ написалъ, царство ему небесное!»

Ал. Мартыновъ.

Нижній-Новгородъ.
1857 года.

———

НѢКОТОРЫЯ ЗАМѢТКИ

О БЫТѢ ВЯТСКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

А. МАРТЫНОВА.

НѢКОТОРЫЯ ЗАМѢТКИ

О БЫТѢ ВЯТСКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

Нѣтъ сомнѣнія, что жители разныхъ губерній, и не только губерній, даже уѣздовъ, необъятнаго отечества нашего носятъ на себѣ печать тѣхъ или иныхъ мѣстныхъ оттѣнковъ, разнятся нравами, образомъ жизни, домашнимъ бытомъ и житейскою обстановкою, обычаями и повѣрьями: что̀ городъ, то норовъ, что̀ деревня, то обычай, говоритъ пословица. Припоминаю, при этомъ случаѣ, нѣсколько чертъ изъ быта моихъ земляковъ, вятчанъ, и довожу о томъ до свѣдѣнія читателя, вполнѣ увѣренный, что всякая посильная лепта, вносимая въ сокровищницу народнаго бытописанія, не пропадетъ даромъ.

I. *Жилища*. Благодаря богатству лѣснаго матеріала во всей губерніи, жилища крестьянъ бо̀льшею частію удобны. Такъ называемыя «курныя избы» выводятся мало по малу, хотя нѣкоторые «старовѣры» и теперь питаютъ къ нимъ привязанность. Почему? Вишь, ты, тёплы живутъ (бываютъ) по зимамъ, хотя и не такъ обрядны», отвѣтятъ на вашъ вопросъ. Соломенныя кровли встрѣчаются рѣдко: все тесовыя, развѣ уже голь какая или

лѣнь одолѣла. Избы бо̀льшею частію строятся подъ одну кровлю со службами (скотни́къ, сѣнни́къ и проч.), т. е. вдоль улицы, по фасаду о три, о два окна, изъ которыхъ одно непремѣнно *воло-ковое*. Конникъ украшенъ рѣзьбою, иногда очень затѣйливою, если не искусною: нерѣдко можно тутъ увидать оснащенное суд-но-расшиву или подобіе пѣтуха и т. п. Въ срединѣ строенія, на улицу же, выходятъ ворота, чаще одностворчатыя: онѣ ведутъ на сѣнникъ, или *повѣть*, и рѣдко отпираются, — только въ слу-чаѣ нужды. Если отворить ихъ, то прямо въ нихъ упирается подъёмъ, въ родѣ лѣстницы, т. е. доски, убитыя поперечными перекладинами: по нему можно въѣзжать съ возомъ. Другія воро-та, ведущія во дворъ, примыкаютъ прямо къ избѣ. Онѣ устраи-ваются бо̀льшею частію съ крышкою на обѣ стороны и съ рѣз-нымъ конникомъ. Полотнища ихъ, особенно у зажиточныхъ кре-стьянъ, убиваются сплошь жестяными бляхами; у калитки—тяже-лая щиколда. Весною, обыкновенно, надъ крышкою ихъ, устраи-вается, на длинномъ шестѣ, скворечникъ. Дворы—нерѣдко кры-тые, особенно, если деревня въ мѣстѣ проѣзжемъ; устланы соло-мою. При входѣ во дворъ, тотчасъ представляется массивное крыльцо, съ навѣсомъ и балясами, по бо̀льшей части открытое; лѣтомъ, у одного изъ столбиковъ, поддерживающихъ крыльцо, непремѣнно болтается глиняный рукомойникъ, о нѣсколькихъ рыльцахъ, и тутъ же, на гвоздѣ, *утирка*—какая нибудь тряпка, замѣняющая полотенце. По лѣта̀мъ, когда изъ избы гонятъ не-смѣтные рой мухъ, это же крыльцо замѣняетъ для семьи столо-вую. Внутреннее расположеніе избы рѣдко гдѣ измѣняется: пря-мо со входа — направо, печь; отъ нея, налѣво, *полати*, иногда очень высокія, такъ что на нихъ можно свободно встать: тогда онѣ образуютъ какъ бы антресоль и очень удобны, ибо тутъ всег-да тепло, хотя внизу, въ морозы, часто вода мерзнетъ. Палати— пріютъ пряхъ и ребятишекъ; онѣ же служатъ и спальней, по зи-мамъ. Параллельно полатямъ идутъ вокругъ стѣнъ *полицы* (по̀л-ки), служащія для склада разнаго домашняго скарба. Прямо со входа — о̀кна, зиму и лѣто, съ одною рамою, а потому въ морозы страшно мерзнутъ и даютъ сырость; по стѣнамъ—лавки, замѣ-

няющія стулья; въ переднемъ (красномъ) углу — большой столъ (бѣлый, или крашеный, т. е. узорочно расписанный и покрытый олифой); еще выше — полочка съ иконами («Божьимъ милосердіемъ») и лубочными картинками духовнаго содержанія. Между печью и палатями дверь ведетъ въ *подполицу* (подвалъ), скрыню, и тутъ же вблизи лоханка, съ повѣшеннымъ надъ нею рукомойникомъ и *рукотертникомъ* (утирка). Подъ лавкою со входа (кутъ) огораживается рѣшеткою, или на наглухо пространство — пріютъ куръ, по зимамъ. Черезъ сѣни *свѣтелка*—холодная, лѣтняя комната: она служитъ лѣтомъ для спанья, а зимою — чуланомъ, а также и пріемной комнатой для почетныхъ гостей или для пріѣзжающихъ, потому что почище отдѣлана и опрятнѣе содержится; здѣсь можно встрѣтить уже стулья и т. п. Прямо подъ поломъ сѣней — *скотникъ*, или овчарня, мягко устланная соломою; изъ сѣней ведетъ туда лѣстница. На дворѣ нерѣдко колодезь, бо̀льшею частію съ журавцѐмъ (журавѐль). Къ задамъ двора примыкаетъ *гумно*, съ огородомъ, хмѣльникомъ и пространнымъ лужкомъ, гдѣ пасется молодая скотина, и тутъ же нерѣдко разводится пчельникъ. *Бани* строятъ поодаль отъ жилья. Иногда бываетъ общая баня для цѣлой деревни, если она невелика; но всегда бани *черныя* (курныя).

II. *Одежда.* Одежда русскаго крестьянина («одёжа», «лопоть») не зависитъ отъ прихотей моды и передается отъ поколѣнія къ поколѣнію, не претерпѣвая ни малѣйшаго измѣненія. Правда, и здѣсь, по мѣстности, она сохраняетъ нѣкоторыя различія, но небольшія. Вообще должно замѣтить, что чѣмъ дальше внутрь отечества, чѣмъ дальше отъ столицъ и большихъ городовъ, и одежда, подобно нравамъ, хранится чище. Одежду крестьянъ, какъ и вездѣ, должно раздѣлить на *зимнюю* и *лѣтнюю*. Къ первой относятся: тулупы бараньи, нерѣдко называемые «кафтанами», полушубки простые, съ бѣлою мездрою, и дублёнки у тѣхъ, кто позажиточнѣе. Зипуны и армяки грубаго домашняго сукна темнобураго цвѣта, также синяго и желтаго: родъ халатовъ, воротникъ которыхъ почти всегда отсрачивается кожею. Впрочемъ, зипуны и армяки употребляются какъ лѣтомъ, такъ и зимою,

только лѣтомъ шьются изъ рядины, крашенины и т. п. Шапки, *треухи* бараньи, иногда изъ волчьихъ хвостовъ, крытые сукномъ или плисомъ. Рукавицы теплыя, мѣхомъ наружу — *рукавки*; варешки и сверху *голицы*. Шапки разной формы, но преимущественно четвероугольныя и круглыя, съ мерлущатымъ околышкомъ, бѣлымъ и чернымъ; набиваются первыя перомъ, пухомъ, вторыя — шерстью; первыя довольно высоки и съ перехватомъ по срединѣ. Нижнее платье рѣдко суконное, бо̀льшею частію портяное. Къ лѣтнему платью принадлежатъ: *холодняки* (рядное), поддёвки; полукафтанья изъ рядины, крашенины, иногда нанки (по мѣстному выговору — «манка»), изъ которой также шьются и халаты. *Кушаки* шерстяные и бумажные; пояса̀ («поясья») — шерстяные и шелковые. *Рубахи* косоворотки. Къ рубахамъ съ разрѣзомъ по серединѣ крестьяне питаютъ отвращеніе: онѣ-де «татарскія». Рубахи шьются изъ холста, домотканины (пестрой), крашенины; а праздничные — изъ краснаго кумача. *Шляпы* войлочныя черныя разной формы, но бо̀льшею частію съ съуженнымъ верхомомъ, украшенныя бархоткой, а у щеголей—павлиньимъ перомъ, шелковымъ поясомъ, который вычурно обвивается, и кисти его приноравливаются на̀передъ, и т. п. украшеніями. *Картузы* суконные, формы круглой, съ верху съ развaломъ, а также и кожаные, такъ называемые «кораблики», преимущественно употребляемые бурлаками. Чаще же всего мужикъ, въ лѣтнюю пору, не употребляетъ другой одежды, кромѣ рубахи и портовъ.

Женская одежда, хотя и слѣдовало бы ожидать, не отличается ни разнообразіемъ, ни (кромѣ коренныхъ разностей) даже большою отмѣною отъ мужской. Верхнее платье, напримѣръ, одно и то же: тѣ же кафтаны, шубы, холодники; только коротенькія сборчатыя шубейки (тѣлогрѣйки, душегрѣйки) женщины могутъ по праву назвать своими. Женщина въ крестьянскомъ быту — «баба», хозяйка—есть истинная помощница мужчинѣ во всякомъ дѣлѣ: она участвуетъ почти во всѣхъ домашнихъ работахъ, а слѣдовательно ей нужна та же самая одежда: зипунъ, шуба, полушубокъ, рукавицы, онучи и т. п. Только неизмѣнный сарафанъ

(китайчатый, крашенинный, кумачный) да *плать* (платокъ, повязка), чехликъ, кичка, повойникъ—замѣняющіе шапку—почти отличаютъ ее отъ мужчины. Сарафаны носятся или шьются съ рядомъ пуговокъ напереди или —«по городскому»— безъ нихъ. Передники («запонъ») также употребляются; рубахи носятъ бѣлыя и пестрыя, у щеголихъ обшитыя кружевомъ. На шеѣ носятъ, дѣвушки, бусы, и уже непремѣнно всѣ — кресты, мѣдные и оловянные, на гайтанѣ (шнурокъ.) На пальцахъ—перстни и кольца, также мѣдные и оловянные. Душегрѣйки, или тѣлогрѣйки, зимнія, шьются на бараньемъ или на заячьемъ мѣху, кроются сукномъ, нанкой, а у богатыхъ и парчею, но непремѣнно яркихъ цвѣтовъ, гдѣ преобладаютъ красный и желтый.

III. *Обувь:* мужская и женская. Лапти, съ толстыми бѣлыми онучами, подъ которые надѣваются такъ называемые «русскіе чулки» (пистяковскіе, Владим. губ.), шерстяные, необыкновенно теплые и прямой формы, какъ мѣшки. Лѣтомъ онучи замѣняются портянками. Иногда сапоги (у зажиточныхъ) огромнаго размѣра, подбитые прочными гвоздями. Валенки («валенцы») преимущественно бѣлые и безъ голенищъ, въ родѣ башмаковъ. Дома носятъ, во всякую пору, плетеныя изъ бересты *калиги*, родъ туфлей, надѣваемыхъ на босу-ногу. Женщины носятъ еще такъ называемые *коты*, родъ башмаковъ, только поглубже и попрочнѣе, которые оторачиваются красною кожею. Башмаки употребляются рѣдко, и то только дѣвушками. Чулки и въ лѣтнюю пору женщины носятъ шерстяные.

IV. *Пища.* Кушанья и у крестьянъ, какъ обыкновенно, можно раздѣлить на скоромныя («молосныя», по мѣстному выговору) и постныя. Національныя блюда русскаго человѣка одни и тѣ же по цѣлой Россіи. Щи, каша, блины, пироги — гдѣ не отыщете ихъ?... Скоромныя щи варятся съ мясомъ (чаще съ бараниною, чѣмъ съ говядиною: крестьянину легче заколоть барана, чѣмъ быка или корову), но это — у зажиточныхъ крестьянъ, а больше «пустые», т. е. безъ мяса, изъ одной капусты, съ прибѣлкою изъ сметаны. Постныя щи по вятскому краю приготовляются особеннымъ образомъ: кромѣ неизмѣнной капусты, кладется въ нихъ

еще много ячменной крупы, и оттого онѣ дѣлаются густы такъ, что въ хорошихъ щахъ ложка стойтъ. Ѣдятъ ихъ съ масломъ, преимущественно конопляным, и, на столѣ уже, прибавляютъ сыраго луку. Такія щи мнѣ случалось замѣтить только въ Вятской губерніи (говорятъ тоже о Костромской, и вообще эти двѣ губерніи во многомъ сходны); въ другихъ же варятъ ихъ безъ крупы, изъ одной капусты, и оттого онѣ выходятъ жидки и невкусны. *Каша* по Вятской губерніи преобладаетъ ячменная («яшная»), которая варится круто на водѣ и употребляется съ коровьимъ и конопляным масломъ. Потомъ — овсяная: эта варится болѣе на молокѣ и жидко. Для *жаренаго* (и это уже въ видѣ роскоши, на праздникахъ или на свадебныхъ пирушкахъ) употребляютъ: баранину, поросятъ, гусей. Въ большомъ ходу *студень* заливная (изъ коровьихъ ногъ) — блюдо, безъ котораго не обходится ни одна свадьба, крестины и т. п. Изъ *хлѣбнаго:* кромѣ обыкновеннаго ржанаго хлѣба, рѣшетнаго и ситнаго, еще — *ерушники,* тетерьки, колобашки—изъ ячменной муки. *Кисели* овсяные (горячее кушанье, съ скоромнымъ и постнымъ масломъ), *гороховые* — застуженные. Приготовленіемъ послѣдняго вятчане особенно славятся; ихъ даже называютъ иногда «кисельниками». Яйца употребляются преимущественно печеные, или калёные; *яичницы:* и глазуньи, и застуженныя, съ прибавкою молока. Кисели и яичницы особенно употребляется на поминкахъ. *Курники* (на свадьбахъ, непремѣнно) и пироги съ разнообразными начинками: съ кашей, даже съ гороховымъ киселемъ; съ мясомъ и рыбой — рѣже. *Вотрушки* («шанешки»), съ крупами, съ творогомъ, картофелемъ. Гдѣ лѣсная сторона — а по Вятской губерніи такой не искать — въ большомъ употребленіи «губы», т. е. разнообразные грибы: масляники, вòлжанки, грузди, рыжики и т. п. Ихъ солятъ въ прокъ или употребляютъ свѣжими; варятъ «губницы», родъ похлебки; также жарятъ и сушатъ. Гдѣ изобиліе рыбы, то употребляютъ ее охотно, какъ свѣжую, такъ и заготовляютъ въ-прокъ, солятъ. Въ послѣднемъ искусны крестьяне Котельническаго и Нолинскаго уѣздовъ. Такъ называемая ими «кадевàя», мелкая рыба, соленая, очень вкусна въ пирогахъ. Кадевàя — отъ кадей, въ

которыхъ ее заготовляютъ. Вятчане вообще охотники до соленаго: множество потребляется ими такъ называемой «сухой судачины»' заготовляемой на-Низу́. По отзывамъ рыбныхъ тортовцевъ, вятчане — главнѣйшіе ея потребители. Закупается судачина на Нижегородской ярмаркѣ и въ Казани. *Масла:* коровье (рѣдко замѣняемое саломъ: до него вообще русакъ неохотникъ), конопляное, ленное. *Молоко* употребляется прѣсное и квашеное («кислое»), варенцы̀. Общее кушанье также составляетъ *толокно* (изъ овса): ѣдятъ его на квасу, иногда прибавляя или ягодъ (брусника— «брусница»), или масло, или меду. *Овощи.* Ими не богатъ вятскій край. Причина: частію суровость климата, а больше недостатокъ ухода. Наиболѣе распространенный овощъ—рѣпа, составляющая немаловажное подспорье въ домашней кухнѣ, потомъ картофель («картошка», карфетъ), морковь, свекла, бобы, горохъ, капуста. Эти овоици, вмѣстѣ съ ягодами: брусникою, малиною, земляникою и черникою, важная статья въ хозяйствѣ крестьянина, осcбенно въ зимнюю «голодную» пору. Огурцы родятся не вездѣ.

V. *Питья.* Самое любимое національное питье русскаго крестьянина—*квасъ*, какой бы ни былъ, хотя бы, по поговоркѣ, «носъ на сторону воротилъ», все же квасъ, а не вода. Нерѣдко въ него, у хорошихъ хозяевъ, для бо̀льшаго смаку, кладутъ малины. Затѣмъ—*пиво*, какъ можно погорчѣе да позабористѣе. Для бабъ варится *брага*, тоже пиво погуще и послаще. Того и другой выпивается на праздникахъ страшное количество. Меды̀ варятъ рѣдко. Зелено-вино также, безъ сомнѣнія, должно отнести къ числу любимыхъ питей русскаго крестьянина, а слѣдовательно и вятчанъ...

VI. *Посуда* употребляется двухъ родовъ: глиняная и деревянная. Къ первой принадлежатъ: горшки, корчаги, плошки; ко второй — чашки, ложки, кадочки, вёдра, лоханки. Еще у многихъ— чугуны, котелки; желѣзное: уполовники, ковши. Изъ бересты: бураки, кузова̀. Ни ножей столовыхъ, ни вилокъ не употребляется: все это, при столѣ, замѣняетъ одинъ ножъ-хлѣбникъ.

VII. *Инструменты*, необходимые въ домашнемъ быту: «струментъ», «снасть». Топоры, тупицы, струги, долота, молотки, свёрла, буравье, клещи и т. п., какъ и всюду; лопаты, заступы. Для полевыхъ работъ: сохи, бороны, серпы, косы—*кривуши*, а не литовки; вилы, грабли, молотила.

VIII. *Экипажи:* лѣтніе и зимніе. Первые: телѣги четырехколесныя, обыкновенныя и двуколесныя: для легкой ѣзды и сѣновозки, съ колесами ближе къ передку, а заднія замѣняютъ шесты, упирающіеся и волочащіеся по землѣ. Для проѣзжающихъ — тарантасы, по мѣстному: «карандасъ», съ кибиткою, или безъ нея. Зимніе: сани—розвальни, безъ подрѣзей, безъ внутренней обивки; пошевни — обитые извнутри лубкомъ или цыновкою; такъ называемыя «городскія сани», поменьше, почище въ отдѣлкѣ и съ подрѣзями. Дровни — съ одними копыльями, безъ балясинъ и уключинъ. *Упряжь* — ременная, веревочная и лычная,—послѣдняя у крайнихъ бѣдняковъ. Дуги бо̀льшею частію самодѣльщина: низкія и неуклюжія; есть, конечно, «для случая» и нарядныя: высокія и узорочно-расписанныя, нерѣдко съ сусальнымъ золотомъ. Колокольчики («колокольцы̀») въ большомъ употребленіи, особенно на свадьбахъ.

IX. *Домашнія животныя и птицы.* Лошади («ко̀ни»), коровы быки, овцы — простой породы — свиньи; козъ почти не держатъ. Лошади вятскія отличаются особенною крѣпостію: онѣ не велики, но крѣпко и статно сложены. Кто не знаетъ *вятокъ?*... Рогатый скотъ не отличается породою, но, сравнительно, хорошъ. Домашняя птица не очень разнообразна: куры, гуси, утки, срѣдка — индѣйки. *Дичью* богатъ вятскій край: рябчиковъ и тетеревовъ очень много по лѣсамъ.

X. *Освѣщеніе.* Преимущественно—*лучина*, и, по изобилію въ лѣсѣ, всего чаще березовая. Какое страшное количество сжигается ея по деревнямъ! Впродолженіе длинныхъ зимнихъ вечеровъ и вставанья спозаранку, цѣлые вороха ея, заранѣе высушенной и насчепанной, сжигаются въ каждой избѣ. Потрудимся высчитать приблизительно: втеченіе 10-часоваго (съ 4 — до 10 и еще часа

четыре утреннихъ) сидѣнья при огнѣ, сгораетъ ежедневно въ каждой семьѣ слѣдующее количество (приблизительно). Полагаемъ *maximum* для каждаго пучка (изъ двухъ-трехъ лучинъ, обыкновенно), воткнутаго въ *свѣтецъ* (родъ палки, съ ножкою, съ укрѣпленнымъ наверху подобіемъ вилки желѣзной)—5 минутъ (обыкновенно, меньше), по двѣ лучины; въ 10 часовъ: для одного часа 24 лучины, для 10-ти 240, навѣрное 3 полѣна березовыхъ въ вечеръ! А весьма часто не довольствуются однимъ свѣтцомъ, если семья велика. Такимъ образомъ, въ самомъ-то дѣлѣ чуть-чуть не топка дровъ употребляется ежедневно каждою семьею на освѣщеніе!... Великое благо сдѣлалъ бы тотъ, не говоря уже объ удобствѣ, кто изобрѣлъ бы какое либо дешевое освѣщеніе для крестьянъ. Сальная свѣчка, особенно по нынѣшнимъ цѣнамъ, недоступна крестьянину, а лучина гибельна для лѣсовъ и не менѣе гибельна на счетъ пожаровъ. Правда, нѣкоторые изъ крестьянъ сами стараются устроить себѣ лучшее освѣщеніе: напримѣръ, по зимамъ они напитываютъ саломъ толстые снуры, сматывая ихъ и замораживая. Конечно, горятъ они получше лучины, но все-таки неудобны и далеки отъ совершенства. Также застуживаютъ въ плошкахъ сало, приноравливая тутъ свѣтильню...

XI. *Домашнія занятія.* Крестьянскія работы, обыкновенно раздѣляются на лѣтнія и зимнія. Къ первымъ принадлежатъ преимущественно полевыя работы, которыя, конечно, всюду однѣ и тѣ же; отличіе заключается въ періодахъ посѣва, уборки хлѣба, также въ способахъ ея и въ качествѣ засѣваемыхъ хлѣбовъ, по условіямъ климатическимъ. Самое главное и важное лѣтнее занятіе—*страда*, кажется, повсюдно такъ называемая. Затѣмъ — сѣнокосъ, молотьба. По Вятской губерніи предпочтительно сѣютъ рожь, и она вообще хорошо родится; также овесъ, ячмень; пшеница—мѣстно, по южнымъ уѣздамъ. Сѣяніе производится весною, по стаяніи снѣговъ, обыкновенно, не раньше второй половины апрѣля. Уборка—около Ильина дня (20 іюля), разумѣется только ржи. Гречи не сѣютъ: не родится. Кормовыхъ травъ не разводятъ, можетъ быть, отчасти и потому, что Вятская губернія

не помѣщичья, а главное — сѣна всюду изобильно. Сѣнокосы начинаются съ Петровокъ. *Огородничествомъ* вятчане занимаются только для домашняго обихода: оно не составляетъ даже въ подгородныхъ селеніяхъ исключительнаго занятія, какъ въ другихъ губерніяхъ (Московской, Ярославской, Нижегородской). Зимнія крестьянскія работы, кромѣ общихъ всѣмъ почти губерніямъ, какъ-то: молотьбы, заготовленія топлива, обуви (лаптей) и т. п., а у женщинъ — пряденья, ткачества и пр., у вятчанъ заключаются еще въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ промыслахъ, если исключимъ отсюда даже *извозничество* и особенно *бурлачество*, по лѣтамъ, также очень развитыя въ Вятской губерніи.

IIX. *Промыслы.* Лѣтніе: заготовленіе въ огромномъ количествѣ лубьевъ и моченіе ихъ для мочала, тамъ, гдѣ много липняка; приготовленіе бересты для посуды и для сидки смолы и дегтя; сплавка дровъ строеваго лѣса, гдѣ удобны водяные пути. У бабъ — собираніе ягодъ и грибовъ. Вятскіе рыжики (набираютъ въ-соль гораздо менѣе серебрянаго пятачка величиною) и грузди въ славѣ. *Зимніе*: охота на звѣрей: медвѣдей, волковъ, зайцевъ, бѣлокъ, лисицъ, куницъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ. Между крестьянами (особанно черемисы и чуваши, а также и русскіе) есть истые охотники: пойти одному на медвѣдя, съ единственнымъ оружіемъ — широкимъ ножомъ — считается многими ни во что. Охота за *дичью:* на рябчиковъ, тетеревей, очень распространена. Нѣкоторые уѣзды отличаются особенною, исключительною промышленностію. Такъ, напримѣръ: въ Яранскомъ, Котельническомъ крестьяне занимаются приготовленіемъ кулей и рогожъ — циновокъ; въ Нолинскомъ — тканьемъ и бѣленьемъ холста и полотна, на продажу; въ Орловскомъ и Слободскомъ — хлѣбною промышленностію. Слобожане еще занимаются отливкою колоколовъ и выдѣлкою мѣховъ. Жители лѣсныхъ уѣздовъ (Глазовскаго, Сарапульскаго, Вятскаго) заняты сплавкою лѣса—бревенъ, брусьевъ и балокъ, по Камѣ, Вяткѣ къ Волгѣ; Малмыжскаго уѣзда — татары—приготовленіемъ мыла. Крестьяне Вятскаго уѣзда, особливо подгородные, очень искусны въ дѣланіи мебели, которая вообще очень дешева. Инородцы Вятской губерніи (черемисы, вотяки и

пр.) много занимаются звѣриною промышленностію. Фабричная промышленность въ Вятской губерніи мало развита: кромѣ оружейнаго, якорныхъ, стеклянныхъ, мыловаренныхъ, солодовенныхъ, и то въ небольшомъ числѣ, почти нѣтъ другихъ заводовъ. Причина, мнѣ кажется, слѣдующая: недостатокъ предпріимчивости и отчасти капиталовъ, хотя мѣстныя условія весьма выгодны для фабричнаго и заводскаго дѣла, именно обиліе горючаго матеріала.

XIII. *Образъ жизни и народное довольство.* Хотя преданіе и приписало вятчанамъ нелестное прозваніе «слѣпородыхъ»; но, должно согласиться, они ничуть не оправдываютъ этого прозвища и вообще гораздо смышленѣе, чѣмъ о нихъ думаютъ. Стòитъ только взглянуть, чтобы убѣдиться, на одну изъ очередныхъ выставокъ сельскихъ произведеній: одинъ крестьянинъ представитъ карманные часы самодѣльщину, гдѣ не употреблено никакого другаго матеріала, кромѣ дерева; другой — комнатную баню, которую можно перевозить куда угодно и съ печкой; третій — какую нибудь диковину изъ бересты, корня, дерева, желѣза (порт-сигаръ, табакерка, самовары, игрушки, трубки, трости, и т. п.). Все это доказываетъ, что умъ вятскаго крестьянина не въ застоѣ, а смыслъ прирожденъ ему. Вятскій крестьянинъ честенъ, набоженъ, неутомимъ въ работѣ. Довольство всюду общее: зажиточныхъ, даже богатыхъ крестьянъ, особенно между «удѣльными» (извѣстно, что въ Вятской губерніи ихъ очень много), тамъ можно встрѣтить сплошь да рядомъ. Чистота нравовъ, семейныя добродѣтели и преданія поддерживаются ненарушимо: отдаленность столицъ, большихъ городовъ, фабрикъ много тому способствуютъ. Недиво, что вятчанинъ, повидимому, грубъ, неуклюжъ, рѣзко отличается своимъ гòворомъ: но вѣдь это еще исправимые недостатки. За то всѣ залоги лучшей будущности положены въ немъ крѣпко.

XIV. *Гòворъ.* Говоромъ вятчанинъ рѣзко отличается отъ своихъ сосѣдей, исключая, можетъ быть, только костромичанъ; есть много словъ, собственно имъ принадлежащихъ. Вятчанинъ, если можно такъ выразиться, *щёкаетъ* и *цокаетъ:* постоянно измѣняетъ,

гдѣ можно, *ш* въ *щ*—напримѣръ што—щё и штё, а *ч* въ *ц*: о чемъ—о цёмъ, чего—це*во; г* въ *в:* кого, того, сего—то*во*, ко*во* и пр.; *н* въ *м*: нанка—*м*анка, налимъ—*м*алимъ; *ы* въ *и:* простыня—прост*и*на, гусыня—гус*и*на, и, стало быть, *я* въ *а*, какъ видно изъ этихъ примѣровъ; также *е* въ *я*: легче—*ля*гче, и, наоборотъ, мягче—мёгче, тяжело—тежело и *че*жело: слѣдовательно, *т* въ ч; *н* въ *к:* видно—вид*к*о, больно—боль*ко*; *г* выговаривается какъ бы *хг* или какъ греческое ʿН: гордъ—хгордъ, горохъ—хгорохъ, и т. п.; *я* нерѣдко переходитъ въ *и:* случил*ся*—случил*си*, измѣнился—*си* и пр.; гласныя *о, е* выговариваются мягко: *ö*, *ё*: што—штё, дупло—дуплё; *у* за *ю:* чулъ (слышалъ)—чюлъ, щунять—щюнять (унимать), чудо—чюдо или *цю*до; *с* въ *у:* чего—*чу*во; *е* въ *и:* ангелъ—анг*иль*; *а* въ *о:* Антонъ—Онтонъ, Ондрей и т. п.; *д* передъ *н* переходитъ нерѣдко въ *н:* ладно—ланно, обѣдня—обѣння; *я* очень часто выговаривается за *е*: яйцо—еичо̀, ямщикъ—емщикъ, яровой—еровой, и пр.; *ц* постоянно идетъ за *ч:* цѣлой—челой, цѣловать—человать, и т. д., и, наоборотъ, человѣкъ—цѣловѣкъ, честной—цестной, чугунъ—цугунъ.

Представляю, въ заключенiе, нѣсколько словъ, принадлежащихъ вятскому го̀вору:

баско — хорошо
барона — барыня.
бахорить — говорить.
ба̀харь — говорунъ.
бачить — говорить
безтолошной — безтолковой.
благо̀й — дурной.
благунъ — дурень.
болько — больно.
бредить — вредить.
бредъ — вредъ.
балда̀ — повѣса.
вонько — воняетъ.
всёгды — всегда
гля — для
гладкой — красивый.
глякось — гляди-ка

еичо̀ — яицо.
еишной — яичный
еретникъ — еретикъ.
ёрга — не посѣда.
жалобиться — жаловаться
жигонуть — надуть.
зыкъ — крикъ
зычать — кричать
залѣзо — желѣзо
злющiй — злой
звонять — звонить
испродаться — распродать.
извести — издержать
колды — когда
кма — тьма, много.
кадця́ — кадка
колокольниця — колокольня

колько — сколько.
ланно — ладно.
лико — гляди-ка
лихота — пустяки
луцце — лучше
лукать — кидать
мерёкъ — (ругательное)
моршенёкъ—головн.женск.уборъ
малимъ — налимъ
манка — нанка
манко — сладко, пріятно.
московка — бумажный змѣй.
молодка — курица
не мудрящій — плохой
надто — надо быть
наружѣ — на улицѣ, на дворѣ.
некошной — чортъ
обѣння — обѣдня
одноля — однажды
обвонъ — амвонъ.
обутки — обувь
прикроптаться — безпокоиться
прядаться — іb
прилика — приличье
пёрстъ—всюду, вмѣсто палецъ
падежной — негодный
разштё — развѣ что.
разшеперить — раздвинуть
раскастить — разругать.
розвальни—сани безъ подрѣзей.
скресенье — воскресенье
спрошать — спрашивать
судацить — ругать
суборъ — соборъ
сталивой — красивый
сумленье — сомнѣніе
соблазъ — соблазнъ
свѣсша — восковая свѣча

слобода — свобода
спомлить — вспомнить
тутотка — тутъ
тамотка, тамой — тамъ
тетерька — ячменный хлѣбъ.
тюлька — толстушка
учать — начать
убіецъ — убійца
утрѣ, утресь, утрось — по утру.
утирка — полотенце.
эта — вонета.
энтотъ — этотъ
хлымостить—подшутить, завладѣть.
хотца — хочется
хлёско — шибко.
хлапъ — валетъ.
хмура — нахмуренный
черква — церковь
чеботной — башмачникъ
чалить — тащить.
чушка — свинка
ширше — шире
шаньга — вотрушка
шелепъ — обломокъ дерева
шамкать — шавкать
шатущій — шатунъ.
шкатунка — шкатулка
шляпотьё — дрянь, дрязгъ.
щаны — штаны.
щунять — унимать
щепетко — осторожно.
що — што.
пощо — зачѣмъ
шипишникъ — шиповникъ
шипица — ягода шиповника.

Восклицаніе:

Дери ихъ лядъ!
Фу, ты, толы!
Эка ворогуша!
Вотъ-те нокоть!
Ой, едрёша рѣпа!
Экой цортъ смяканъ!
Лопни толы!
Экой обломъ!

А. МАРТЫНОВЪ.

Нижній,
1858.

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS
HECKMAN
BINDERY INC.
MAY 91
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962